

Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь

Установа адукацыі “Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна”

Кафедра беларускай філалогіі

НДРС–2017

Зборнік матэрыялаў міжуніверсітэцкай
студэнцкай навукова-практычнай канферэнцыі

Брэст
БрДУ імя А.С. Пушкіна
2017

УДК 81 (082)
ББК 81я43
Н 15

Рэцэнзенты:

Я.Р. Самуйлік,

канд. філал. навук, дацэнт кафедры
беларускай і рускай моў УА “Брэсцкі тэхнічны ўніверсітэт”

Л.В. Леванцэвіч,

канд. філал. навук, дацэнт, загадчык кафедры
беларускай філалогіі УА “Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна”

Рэдакцыйная калегія:

кандыдат філалагічных навук, дацэнт **Т.А. Кісель**

кандыдат філалагічных навук, дацэнт **Н.Р. Якубук**

Н 15 НДРС–2017 : зборнік матэрыялаў міжуніверсітэцкай студэнцкай навукова-практычнай канферэнцыі, Брэст 29 красавіка 2017 г. / Брэсц. дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна ; рэдкал.: Т.А. Кісель, Н.Р. Якубук. – Брэст : БрДУ, 2017. – 332 с.

Зборнік змяшчае навуковыя артыкулы студэнтаў і магістрантаў па праблемах мовазнаўства, літаратуразнаўства, журналістыкі.

Матэрыялы адрасаваны выкладчыкам і студэнтам вышэйшых навучальных устаноў.

Адказнасць за моўнае афармленне і змест артыкулаў нясуць аўтары.

УДК 81 (082)
ББК 81я43

© УА «Брэсцкі дзяржаўны
ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна», 2017

БЕЛАРУСКАЕ МОВАЗНАЎСТВА І ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

БАЛІЕВІЧ Г.

МЯНУШКІ Ў ТВОРАХ ЗІНАІДЫ ДУДЗЮК

Зінаіду Дудзюк па праву можна лічыць знаўцай чалавечай псіхалогіі. Стварыць шматгранныя чалавечыя характары, абзначыць статус персанажа на сацыяльнай лесвіцы, абмаляваць знешнасць героя, ахарактарызаваць яго маральнае аблічча, акрэсліць соцыум, да якога належыць персанаж, дапамагаюць **мянушкі-паэтонімы**. Прадметам аналізу ў нашым даследаванні сталі ацэнчна-характарыстычныя найменні герояў рамана З. Дудзюк “Год 1812”, аповесці “Аднарог” і апавяданняў з аднайменнага зборніка аўтаркі, а таксама антрапанімічны матэрыял зборніка эсэ “Шляхамі адвечнага слова”. З глыбокай старажытнасці да нашага часу ў асяроддзі вяскоўцаў шырока ўжываюцца так званыя **сямейна-родавыя мянушкі**. Такія празванні як адзін са сродкаў перадачы вясковага каларыту выкарыстоўваюцца З. Дудзюк, напр.: “У вёсцы Чаплін, дзе жыў мой дзед, кажуць не гэта, а цета. Чалавек з іншае мясціны прыстаў у прымы да чаплінскай маладзіцы. З-за таго, што ён ужываў слова **гэты**, нязвыклае для чаплінцаў, яму далі адпаведную мянушку. Ягоных дзяцей і ўнукаў і сёння завуць **Гэтавымі**” [3, с. 33–34].

Індывідуальныя мянушкі могуць перадаваць унутраную сутнасць, маральныя якасці персанажаў. Гарачы нораў гераіні аповесці З. Дудзюк “Аднарог” перадае мянушка **Гарыныч**, утвораная ад імені **Гарыслава**. Характарыстычнае празванне набывае іранічнае адценне. У асяроддзі адукаванай моладзі, семінарыстаў, герояў рамана З. Дудзюк “Год 1812”, бытуюць празванні, утвораныя шляхам метафарычнага ўжывання найменняў персанажаў біблейскай і антычнай гісторыі і культуры. Празванне **Цыцэрон** адносіцца да **паэтонімаў-рэмінісцэнцый**. У аснове мянушкі – метафарычнае выкарыстанне імені рымскага аратара і пісьменніка. Характарыстычнае празванне акрэслівае і ацэньвае таленавітага семінарыста, кніжніка Івана Рыгаровіча, будучага збіральніка старадаўніх беларускіх актаў. Мянушка **Фарысей** утворана шляхам метафарызацыі наймення аднаго з прадстаўнікоў грамадска-рэлігійнай плыні, што ў Евангеллі ахарактарызаваны як крывадушнікі. У пераносным значэнні слова **фарысей** азначае крывадушніка, ханжу. Празваннем **Фарысей** семінарысты “ўзнагародзілі” святара Спратаноўскага, які хітрасцю і пранырлівасцю дабіўся даверу ў архірэя Варлаама, атрымаў высокую пасаду, а пасля адрокся ад свайго настаўніка, ілжэсведчыў супраць яго.

Наступную тэматычную групу складаюць мянушкі, утвораныя як вынік імітацыі чужога маўлення, яго манеры, асаблівасцяў, найбольш паўтаральных

слоў і фраз. Гэта своеасаблівыя дэлакутывы – адфразавыя ўтварэнні. Так, селянін Мацей, герой рамана “Год 1812”, атрымаў празванне *Дзебіш* за найбольш паўтаральнае слова, перанятае ў сябра-расейца падчас вайсковай службы: “*Ладымір любіў пры нагодзе і без яе прыгадваць словы “дзе біш”*. *Мацею Буйнічу гэтае расійскае спалучэнне слоў вельмі спадабалася, адразу пачынала здавацца, што пазбаўляешся свайго дыялекту, гаворыш па-расійску, бы пан афіцэр. Ён пачаў, як Ладымір, часта ўжываць яго*” [2, с. 190–191].

Акалічнасці з’яўлення чалавека ў вёсцы перадае празванне *Прыблудны*: “*Год таму з’явіўся ў вёсцы Іван, мужчына няпэўнага ўзросту, якога тутэйшы люд называў Прыблудным. Прышоў ён невядома адкуль, заняў адну пустую хату і пераконваў усіх, што яму гаспадар дазволіў тут жыць. Іван нідзе не працаваў, шныраў па ваколіцах, падбіраў усё, што дрэнна ляжала, тым і жыў. Часта яго бачылі моцна п’яным*” [1, с. 220]. Як бачым, з цягам часу мянушка набыла новую матывацыю, стаўшы характарыстыкай чалавека, які так і не здолеў ператварыцца ў руплівага гаспадара, працаўніка. Празванне *Прыблудны* мае адценне асуджэння, знявагі.

Абставіны нараджэння дзяцей акрэслівае найменне *Васюкоў*. Так, прозвішча выпадковага бацькі стала асновай мянушкі *Васюкоў*, якая належыць герою апавядання З. Дудзюк “Рэінкарнацыя”: “*Звалі яго Юзікам Селічам, а Васюкоў была толькі мянушка. Казалі, што Юзікава маці прыгуляла малодшага сына з раённым упаўнаважаным Васюковым, які прыезджаў кантраляваць працу калгаса*” [1, с. 261].

Заўважым, што выкарыстанне мянушак з’яўляецца сродкам характарыстыкі людскіх адносінаў. Так, называючы каго-небудзь па імені, моўца прызнае грамадскую і асобасную каштоўнасць асобы, суб’екта. Ужыўшы мянушку, чалавек становіцца ў пазіцыю старонняга аб’якавага назіральніка, які не выяўляе ў адносінах да аб’екта характарыстыкі шчырых пачуццяў, не суперажывае, не спачувае яму. Працэс узнікнення абразлівых характарыстычных назваў адлюстроўваецца ў семантыцы дзеясловаў, якія абазначаюць зняважлівы для чалавека акт намінацыі пры дапамозе мянушкі. У адрозненне ад асабовага імя мянушка не даецца (прэзентуецца), а выпадкова прыстае, прыліпае, прыклеіваецца, напр.: “*От ужсо людзі – як прылепяць чалавеку мянушку, дык кіпцямі не адарвеш*” [1, с. 121]. Цікавымі ў гэтым сэнсе з’яўляюцца назіранні за ўжываннем антрапонімаў у творах З. Дудзюк. Так, бацьку галоўнага героя апавядання “Рэінкарнацыя” аднавяскоўцы з павагаю называлі толькі па імені Сымон: “*Хоць чалавека даўно не было на свеце, яго ўдаву па-ранейшаму называлі Галенай Сымонкавай, мусіць, добры быў чалавек, што і мянушку яму не прыдумалі*” [1, с. 263].

Эмацыйна-ацэначная вобразнасць мянушак літаратурных герояў абумоўлена нацыянальнай культурай, наяўнасцю прынятых у грамадстве этычных і эстэтычных нормаў.

Літаратура:

1. Дудзюк, З. І. Аднарог : раман, аповесць, аповяданні / З. І. Дудзюк. – Мінск : Беларуская сучасная фантастыка, 2010. – 287с.
2. Дудзюк, З. І. Год 1812 / З. І. Дудзюк. – Брэст : Акадэмія, 2004. – 312 с.
3. Дудзюк, З. І. Шляхамі адвечнага слова / З. І. Дудзюк. – Брэст : Грамадская арганізацыя “Брэсцкі абласны цэнтр падтрымкі грамадзянскіх ініцыятыў “Вежа”, 2001. – 61 с.

БАЛІЦЭВІЧ А.**ЛЕКСЕМА “СМЕХ” У МОЎНЫМ КАНТЭКСТЕ: СЭНСАВА-СПАЛУЧАЛЬНЫЯ СУВЯЗІ**

Смех – парадаксальная з’ява, што сканцэнтравала ў сабе ўсю разнастайнасць і супярэчлівасць чалавечай прыроды. Вучоныя лічаць, што вытокі смеху трэба шукаць у біялагічным мінулым чалавека. Тым больш, што “смех на нейкі час заглушае ў нас голас культуры, перапыняе маўленне і думкі, знясільвае нас і паварочвае тварам назад, да дачалавечага і дакультурнага мінулага”.

Смех – дваісты знак, які здолеў аб’яднаць у сабе і дабро, і ліха. З аднаго боку, смех прадугледжвае саўдзел у радасці, з іншага – накіроўвае агрэсіўнасць гэтых саўдзельнікаў супраць “чужых”: тых, хто не можа смяцца разам з усімі, калі смех не накіраваны супраць іх. Звязаны ў сваіх каранях з агрэсіяй, смех сам нараджае агрэсію.

Паняцце пра смех як мімічны жэст прадстаўлена ў наступным кантэксце: *Міканор, што быў пасярод іх, не сеў, стоячы, дакранаючыся пальцамі да стала, акінуў хату, і губы разышліся ад усмешкі: – Народу сабралася!..* (І. Мележ).

Звычайна смех выражае стан суб’екта: яму весела, смешна, радасна: *Ганну раптам узяў дураслівы смех* (І. Мележ); *Алімпіяда, забыўшыся на ўсё, пачала смяцца – узяў дурны смех* (І. Пташнікаў).

Вясёлы смех, які звычайна ўзнікае ў якой-небудзь несур’ёзнай сітуацыі, знайшоў замацаванне ў выразе на смех. Выраз ужываецца, звычайна, калі размова ідзе пра што-небудзь неабдуманнае, несур’ёзнае: *І вось за дурасць гэту // Яго вучоным раз празвалі неяк на смех, // А каб двара не перабег, // На шыю прывязалі мету* (К. Крапіва); *– Хе-хе, ці чэрці, суседка... Ты і да вайны ўсё на смех зводзіла...* (І. Пташнікаў).

Сітуацыя, пры якой не можа быць смешна і весела, знаходзіць у мове абазначэнне не да смеху: *Стала ўсім тут не да смеху – // У бойку лезе паўсяла, // Ясь вось Марку як заехаў, // Аж «смятана» пацякла* (К. Крапіва).

Прычына смеху можа быць рознай, таму: *А свет – ранейшы? // І не той, і той: // У кожнага свой смех і свае слёзы* (К. Крапіва).

Семантычнае апісанне слова *смех* вызначаецца двума тыпамі ўжывання слова, і таму можна вызначыць камунікатыўны і фізіялагічны разрады словазлучэнняў.

Да фізіялагічных словазлучэнняў адносяцца тыя, якія характарызуюць смех з пункту гледжання гучання: смех ужываецца побач з іншымі словамі, якія абазначаюць гукі: *Раптам мае вушы схапілі стрыманы дзясочы смех і нізкі гудлівы голас* (А. Мрый); *Гоман, крык стаіць вялікі, // смех дзясучат і дзясучоў, // Часам лаянка і дзікі // Град адборных мацюкоў* (К. Крапіва).

Па ступені гучнасці вылучаецца бязгучны, зычны, ціхі-ціхі, залівісты, ціхі смех: *У Сымонкі ў вочках, твару Бегаў ціхі-ціхі смех* (Я. Купала); *І раз-пораз выбухала [Наташа] такім залівістым смехам, што і ўсе дарослыя смяліся, хоць і не ведалі, што там у кнізе* (І. Шамякін).

Па працягласці гучання смех можа быць мімавольны, дробны, перарывісты, невычэрпны, нястомны, доўгі-доўгі, доўгі: *Старая колькі хвілін пазірала на настаўніка, а потым засмяялася доўгім-доўгім смехам* (Я. Колас); *Жорсткасць нашу пакрываў, вязаў у адно наш невычэрпны, нястомны смех* (Я. Брыль).

Па характары гучання, які выражае пачуццё, смех вылучаецца чароўны, мілы, вінаваты, раз'юшаны, адказны, шчаслівы, жарабячы, горкі, загадкава-салодзенькі, салодзенькі, дзіўны, гучны, сцішаны, звонкі, чужы смех: *Гледзячы на Крэйн, я смяяўся шчаслівым жарабячым смехам* (А. Мрый); *Ды смеху было няшмат, і смех гэты быў гаркаваты, а часам зусім горкі* (Я. Брыль); – *Добры дзень, пані Багацька, – з дзіўнаватай нязвыкласцю навітаўся настаўнік, тоячы загадкава-салодзенькую ўсмешачку на востранькім твары* (В. Быкаў).

Ацэнка гучання можа быць:

па-першае, станоўчая – разухабісты, лёгкі, пераможны, добры, светлы, прыветлівы, даверлівы, бадзёры, мудры, паблажлівы: – *Не трэба падаць духам! – Зубрыч пакруціў галавою: трэба ж – такое малаверства! З бадзёрай, мудрай усмешкай павялеў: – Вытрымка і вера!* (І. Мележ); *Ды раптам з'явіўся Грак. Без сумкі. З прыветлівай усмешкай на ўвесь загарэлы твар* (І. Мележ);

па-другое, адмоўная – зларадны, з'едлівы, дурнаваты, нахабны, ашалелы, нядобры, агідны, бязлітасны, звярыны, дзікі: *Нядобрая ўсмешка ўсё не сыходзіла з плоскага пакляванага Міканоравага твару* (І. Мележ); *Адзінока. Гукнуць спробуй – не пачуе рэха, толькі звер падчас завые ашалелым смехам* (Я. Купала); *Ларывон знарок пачухаў патыліцу. Ашчэрыўся нахабнаю ўсмешкаю* (І. Мележ).

Характар гучання смеху можа характарызавацца пры дапамозе метафары вадкасці: смех льецца, ім можна залівацца, ён можа застыць: *[Марыся] заліваецца вясёлым высокім смехам* (Я. Колас); *Я бачыў усё гэта і душою*

цярпеў, // Застыў смех на губах і песні неў, // Заплакаў заліўся маркотнай слязінкай // Адзін над бярозкай, галубкай, дзяўчынкай (Я. Купала), а таксама пры дапамозе параўнанняў: Лін радасна і ціха засмяяўся, і смех яго быў, як у акулы імперыялізму (А. Мрый); – Правільна! Правільна! – засмяяўся Торба, і смех яго быў як выбухі перуна (А. Мрый).

Да камунікатыўных словазлучэнняў адносяцца тыя, якія характарызуюць смех па сацыяльнай прыкмеце: Яшчэ там сыты гонар ласуе // Дзявочу ўсмешку беларускі, // Далары лічачы за касаю, // Што з нашых здэр палосак вузкіх (Я. Купала); Гэты яе зусім дзіцячы смех, уяўленні і радасць, відаць, і сталі прычынай таго нечаканага ўчынка, які зрабіў Яраш (І. Мележ).

Смех можа служыць і сродкам выражэння непрыязнасці (насмешкай). Тут трэба звяртаць увагу на ўвесь кантэкст ці вербальны комплекс: Вось толькі не было жыльцоў: // Хоць дом для іх і будаваўся, // Без іх, на шчасце, ён здаваўся, // Бо хоць з бяды смяяцца – грэх, // Той домік быў - курам на смех (К. Крапіва); Дваранін з залінейных гомельскіх баракаў. Падумаў са з'едлівай насмешкай з сябе: адкуль гэта ў яго з'явілася такая вышэйшасць! (І. Мележ).

Словазлучэнні, якія характарызуюць псіхалагічны стан, эмоцыі:

па-першае, нейтральны з пункту погляду станоўчай або адмоўнай ацэнкі – бянтэжлівы, млявы, іранічны, хітры, скептычны, сціплы, наіўны, лагодны: Апейка спакойна, зморана, з нейкай млявай усмешкай, сказаў: – Не скоро!!! (І. Мележ); Ён глядзеў на Грыбка, і ў светлых вачах яго скакалі іскаркі хітрага смеху (І. Мележ);

па-другое, словы, якія выражаюць станоўчую ацэнку – добры, пяшчотны, сардэчны, ласкавы, гасцінны, абваражальны, ветлівы, шчыры, прыхільны, прыемны: Дужаючыся з ёю, з добраю насмешкай пацікавіўся: – Лепшага хочаш даждацца? (І. Мележ); Прыемны, шчыры смех наўкол, // Застолля шум, жаданы госць... (П. Броўка).

па-трэцяе, словы, якія выражаюць адмоўную ацэнку – брыдкі, кплівы, крывы, гаркаваты: Ён з вінаватай, кплівай усмешкай пакруціў галавою, перад усімі прызнаў кволасць сваю: – Запарыўся!.. (І. Мележ); Спачатку хацеў ён падысці і да Хадоські, але Хадоська ледзь убачыла гэта, яго – здалося – брыдкую ўсмешачку (І. Мележ); Яна стаяла каля дзвярэй на кухню, зацятая, з ледзь прытоенай гаркаватай усмешкай (І. Мележ).

Часта ў мастацкіх кантэкстах названыя прыкметы ўзаемадзейнічаюць паміж сабой і характарызуюць лексему “смех” з розных пазіцый, напрыклад, па працягласці і характары гучання: Такога іменна, якім я жыў у тыя дні: з бясконцым, невычэрпным і, як спелыя яблыкі, сакавіта-смачным смехам (Я. Брыль).

БАРЫСЕВІЧ М.

**СТЫЛІСТЫЧНАЕ ВЫКАРЫСТАННЕ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ
У РАМАНЕ Б. САЧАНКІ “ВЯЛІКІ ЛЕС”**

Раман Б. Сачанкі “Вялікі Лес” – гэта арыгінальнае мастацтва слова з пэўнымі адметнасцямі арганізацыі моўнага матэрыялу, сярод якіх асаблівасці фразеаўжывання з’яўляюцца прыкметным складнікам ідыястылю. Найбольш часта ў творы празаіка выкарыстоўваюцца размоўныя і прастамоўныя, а таксама функцыянальна не замацаваныя за пэўным стылем фразеалагізмы, што абумоўлена, найперш, тэмамі, якія акрэсліваюцца ў рамане: жыццё сялян Беларусі, барацьба супраць нямецка-фашысцкіх захопнікаў, маральныя праблемы вясковага і гарадскога жыцця, адносіны паміж бацькамі і дзецьмі, каханне. Няцяжка заўважыць, што ў творы праяўляецца стылёвы почырк пісьменніка, які надае свайму мастацкаму аповеду даверлівую інтанацыю, праўдзівасць, доказнасць, падкрэслівае рэалістычнасць і глыбіню зместу. Героі рамана – людзі мужныя, сумленныя, якія імкнуцца да праўды і справядлівасці, высокага маральнага ідэалу. І шматлікія моўныя сродкі, у тым ліку фразеалагізмы, дапамагаюць перадаць адпаведную характарыстыку персанажаў, а таксама тых падзей і жыццёвых сітуацый, якія апісваюцца ў рамане.

Самай частотнай групай выступаюць размоўныя фразеалагізмы. Толькі ў першай частцы іх налічваецца больш як 130. Ужыванне такіх адзінак у рамане надае мастацкаму маўленню натуральнасць, прастату і непасрэднасць, паказвае на неафіцыйнасць адносін паміж суразмоўнікамі. Размоўныя фразеалагізмы найчасцей называюць і характарызуюць дзеянні персанажаў, але могуць перадаваць і ўнутраны стан чалавека. У тэксце рамана сустракаецца значна больш фразеалагізмаў з адценнем неадабрэння, чым выразаў са станоўчай мадальнай характарыстыкай. Гэта звязана з негатыўным стаўленнем таго ці іншага персанажа да пэўных з’яў, падзей. Да ліку размоўных фразеалагізмаў з адценнем неадабрэння адносяцца, напрыклад, такія выяўленія ў рамане фразеалагізмы, як *макам рассыпацца, пароць гарачку, падкладваць свінню, язык без касці* і інш.

У рамане Б. Сачанкі “Вялікі Лес” сустракаецца шмат размоўных фразеалагізмаў, у склад якіх уваходзяць кампаненты-саматызмы – словы, што называюць часткі і органы цела чалавека. Яны выкарыстаны для характарыстыкі паводзін чалавека, яго душэўнага стану, а таксама настрою. Напрыклад: *Надышлі часы, калі Івану Дарошку давалося ўзваліць на плечы дваіную ношу* [1, с. 196]; *І Косцік такі шалапутлівы, каб не скруціў галавы сабе* [1, с. 47]. Найбольш часта выкарыстоўваюцца фраземы з кампанентам-саматызмам *вока* ці *вочы*: *куды вочы глядзяць, адводзіць вочы, падымаць вочы, не спускаць вачэй, хаваць вочы, паказвацца на вочы* і інш. Да частотных

яшчэ можна аднесці фразеалагізм **сэрца сціскаецца** ‘каму-небудзь нязносна цяжка ад душэўнага болю за каго-, што-н.; хто-н. моцна перажывае за што-н.’ [2, с. 489]. Ён выкарыстаны аўтарам 17 разоў, часцей за ўсё – у словах аўтара для характарыстыкі герояў, іх перажыванняў: – *Ну што ж, будзем хіба развітвацца, – сказаў Іван, і, адчуваючы, як набрынялі слязьмі вочы, сціснулася сэрца, пайшоў* [1, с. 258]; *І сёння ў Мікалая сціснулася сэрца: як учнецца вайна пра якую гаварыў учора Пецка на лузе, што Хоры, беднай, рабіць?* [1, с. 14]; *Здаецца ж, і быў Іван Дарошка падрыхтаваны да гэтага расстання, даўно, даўно падрыхтаваны, а ўсё адно млела, сціскалася сэрца* [1, с. 257].

Прастамоўныя фразеалагізмы ў рамане “Вялікі Лес” складаюць прыкладна 6 %. Такія адзінкі рэалізуюцца звычайна ў мове персанажаў, перадаючы найперш суб’ектыўную мадальнасць кантэксту: – *Упэўнены я, уцяру багата каму нос сваёю прозаю ‘паказаць сваю непавагу каму-небудзь у чым-небудзь’* [1, с. 287]; – *Ліха з ім, з усім ‘няхай будзе так, можна пакінуць без увагі’* [1, с. 288]; – *Нібы чорт які ў гэтага ўсяліўся ‘хто-небудзь рэзка змяніў свае паводзіны ў горшы бок’* [1, с. 37]. Трэба заўважыць, аднак, што некаторыя з такіх фразем, нягледзячы на грубаватасць формы, станюцца, з адабрэннем характарызуюць кемлівага, разумнага, знаходлівага чалавека: – *Што не кажы, а кацялок у гэтага Дарошкі варыць* [3, с. 167].

У рамане “Вялікі Лес” зафіксавана 46 функцыянальна не замацаваных за пэўным стылем фразеалагізмаў, якія выкарыстаны як у мове аўтара, так і ў гаворцы персанажаў. Значную колькасць такіх фразеалагізмаў складаюць устойлівыя выразы з кампанентамі-саматызмамі, якія, як і размоўныя фраземы з такімі ж кампанентамі, найперш характарызуюць стан персанажаў. Напрыклад: *Пастаяў, уздыхнуў на поўныя грудзі пах свежай смалы-жывіцы ‘адчуць палёгку, вызваліўшыся ад клопатаў, абавязкаў і пад.’* [1, с. 50]; – *Але ж... Каб сваімі рукамі... ‘непасрэдна сам, без пасрэднікаў’* [1, с. 184]; *Усё-ўсё перабіраў у галаве Мікалай ‘успамінаючы, абдумваць, уяўляць паслядоўна адно за адным’* [1, с. 260]; *Мы, камуністы, прывыклі гаварыць праўду, глядзець праўдзе ў вочы ‘цвяроза ацэньваць сапраўднае становішча’* [1, с. 132]. Асабліва часта аўтар выкарыстоўвае фразеалагізм **з вока на вока** са значэннем ‘без сведак, без пабочных асоб’ [4, с. 203]: *Тады і пагаворым... з вока на вока* [1, с. 95]; *Дамовіліся, узяўшы з сабой спісы, прайсціся ўсім праўленнем па хатах, пагаварыць з вока на вока з кожным* [1, с. 294]; *Думала не пісаць больш табе, з вока на вока пагаворым* [1, с. 268].

Трэба адзначыць і такую адметнасць стылю Барыса Сачанкі, як ужыванне ў адным кантэксце размоўнай і функцыянальна не замацаванай за пэўным стылем фраземы: *Іван Дарошка меў на ўвазе і яшчэ адно, пра што ўголас нікому не гаварыў, але пра што ні на хвіліну не забываў, не выпускаў з галавы* [1, с. 213].

Фразеалагізмы займаюць значнае месца сярод моўных сродкаў рамана Б. Сачанкі “Вялікі Лес”. Яны выступаюць адметнымі элементамі

экспрэсівізацыі тэксту, перадачы эмацыянальна-ацэначнай – іранічнай, адабральнай, жартаўлівай, асуджальнай – афарбоўкі маўлення. Самымі ўжывальнымі з’яўляюцца размоўныя фразеалагізмы, якія актыўна выкарыстоўваюцца ў мове персанажаў, часта выступаючы сродкам як моўнай, так і псіхалагічнай характарыстыкі.

Літаратура:

1. Сачанка, Б. Вялікі Лес : Раман. Кніга першая / Б. Сачанка. – Мінск : Маст. літ., 1980. – 276 с.
2. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. Т. 2. М–Я / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2008. – 704 с.
3. Сачанка, Б. Вялікі Лес : Раман. Кніга другая / Б. Сачанка. – Мінск : Маст. літ., 1982. – 336 с.
4. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. Т. 1. А–Л / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2008. – 672 с.

БЯСПАЛЬКА В.

ФАРМІРАВАННЕ ВЫРАЗНАСЦІ МАЎЛЕННЯ СТАРЭЙШЫХ ДАШКОЛЬНІКАЎ СРОДКАМІ ВУСНАЙ НАРОДНАЙ ТВОРЧАСЦІ

Фарміраванне выразнасці беларускага маўлення у дзяцей старэйшага дашкольнага ўзросту сродкамі вуснай народнай творчасці – актуальная, важная, надзённая праблема, бо праца над выразнасцю маўлення садзейнічае дакладнасці, вобразнасці і эмацыянальнасці выражэння думак дзецьмі, удасканаленню культуры зносін, стымулюе развіццё звязнага маўлення, дазваляе пазбегнуць манатоннасці і невыразнасці дыкцыі, празмернага запаволення ці паскарэння тэмпу маўлення, незавершанасці гучання, якія ўплываюць на успрыманне зместу, эмацыянальнасці выказвання. Праблема фарміравання выразнасці (у першую чаргу лексічнай і інтанацыйнай) з’яўляецца элементам паўнавартаснага маўленчага развіцця дзіцяці, падрыхтоўкі яго да навучання ў школе. Практыка паказвае наяўнасць у многіх дзяцей несфарміраванасці выразнасці маўлення, няўменне інтанацыйна афармляць выказванне, няўменне пазбегнуць аднастайнасці, паўтораў, тыпічных маўленчых канструкцый.

Пры гэтым праблема фарміравання выразнасці беларускага маўлення ў дзяцей старэйшага дашкольнага ўзросту сродкамі беларускай вуснай народнай творчасці не з’яўлялася прадметам спецыяльнага навуковага даследавання. Асобныя праблемы фарміравання выразнасці маўлення даследавалі такія навукоўцы, як Ф.А. Сахін, А.М. Шахнаровіч,

Ю.Р. Іларыёнава, Л.І. Ціхеева, А.М. Бародзіч, С.С. Бухвостава, А.С. Ушакова, А.П. Усава, А.Я. Мацкевіч, Н.С. Старжынская, Д.М. Дубініна. Праблему фарміравання выразнасці маўлення сродкамі вуснай народнай творчасці ўскосна закраналі ў сваіх працах Н.А. Апалонава, В.П. Адрыянава-Ператц, Н.М. Гаўрыш, Р.Н. Кліменка, Э.А. Федэравічэне. Шэраг даследчыкаў (Б.В. Асафьеў, А.А. Мядзведзева, Н.А. Рычкова і інш.) для вырашэння гэтай праблемы прапаноўвала музычныя сродкі.

Варта адзначыць, што фальклорныя творы ствараліся спецыяльна для вуснага ўспрымання, яны добра запамінаюцца, іх эфектыўна выкарыстоўваць у комплексным плане развіцця ўсіх бакоў маўлення дзяцей, аднак існуе неадпаведнасць патэнцыйных магчымасцяў малых форм фальклору ў развіцці выразнасці маўлення старэйшых дашкольнікаў і рэальнага педагагічнага працэсу. Таму існуе патрэба, па-першае, папулярызацыі фальклору ў працэсе маўленчай дзейнасці дашкольнікаў, а па-другое – распрацоўкі зразумелай, паслядоўнай, эфектыўнай праграмы па развіцці маўлення дашкольнікаў. Рэалізацыя дадзенай праграмы павінна ажыццяўляцца як на спецыяльна арганізаваных занятках, так і ў паўсядзённай дзейнасці дашкольнікаў, прычым неабходным кампанентам павінна стаць персанальная зацікаўленасць выхавацеля.

Практыка паказвае, што ў дзяцей недастаткова сфарміраваны камунікатыўныя якасці маўленчай дзейнасці, яны слаба ведаюць творы беларускага фальклору, гульні і святы; асобныя педагогі дрэнна валодаюць роднай мовай, у сваёй працы мала выкарыстоўваюць сродкі вуснай народнай творчасці, малыя формы беларускага фальклору; большая колькасць бацькоў, дзеці якіх наведваюць дашкольную ўстанову, увогуле не звяртаюцца да беларускай народнай культуры, не размаўляюць на роднай мове, не чытаюць сваім дзецям твораў беларускай дзіцячай літаратуры.

Выкарыстанне вуснай народнай творчасці пры навучанні маўленню ў дашкольным узросце з'яўляецца актуальным у сувязі з тым, што фальклор выступае простым і зразумелым для дзіцяці сродкам спасціжэння рэчаіснасці, натуральным і даступным шляхам авалодвання тымі ці іншымі ведамі, уменнямі, навыкамі. Праблема заключаецца ў тым, што ўзровень развіцця маўлення старэйшых дашкольнікаў не заўсёды адпавядае норме маўленчага развіцця. Не ў поўным аб'ёме выкарыстоўваюцца эфектыўныя сродкі развіцця маўлення ва ўмовах дашкольнай адукацыйнай установы, у прыватнасці, дыдактычныя гульні і творы вуснай народнай творчасці.

Такім чынам, мэтанакіраваная, загадзя спланаваная праца, якая ўключае ў сабе этапы падрыхтоўкі (адбор твораў, распрацоўка метадаў і прыёмаў, стварэнне неабходнага развіццёвага асяроддзя) і рэалізацыі (паэтапнае ўдасканаленне мастацкага ўспрыняцця, вобразнасці і эмацыйнасці, наапаўненне вопыту маўленчай выразнасці) садзейнічае абуджэнню цікавасці старэйшых дашкольнікаў да выразнасці маўлення сродкамі вуснай народнай творчасці,

якім уласціва сюжэтная займальнасць, маўленчая вобразнасць і эмацыйнасць, лексіка-інтанацыйная выразнасць, імправізацыйны характар выканання, што ў цэлым спрыяе практыкаванню дзяцей у маўленчай выразнасці.

БЯСПАЛЬКА В.

СПЕЦЫФІКА РАЗВІЦЦА ВЫРАЗНАСЦІ МАЎЛЕННЯ ДЗЯЦЕЙ

Даследчыкі праблем дзіцячага маўлення (Н.Д. Аруцёнава, С.Л. Рубінштэйн, Г.А. Уфімцава, В.К. Харчанка) слухна адзначалі імкненне дзіцяці ўжо ў раннім узросце да ўзмацнення выказвання выразнымі сродкамі, а ў асобных выпадках і здольнасць дыферэнцыраваць выразнае і невыразнае выказванне. Пры гэтым практыка паказвае наяўнасць у многіх дзяцей несфарміраванасці выразнасці маўлення, несфарміраванасць умення перадаваць уласныя эмацыйныя адносіны да з’яў і прадметаў. У дашкольнікаў пашыраны праблемы з маўленчымі паўзамі, дзецям цяжка вызначыць патрэбны тэмп маўлення, радзей – падабраць адпаведную гучнасць. З лексічных сродкаў выразнасці дзеці звяртаюцца найчасцей да параўнанняў і простых азначэнняў, якія не маюць пераноснага значэння. Вельмі рэдка яны ўжываюць метафары, прымаўкі, фразеалагізмы, крылатыя выразы. Эмацыйныя адносіны да аб’екта выказвання найчасцей выяўляюцца праз ужыванне слоў з памяншальна-ласкавымі суфіксамі (“траўка”, “лісцік”, “пясочак”, “жоўценькі”), азначэнні (“прыгожы”, “вялікі”, “маленькі”).

Педагогі апошнім часам адзначаюць рост у дзяцей маўленчых хібаў і парушэнняў, як вынік з’яўлення да мінімуму непасрэдных маўленчых зносін у сем’ях і стыхійнасці працэсу развіцця маўлення, калі на яго ўплывае тэлебачанне, камп’ютар, а не лінгва-камунікатыўнае асяроддзе. Усё гэта абумоўлівае неабходнасць пошуку аптымальных метадаў і сродкаў развіцця звязнага маўлення ў цэлым і ўдасканалення выразнасці маўлення дзяцей у прыватнасці. Даследчыкі прапаноўвалі фарміраваць выразнасць маўлення ў працэсе музычнай дзейнасці (Б.У. Асаф’еў, А.А. Мядзведзева, Н.А. Рычкова і інш.), у працэсе азнаямлення дзяцей з творамі выяўленчага мастацтва (Н.П. Сакуліна, Т.С. Камарова, Н.М. Зубарава), з прыродай (Л.І. Ціхеева, Л.М. Вадавозава, Н.Ф. Вінаградава), з творамі мастацкай літаратуры (Н.С. Карпінская, А.Я. Шыбіцкая, Л.А. Пеньеўская, Р.І. Жукоўская, Л.М. Гуровіч, Л.Я. Панкратава).

Унікальным, каштоўным сродкам развіцця маўлення дзіцяці з’яўляюцца фальклорныя творы (вершы, загадкі, калыханкі, забаўлянкі, прымаўкі, песні і інш.). З іх дапамогай дарослы лёгка наладжвае кантакт, пабуджае дзяцей да пазнавальнай актыўнасці. Гучнасць, рытмічнасць, напеўнасць, займальнасць

вуснай народнай творчасці цікавяць дзяцей, выклікаюць у іх жаданне паўтарыць. Выкананне многіх фальклорных твораў прадугледжвае прытрымлівацца спецыфічнай інтанацыі. Лаканізм фальклорных твораў вучыць карыстацца толькі самымі неабходнымі словамі, адлюстроўваць зразумелыя слухачам падзеі, эмоцыі, настрой, перажыванні. Фальклор развівае мастацкі густ дзіцяці, садзейнічае ўзнікненню эмпатыі ў адносінах да герояў твора, пашырае літаратурны вопыт дашкольнікаў, якія даведваюцца пра новыя жанры, спрыяе развіццю чуцця мовы, фарміруе ўменне пераносіць вобразна-выяўленчыя сродкі фальклору ў паўсядзённае гутарковае маўленне, стымулюе самастойны пошук выразных сродкаў для стварэння вобраза, заахвочвае да імпрывізацыі маналогаў, дыялогаў у гульні-драматызацыі.

Развіццё выразнасці маўлення прадугледжвае працу на розных уроўнях мовы. У дашкольнікаў фарміруюцца толькі асновы выразнасці маўлення, праводзіцца праца па ўдасканаленню інтанацыйнай і лексічнай выразнасці. Развіццё гэтых бакоў выразнасці маўлення не магчыма без сфарміраваных уменняў артыкуляваць гукі, умення слухаць і ацэньваць чужое маўленне, умення эмацыйна пераказваць тэксты, без навыкаў самастойнага мыслення. Валоданне выразнасцю маўлення прадугледжвае правільнае выкарыстанне дашкольнікамі ў паўсядзённых зносінах інтанацыйнымі сродкамі выразнасці: гучнасцю, тэмбрам, тэмпам, мелодыкай, паўзамі, націскам. Традыцыйна выразнасць маўлення фарміруецца ў дзяцей на занятках, прысвечаных навучанню дзяцей складанню апавяданняў-апісанняў. Між тым у працэсе пераказаў, у апавяданнях-разважаннях, выказваннях апавядальнага характару, асабліва ў працэсе сачынення казак, таксама магчыма ўдасканаленне навыкаў ужывання вобразных сродкаў. У маўленчым развіцці дзяцей неабходна ісці ад простага капіравання, рэпрадукцыі з гаворкі дарослага лексіка-інтанацыйных сродкаў выразнасці, ад умення выказваць разнастайныя пачуцці (пяшчоту, трывогу, смутак, гонар і інш.) да прадуктыўнай перадачы жвавасці і натуральнасці розных інтанацый, да умення адчуваць і ацэньваць выразнасць маўлення іншых (твор быў прачытаны весела, сумна, павольна, ціха, загадкава, жартаўліва ці сур'ёзна).

Найбольш прадуктыўнымі метадамі і прыёмамі фарміравання выразнасці маўлення дзяцей з'яўляюцца чытанне твораў выхавацелем, узор выразнага чытання каго-небудзь з дзяцей, інсцэніраванне казак, пераказ казак дзецьмі, разыгрыванне дзецьмі па ролях пацешак, народныя гульні ("Ідзе каза рагатая", "Каршун і наседка", "Гусі" і інш.), выкарыстанне лічылак, выкарыстанне хуткамовак, завучванне прымавак, гульні ("Тэлефон", "Сустрэча лялькі", "Крама", "Пошта"), карагоды, гульні практыкаванні, уключэнне паказу асобных навыкаў маўленчых зносін у гульні, паведамленне на бацькоўскім сходзе, пераказ, завучванне вершаў, драматызацыі, прагаворванне фраз, тлумачэнне і ўказанні, практыкаванні на характарыстыку персанажаў, пытанні-

падказкі, славесныя практыкаванні, чытанне па ролях, чытанне з гульнявымі дзеяннямі і рухамі, ацэнка чужых выступленняў, самаацэнка запісаў вершаў, сумеснае з выхавальнікам вымаўленне, славеснае апісанне кніжных ілюстрацый; гутарка пасля знаёмства з творам; праслухоўванне аўдыёзапісаў, падбор параўнанняў, эпітэтаў, антонімаў, сінонімаў, рыфмы да слоў і словазлучэнняў з фальклорнага твора малой формы; чытанне з музыкальным суправаджэннем; перастварэнне фальклорнага твора малой формы (прыказкі, загадкі, фразеалагізма, песні) ў аповяданне ці казку; харавое агучванне і спяванне фальклорных твораў, прыдуманне ўласнага твора па ўзоры фальклорнага; чытанне твораў розных жанраў, аб'яднаных адной тэмай, або твораў з супрацьлеглым зместам і інш. Пажадана спалучаць на адным занятку розныя метады і прыёмы, ствараць умовы для праяўлення дзецьмі эмоцый, пачуццяў, жаданняў і поглядаў, прычым як у натуральным маўленні, так і ў публічным, каб дзеці не саромеліся прысутнасці старонніх слухачоў.

У асваенні выразнасці маўлення важная роля належыць штодзённаму маўленню педагога як узора, эталона для дзяцей. Выхавацель дэманструе мяккі, ветлівы тон, дапамагае дашкольнікам асвоіць невербальныя сродкі выразнасці, натуральнасць мімікі, жэстаў, рухаў, поз. Знаёмячы з літаратурнымі творамі, дзяцей вучаць адчуваць рытмічнасць, мілагучнасць, вобразнасць, заўважаць і паўтараць трапныя выразы, цікавыя і незвычайныя фразы, эмацыйна адгукацца на змест, уяўляць падзеі, суперажываць і спачуваць героям. У дзяцей выклікаюць уласную маўленчую актыўнасць, моўную творчасць.

У дзяцей пераважае канкрэтна-вобразнае мысленне, яны найчасцей выдзяляюць найбольш яркія, аднак не заўсёды істотныя прыметы з'яў і прадметаў. Дашкольнікаў важна навучыць выдзяляць самае важнае і перадаваць яго ярка. У малодшым дашкольным узросце з гэтай мэтай можна выкарыстаць сюжэтна-ролевыя гульні, гульні з лялькамі, гульні-драматызацыі, гульнявыя практыкаванні на адпрацоўку практычных этыкетных сітуацый (як ветліва сустрэць гасцей, папрасіць сябра, спытаць незнаёмага чалавека і інш.). Асабліва прадуктыўна выкарыстоўваць інтанацыйныя гульні ("Дыктар", "Каментатар", "Пошта", "Камандзір", "Тэлефон", "Гандляр", "Сустрэкаем гасцей") і тэатралізаваныя гульні ("Пазнай, хто я?", "Хто ў казцы лішні?" і інш.). Акрамя спецыяльных заняткаў, для адпрацоўкі выразнасці маўлення дзяцей можна выкарыстоўваць розныя віды дзейнасці (музычную, фізкультурную, выяўленчую). Развіццё выразнага маўлення дзяцей прадугледжвае развіццё ў іх эмацыйнасці, творчых здольнасцяў, вобразнай памяці, жыццёвага вопыту.

Удасканаленне кампанентаў інтанацыйнай выразнасці (мелодыкі, інтэнсіўнасці, працягласці, тэмпа і тэмбра вымаўлення) ажыццяўляецца фарміраваннем узаемадзеяння механізмаў дыхання, голасаўтварэння і артыкуляцыі. Паступова пашыраецца эмацыйна-сэнсавы спектр выразнасці

маўлення дзіцяці (інтанацыі пытання, здзіўлення, задавальнення, просьбы, патрабавання, папрока, крыўды і інш.), фарміруецца патрэба ў эмацыйнай маўленчай камунікацыі. Асаблівае месца ў гэтай працы належыць малым формам фальклору, лаканічным і дакладным па форме, глыбокім і не складаным па змесце, рытмічным і запамінальным. Яны садзейнічаюць развіццю рухомасці і гібкасці артыкуляцыйнага апарата, дыкцыйнай працы, фарміруюць правільнае гукавымаўленне, дапамагаюць засваенню дзіцяці інтанацыйнага багацця мовы, рознага тэмпу вымаўлення. Напрыклад, дакладнасць дыкцыі і звонкасць гукавымаўлення адпрацоўваецца з дапамогай забаўлянак і хуткамовак, гучнасць – у калыханках, песнях, вершах, тэмп – лічылкамі, хуткамоўкамі, казкамі, інтанацыя – загадкамі і забаўлянкамі, тэмбр – на матэрыяле казак.

У сярэднім дашкольным узросце адпрацоўваюцца навыкі звязнага рэпрадуктыўнага і нескладанага прадуктыўнага маўлення з дапамогай гульнявых практыкаванняў (“Якія словы вы пачулі”, “Як сказаць інакш”, “Хто раскажа інакш”, “Падбяры найбольш прыдатнае слова”, “Пачні казку”, “Вызначы казачны канчатак”, “Намалой словамі адгадку”, “Скажы інакш”, “Закончы прыгожае словазлучэнне”, “Пазнай, хто сказаў”, “Назаві словы, якія робяць мастацкі твор пяшчотным”, “Падбяры прыгожыя словы да пэўнай рэчы”, “Знайдзі незвычайнае слова”), розных відаў пераказаў (скарочаны, выбарачны, па ўяўных ілюстрацыях, ад імя іншага героя), “ролевых дыялогаў”.

У старэйшых групах акцэнтуюцца ўвага на кампанентах лексічнай выразнасці (сінонімах, антонімах, шматзначных словах, фразеалагізмах, прымаўках, крылатых выразях), пры гэтым пераважаюць прыёмы, разлічаныя на творчае выкарыстанне іх дзецьмі: інсцэніраванне, гутарка, творчае апавяданне, творчыя заданні, гульні-драматызацыі, славеснае маляванне, славесныя практыкаванні, выкананне творчых заданняў. Фальклорныя творы эфектыўна выкарыстоўваюць у адпрацоўцы ўменняў інтэрпрэтаваць метафару ў загадках, адбіраць трапныя і дакладныя словы ў пераказах казак, ужываць эпітэты і параўнанні ў прымаўках.

Найбольш прадуктыўнымі метадамі фарміравання выразнасці маўлення дзяцей старэйшага дашкольнага ўзросту з’яўляюцца чытанне казак выхавацелем як узор выразнага маўлення, інсцэніраванне казак, пераказ казак дзецьмі, завучванне дзецьмі народных вершаў, разыгрыванне дзецьмі па ролях пацешак, народныя гульні (“Ідзе каза рагатая”, “Каршун і наседка”, “Гусі” і інш.), выкарыстанне лічылак, выкарыстанне хуткамовак, завучванне прымавак, гульні (“Тэлефон”, “Сустрэча лялькі”, “Крама”, “Пошта”), карагоды, гульнявыя практыкаванні, уключэнне паказу асобных навыкаў маўленчых зносін у гульні паведамленне на бацькоўскім сходзе, пераказ, завучванне і чытанне вершаў, драматызацыі, прагаворванне фраз, узор выразнага чытання, тлумачэнне і ўказанні, практыкаванні на характарыстыку персанажаў, пытанні-

падказкі, славесныя практыкаванні, чытанне па ролях, чытанне з гульнявымі дзеяннямі і рухамі, ацэнка, самаацэнка, сумеснае з выхавальнікам вымаўленне завучванне на памяць і інш.

Эфектыўнасць малых фальклорных жанраў абумоўлена наступнымі чыннікамі: невялікія па памеры творы дазваляюць пры мінімуме часу сканцэнтраваць максімум увагі на пэўных выразных сродках маўлення; выкарыстанне гэтых твораў пашырае лексіку дзяцей, актывізуе слоўнікавы запас, знаёміць з лексічнымі выразнымі сродкамі, дапамагае авалодаць граматычнымі ладам беларускай мовы, яе інтанацыйнымі адценнямі; знаёмства з прымаўкамі, трапнымі выразамі набліжае дзіця да духоўных вытокаў беларускага маўлення, яго вобразнасці. Большасць твораў мае вершаваную форму, таму што менавіта вершаваны матэрыял успрымаецца дзецьмі з вялікім задавальненнем і дазваляе з найбольшай карысцю звярнуць увагу дзіцяці на выразнасць маўлення.

Такім чынам, у працэсе фарміравання выразнасці маўлення дзяцей неабходна спалучаць розныя метады і прыёмы, паступова ўскладняючы працу дзяцей. Элементы вуснай народнай творчасці трэба выкарыстоўваць сістэматычна і мэтанакіравана, аднак у меру, не злоўжываючы. Дзецям важна даваць узоры розных жанраў фальклору, якія будуць выклікаць цікавасць да навучання ў цэлым.

ГАЙДУК В.

РАЗМОЎНАЯ ЛЕКСІКА Ў МЕМАРАТАХ ПРА ВАЙНУ

Размоўная лексіка – гэта асаблівая функцыянальная разнавіднасць літаратурнай мовы. Калі мова мастацкай літаратуры і функцыянальныя стылі маюць адзіную кадыфікаваную аснову, то размоўная лексіка супрацьпастаўляецца ім як некадыфікаваная сфера камунікацыі. Асаблівасцю размоўнай лексікі з’яўляецца тое, што яна абслугоўвае сферу пазаслужбовых, паўсядзённа-бытавых вусных зносін паміж людзьмі. Звычайна размоўна-бытавая лексіка ўжываецца ў нязмушанай гутарцы, таму шырока прадстаўлена і ў мемаратах, якія, па сутнасці, з’яўляюцца пісьмовай фіксацыяй такой гутаркі.

Ад міжстылёвай лексікі размоўная адрозніваецца сваёй спецыфічнай экспрэсіўна-эмацыянальнай афарбоўкай (фамільярнасці, іроніі, знявагі, лаянканасці, жарту, пяшчоты і г.д), напрыклад: *спадзяванка, камандзірус, суслік* (метаф.), *тутачкі, здзесяка, чысцюля* і інш. Размоўныя словы ў мемаратах, называючы што-небудзь, абавязкова даюць ацэнку з’явы, прадмета, дзеяння і г.д. Найбольш экспрэсіўнай разнавіднасцю размоўнай лексікі з’яўляецца прастамоўе, якое таксама сустракаецца ў мемаратах пра Вялікую Айчынную

вайну. Размоўныя і прастамоўныя словы могуць адрознівацца ад літаратурнага эквівалента фанетычна: *ма – маеш, во – вось, о так – вось так, о гэ о – вось так вот*, словаўтваральнымі элементамі: *сукня – сукенка, галадоўля – галадоўка, лейтман – лейтэнант, братко – брат*. Прастамоўныя словы і выразы часцей маюць адмоўнае адценне, напрыклад: “*Адчыняй, Алесік, адчыняй браму гэтым нелюдзям і **вытуры** іх зусім з нашай вёскі*” (Н.А. Макарская, в. Чамярын, Пінскі раён, Брэсцкая вобласць), “*Каб **падохлі** тыя, хто апошні хлеб у дзяцей нашых адбірае*”; “*Ідзі, ідзі **манёбр** бяздушны*” (С.І. Курупатва, в. Кустын, Камянецкі раён, Брэсцкая вобласць).

Размоўная лексіка мемаратаў пра Вялікую Айчынную вайну вельмі разнастайная па сваёй семантыцы. Можна вылучыць, напрыклад, наступныя тэматычныя групы:

1) прадметна-бытавая лексіка: ***грабелькі*** (“*І хадзіла яна па ўсёй вёсцы, каб знайсці хоць у каго-небудзь грабелькі*”), ***друшляк*** (“*І варэнікі праз друшляк прапускалі*”), ***вядзерца*** (“*А я прыбягу, ды як стану чэрпаць шум малака з вядзерца*”), ***сахавілы*** (“*Ой, што яны толькі не рабілі з імі, нават сахавілы ішлі ў ход*”);

2) назвы асоб паводле полу і сваяцкіх адносін: ***бабуля*** (“*А Фядора гаспадарку з бабуляй вяла, бо тата ўжо даўно загінуў*”), ***татачка*** (“*Татачка паранены быў... Яго танкам на вайне закапала*”), ***хлапчук*** (“*Калі пачалася вайна мы зусім яшчэ хлапчукамі былі*”);

3) назвы прадстаўнікоў жывёльнага свету: ***вожык***, ***куры*** (“*Павылазьяць, значыць, увечары вожыкі і пачынаюць перагуквацца на ўсё сяло*”), ***свіння*** (“*Была адна свіння і тую забралі...*”), ***кароўка***, ***конік***, ***галубы*** (“*Ну, дзяўчаткі, кароўка была, конік, Гняным назваў, і нават галубоў трымаў*”);

4) назвы ежы і харчовых прадуктаў: ***паляндвічка*** ‘мяса вышэйшага гатунку з сярэдняй часткі свіной тушы каля хрыбта, якое вэндзяць або вяляць’ (“*Як заб’ем свінню, то бацька на пячы паляндвічку сушыў*”), ***салка*** (“*Карміць чым было? А потым салка тонкае*”), ***мармуляд*** (“*Немцы частавалі нас, а часам і мармуляду давалі*”), ***булачка*** (“*А тая булачка смачная-смачная*”);

5) найменні асоб жаночага полу па прафесіі, якім у кніжных стылях адпавядаюць агульнапрафесійныя найменні, ці родзе заняткаў: ***вучыцелька*** (“*Я расказаў свой верш, пасля чаго вучыцелька зняла мяне са сцэны і пачаставала цукеркамі*”), ***аптэкарка*** (“*Зоя-аптэкарка з партызанамі раку не раз пераплывала, бо ў лесе шмат параненых было*”), ***грыбнік*** (“*А колькі грыбоў у Сёманчыхі было, бо дзед грыбнік*”);

6) найменні асоб па ўласцівых ім якасцях характару ці асаблівасцях паводзін: ***трандычыха*** ‘чалавек, які многа гаворыць’ (“*Бабуля была ў яе трандычыха, і яна такая ж самая*”), ***жэўжык*** ‘свавольнік, гарэза’ (“*Малы жэўжык ў Апанаса...*”), ***ліса*** (“*Ганюта заўсёды ўсё ведала, нос свой засуне куды не трэба, ліса гэтая...*”), ***капыташка*** ‘жанчына, якой усё было цікава’

(“*Пераехалі з Гомельшчыны і падсяліліся да Капыташкі*”), **пустабай** ‘той, што гаворыць абы-што’ (“*А солтыс першы наш, Сцяпан, яшчэ той пустабай...*”).

Размоўныя дзеясловы ў мемаратах пра Вялікую Айчынную вайну ўжываюцца для абазначэння:

1) канкрэтнага фізічнага дзеяння: **перакалашмаціць** ‘капацца, корпацца ў чым-небудзь, дастаючы што-небудзь’ (“*На тым тыдні заляцелі і пераракалашмацілі ўсё ў хляве*”), **шпурляць** ‘з сілай кідаць што-небудзь’ (“*Ідзі, скаціна, бо як шпурну зараз...*”);

2) руху, перамяшчэння ў прасторы: **шпарыць** ‘хадзіць, рухацца хутка’ (“*А пасля размовы з суседам Іван пашпарыў да Домці, каб тая малака прынесла...*”);

3) маўлення: **гаманіць** (“*Любіў гаманіць, што ж паробіш...*”), **бубукаць** ‘гаварыць хутка, неразборліва, манатонна’ (“*Дзяўчына маленькая была, толькі бубукала нешта ў свае чатыры*”);

4) фізічнага ці псіхалагічнага стану чалавека: **струхавець** ‘стаць сталым, нямоглым’ (“*Хутка яна струхавела*”), **апалчыцца** ‘пачаць варожа дзейнічаць супраць кагосьці’ (“*Маня, што жыла на хутары, апалчылася ў свой час на суседзяў, вась і перабралася туды жыць*”);

5) стану прыроды: **вечарэць** (“*Калі вечарэла, то матуля плакала, плакала кожны дзень...*”), **бутоніцца** (“*А па вясне на дрэвах прыгожа бутонілася...*”).

У мемаратах пра вайну часцей за ўсё апісваецца жыццё вёскі ў такі складаны для людзей час, побыт селяніна, яго стаўленне да працы, адносіны паміж людзьмі. Размоўная лексіка служыць для перадачы вясковага каларыту, праўдзівага адлюстравання тагачасных людскіх стасункаў і ўзаемадачынненняў, перадачы эмацыянальных нюансаў жывога маўлення і псіхалагічнай характарыстыкі суразмоўцаў.

ГАРДЗІЕНКА В.

ФАРМІРАВАННЕ НОРМ БЕЛАРУСКАЙ АРФАЭПІ Ў ДЗЯЦЕЙ СТАРЭЙШАГА ДАШКОЛЬНАГА ЎЗРОСТУ

Арфаэпія як сістэма правільнага вымаўлення гукаў і слоў – першапачатковая аснова маўленчага развіцця дзіцяці. Фарміраванне і развіццё беларускай мовы цесна звязана з гукавой сістэмай, з асаблівасцямі ўспрымання і ўзнаўлення ў маўленні гукаў другой мовы. Без засваення арфаэпічных норм немагчыма паўнаўвартаснае авалоданне гукамі другой мовы, бо гэта аснова практычнага выкарыстання мовы. Авалоданне асновамі арфаэпічных норм другой мовы ў дашкольным ўзросце, як адзначаюць вучоныя, у значнай меры

інтэнсіфікуе працэс наапалення актыўнага слоўніка другой мовы ў дзяцей, пашырае магчымасці маўленчай камунікацыі ва ўмовах двухмоўя.

Сёння вядомы спецыяльныя тэарэтычныя даследаванні, прысвечаныя праблемам метадыкі выкладання дзецям другой мовы (А.І. Негнявіцкая, А.У. Цекучоў, А.Я. Супрун, Л.Я. Шакірава, М.М. Шанскі, І.А. Шапавалова, І.Ф. Протчанка і інш.). Тэарэтычныя даследаванні праблем арфаэпіі належаць пярэ такіх вучоных, як Л.У. Шчэрба, А.М. Гвоздзеў, М.У. Паноў і інш. Грунтоўныя тэарэтычныя і практычныя назіранні зроблены З.І. Ідрысавай у кандыдацкай дысертацыі “Фарміраванне і развіццё арфаэпічных норм рускага маўлення ў дзяцей-аварцаў у нацыянальных дашкольных установах”.

Практыка сведчыць, што выхавацелям дашкольнікаў цяжка вызначыць і канкрэтныя для кожнай узроставай групы змест, формы, метады і прыёмы працы па фарміраванні ў дзяцей арфаэпічных нормаў і развіцця адпаведных навыкаў выкарыстання іх у паўсядзённым маўленні. Ва ўстановах дашкольнай адукацыі нярэдка назіраецца ўстаноўка педагогаў на завучванне слоўнікавых адзінак, можна сустрэць механічнае запазычанне метадаў арганізацыі вучэбнай дзейнасці без уліку псіхафізіялагічных асаблівасцяў дзяцей. Не выключэнне і з’ява зваротнага парадку – захапленне гульні, у змесце якой не прасочваецца моўная накіраванасць, сістэмнасць у вырашэнні выхаваўча-адукацыйных задач. Падобныя недахопы мы тлумачым недастатковай дасведчанасцю выхавальнікаў, а галоўным чынам – адсутнасцю распрацаваных зразумелых метадычных рэкамендацый, адсутнасцю метадыкі навучання рускамоўных дашкольнікаў беларускай мове. Цяжкасці ўзнікаюць і з-за недастатковай вывучанасці агульных і спецыфічных асаблівасцяў кантактуючых моў (рускай і беларускай), нераспрацаванасці лінгвістычнай асновы навучання беларускай мове як другой. Недастатковая ўвага да праблемы навучання беларускай мове ў рускамоўных дашкольных адукацыйных установах, з прычыны чаго ў дзіцяці не фарміруюцца на належным узроўні маўленчыя ўменні, у тым ліку і арфаэпічныя, на наш погляд, шмат у чым з’яўляюцца агульнымі прычынамі праблем фарміравання асобы дашкольніка, яго маўленчага развіцця.

Беларуская мова ў нашай краіне – гэта мова тытульнага этнасу, выразнік значнай узаемасувязі розных шматнацыянальных культур Беларусі. Беларуская мова фарміруе нацыянальную прыналежнасць асобы, нацыянальную самасвядомасць, аднак можна сцвярджаць, што яна не засвойваецца на належным узроўні дзецьмі-дашкольнікамі. На нашу думку, слушнае ў гэтым плане меркаванне выказаў акадэмік Г.М. Воўкаў, які заўважаў, што адсутнасць нацыянальнага кампанента ў структуры выхавання асобы прыводзіць да яе маральнага з’яднення, духоўнай дэградацыі, якая суправаджаецца стратай веры ў будучыню свайго народа. У той жа час вывучэнне беларускай мовы ў дашкольным узросце характарызуецца шэрагам пераваг, звязаных з рознымі магчымасцямі арганізацыі навучання. Менавіта дашкольны ўзрост з’яўляецца

сенсітыўным для вывучэння другой мовы. Пры гэтым ва ўмовах школы даволі цяжка арганізаваць выкананне заданняў, якія прадугледжваюць актыўны ўдзел дзяцей у рознай дзейнасці, у той час як дзіцячыя сады прадастаўляюць шырокія магчымасці як у плане арганізацыі заняткаў, так і ў выкарыстанні разнастайных сродкаў навучання (гульняў, практычнай дзейнасці, лялек, прадметаў і інш.).

Узроставыя асаблівасці дзіцяці вызначаюць фізіялагічны механізм фарміравання яго вымаўлення. Умоўна-рэфлекторныя сувязі, якія ўзнікаюць дзякуючы здольнасці арганізма дзіцяці ўспрымаць раздражняльнікі (у тым ліку і гаворку навакольных з дапамогай слыхавога і зрокавага аналізатараў), выклікаюць і адваротную рэакцыю (з дапамогай моўнарухавага аналізатара і здольнасці да пераймання). Аналіз метадаў фарміравання вымаўленчых навыкаў дзяцей дазваляе зрабіць выснову, што працэс фарміравання арфаэпічных навыкаў будзе працякаць больш паспяхова, калі правільна падабраныя спосабы фарміравання фанетычных навыкаў; ўлічваецца ўзроставыя асаблівасці дзяцей; выконваецца алгарытм фарміравання фанетычных навыкаў пры вымаўленні шыпячых, санорных і свісцячых гукаў.

Методыка фарміравання норм беларускай арфаэпіі ў дашкольнікаў, якія пазбаўлены паўнаважнага беларускамоўнага асяроддзя, павінна будавацца на ўліку арфаэпічных адрозненняў паміж артыкуляцыйнымі базамі рускай і беларускай моў. У фарміраванні эталонаў новых гукаў, развіцці прамовы вядучая роля належыць маўленчай практыцы, спецыяльным практыкаванням, складзеным з улікам міжмоўнай інтэрферэнцыі.

Выбар метадаў і прыёмаў залежыць ад этапу навучання і характару матэрыялу. На пачатковым этапе найбольш эфектыўным прыёмам з'яўляецца імітацыя. Эфектыўнасць імітацыйнага прыёму абумоўліваецца тым, што слых і артыкуляцыя цесна ўзаемазвязаны. Пад кантролем слыхавых адчуванняў выпрацоўваюцца навыкі вымаўлення і фармуецца гаворка. У дашкольных установах добрыя вынікі дае ўмелае спалучэнне ўсвядомленага разумення з перайманнем пры вядучай ролі свядомасці. Тлумачэнне самых істотных варыянтаў артыкуляцыі даецца з улікам спецыфікі рускай і беларускай моў.

Эфектыўнасць выпрацоўкі вымаўленчых навыкаў прыкметна павышаецца, калі звязаць артыкуляцыю цяжкіх гукаў з сігнальнымі значэннямі. Гэта прадугледжвае сістэматычную працу над фарміраваннем і развіццём рускай мовы ў дачыненні да работы па прывіццю навыкаў беларускага літаратурнага вымаўлення.

Фарміраванне арфаэпічных навыкаў дашкольнікаў павінна ажыццяўляцца паэтапна, сістэмна, з улікам непарыўнай ўзаемасувязі структурных узроўняў вывучаемай мовы, з улікам існуючага ўзроўню развіцця маўлення канкрэтнага дзіцяці на яго роднай мове, з улікам інтэрферэнцыйных уплываў, узроўню развіцця вымаўлення спецыфічных зычных фанем беларускай мовы, з улікам яго суаднесенасці і ўзаемадзеяння з роднай мовай дзяцей, што вызначае

сістэмны характар арганізацыі зместу працы, практыкаванняў па яго засваенні і сродкаў навучання. Моўныя і маўленчыя практыкаванні, якія спрыяюць папярэджанню і ліквідацыі вымаўленчых памылак, ўдасканаленню вымаўленчых навыкаў, акрамя рашэння практычнай задачы навучання, закліканы актывізаваць агульную маўленчую дзейнасць навучэнцаў, дзякуючы ўліку іх узроставых інтарэсаў, псіхалагічных асаблівасцяў, лінгвістычнага і камунікатыўнага вопыту, выкарыстання этнапедагагічнага матэрыялу, галоўным чынам малых жанраў беларускага фальклору ў кантэксце засваення дашкольнікамі культуры роднага краю, духоўных каштоўнасцей народа, што ў выніку забяспечвае ўстойлівую матывацыю да заняткаў, павышае іх выхаваўчую і адукацыйную значнасць.

Для эмпірычнай праверкі і распрацаваных намі метадычных рэкамендацый было праведзена **эксперыментальнае даследаванне эфектыўнасці фарміравання норм беларускай арфаэпіі ў старэйшых дашкольнікаў ва ўстанове дашкольнай адукацыі “Матыкальскі яслі-сад”**. У даследаванні прынялі ўдзел 10 дзяцей групы “А” і 10 дзяцей паралельнай групы “Б” Даследаванне праводзілася на працягу трох з паловай месяцаў са студзеня па май 2016 г.

Станоўчая дынаміка паляпшэння ўзроўню развіцця арфаэпічных навыкаў пасля фарміруючага этапа эксперыментальнага даследавання ў эксперыментальнай групе амаль у два разы вышэйшая за аналагічныя паказчыкі ў кантрольнай групе, нягледзячы на першапачатковы ніжэйшы ўзровень. Асабліва станоўчыя вынікі былі адзначаны ў выкарыстанні арфаэпічных норм ў фразавым маўленні.

Распрацаваная намі методдыка паэтапнага асваення дзецямі старэйшага дашкольнага ўзросту арфаэпічных нормаў беларускай мовы сведчыць пра магчымасць яе эфектыўнага выкарыстання нават у непрацяглы тэрмін навучання (4–5 месяцаў), сведчыць пра асаблівую ўспрымальнасць, сенсітыўнасць дзяцей старэйшага ўзросту да выпраўлення арфаэпічных памылак у маўленні. Станоўчыя вынікі паказвае выкарыстанне ў адукацыйным працэсе як артыкуляцыйных, так і імітацыйных практыкаванняў, фанетычных пяціхвілінак, спецыяльна распрацаваных гульнявых сітуацый. Гэта дапамагае ў асваенні спецыфічных цяжкіх гукаў беларускай мовы [дж] і [ў].

ГЕГЕНЯ Г.

АЦЭНАЧНЫЯ ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ Ў ТВОРАХ ЯРАСЛАВА ПАРХУТЫ

А.С. Аксамітаў адзначае: “Фразеалагічныя адзінкі з’яўляюцца яркім стылістычным сродкам. Акрамя наймення той ці іншай з’явы аб’ектыўнай рэчаіснасці, яны перадаюць і пэўныя адносіны (неадабрэнне, іронія,

пяшчотнасць, фамільярнасць і г.д.) да той ці іншай з’явы таго, хто гаворыць. Пісьменнік пры дапамозе фразеалагізма, трапнага крылатага выразу, прыказкі, прымаўкі стварае мастацкі вобраз, малое дзеянне, аздабляе мову персанажа, робіць мову твора больш маляўнічай, пераканальнай, выразнай, разнастайнай” [1, с. 127]. Слушна гучыць і сцвярджэнне, што “значэнне фразеалагізма амаль заўсёды мае экспрэсіўны, ацэначны характар, у той час як значэнне слова выконвае ў асноўным намінатыўную функцыю” [1, с. 31].

Нельга не пагадзіцца з думкай І.Я. Лепешава, што “фразеалогія ва ўмелых руках майстроў слова – невычэрпная крыніца вобразаў і стылістычных эфектаў” [2, с. 263]. Мэтазгоднасць уключэння фразеалагізмаў у твор і асаблівасці іх ужывання ў межах кантэксту, як правіла, залежаць ад тэматычнай і ідэйна-эстэтычнай накіраванасці твора, а таксама ад камунікатыўных задач аўтара. Усебаковы аналіз фразеалагічных адзінак дазваляе асэнсаваць індывідуальна-аўтарскую спецыфіку маўлення, характарызуе стыль і творчую манеру пісьменніка, асаблівасці яго моўнай культуры і нават светапогляду.

Акцэнтуючы ўвагу на асаблівасцях выкарыстання фразеалагізмаў у творах Яраслава Пархуты, заўважаем, што часцей за ўсё гэтыя моўныя адзінкі выкарыстоўваюцца без пэўных змен, у сваім звычайным выглядзе: **кідаць вокам** ‘глядзець зрэдку ці мелькам, імгненна’, **варон лавіць** ‘рассеяна глядзець на што-небудзь з пустой цікавасцю’, **ведаць сабе цану** ‘правільна ацэньваць свае магчымасці, якасці’, **ажно дух зойме** ‘каму-небудзь стане цяжка дыхаць (ад хвалявання, перажывання і пад.)’. Названыя фразеалагізмы валодаюць большым семантычна-экспрэсіўным патэнцыялам, чым словы, бо яны не толькі намінуюць, але і ацэньваюць, вобразна і эмацыйна характарызуюць прадмет думкі. Так, у кантэксте: *І стаў цмокаць, бедаваць, нават дакараць, што заселі на тым востраве, далёка ад людзей. Выйшла з бакоўкі гаспадыня, кінула вокам на печ, усмешліва сказала: – А напарнік, як блін, спіць* [4, с. 189] – устойлівая моўная адзінка **кінуць вокам** выражае меяратыўную ацэнку, таму што ў сказе абазначае станоўчае дзеянне гаспадыні. Наступны кантэкст дакладна раскрывае семантыку выдзеленага фразеалагізма і тым самым паказвае на неадабральныя адносіны да суб’екта. Ён ярка ілюструе пеяратыўную ацэнку ўстойлівай адзінкі: *– Было тое трыццаць гадоў таму назад. Мы тады каля Цар-дуба лес валілі, упершыню “Дружбу”, бензапілу, прымянілі. Я на радасцях варон пачаў лавіць, а бервяно – бэнц па назе і перабіла* [4, с. 162]. Фразеалагізм **ведаць сабе цану** называе адабральнае дзеянне чалавека, перадае стаўленне асобы да самога сябе. Безумоўна, ФА набывае пазітыўную ацэнку: *Я пераступіў парог, і рука сама пацягнулася да шапкі. У цэнтры ў поўны рост стаіць рабочы. Вочы – удумлівыя, твар – адухоўлены. Чалавек ведае сабе цану і цану сваёй працы* [3, с. 190]. Пазітыўная ацэнка выяўляецца і ў фразеалагізме, ужытым

у наступным сказе: *А калі ўзбярэшся на ёй і станеш на самым узлобку, – ажно дух зойме: сапраўды, ёсць на чым воку спыніцца!* [3, с. 203].

У творах пісьменніка можна вылучыць усе асноўныя структурна-граматычныя тыпы ўстойлівых адзінак: фразеалагізмы-сказы (**хоць касою касі** ‘вельмі многа, у вялікай колькасці’, **рукі залатыя** ў каго ‘што-небудзь вельмі ўмелы, здольны ў сваёй справе чалавек’, **пачало адлягаць ад сэрца** ў каго ‘што-небудзь адчуў палёжку, супакой, каму-небудзь стала лягчэй’, **мурашкі прабягаюць па целе** ў каго ‘што-небудзь адчувае дрыжыкі ад моцнага страху, хвалявання і пад.’, **ліха яе ведае** ‘невядома’), фразеалагізмы-словазлучэнні (**слова за слова** ‘паступова, мала-памалу (разгаварыцца, пачаць размову і пад.)’, **шарая гадзіна** ‘час, калі пачынае цямнець, на стыку дня і ночы; прыцемак’), фразеалагізмы-спалучэнні (**не за гарамі** ‘блізка, недалёка, побач (знаходзіцца што-небудзь)’, **пад рукою** ‘вельмі блізка, недалёка, побач’, **пад бокам** ‘зусім блізка, побач, недалёка (знаходзіцца)’). Ужытыя ў мастацкім тэксце фразеалагізмы не толькі рэалізуюць слоўнікавае значэнне, але, валодаючы ярка выражанай экспрэсіяй і эмацыянальнасцю, набываюць пэўныя ацэнкі. Так, фразеалагізм, ужыты з адабральнай, пазітыўнай ацэнкай, назіраем у наступным кантэксце: – *А там вунь, – паказаў рукою на поўдзень, – насупраць вёскі Калушчына, ёсць востраў Ландышавы. Невялікі, усяго якіх два гектары, а ландышаў на ім – **хоць касою касі*** [4, с. 184]. Аўтар апавядае пра мноства ландышаў на востраве, трапна выкарыстоўваючы для гэтага фразеалагізм **хоць касою касі**, што ярка паказвае на захапленне мясцінай з вялікай колькасцю кветак. Тут назіраем відавочную пазітыўную ацэнку. Меяратыўная ацэнка выяўляецца і ў кантэксце, дзе аўтар з адабрэннем апісвае каваля, хваліць яго працу: *Вёсцы цяжка без каваля. То нарог трэба падцягнуць, то серп назубіць, то кола ашынаваць... А ў Багрыма былі **рукі залатыя**. Ён мог зрабіць і серп, і касу, і брытву, і дубальтоўку* [3, с. 19]. Рэалізуючы сябе ў кантэксце, фразеалагізм **пачало адлягаць ад сэрца** таксама набывае меяратыўную ацэнку: – *Адкуль жа ты тут узяўся? Голас спакойны, спагадлівы. І **пачало** ў Панаса **адлягаць ад сэрца**. – З Сітніцы еду. Ад кума* [4, с. 75].

У адным з кантэкстаў герой твора вельмі падрабязна расказвае пра мінулае, так дакладна ўзнаўляе яго, што становіцца страшна ад пачутага. Відавочна, на прыкладзе ўжытага ў тэксце фразеалагізма выяўляецца адмоўная ацэнка: *Цяпер, калі расказвае пра тое, колішняе, нават у старонняга чалавека **па целе прабягаюць мурашкі*** [4, с. 9]. Фразеалагізм **ліха яго ведае** выступае неадабральнай характарыстычнай адзінкай, з’яўляецца носбітам пеяратыўнай ацэнкі: – *А ці паверыце? На першым годзе замужжа было. Вару аднойчы бульбу. А як тую соль завуць у Прывалцы – **ліха яе ведае**. Папытаць у свекрыві сорамна* [4, с. 216].

Фразеалагізмы-спалучэнні, выкарыстаныя ў наступных кантэкстах, набываюць нейтральную ацэнку. Яны выступаюць яркімі экспрэсіўнымі

сродкамі, што ўзбагачаюць, упрыгожваюць маўленне: *З машыннага двара, што на той край Гожы і бліжэй да Нёмана, далятаў перастук матораў. Мехаізатары яшчэ раз правяралі гатоўнасць камбайнаў. Не за гарамі ж новае жніво!* [4, с. 221]. *Аказваецца, на Уроду адсюль ніхто не ездзіць. Патрэбы такой няма, сваё возера пад бокам* [4, с. 183].

Такім чынам, фразеалагічныя адзінкі ў творах Яраслава Пархуты з'яўляюцца яркімі стылістычнымі сродкамі выразнасці, ацэнчанасці, эмацыянальнасці. Яны ацэньваюць, вобразна і эмацыянальна намінуюць прадмет думкі, дакладна і лаканічна характарызуюць дзеянні, пачуцці і стан чалавека. Пры дапамозе ўжытых у творах Я. Пархуты устойлівых выразаў не толькі называецца тая ці іншая з'ява рэчаіснасці, але і выказваюцца экспрэсіўна-ацэначныя адносіны моўцы да яе.

Літаратура:

1. Аксамітаў, А. С. Беларуская фразеалогія / А. С. Аксамітаў. – Мінск : Выш. школа, 1978. – 224 с.
2. Лепешаў, І. Я. Фразеалогія ў творах Кандрата Крапівы. Стылістычнае выкарыстанне фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – 152 с.
3. Пархута, Я. С. Жаваранак над полем : Эцюды роднага краю / Я. С. Пархута. – Мінск : Ураджай, 1985. – 255 с.
4. Пархута, Я. С. Зямля бацькоў нашых : Падарожжа па родным краі / Я. С. Пархута. – Мінск : Польша, 1988. – 303 с.

ГРОНСКАЯ В.

ДА ПЫТАННЯ ФАЛЬКЛОРНАЙ АРНІТАСІМВОЛІКІ Ў ТВОРЧАСЦІ РАІСЫ БАРАВІКОВАЙ

Фальклорныя арнітаваобразы Бярозаўшчыны выкарыстоўвае ў сваёй творчасці Раіса Баравікова, у прыватнасці ў зборніках “Рамонкавы бераг”, “Каханне”, “Такое кароткае лета”.

Народнае ўяўленне пра тое, што птушка можа прадвясці смерць, а таксама прылятаць па душу памерлага чалавека і несці яе ў засветы, паэтычна асэнсавана ў вершы “Трыпціх”: *“Якою халоднай была восень тая! // Дажджы дзень і ноч церушылі над гаем! // Дзядуля, прыбраўшы размытую гліну, // Калючую дзічку садзіў каля тыну. // Якою халоднай была восень тая! // На покуце свечка міргала “святая”! // Зайшлася ад плачу бабуліна хата, // Гасьцей назбіралася надта багата. // Якою халоднай была восень тая! // Ляжала пад печку бульба гнілая! // І стукала ў шыбу дзюбай слабую, // Клікала*

птушка дзеда з сабою // У вырай...” [1, с. 50]. У прыведзеным творы птушка стукае ў шыбу, што ў народнай традыцыі азначае нейкае паведамленне. Пры гэтым акно ці яго частка становіцца каналам, праз які дастаўляецца інфармацыя арніталагічным веснікам. У традыцыйнай культуры па лакалізацыі птушкі і часу спеваў часта меркавалі пра добрыя/дрэнныя падзеі чалавечага жыцця. У вершы “Калі ў лясах зялёных птах пяе...” птушка размяшчаецца ў лесе, спявае ўначы, як бы прадказваючы нешта нядобрае: “*Калі ў лясах зялёных птах пяе // у час начны, халодны і трывожны, // я знаю, ты прыходзіш ад Яе // і зноў са мною сумны, як астрожнік. // На ноч расстанне наша адцягну, // калі ж з усходу сонца адзавецца, // ты пасміхнешся зманліва акну, // бы Той, што прымушае біцца сэрца. // О гэта ўсмешка – горычы ганец, // напэўна, вельмі доўга я кахала, // што нават часу ўспомніць не ставала // усё на свеце мае свой канец...*” [2, с. 147]. У душы лірычнай гераіні ідзе змаганне болі і любові, вынікам якога становіцца пераасэнсаванне адносін з каханым.

У аснову некаторых вершаў Раісы Баравіковай пакладзены прыказкі і прымаўкі. Прыкладам можа быць верш “Грамніцы” з прыказкай “На грамніцы нап’ецца певень вадзіцы”: “*Грамніцы прыйшлі, грамніцы! // Напіўся певень вадзіцы. // Сьнягі на лугах пацямнелі, // На поўнач вятры адляцелі! // Грамніцы прыйшлі, грамніцы! // Вясну сустракаць маладзіцы // У хустках квяцістых выйшлі, // Са стрэх, нібы сьпелыя вішні, // Коцяцца долу сьлязінкі – // Плачуць на сонцы ільдзінкі! // Хай сьнег пад нагамі хрусткі, // Паскрывае, нібы масьніцы! // Скідайце, жанчынкі, хусткі, // Грамніцы прыйшлі, грамніцы!*” [1, с. 39]. Матыў прыведзенага верша падобны да веснавых песень і мае аптымістычны настрой (певень напіўся вадзіцы – наступіла чаканая вясна).

Частотны ў паэзіі Раісы Баравіковай вобраз салаўя, які традыцыйным мысленнем станоўча ацэньваецца, адносіцца да “чыстых” птушак: “*Як ціха яблыні шумяць // у нашым садзе, // мы адвячоркам ля акна // з табой прысядзем, // пачну расказваць пра сябе, – // табе цікава, // а мне лавіць бы на сабе // пагляд ласкавы. // Жаночы лёс – няпросты лёс, // я гэта знаю, // удосталь сьмеху, ўдосталь сьлёз – // усё прымаю, // да сэрца блізка не бяры // мае нягоды, // яшчэ сьпяваюць салаўі // мне цераз годы. // Як ціха яблыні шумяць // у нашым садзе, // давай жа, мама, ля акна // з табой прысядзем, // цень адвячоркавы, густы // на шыбку ляжа, // табе пра тое, што ўтаю, // вясна дакажа...*” [3, с. 26]. У прыведзеным вершы спеў салаўя пазітыўна асэнсоўваецца і сведчыць пра тое, што душа лірычнай гераіні сагрэта радасцю маладосці, успамінамі пра светлае былое. Акрамя таго, паэтка разважае пра цяжкі жаночы лёс. Яе суб’яднацца становіцца маці. Звернем увагу і на той факт, што жанчыны сядзяць каля акна (у фальклоры – канал камунікацыі паміж унутраным і вонкавым), якое нібыта звязвае мінулае з сучасным, унутраныя перажыванні і падзеі рэчаіснасці.

Адным з самых папулярных і даследуемых арніталагічных вобразаў у сучаснай фалькларыстыцы з’яўляецца зязюля. Гэты ж вобраз па-мастацку інтэрпрэтуецца і пісьменнікамі/паэтамі. Так, у вершы Раісы Баравіковай “Я сабе ні ў чым не спачуваю...” актуалізуецца вяшчальная здольнасць зязюлі. Кукаванне птушкі трактуецца як нядобры знак: “Я сабе ні ў чым не спачуваю, // зь лёгкаю душою ў сьвет іду, // хай зязюлі лета адкуваюць, // я сваё і восеньню знайду. // Многа неба сіняга над гаем, // а жывеш часьцей за ўсё зямлэй, // на яе дарогах адгараеш // зоркаю вышыннаю сваёй. // Непагадзі сэрца не збаіцца, // хоць якому радуся дню... // Горшы – непрыяцелям сасьніцца, // лепшы зь іх – сама я адасьню. // Не хачу шукаць у стратах жалю, // каб ясьней нястрачаным пражыць, // і, як сябра, паважваю хвалю, // тую, што з дажджом мацней шуміць” [3, с. 33]. У народных уяўленнях зязюля лічыць гады жыцця людзей.

Традыцыйным мысленнем голуб адносіцца да “чыстых”, божых птушак. Для яго характэрна пазітыўная асэнка і любоўная сімволіка, што адлюстравана ў паэзіі Раісы Баравіковай. У вершы “Пасядзім, мой даўні дружа...” вобраз галубоў узнікае ў сувязі з матывам каханьня: “Пасядзім, мой даўні дружа, // хай сыграе нам ражок, // пад які чужога мужа // не бяруць на ланцужок. // Я на досьвітку замглёным // сыплю проса галубам, // мной на шчасьце бласлаўлены, // добрай долі зычу вам! // Без маёй журбы-спагады, // пэўна ж, ходзіцца лягчэй! // Вы, здаецца, нават рады // халадку маіх вачэй. // Што ж за дзіўнае пытаньне: // у каноплі з кім хаджу?... // Я пасяля... пры разьвітаньні // вам у поцемках скажу!” [3, с. 57]. У іншым вершы пра “любоўны трохкутнік” абыгрываецца вобраз вераб’я, які таксама гарманізуе душэўны стан лірычнай гераіні: “У гушчары пануры дзік, // няўтульна там яму! // Сьвяткуе ў небе маладзік // пушыстую зіму. // Ён выгінаецца дугой, // аж весела глядзець! // Я ведаю, што ты з другой, – // нам разам не сядзець. // Рыпяць ільдзінкі пад нагой, // спынюся на рагу... // Зжылася, зладзіла з тугой, // цяпер усё змагу. // Стрымаю зь лёгкасьцю уздых, // прывечу вераб’я // і назаву здаля дваіх – // адзінкавым – сям’я. // Прыму распушаны сьняжок // за белую муку, // і ліст каляны, як сьцяжок, // вазьму ў сваю руку. // І нейкі школьнік мне усьлед // парайць на хадзі: // «Ты сьлёзы выцеры як сьлед, // ня думай пра бяду...»” [3, с. 88]. Вобраз вераб’я ўваходзіць у сістэму прыродных вобразаў, што вяртаюць лірычную гераіню, якой здрадзіў любы, да жыцця.

У заключэнне адзначым, што ў творчасці Раісы Баравіковай стрыжнёвай тэмай з’яўляецца тэма каханьня. Арніталагічныя вобразы, якія выкарыстоўвае ў вершах паэтка, у асноўным выяўляюць эмацыйны (часцей трывожны, сумны) настрой лірычнай гераіні. Птушка таксама ўводзіцца паэткай у прыродны пейзаж. У паэзіі Раісы Баравіковай арніталагічныя вобразы маюць і алегарычны характар. Пры дапамозе іх паказаны і ўвасоблены чалавечыя ўчынкі, паводзіны.

Літаратура:

1. Баравікова, Р. Рамонкавы бераг : Вершы. – Мінск : Маст. літ., 1974. – 80 с.
2. Баравікова, Р. Каханне : Лірыка / Р. Баравікова. – Мінск : Маст. літ., 1987. – 174 с.
3. Баравікова, Р. Такое кароткае лета : Лірыка / Р. Баравікова. – Мінск : Маст. літ., 1981. – 111 с.

ГРОНСКАЯ В.

ДА ПЫТАННЯ ФАЛЬКЛОРНАЙ АРНІТАСІМВОЛІКІ Ў ТВОРЧАСЦІ ЯЎГЕНІ ЯНІШЧЫЦ

Фальклорныя вобразы Піншчыны (шырэй – Берасцейшчыны) паэтычна асэнсаваны ў творчасці Яўгені Янішчыц. Выкарыстанне арнітавобразаў з’яўляецца адным з спосабаў адлюстравання мастацкай рэчаіснасці ў такіх зборніках, як “Краю бласлаўёнага дачка”, “Паўстану я”, “Каханне сад”, “Пад белымі крыламі цёпла зямлі”, “Мы выплакалі столькі шчырых слёз”, “Такой прысні, як яблыневы сад”.

У аснове многіх паэтычных твораў Яўгені Янішчыц ляжыць любоў да роднай зямлі, атрыбутам якой выступае белы бусел: *“Прыедзь у край мой ціхі, // Тут продкаў галасы, // Тут белыя бусліхі // І мудрыя лясы. // Хапае на Палессі // І сонца, і вады. // І што ні двор – то песня, // Што вёска – то сады. // Па травах светла-шызых // Мы пройдзем ля ракі, // Дзе, мыючы бялізну, // Вядуць сваё жанкі. // І будзе песня спета // Пра шчасце і бяду, // І будзе падаць лета // Ў гуліваю ваду. // Прыедзь у край мой ціхі, // Тут продкаў галасы. // Тут белыя бусліхі // І мудрыя лясы”* [1, с. 21]. У прыведзеным паэтычным тэксце белы колер бусла паказвае на пазітыўную ацэнку птушкі, яе сувязь з ідэямі чысціні, святасці. Адметным з’яўляецца тое, што паэтка выкарыстоўвае ў вершы вобраз не бусла, а бусліхі. Яўгенія Янішчыц ставіць у адзін рад з “галасамі продкаў”, “мудрымі лясамі” “белых бусліх”. Гэта, на нашу думку, звязана з увасабленнем у вобразе бусліхі жаночага пачатку, плоднасці. У іншым вершы белы колер бусла ўводзіць птушку ў адзін сімвалічны рад з воблакам і садам – увасабленнем “малой радзімы”, вёскі: *“Белы воблак. Белы сад. // Белы бусел – снегападам. // ...Гэтай вёсачцы на спад, // Ці шумець ёй дзікім садам? // Чый туманіцца пагляд, // Хто сувой дарогі выслаў? // Расхіну галлё прысад, // Што над Ясельдай навісла. // Кут мой слынны не глухі // І да песень, і да танцаў. // ...Маладыя жаніхі // Пералічаны на пальцах. // Менею шчасця? Хто сказаў? // У дзяжы набухла цеста. // ...Што зязюльчына сляза – // Светлаценькая нявеста. // Добры час. І добры лад. // Дабрыня пасцелю сцеле. // Белы воблак. Белы сад, // Белым сцягам – белы*

вэлюм” [1, с. 34]. Тут жа сустракаецца і вобраз зязюлі, які, як і ў берасцейскім фальклоры, сімвалізуе нявесту. “Празмернае” выкарыстанне-нагнаганне сімвалікі белага колеру і вобраза зязюльчынай слязы ў паэтычным творы надае яму экспрэсіўнасць, дапамагае выразней выказаць эмоцыі, пачуцці. Вяшчальная здольнасць зязюлі (характэрная для фальклору) раскрываецца ў вершы “Над смутным днём раптоўнай катастрофай”: *“Над смутным днём раптоўнай катастрофай // Маіх празрыстых вобразаў і сноў, // Паўстану я, пакуль дыктуе строфы // Маё жыццё нанова мне ізноў. // Паўстану я. Няхай збівае страта // Слабога і бяссільнага, а мне // Надзею мець, што хутка прыйдзе свята // І жнівень слоў на вецер не сажне. // Яшчэ й зязюля весела кувае // Над тым нядрэмна-сцішаным сялом. // І сонца промень зырккі дасылае, // Каб спапяліць расстанняў крыгалом. // І там, дзе лета бабіна на сконе // Бязлітасна асядзеца на скронь, // Які халодны шквал мяне дагоніць, // Неўтаймаваны, зоймеца агонь?.. // Ды ведаю, што позняю парою, // Калі трывожыць сэрца зарапад, // Пушчанкай непрыручанай, лясною // Я пражыву між радасцяў і страт. // І, можа быць, зусім невыпадкава // Паўстану я ў святле нязменных мар // Дзяўчынкай той, якой вядома слова // І невядомы ўвесь яго цяжар”* [1, с. 68]. У прыведзеным тэксце лірычная гераіня пераасэнсоўвае сваё жыццё і, праз вобраз зязюлі, робіць далейшы прагноз на будучае, якое ёй бачыцца ў пазітыўным ключы. Акрамя таго, аўтар верша параўноўвае сябе з “пушчанкай непрыручанай, лясною”. Гэты факт, на нашу думку, сведчыць пра свабоду паэтычнага слова. У іншым вершы вобраз зязюлі ўзнікае ў сувязі з ідэяй удачы: *“Не растаў твой сьлед у паняверцы // Ды і не зарос палын-травой. // Думна так і молада на сэрцы: // Размаўляю з кнігаю тваёй. // Тут прайшлі стагодзьдзяў пілігрымы, // А вясна ня знае берагоў. // Ты жадаў усім сьвятла, радзімы, // Сэрцам заплаціўшы за яго. // Ясна так падступіцца ўчараіні // Век, нібыта выгляне з-за крат. // Два Францішкі – два сумленьні нашы, // Кожны – роднай песьні адвакат. // Можа, нас зусім ужо нямнога. // Гурт, нібы рассыпаны гарох. // Але ясна доўжыцца дарога // Праз масты рэліквій і эпох. // Выпырхне вясёлкаю удача, // Сьцішыцца зязюляю лясной. // Чую я, як чорны воран крача, // Толькі не над песьняю тваёй!”* [1, с. 108–109]. Зязюля, як вядома, вядзе стоенае жыццё, і тужліва куе ў лесе – так сябе ў вершы паводзіць персаніфікаваная ўдача. У гэтым тэксце таксама абыгрываецца адмоўная сімваліка крыку чорнага ворана, які з’яўляецца адным з частотных вобразаў у паэзіі Яўгеніі Янішчыц. Так, у вершы “Ты вучыла мяне сеяць жыта і лён...” актуалізуецца негатыўная сімваліка зграі чорных варон, якія асацыююцца з дрэннымі людзьмі: *“Ты вучыла мяне сеяць жыта і лён // І цярпліваці вечнай – уголас не плакаць. // Апынуся калі сярод чорных варон, – // Я памру, ды не буду па-іхняму каркаць. // Вось трывожна вядзерца нясу, як тады, // Як вучыла, нясу. Я нясу, каб суседка // Не сказала, што нават звычайнай вады // Прынясі не умее, не заліўшы сукенку. // Цвёрда мною*

завучан натруджаны крок // Твой, якому павек ужо не саступіцца. // І душа мая чыста, нібы матылёк, // На агонь вылятае, ды агню не баіцца. // Пішаі: “Век мой пражыты. Наперадзе – твой. // За мяне не хвалюся. Я буду здаровай // Да апошняй вячэрняй зары палявой // І грыбочка апошняга ў нашай дуброве”. // Мама, сею не жыта я, сею не лён. // Але з лёну і жыта я словы складаю. // І калі углядаюся ў парасткі дзён – // Чую крокі твае. І свае вымяраю” [1, с. 155]. У прыведзеным вершы Яўгенія Янішчыц асэнсоўвае сваё жыццё, вымяраючы яго матчынымі меркамі, што сведчыць пра моцную сувязь пакаленняў, а таксама пра пяшчотныя адносіны паміж дачкой і маці. Традыцыйным мысленнем крумкач звязваецца са светам памерлых, што і адлюстравана ў вершы “Сяйво”: “Гэта промняў нябачныя гукі // Абудзілі мой ранак нямы. // Дык чаму ж не рассеюцца мукі // Праз кароткую споведзь зімы? // Гэта сонца так жорстка смяецца, // Што балюча ўглядацца да слёз, // Ці гарачае бацькава сэрца // Чорны воран у дзюбе прынёс?” [1, с. 165]. Прыведзены верш з’яўляецца адным з шэрагу твораў, якія Яўгенія Янішчыц прысвяціла бацьку. Выкарыстанне арнітаваобразаў надае гэтым вершам шчымлівасці, кранальнасці і пэўнай скрухі.

У традыцыйнай культуры Берасцейшчыны вобраз салаўя сустракаецца часцей за ўсё ў песенным фальклоры ў якасці мужчынскага сімвала. У лірыцы Яўгенія Янішчыц вобразу салаўя прыпісваецца таксама мужчынская сімволіка, але яна набывае індывідуальную афарбоўку: глухі салавей асацыюецца са старым адзінокім мужчынам: “Блінцовы пах дымоў. // Рабіна каля плота. // Пажухлых палыноў // Знямелая гаркота. // Пары мядовай дні. // Стары дзядусь патрошку // Глянцуе ў цішыні // За дошчачкаю дошку. // Ах, будзе жоўты стол // І жоўценькая бочка! // Сівенькаму – пад сто: // Ні дочак, ні сыночкаў. // З далёкае вайны, // У самым грозным леце // Развеяны яны, // Нібы дымы на свеце. // Глухому салаўю // Не трэба нотаў велькіх. // Наступніцу сваю – // Гадуе дзед зямельку” [1, с. 38]. Між тым праводзіцца ідэя гармоніі чалавека і прыроды, вяртання яго ва ўлонне маці-зямелькі. Паэтычны твор прасякнуты болем і шкадаваннем. У вершы “І прыйдзе боль, нібы па доме...” салавей малюецца носьбітам мастацкай дасканаласці, “гармоніі” спеваў: “І прыйдзе боль, нібы па доме, // Ё якім ня склалася сям’я. // На дождж, на гром, на ясны промень // Падобна музыка мая. // У салаўя прашу запёкі, // Нібыта ў ёй і ўвесь сакрэт. // Відаць, ад жалю, ад жалейкі // Было з’явіцца мне на сьвет. // Жыву. Ня жалюся. І помню // У цесных сховах пачуцця, // Што дождж, і гром, і ясны промень – // Пачатак і працяг жыцця” [1, с. 86]. Вясновае спевае салаўя нараджаюць у лірычнай гераіні думкі аб сутнасці паэзіі, якая павінна яднаць душы людзей. Сама паэзія характарызуецца накітамі спеваў салаўя. Тут у паэтку дваістае ўспрыманне дому: з аднаго боку – гэта месца, з якім звязаны пяшчотныя ўспаміны, а з другога – успаміны пра яго нараджаюць многа жалю і шкадаванняў. У паэзіі Я. Янішчыц спеў салаўя часта характарызуе агульны

настрой верша. У вершы “Недалюбіла? Не, не палюбіла...” паэтка абыгрывае сімвалічную карціну веснавых спеваў гэтай птушкі: *“Недалюбіла? Не, не палюбіла // Пазёрства, двухсэнсоўнасць, каламуць. // Ну што б каго мая журба журыла, – // Не-не ды вострым слоўкам упякуць! // Але пульсуй, высокая часіна! // Выходзь, душа, са звыклых берагоў! // Memento mori? Думаю пра сына, // Пра сэрцайка чулівае яго. // Па дабрыні, па шчырай песні голад. // На легцы мчаць гадкоў маіх вазы. // Гартуй, высокі лёс, – высокі холад! // Пякучы снег, прапальвай да слязы! // Зліецца хай з людскімі галасамі // Душа на веснім гуку салаўя: // Аптымістычна-горкая, лясная, // Як і сама паэзія мая”* [1, с. 257–258]. У вершы праз характарыстыку спеву салаўя паэтка асэнсоўвае асноўную мэту і напрамак сваёй творчасці, як і ў вершы “І прыйдзе боль, нібы па доме...”.

У вершы “Паміж лісця, паміж расы...” актуалізуецца матрыманіяльная сімволіка “жвавага” вераб’я: *“Паміж лісця, паміж расы, // Ня ціхае дубровы // У два натхнёных галасы // Світалі нашы словы. // Выпырхваў шустры верабей, // І дождж не знаў дакукі. // І, быццам самі па сабе, // Плылі насустрач рукі... // Па верасах дажджы шумяць, // Па сэрцах і па вёснах. // Ты можаш, і часце, ашукаць // І пасмяяцца злосна! // У сціхлым шэпце палыноў – // Вясны маёй дыханне. // Але ні рук няма, ні слоў, // Ні слёз на развітанне”* [1, с. 215]. Прыведзены верш можна аднесці да інтымнай лірыкі, матыў якой узыходзіць да фальклорных любоўных песень.

У заключэнне адзначым, што ў творах Яўгеніі Янішчыц паэтычна асэнсаваны частотныя арніталагічныя вобразы, характэрныя для фальклору Піншчыны (бусел, салавей, крумкач (варона), верабей). У сваіх вершах Яўгенія Янішчыц разам з рэалістычным апісаннем знешняга выгляду, паводзін прадстаўнікоў птушынага свету выкарыстоўвае і іншыя характарыстыкі вобраза. У паэтычных творах Я. Янішчыц птушкі, іх паводзіны, размяшчэнне, знешні выгляд, спеў сімвалічна-асацыятыўна звязваюцца з псіха-фізічным станам лірычнай гераіні.

Літаратура:

1. Янішчыц, Я. Выбранае / уклад.: А. Канапельскі, Я. Коўтун. – Мінск : Маст. літ., 2000. – 351 с.

ГУГНЮК С.

НАЗВЫ КВЕТКАВЫХ АГАРОДНЫХ І ПАКАЁВЫХ РАСЛІН У ПАЭТЫЧНЫМ КАНТЭКСТЕ Л. ДРАНЬКО-МАЙСЮКА

Паэзія Л. Дранько-Майсюка мае свой свет, свой адметны музычны лад. Яна ўвабрала ў сябе далікатнасць і пяшчоту, шыкоўнасць і яркасць, адкрытасць і свежасць, таямнічасць і тайну фарбаў.

Кветкі... Яны не проста аздоба ў паэтычным творы Л. Дранько-Майсюка. Гэта паэзія яго жыцця, паэзія яго душы. Гэта тое дзіцячае здзіўленне, што дае яму непаўторны паэтычны голас, перадае яго паэтычнае дыханне, стварае музыку яго радка. Гэта лірычная песня мастака, якая бярэ свой пачатак з матчынае песні, з паэзіі матчынага кветніка.

Шольсія і настуркі, календула, браткі, ляўконіі і магноліі, цыніі і мядовая меліса, флэксы і макі, лаванда і мальва, незабудкі і хрызантэмы... Усяму гэтаму багаццю кветак знайшлося месца ў вершах паэта [4, с. 14]. Паназіраем за гэтай шматколернай гамай, якая так звяртае на сябе ўвагу чытача вершаў Леаніда Дранько-Майсюка.

Астра – дэкаратыўная расліна з белымі, фіялетавымі, блакітнымі і сінімі адзіночнымі буйнымі кветкамі белага, чырвонага, жоўтага або сіняга колеру.

У Вашым голасе квітнеюць астры,

Якіх не бачыў я раней.

Мне зразумела ўсё і ўсё не ясна...

У Вашым голасе квітнеюць астры,

І кожнай кветцы Бог сказаў: квітней...

“Пакуль з рукі спяшаўся на руку...” [1, с. 38];

...Паіць віном паўлінавыя астры,

На пчол глядзець і цешыцца любою!

І ластаўку, якую сочыць ястраб,

Забраць адсюль у Грэцыю з сабой...

“Вядома ж не...” [1, с. 33].

Браткі – травяністая расліна сямейства фіялкавых з фіялетавымі, радзей белымі або рознакаляровымі кветкамі.

Настуркі мне захоўваюць эмаль,

Календула мне дорыць залатоўкі,

А ўсе чарнічна-жоўтыя галоўкі

Сямейных братак – неспакой і жаль...

“Мой сон пусты – як ваза” [1, с. 40].

Бальзамін – аднагадовая пакаёвая расліна сямейства бальзамінавых з яркімі ружовымі кветкамі.

...Дзе тое простае і вечнае,

Што, узышоўшы бальзамінам,

Жанчыну любую вылечвае,

Як пацалункам, успамінам?

“Адкрыюся эндакрынолагу...” [1, с. 34].

Вяргіня – дэкаратыўная клубневая расліна з буйнымі кветкамі рознага колеру, якая цвіце ўвосень.

Калі агонь у горле ці ангіна, –

Тады спакой ірвецца напалам

*І кволяцца вербена і вяргіня
За ганкам – тут і за адрынай – там...*

“Калі агонь у горле ці ангіна...” [1, с. 45].

Вербена – аднагадовая і шматгадовая травяністая расліна сямейства вярбенавыя з дробнымі кветкамі рознага колеру.

*Калі агонь у горле ці ангіна, –
Тады спакой ірвецца напалам
І кволяцца вербена і вяргіня
За ганкам – тут і за адрынай – там...*

“Калі агонь у горле ці ангіна...” [1, с. 45].

Гіяцынт – травяністая расліна сямейства лілейных з прадаўгаватымі вузкімі лістамі і пахучымі кветкамі.

*Я звездаў найкароткае спатканне
На стро́ме еўрапейскага крыла,
Калі раса мядовага змяркання
На гіяцынты белья лягла...*

“Я звездаў найкароткае спатканне...” [1, с. 44].

Календула – назва аднагадовых садовых раслін сямейства складанакветных з жоўтымі кветкамі і насеннем.

*Настуркі мне захоўваюць эмаль,
Календула мне дорыць залатоўкі,
А ўсе чарнічна-жоўтыя галоўкі
Сямейных братак – неспакой і жаль...*

“Мой сон пусты – як ваза” [1, с. 40].

Лаванда – вечназялёная пахучая расліна з блакітна-фіялетавымі або фіялетавымі кветкамі, якая выкарыстоўваецца ў медыцыне і парфумерыі.

*На вуліцы Сухой у змроку радасным
Мы дыхалі забытаю лавандай,
Лагчынаю прыйшлі ў завулак Транспартны
І дом убачылі з бярозай і верандай...*

“На вуліцы Сухой у змроку радасным...” [3, с. 176].

Лілея – дэкаратыўная клубневая расліна з буйнымі кветкамі рознага колеру і формы.

*Казала: “Каханне было,
І я цябе не разумею”
Ляціць па-над хатай вясло,
На мыліцы ўзняўшы лілею...*

“Бераг” [2, с. 19].

Ляўконія – расліна з буйнымі малінавымі кветкамі, сабранымі ў перарывістых коласападобных мяцёлках.

...Я ваша цярпенне туманам няволіў,

*Я вас апускаў на халоднае дно.
Я ваша цярпенне туманам няволіў –
Ні белых ляўконій, ні белых магнолій,
А толькі гітарнае лісце адно...*

“На вуліцы Першага пацалунка...” [1, с. 57];

*...Твая рука, раса ляўконій
Захоўваючы ў халадку,
Да сімфанічнага спакою
Выводзіла маю руку...*

“Да сімфанічнага спакою...” [1, с. 59].

Магнолія – род кветкавых раслін сямейства магнолевых, дрэва ці куст з вялікімі духмянымі кветкамі.

*...Я ваша цярпенне туманам няволіў,
Я вас апускаў на халоднае дно.
Я ваша цярпенне туманам няволіў –
Ні белых ляўконій, ні белых магнолій,
А толькі гітарнае лісце адно...*

“На вуліцы Першага пацалунка...” [1, с. 57];

*Я на каленях, над табой,
У рыфму трызнячы аб раі,
Вясну з магноліі тваёй
Па кроплі вуснамі збіраю.*

“І з нечаканняў дарагіх...” [3, с. 169].

Мальва – высокая дэкаратыўная расліна сямейства мальвовых з вялікімі яркімі кветкамі.

*Каханая, жыццё ў жыцці, —
Як местачковая краса...
І нашым коўрыкам цвісці,
І нашай мальве не згасаць*

“Каханая, мне трыццаць пяць...” [1, с. 79].

Настурцыя, настуркі – род кветкавых раслін сямейства настуркавыя з буйнымі жоўтымі, аранжавымі ці чырвонымі кветкамі са шпорцамі, што нагадваюцькапушон манахаў-капуцынаў.

*Настуркі мне захоўваюць эмаль,
Календула мне дорыць залатоўкі,
А ўсе чарнічна-жоўтыя галоўкі
Сямейных братак –неспакой і жаль...*

“Мой сон пусты – як ваза” [1, с. 40].

Незабудка – невялікая расліна з дробнымі блакітнымі кветкамі і падоўжаным лісцем.

...З гарода бацькі, з матчынай гаруткі,

*Абтрэсваючы каранёў цяжар,
За мной бягуць лілеі, незабудкі
І шольсіі лімонавы пажар...*

“Вядома ж, не...” [1, с. 33].

Петунія – род травяністых ці паўхмызняковых шматгадовых раслін, якія часта выкарыстоўваюцца як садовыя ці балконныя дэкаратыўныя расліны.

*...А я жыхар гароднага эдэму,
Там я знайшоў свій камень хрызаліт,
Калі петунію прасіў і хрызантэму
Суцешыць баязлівы твой блакіт...*

“Ты ўчора вінаградзінкай была...” [1, с. 53].

Флёкс – дэкаратыўная расліна з яркімі духмянымі кветкамі белага, ружовага, фіялетавага і чырвонага колеру.

*... І зноў да флёксаў і да макаў
З гары царкоўнае лячу, –
Тады не знаў журбы ніякай
І сёння ведаць не хачу...*

“Да сімфанічнага спакою...” [1, с. 60].

Хрызантэма – дэкаратыўная расліна з махровымі кветкамі рознага колеру, дэндратэма.

*...А я жыхар гароднага эдэму,
Там я знайшоў свій камень хрызаліт,
Калі петунію прасіў і хрызантэму
Суцешыць баязлівы твой блакіт...*

“Ты ўчора вінаградзінкай была...” [1, с. 53].

Цынія – травяністая дэкаратыўная расліна сямейства складанакветных з буйнымі яркімі кветкамі.

*...Твая рука жарынкі цыній
Не астуджала, берагла
І перунам трамвайных ліній
Сцябліны светлыя дала...*

“Да сімфанічнага спакою...” [1, с. 59]

Эшольцыя – расліна з яркімі жоўтымі ці чырвона-аранжавымі кветкамі, прыгожа сцелецца па зямлі.

*З гарода бацькі, з матчынай гаруткі,
Абтрэсваючы каранёў цяжар,
За мной бягуць лілеі, незабудкі
І шольсіі лімонавы пажар*

“Вядома ж не...” [1, с. 33].

Такім чынам, прыгожы і цікавы свет прыроды і пачуццяў, што стварыў Леанід Дранько-Майсюк у сваіх вершах, напоўнены фарбамі разнастайных

раслін. Усе фітонімы арганічна ўключаны аўтарам у кантэкст і дапамагаюць ажывіць паэтычныя малюнкі палескага краю, зрабіць іх выключна яркімі і арыгінальнымі, тым самым больш глыбока перадаць пачуцці лірычнага героя.

Літаратура:

1. Дранько-Майсюк, Л. Акропаль : Паэзія. Эсэ / Л. Дранько-Майсюк. – Мінск : Маст. літ., 1994. – 190 с.
2. Дранько-Майсюк, Л. Вандроўнік : Вершы / Л. Дранько-Майсюк. – Мінск : Маст. літ., 1983. – 47 с. (Першая кніга паэта)
3. Дранько-Майсюк, Л. Вершы. Каханне. Проза. Выбранае / Л. Дранько-Майсюк. – Мінск : Харвест, 2003. – 304 с.
4. Новік, М. І. Кветкі Палесся ў еўрапейскім кантэксте : паводле твораў Леаніда Дранько-Майсюка / М. І. Новік. // Роднае слова. – 2000. – № 3. – С. 13–18.

ДАРОШКА Л.

АЎТАРСКАЯ ПАЗІЦЫЯ І СПАСАБЫ ЯЕ ВЫЯЎЛЕННЯ Ў СУЧАСНАЙ ГІСТАРЫЧНАЙ ДРАМАТУРГІІ

Новае адраджэнне гістарычнага жанру ў 90-я гады было абумоўлена надзённымі патрэбамі часу. Імкненне нацыі да рэалізацыі права на самавызначэнне, дзяржаўную незалежнасць, развіццё мовы і культуры, абуджэнне нацыянальнай самасвядомасці, вяртанне некалі занябаных духоўных і культурных каштоўнасцей – усё гэта спрыяла большай зацікаўленасці беларускіх драматургаў у раскрыцці гістарычнай тэмы. Заўсёды ў лёсавызначальныя для краіны часы мастакі слова звярталіся ў сваёй творчасці да асвятлення дзейнасці асоб, якія былі здольныя апырацца на сваю эпоху. Менавіта таму героямі сучасных гістарычных п'ес з'яўляюцца Е. Полацкая, Ф. Скарына, С. Будны, М. Гусоўскі і інш. Драматургі з сучасных пазіцый спрабуюць асэнсаваць падзеі далёкага мінулага як асновы фарміравання нацыянальнай адметнасці, таго пачуцця, што робіць чалавека грамадзянінам, які клапаціцца не толькі пра асабісты лёс, але і пра лёс краіны. Спецыфіка выяўлення аўтарскай пазіцыі ў драматычным творы абумоўлена тым, што ў драме аўтар у большай ступені аказваецца ў цені сваіх герояў, аднак тут яго прысутнасць бачная ў назве, эпіграфе, парадах, у сістэме рэмарак, у рэпліках “убок”, якія належаць персанажу і аўтару – адначасова. Аўтарскі намер заяўляе пра сябе ў агульнай канцэпцыі і сюжэце драмы, у размеркаванні дзейных асоб, у прыродзе канфліктнага напружання і г.д.

Выкарыстоўваючы гістарычныя хронікі, беларускія драматургі пазнаму інтэрпрэтуюць гісторыю. Заўважым, што аўтары бяруць з гісторыка-

літаратурных матэрыялаў пэўныя факты, каб падкрэсліць непарыўнасць часу, адзначыць тыя праблемы, якія зноў сталі актуальнымі ў цяперашнім свеце. Творы А. Дударова “Купала”, “Палачанка”, “Чорная панна Нясвіжа” адлюстроўваюць рух мастака ад наследавання асноўных прынцыпаў класічнай драматургіі да нацыянальных, ад маналітнай канцэпцыі героя, рэпертуарных характараў, прыярытэту сітуацыі над характарам, знешне традыцыйнага канфлікту, закрытай драматургічнай формы (адзінства часу, месца і дзеяння, непарушнасць міжжанравых межаў) да індывідуалізацыі характараў, міфалагізацыі беларускай гісторыі, выкарыстання прыёму праспекцыі і рэтраспекцыі, “інтэртэкстуальных гістарычных сюжэтаў і тэм” [1, с. 5]. У гістарычных творах А. Дударова пераносіць дзеянне ў часы Рагнеды, Кейстута, Ягайлы, Вітаўта, чые асабістыя лёсы моцна перапляліся з лёсам Бацькаўшчыны. Зварот А. Дударова да старажытнабеларускай гісторыі натуральна вынікае з пошукаў новага характару, героя з якасцямі стваральніка і збіральніка. На фоне нацыянальнага беларускага Адраджэння такія пошук меў значны грамадскі плён, спрыяў кансалідацыі нацыі, выхаванню пачуцця гонару за шматвяковую гісторыю. У вышэй названых п’есах аўтар паказаў не толькі фарміраванне беларускай дзяржаўнасці, але нараджэнне і выпяванне беларускай ідэі, самасвядомасці нацыі, іх складанасць і супярэчнасць.

А. Дударова увайшоў у беларускую літаратуру як драматург-наватар. Яго творам уласцівыя наступныя рысы:

- рэдукцыя знешняга, аб’ектыўнага дзеяння, выцясненне яго ўнутраным, суб’ектыўным;
- замена аб’ектыўнага канфлікту невырашальна субстантыўным;
- замена закрытай драматычнай структуры адкрытай;
- адмаўленне схемы герой/антыгерой;
- увядзенне падтэкставых і надтэкставых плыняў дзеяння;
- трансфармацыя традыцыйных жанравых канонаў;
- эклетызм жанравай формы.

Гістарычныя п’есы А. Петрашкевіча не толькі далучаюць да мінулага, яны напісаны з надзеяй на будучае. Аўтар імкнецца даць наглядныя ўрокі памылак і няўдач, якія спасціглі нашу Бацькаўшчыну на яе гістарычным шляху, для таго, каб яны не паўтараліся ў будучым. Сваімі творамі драматург заклікае памятаць мінулае, суперажываць падзеям сучаснасці, быць вартымі сваіх слаўных продкаў.

У п’есах прысвечаных Ф. Скарыне (“Напісанае застаецца”, “Прарок для Айчыны”) аўтарская пазіцыя драматурга выяўлена ў тым, што постаць знакамітага першадрукара паказана ў кантэксце еўрапейскага Адраджэння. Драматург пераконвае гледача, што Скарына паводле сваёй рознабаковай адоранасці нічым не саступае такім дзеячам еўрапейскага Рэнэсансу, як Бакача, Дантэ, Рабле, Мікеланджала, Леанарда да Вінчы. Асоба беларускага

першадрукара, пісьменніка, перакладчыка, мастака-графіка, навукоўцы з бліскучай еўрапейскай адукацыяй, натуральна глядзіцца ў сузор’і выдатных дзеячаў Рэнесансу. Аўтар падкрэсліў гэтую сувязь з дапамогай драматургічнай умоўнасці. Спрэчкі, дыялогі, якія вядзе герой як з антаганістамі, так і заднадумцамі, дазваляюць убачыць у Скарыне мысліцеля-гуманіста новага кшталту, хрысціяніна паводле веры і маралі, але перакананага ў тым, што і ў зямным жыцці можа быць дасягнута гармонія існавання, калі кожны чалавек, ад просталюдзіна да караля, будзе кіравацца Боскімі заветамі.

I. Чыгрынаў – непаўторны майстар мастацкага слова, які ажыццявіў глыбокае і панарамнае адлюстраванне важнейшых праяў рэчаіснасці. Ён выявіў рэдкае веданне розных вымярэнняў народнага жыцця ў пераломныя моманты нацыянальнай гісторыі. Пры адлюстраванні падзей арганічна спалучаў уласны жыццёвы досвед і глыбокія навуковыя веды. Менавіта таму яго творы не толькі дасканалыя ў мастацкіх адносінах, але надзвычай праўдзівыя і гістарычна дакладныя. У той час, як у А. Петрашкевіча трактоўка характараў звязана з гістарычнымі падзеямі, барацьбой за уладу, Іван Чыгрынаў закранае пытанні веры, падкрэслівае драматызм пераходу ад паганства (язычніцтва) да хрысціянства.

У п’есе “Звон – не малітва” пісьменнік здолеў знайсці і перадаць псіхалагічныя, драматычна насычаныя моманты пераходу ад старой да новай веры. Для герояў драмы гэты пераход абярнуўся трагічнымі наступствамі. Ізяслаў губляе сваю каханую Анею. Рагнеда пасля расстання з мужам страчвае і сына. Ізяслаў здабывае больш турботаў і клопатаў, чым радасці ад падараванага яму княскага пасаду. Пераход ад старога да новага – адвечная прычына канфліктаў у гісторыі, адпаведна і ў літаратурных творах.

Падрабязнасць, дэталізацыя вонкавых і ўнутраных абставін гістарычнага працэсу ў паказе I. Чыгрынава не заўсёды (як гэта адзначалася крытыкай) адпавядалі патрабаванням драматургічнага і сцэнічнага дзеянняў. Пісьменнік звярнуўся да досыць спецыфічнага жанру драматургіі. У п’есе I. Чыгрынава “Осцей – Альгердаў унук”, драматург паспрабаваў пераасэнсаваць акалічнасці падзей і наступстваў Кулікоўскай бітвы, ролю літоўскіх (беларускіх) князёў у вызваленні маскоўскіх земляў з-пад прыгнёту Арды.

Асаблівасць жаночага бачання гісторыі адлюстроўваецца ў тым, што знешне захоўваючы гістарычны сюжэт, жанчыны-драматургі пераносяць яго ў іншую прастору: палітыка і ўлада іграюць ў творах другасную ролю. На першым месцы – рамантычная гісторыя кахання. Жаночыя вобразы ўва-сабляюць драму няспраўджанага мацярынства, аховы дзяцінства. Аналіз драматычных паэм В. Коўтун “Суд Алаізы”, Л. Рублеўскай “Апошняя з Алелькавічаў”, Р. Баравіковай “Барбара Радзівіл” сведчыць аб тым, што пацвярджаецца заканамернасць: жанчыны больш тонка ўспрымаюць інтымныя перажыванні, тыя псіхалагічныя нюансы, з якіх пачынаецца каханне і з якімі

яно вычэрпвае сябе. Жаночая інтуіцыя дапамагае ім вастрэй адгукацца на праблемы побыту, заўважаць значнасць дэталёў, якія мужчыну-літаратару могуць паказацца нязначнымі.

Такім чынам, можна пагадзіцца з Т. Ратабыльскай, якая адзначыла, што “сучасныя драматургі не ствараюць канцэптуальную гістарычную драматургію, для іх гісторыя – гэта не столькі жыццёвая плынь мінуўшчыны, колькі крыніца сюжэтаўтварэння і фантазіі” [2, с. 26], а гістарычныя міфы і легенды адыгрываюць значную ролю ў сюжэтабудове сучасных п’ес.

Літаратура:

1. Сальнікава, К. Г. Драматургія Аляксея Дударова : класічныя традыцыі і наватарства / К. Г. Сальнікава. Аўтарэф. дысерт. на атрыманне вучонай ступені канд-та філал. навук. – Мінск, 2005.
2. Ратабыльская, Т. Герменеўтыка і сучасная драматургія / Т. Ратабыльская // Дыялогі вякоў : зб. матэр. навук.-практ. канф. па праблемах сучаснай беларускай драматургіі. – Мінск, 2000.

ДЫДЫШКА Т.

АНАМАСТЫЧНАЯ МЕТАФАРА Ў ПРОЗЕ БЕРАСЦЕЙСКІХ ПІСЬМЕННІКАЎ

Берасцейскія аўтары плённа працуюць у рэчышчы гістарычнай і аўтабіяграфічнай прозы. Узнаўляючы старонкі гісторыі як краіны, так і сваёй сям’і, падзеі ўласнага жыцця, творцы нярэдка характарызуюць і ацэньваюць герояў твора праз параўнанне з вядомымі асобамі і літаратурнымі героямі.

Вучоны і пісьменнік-энцыклапедыст У. Калеснік часта асэнсоўвае і ацэньвае асобы і падзеі праз прызму супастаўлення з персаналіямі сусветнай гісторыі і культуры. Таму ў кнізе ўспамінаў “Доўг памяці” прадстаўлены **онімы-вобразы**, выкарыстанне якіх заснавана на метафарычным пераасэнсаванні ўласных асобовых імён. У аснове **анамастычнай метафары (антанамазіі)** – імкненне аўтара да супастаўлення з мэтай больш яркай і лаканічнай характарыстыкі героя. Найбольш трапна творца можа выразіць думку, параўнаўшы чалавека з вядомай гістарычнай асобай або літаратурным персанажам, якія сталі ўвасабленнем пэўных чалавечых якасцей і імёны якіх могуць сказаць чытачу больш, чым шматслоўныя гістарычныя і літаратурныя экскурсы. І.А. Ганчароў ў сувязі з гэтым пісаў: “Каму якая справа была б, напрыклад, да звар’яцелых Ліра і Дон-Кіхота, калі б гэта былі партрэты дзівакоў, а не тыпы, г.зн. люстэркі, якія адлюстроўваюць у сабе бясконцыя падабенствы – у старым, новым і будучым чалавечым грамадстве” [2, с. 108].

У аснове характарыстыкі смелага падлетка-партызана Пейкі Навумчыка, якога забілі фашысты, імя героя рамана Віктора Гюго – мужага парыжскага свавольніка, які загінуў на барыкадзе падчас паўстання ў 1832 годзе: *“Мой няўрымслівы жвавы Пейка ляжаў мёртвым. Схапіў, бедны, у грудзі цэлую кулямётную чаргу, кажуюшок тапырыўся на спіне павырываючаю кулямі поўсцю. Так загінуў Гаўрош атрада Пейка Навумчык. Падлетак упрошваўся хадзіць са мною на самыя небяспечныя аперацыі, верыў у маю зорку ўдачы, стаў маім ценем. Цяпер ляжаў мёртвы”* [3, с. 352]. А праз метафару *міні-Мусаліні* трапна акрэслівалася як знешнасць, так і ўнутраная сутнасць выкладчыка-лацініста Матыяшкі – фашыста па перакананнях: *“Маркскізм для яго быў заклітым табу, які збываў мянушкамі, называў нязбыўнай утопіяй”* [3, с. 129]. *“Міні-Мусаліні хацеў выглядаць асобай моцнай, дэманічнай, нават тыранічным індывідам у стылі Штрынера і Ніцшэ”* [3, с. 129], а на справе не заслужыў даверу і аўтарытэту ні ў вучняў, якія параўноўвалі выкладчыка з дзібелым, распаўнелым Чарлі Чаплінам, ні нават у жонкі, што адмовілася ехаць з Матыяшкам у правінцыю.

Анамастычная метафара – *“Уліс з Прускі”* – з’яўляецца загатоўкам твора Уладзіміра Гніламёдава, становячыся ключавым словам літаратурнага тэксту. Прэцэдэнтнае імя цара-вандроўніка *Уліса* ляжыць у аснове характарыстыкі палескага хлопца, які ў пошуках дабрабыту, шчасця адплывае ў Амерыку і, прайшоўшы на чужыне выпрабаванні беспрацоўем, пагрозай смерці, каханнем жанчын, якія так і не сталі роднымі, вяртаецца ў родную Пруску. Як гамераўскі *Уліс*, Лявон пасля доўгіх гадоў вандровак прыходзіць да разумення, што цэнтрам сусвету з’яўляецца для чалавека радзіма, дом і сям’я. Толькі тут можна адчуць шчасце і гармонію.

Героя рамана Георгія Марчука “Кветкі правінцыі” Адася Долю, які спрабуе сябе ў паэзіі, персанажы параўноўваюць з вядомым пісьменнікам: *“Кірыл, Адаць таксама вершы піша”*. – *“Цікава. Новы Асадаў. Прачытай што-небудзь”* [6, с. 155]. У аснове характарыстыкі шукальніка любоўных прыгод Савы Дыма ляжаць імёны персанажаў заходнееўрапейскай літаратуры *Дон Жуана* і *Казановы*. *“Сава ўспомніў вельмі выразна і ясна ўсё сваё сталічнае жыццё, сваю эпапею донжуана і казановы”* [5, с. 174]. Адзін з персанажаў п’есы “Пеўчыя сорак першага года”, былы зэк Сямён, гатовы на подласць, здраду, злачынства, дзеля таго, каб здабыць царкоўнае золата. Ён бязлітасны ў адносінах да самых блізкіх людзей. Адмоўная ацэначная характарыстыка героя даецца праз параўнанне з біблейскімі царамі-забойцамі: *“Будзь жа ты пракляты, ірад, забойца. А-а! Прыйшоў! Навухаданосар! Усё жыццё спаганіў, растаптаў!”* [7, с. 70]. Эталонам чыстага, самаахвярнага кахання ў святмасці чалавецтва стала шэкспіраўская гераіня *Джэўлета*. Праз супастаўленне з гэтым персанажам выяўляецца ступень шчырасці сапраўднага пачуцця. Кпліва гучыць метафарычная характарыстыка *Джэўлета*, ужытая

ў дачыненні да Любы, гераіні рамана Г. Марчука “Без ангелаў”: – Э... дык на ёй жа пячатку няма дзе ставіць. А за вайскоўцамі яна аж млее. Знайшоў *Джувьету!* [4, с. 122].

Імёны-вобразы ў творах У. Калесніка, Г. Марчука, У. Гніламёдава трапна і лаканічна характарызуюць і ацэньваюць герояў твораў, выражаючы грамадзянскую і мастацкую аўтарскую пазіцыю.

Літаратура:

1. Гніламёдаў, У. В. Уліс з Прускі : раман / У. В. Гніламёдаў. – Мінск : Маст. літ., 2006. – 382 с
2. Гончаров, И. А. Собрание сочинений : в 8 т. / И. А. Гончаров. – М. : Госполитиздат, 1950 – 1955. – Т. 8 : Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. – 1955. – 576 с.
3. Калеснік, У. Доўг памяці / У. Калеснік. – Брэст : ААТ “Брэцкая друкарня, 2005. – 548 с.
4. Марчук, Г. Без ангелаў : раман, апавяданні / Г. Марчук. – Мінск : Маст. літ., 1993. – 256 с.
5. Марчук, Г. Вочы і сон. Сава Дым і яго палюбоўніцы / Г. Марчук. – Мінск : Маст.літ., 1990. – 381 с.
6. Марчук, Г. Кветкі правінцыі : раман, навелы, афарызмы / Г. Марчук. – Мінск : Маст. літ., 2004. – 416 с.
7. Марчук, Г. Пеўчыя сорак першага года / Г. Марчук // Беларуская драматургія / М-ва культуры Рэспублікі Беларусь ; рэдкал.: А. Сабалеўскі [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1994. – Вып. 1. – С. 38–84.

ДЫДЫШКА Т.

ПРАГМАТЫЧНАЯ ЗНАЧНАСЦЬ УЛАСНЫХ АСАБОВЫХ ІМЁНАЎ У ПРОЗЕ МІКАЛАЯ СЯНКЕВІЧА

Уласнае імя адыгрывае ў жыцці чалавека прыкметную ролю, суправаджаючы кожнага ад нараджэння да смерці, успрымаючыся як яго неад’емная прыналежнасць. Імя – яркі паказчык адносінаў да асобы. Калі прааналізаваць, як называюць чалавека, можна вывесці сярэдні каэфіцыент узроўню і якасці ўспрымання і ацэнкі яго іншымі людзьмі. Мікалай Сянкевіч тонка выкарыстоўвае гэтую псіхалагічную заканамернасць. Пісьменнік умела ўжывае такія прагматычна “зараджаны” моўны сродак, як уласныя асабовыя імёны. Аналіз антрапанімікону зборнікаў “Незваротны шлях” і “Хутар Паянтры” паказаў, што аўтар умела рэалізуе прагматычны патэнцыял антрапонімаў.

Сродак выражэння павагі да чалавека – ужыванне для яго называння поўнай формы імені ў спалучэнні з іменем па бацьку. У аповесці “У аперацыйным блоку холадна” толькі такую форму наймення выкарыстоўваюць хворыя, з павагай і цеплынёй называючы доктара **Лявона Міхайлавіча**, які не толькі лечыць іх, але і дае маральную, духоўную падтрымку: “Застаецца адно – нос даверху і наперад, як жартуе **Лявон Міхайлавіч**, наш доктар” [1, с. 91]. Так звяртаюцца студэнты і вучні да шанаванага настаўніка **Сямёна Пятровіча**, героя згаданай аповесці: “Добры дзень, паважаны **Сямён Пятровіч!**” – пісала былая студэнтка” [1, с. 39]. Так з павагаю называюць калегі выкладчыцу **Ніну Дзянісаўну**, якая, перажыўшы выпрабаванне смяротнаю хваробаю, захавала аптымізм, сілу духу, уменне захапляцца прыгажосцю жыцця і мастацтва: “Многае змяніла ў жыцці **Ніны Дзянісаўны** невылечная хвароба, што напаткала яе ў самым росквіце жаночага веку” [1, с. 92]. Так называе вучань бібліятэкарку, якая адкрыла яму свет прыгожага пісьменства: “Усё ж найчасцей згадвае Васілёк **Валянціну Мікалаеўну**, вясковага бібліятэкара” [2, с. 141]. Знайшлі адлюстраванне ў творах М. Сянкевіча і прынятыя ў народным асяроддзі формы звароту да сталага чалавека па імені па бацьку: “Пакінуць чалавека аднаго на вуліцы **Аляксеевіч** не мог” [2, с. 158]; “Старэйшыя называюць тату **Сяргеевічам**” [2, с. 131]. Выкарыстоўвае пісьменнік ужывальныя ў вёсцы формы звароту “дзядзька, цётка, дзед, баба + імя”: “**Дзядзька Рыгор** і сам столькі часу заспакойваў сябе: нічога не зробіш, не за гарамі восьмы дзясятка” [1, с. 195]; “**Дзядзька Якаў** нярэдка заязджаў вечарам пасля працы да маіх бацькоў, доўга заседжваўся з імі на кухні” [1, с. 132]; “**Цётка Зоя**, Максімава маці, не стрывала і выказала Паўліне ўсё, што пра яе дмала” [2, с. 140].

Безліч эмацыйна-экспрэсіўных адценняў (пяшчоту, сяброўскую фамільярнасць, насмешку, іронію, спачуванне) выражаюць формы суб’ектыўнай ацэнкі ўласных асабовых імёнаў, напр.: “Калі б у наш раён прыехалі добрыя рыцары і самую высакароднаму, сціпламу і адважнаму з іх патрабавалася знайсці спадарожніцу жыцця, толькі аднаму яму я раскажаў бы пра **Верачку**. Усё ў ёй радала: шчырасць, розум, дзіцячая непасрэднасць і зусім дарослая самаахвярнасць. Расла дзяўчына без бацькі. Маці ж часта і падоўгу хварэла. Пра гэта я даведаўся, правяраючы шыткі па мове. Ад іх ледзь чутна патыхала валяр’янай” [2, с. 119]; “З радзільнага дома **Сямён** нёс немаўля да машыны, а іх **Ілонка**, іх “выліты тата”, наварушылася на руках” [1, с. 69]; “Праз чатыры гады нарадзіўся **Віталька** [1, с. 69]; “З апошняй надзеяй **Рыгорка** зазірнуў у шытак да **Санькі**, суседа з трэцяй парты” [2, с. 151]. Адценне насмешкі мае памяншальна-ласкальная форма імені **Генік**, якой называюць героя апавядання “Нара”: “Гэта быў малады, сярэдняга росту мужчына з доўгімі, як у музыканта, пафарбаванымі ў нейкі ржавы колер валасамі, надзвычай худы, вузкагруды. Сутулаваты, з наколкамі на пальцах

і перадплеччы” [1, с. 147]. Гэта гультаяваты, хітры чалавек, які крадзе дэталі на заводзе, дзе працуе, і робіць з крадзенага люстры, кальчугі і нават зброю. Б’е жонку, а потым, атрымаўшы новае жыллё, увогуле “мяняе” яе на маладую. Збываючы зброю, **Генік** трапляе ў турму, а потым гіне, “выпрабоўваючы” кальчугу, зробленую сваімі рукамі. Чалавечая нікчэмнасць **Геніка** падкрэсліваецца тым, што дарослага чалавека называюць памяншальнай формай імені. Адценне пагарды, знявагі мае форма імені **Лорачка**, якой называюць пяцідзесяцігадовую жанчыну, гераіню аповесці М. Сянкевіча “Груша”, жыццё якой напоўнена пошукамі мужа і сваркамі з маці.

Гісторыю сям’і, адносінаў мужа і жонкі расказвае пісьменнік у аповесці “У аперацыйным блоку холадна”. Холаднасць жонкі, якая паступова ператвараецца ў чужога чалавека, і імкненне мужа захаваць сям’ю перадаецца праз ужыванне формаў звароту, якія тонка перадаюць танальнасць адносінаў Таццяны і Сямёна: “З “мілага”, “Сёмачкі” Сямён паступова ператварыўся ў **Каваля**. **Таццянка** ўсё часцей называла яго па прозвішчы, тым самым нібы падкрэсліваючы: я – гэта адно, а ты – зусім чужы чалавек, з якім, такая доля, прыходзіцца пакутаваць. Сямён махнуў рукой: **Каваль** дык **Каваль**. Мо калі і ганарыцца будзеш, дурніца, што і ў тваім пашпарце гэтае прозвішча запісана. Жонка ж па-ранейшаму была для яго “**Таццянкай**”, і ў гэтым слове чулася і прымірэнчая нотка, і нейкае шкадаванне, і надзея на лепшае. Не было нянавісці, але не было і няшчоты” [1, с. 11].

Як бачым, шматлікія формы антрапонімаў у творах Міколы Сянкевіча – яркі сродак выражэння характару і танальнасці людскіх узаемаадносінаў.

Літаратура:

1. Сянкевіч, М. І. Незваротны шлях : аповесць, апавяданні, абразкі / М. І. Сянкевіч. – Брэст : Альтэрнатыва, 2012. – 220 с.
2. Сянкевіч, М. І. Хутар Паянтрый : аповесць, апавяданні, абразкі / М. І. Сянкевіч. – Брэст : Выдавец С. Б. Лаўроў, 2002. – 202 с.

ЖОГАЛ Л.

ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ ЯК РЭПРЭЗЕНТАНТЫ НАЦЫЯНАЛЬНАГА ХАРАКТАРУ БЕЛАРУСАЎ У ТВОРАХ УЛАДЗІМІРА ГНІЛАМЁДАВА

Фразеалагізмы – гэта невычарпальная крыніца ведаў для даследчыкаў розных навук, бо менавіта ў іх адлюстроўваецца культура, нацыянальныя асаблівасці, самабытнасць народа. Вялікая колькасць фразем і парэмій

з этнакультурнай семантыкай адлюстроўвае жыццёвы вопыт людзей, іх псіхічныя ўласцівасці і асаблівасці характару.

Пад нацыянальнымі характарам мы разумеем уласцівыя пэўнай сукупнасці людзей рысы характару і паводзін, якія выдзяляюць іх з кола астатніх народаў, надаюць ім своеасаблівасць і каларыт. Усе гэтыя якасці зафіксаваны ў мове кожнага народа, гэта своеасаблівы код, расшыфроўка якога дае максімальную інфармацыю аб яго ўладальніку.

Асаблівасці характару, стыль паводзін чалавека і ўзаемаадносін яго з іншымі людзьмі ў многім прадвызначаюцца яго разумовай дзейнасцю і складам мыслення – ментальнасцю. Інтэлект (ад лац. *intellectus* “разуменне, пазнанне”) у шырокім сэнсе абазначае разумовыя здольнасці чалавека, сукупнасць усіх пазнавальных працэсаў; у больш вузкім – розум, мысленне. У структуры інтэлекту вядучымі кампанентамі з’яўляюцца мысленне, памяць і здольнасць да разумных паводзін у праблемных сітуацыях. Што датычыцца беларуса, то тут мы назіраем не толькі вялікі розум, але і досвед, разважлівасць. Гэтаму чалавеку характэрна мудрасць, што з’яўляецца немалаважным ў жыцці. Прыкладам гэтага выступае наступны выраз, ужыты У. Гніламедавым у рамане “Вяртанне”: – *Змысліў! – не паверыў таксама і Гамон. – І ў сярэдзіне ён чорны? Не-е, мяне на мякіне не правядзеі!* [1, с. 418]. Устойлівы выраз *на мякіне не правядзеі* значыць, што чалавека цяжка ашукаць або перахітрыць. Ён мае за плячыма вялікі вопыт, які сфарміраваў у яго асцярожнасць, разважлівасць і прагматычнасць. Усе гэтыя якасці перасцярагаюць чалавека ад падману. Наступны выраз *вакол пальца нельга абвесці* таксама сведчыць аб гэтым: *Але ж усе ведаюць, што гэтага чалавека вакол пальца нельга абвесці, што з ім падман не пройдзе* [2, с. 206]. Носьбітам важнай інфармацыі выступае і фразеалагізм *свая галава на плячах* з рамана “Уліс з Прускі”. Ён сведчыць пра розум, мудрасць чалавека: *У Лявона заўсёды была свая галава на плячах* [3, с. 98]. Галоўны герой самастойны ў сваім жыццёвым выбары і мае свой пункт гледжання на розныя абставіны. На такога чалавека цяжка паўплываць.

Наступныя асаблівасці характару беларусаў, якія зафіксаваны ў фразеалагізмах, – гэта смеласць і мужнасць. Гэтыя якасці фарміраваліся пад уплывам выпрабаванняў, пакут, якіх заўсёды хапала на жыццёвым шляху беларусаў. Пацвярджэннем вышэйсказанага з’яўляецца фразеалагічны выраз, які мы чуем ад аднаго з герояў рамана “Вяртанне”: – *Гэты чалавек не робкага дзясятка, – уставіў не надта да месца Чапурных* [1, с. 363]. *Не робкага дзясятка* – так заўсёды кажуць аб адважным, смелым чалавеку, які ў цяжкім становішчы зможа пастаяць за сябе. Устойлівы выраз *цёрты калач* таксама можна аднесці да тых, што станоўча характарызуюць чалавека: – *Я цёрты калач! – знайшоўся Таццянка* [2, с. 287]. Так характарызуе сябе герой рамана “Расія” Таццян, падкрэсліваючы, што ён вельмі вопытны, бывалы чалавек, якога цяжка правесці, падмануць.

Аднымі з самых яскравых паказчыкаў розуму нацыі з'яўляюцца яе міралюбства, зычлівасць і талерантнасць ў адносінах да іншых людзей. Такія рысы характару ў поўнай меры ўласцівы беларусу, які заўсёды вылучаўся сваёй добразычлівасцю. Фразеалагізм, ужыты У. Гніламёдавым у рамане “Вяртанне”, у поўнай меры пацвярджае гэтую думку: *Мы такія, што і мухі не пакрыўдзім... – адказаў за ўсіх Міхаль Тупчык, быццам прызнаючыся ў нечым вельмі інтымным* [1, с. 215]. Устойлівы выраз *мухі не пакрыўдзіць* падкрэслівае лагоднасць, пакорлівасць чалавека, адсутнасць у яго варожага настрою.

У раманах У. Гніламёдава выяўляецца шэраг устойлівых выразаў, якія ўжываюцца для падкрэслення станоўчых рыс характару чалавека. Гэта можа быць ухваленне такіх якасцяў, як добры густ, знаходлівасць. Звернем увагу на фразеалагізм, ужыты У. Гніламёдавым у рамане “Вяртанне”: *У яго губа не дура! – засмяўся Мілягін!* [1, с. 375]. Так кажуць пра чалавека, які ўмее выбраць для сябе штосьці найлепшае, самае выгоднае, скарыстацца чым-небудзь каштоўным, карысным.

У творах пісьменніка ёсць выразы, якія, наадварот, падкрэсліваюць адмоўныя якасці чалавека. Напрыклад, фразема *нос задраць* ужыта аўтарам, каб стварыць вобраз фанабэрыстага, ганарлівага чалавека: *Міша сказаў: “Нос задраў так, што фігай не дастанеш”* [2, с. 168]. Гэты выраз датычыцца тых людзей, якія вельмі любяць важнічаць, зазнавацца, фанабэрыцца. Яны задзіраюць нос вышэй, каб паказаць сябе лепшымі за астатніх. Фразеалагізм *вецер пасці* сведчыць пра бессэнсоўны, пусты занятак персанажа: – *Што ён робіць? Вецер пасе!* – *пасміхнулася Марыля* [2, с. 278].

Такім чынам, фразеалагізмы з твораў У. Гніламёдава даюць інфармацыю пра характар чалавека, дапамагаюць вызначыць спектр уласцівых беларусам псіхалагічных адзнак, рыс характару, прэзентуюць духоўныя каштоўнасці і арыенціры нашых продкаў, адлюстроўваюць іх традыцыйнае мысленне, што абумоўлена этнакультурным светабачаннем і ментальнымі асаблівасцямі.

Літаратура:

1. Гніламёдаў, У. В. Вяртанне : раман / У. В. Гніламёдаў. – Мінск : Маст. літ., 2007. – 542 с.
2. Гніламёдаў, У. В. Расія : раман / У. В. Гніламёдаў. – Мінск : Маст. літ., 2007. – 672 с.
3. Гніламёдаў, У. В. Уліс з Прускі : раман / У. В. Гніламёдаў. – Мінск : Маст. літ., 2007. – 382 с.
4. Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 1993. – Т. 1. – 590 с.
5. Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 1993. – Т. 2. – 607 с.

ЖЫГАР С.

МІФАСЕМАНТЫКА І ФУНКЦЫЯНАЛЬНАСЦЬ ПЕЧЫ ЯК ЭЛЕМЕНТА ХАТНЯЙ ПРАСТОРЫ Ў ТРАДЫЦЫЙНАЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСАЎ

Традыцыйная варачная (курная або з трубой) печ займала ў беларускай традыцыі блізкі да дзвярэй правы ці левы кут. Ад гэтага залежала далейшая арганізацыя памяшкання – размяшчэнне месца для сну, стала, “чырвонага” кута і г.д. Вусцем печ звярталася да прадольнай сцяны, што было абумоўлена аконным асвятленнем і выгодай сувязі з кутом, дзе размяшчалася ўсё неабходнае для падрыхтоўкі ежы. Побач, у сенцах, знаходзіліся прыналежнасці, якія выкарыстоўваліся ў дадзеным працэсе. Старыя печы адрозніваліся прастатой, абумоўленай канструктыўнымі і ўтылітарным меркаваннямі. Аднак ужо ў другой палове XIX ст. печ становіцца аб’ектам пільнай увагі пры вырашэнні інтэр’еру. Яна падвяргаецца пластычнай апрацоўцы з дапамогай карнізаў, а таксама розных драўляных дэталей: прыпечнага слупа (дзядка) і падставы печы (апечка).

Амаль усе рэчы, прадметы ў хаце (калаўрот, посуд з арнамантам) – гэта мікрасветы, мадэлі сусвету. Такой з’яўляецца і печ. Калі мы разглядаем хату як мадэль сусвету, то печ будзе яго цэнтрам. Разам з тым печ і сама з’яўляецца мадэллю свету, “хатнім” аналагам сусветнага дрэва: карані – падпечча, ствол – цэнтральная частка, комін – галіны, крона). Лічылася, што ў падпеччы жывуць розныя пачвары, дэманалагічныя істоты. Распаўсюджаны на Беларусі ўяўленні пра дамавіка. “Дамавік, хатнік у беларускай міфалогіі – дух хаты, цесна звязаны з уяўленнямі аб продках і гаспадарчым (асабістым) дабрабыце той ці іншай сям’і... Прыкметай прыналежнасці хатніка да іншасвету з’яўлялася адсутнасць ў яго шапкі і абутку” [5, с. 528]. Вядома шмат аповедаў пра дамавіка, якога трэба задабрываць, пры пераездзе забіраць з сабой. Ён можа выступаць патронам жыхароў хаты, ахоўваць ці караць іх. Але, дастаткова часта гэта вялікі шкоднік.

Элемент печы – комін суадносны з засветамі, з духамі продкаў. А цэнтр, там, дзе агонь, – гэта наш, чалавечы, абжыты свет. Падтрыманне агню гаспадыняй сімвалічна карэлюецца з падтрыманнем жыцця на зямлі.

У літаратуры выказана меркаванне, што печ можа прадстаўляць яшчэ адну сістэму – сістэму часу. “Печ цалкам паўтарала мадэль свету, яе структурныя гарызонты адпавядалі плыні часу: падпечак (як і пограб) – мінулае, загнёт, вусце і засланка – дзень сёняшні, комін, перакрываны юшкай (душой), суадносіўся з будучыняй” [1, с. 379].

Печ вельмі шырока выкарыстоўвалася ў рытуальнай практыцы. Пачынаючы ад нараджэння дзіцяці (калі воду, якой абмывалі дзіця, вылівалі ў печ), на працягу ўсяго жыцця гаспадароў печ выконвала не толькі свае

прамыя бытавыя функцыі: абагрэў памяшкання, прыгатаванне ежы, але выкарыстоўвалася ў самых важных абрадавых дзеяннях (вяселлі, у абрадах на каляндарныя святы). Такое распаўсюджанае выкарыстанне печы ў рытуальнай практыцы абумоўлена тым, што печ адносіцца да свету нашага, абжытага і бяспечнага і, адначасова, выконвае функцыю камуніката з продкамі, правадніка ў засветы.

Печ – гэта месца, дзе “жыве агонь”, агонь жа часта знішчае, спальвае. Таму печ, паўстае локусам, дзе можна спаліць назаўсёды што-небудзь. Напрыклад, у беларускіх замовах у печы спальвалі дзіцячыя хваробы, якія былі ўвасоблены ў матэрыяльным прадмеце (яйка), спадзяючыся, што агонь знішчыць іх (ФА). Але не заўсёды матэрыялізаваная такім чынам хвароба павінна была знікуць, не заўсёды агонь проста знішчае яе. Напрыклад, у замове ад крыксаў: “Печку затапіць, а юшкі не адчыняць і казаць: «Крыксы-варыксы, ідзіце за парог, дайце дзіцяці спакой. Начнічкі-сястрычкі, ідзіце з агнём і з дымам, а дайце дзіцяці спакой»” [5, с. 344]. Тут печ таксама з’яўляецца локусам, дзе знішчаецца дрэннае – хвароба. Але хваробу ўжо не знішчае агонь, яе адпраўляюць “ісці з агнём і з дымам”. Гэта значыць хвароба пераходзіць у іншы, “чужы” свет. Гэта відавочна, калі памятаць, што энергія адбывае з аднаго месца, але прыбаўляецца ў іншым. У замове цікава тое, што энергію гэту не выпускаюць з дымам праз комін – не адчыняюць “юшку”, а вымушаюць яе пакідаць хату праз дзверы, ісці за парог.

“Перад тым, як засланіць печ, гаспадыня загортвала ў спецыяльнае заглыбленне некалькі выгольчыкаў (гл. у загадках: “Поўны засечак красных ячак”, “Поўна карыта золатам наліта”) і засыпала іх попелам, каб назаўтра дастаць і распаліць новы агонь. Затуханне вугалькоў прадказвала хуткую смерць каго-небудзь з сямейнікаў” [3, с. 379].

У печы рэкамендавалася спальваць валасы: “Нельга, як дастанеш з росчоскі косы, выкідаць у які-небудзь другэ место, кроме грубы. Трэба спаліць іх, бо, як мышы найдуць і зробіць з яго кубло, то чоловек, чые косы былі, умрэ” (ФА; в. Рубель, Столінскі р-н).

У звычайным жыцці печ – гэта месца адпачынку. Паводле фальклору, дурныя і лянiвныя заўсёды “пазяхаюць” на печы. Такую з’яву народ часцей за ўсё высмейваў, таму вобраз гультайкі ў прыпеўках мадэлюецца наступным чынам:

На печы ляжала –

Пацягалася,

На сарочку не напрала –

Ленавалася (ФА; в. Расохі, Пружанскі р-н).

Маты ў гэты прадстаўлены таксама ў прымаўках: “Хоць тры дні не есці, абы з печы не злесці” (ФА; в. Парахонск, Пінскі р-н).

Натуральна, што для гультаёў печ была самым звычайным месцам. Але печ – гэта месца сакральнае, таму гультай там можа набыць якасці, каторых

няма ў звычайных людзей. Так, у беларускай народнай казцы “Аб дурню і залатым птаху” расказваецца пра малодшага сына, які нічога не ўмеў. Але толькі ён змог пабачыць залатога птаха, які псаваў бацькоўскі садок. З тэксту вынікае, што дурны сын як бы далучаны да “іншага” свету, продкаў: яму шанцуе, дапамагаюць звяры. А далучанасць гэту мы маглі ўбачыць яшчэ ў пачатку казкі, дзе малодшы сын увесь час на печы сядзеў. “Было ў аднаго чалавека трох сыноў: двух разумных, а трэйці – дурны. Старэйшы ўмеў на скрыпцы йграць, серадольны – на дудцы, а найменшы – дурны, – усё, седзячы на печы, лучыну стругаў” [4].

Хатняя прастора заўсёды лічылася прасторай жаночай, а прастора каля печы тым больш. Казалі: “У бабы адна дарога – ад печы да парога” (ФА). У народных песнях розных жанраў запаленая, чыстая печ – гэта атрибут дабрабыту. Такая печ заўсёды ў добрай гаспадыні. Матыў распальвання печы жанчынай абыгрываецца ў любоўных песнях:

А я ў печы не паліла
Мілы мой міленькі,
А я ў печы не паліла,
Голуб мой сівенькі.

Запалі, мілая,
Запалі, у-ха-ха,

Чарнабровая мая (ФА; в. Адрыжын, Іванаўскі р-н).

Важную ролю печ адыгрывае ў вясельным абрадзе. Лічылася дрэннай прыкметай, калі каравай у печы трэснуў. Таму лепш было разабраць печ, але не пашкодзіць яго. Падчас вяселля печ сімвалізуе жаночы пачатак, тады, як каравай – мужчынскі. На Беларусі зафіксаваны песні, дзе печ як бы дажыдаецца караваю, што мае любоўна-эратычны сэнс і звязана з зараджэннем новай сям’і, працягам роду:

Наша печ рогочэ,
Короваю хочэ.

А прыпечок залягаецца,

Короваю дожыдаецца (ФА; в. Амелянец, Камянецкі р-н).

Калі ў печы ўжо пячэцца каравай, яе аберагаюць. Падчас каравайнага абраду пераапанутыя ў вывернутыя кажухі жанчыны, стукалі, грукалі, жартавалі, паказваючы, што хочуць разбурыць печ. Але гаспадыня не дазваляла зрабіць гэта і праганяла іх (ФА; в. Моталь, Іванаўскі р-н). У беларускай традыцыі па караваі можна таксама прадказваць будучае жыццё маладых. За караваем сачылі, каб не падгарэў. Удалы каравай – добрая прыкмета для маладых (ФА; в. Моталь, Іванаўскі р-н).

Нам вядомы розныя варыянты прысушак (прываротаў). У некаторых з іх фігуруе печ. “И как эти дрова горят в печи жарко, чтоб рабу Ивану было меня жалко. И как горят эти дрова в печи душно, чтоб рабу Ивану без рабы Марии

было тошно. Чтоб он и тошился, и нудился, и по веки вечные в жизни по рабу Марию не забылся” [5, с. 374]. У замове вобраз агню ў печы, жаркі, душыны ўвасабляе “тоску” таго, каго прысушваюць. Такія праекцыі з’яўляюцца дастаткова распаўсюджанымі ў замовах і не толькі. Яны выкарыстоўваюцца для таго, каб перанесці патрэбныя якасці агню ў печы (у дадзеным выпадку) на адносіны аднаго чалавека да другога.

У загадках пазнаць печ дапамагае абазначаны колер, часта залаты і белы. Золата – гэта агонь: “Цыган едзе ў золата (Гаршчок ў печы)” [3, с. 287]. Белы – таму што раней у вясковай хаце печ заўсёды была пабелена. “Белая кабыла увесь лес пераела” (Печ) (ФА; г. Пінск). Паўторна печ бялілі да вялікіх свят.

А калі ў хаце нараджаецца дзіця, печ з першых дзён яго жыцця ўступае з ім у сувязь. “Хрысцілі дзіця ў хаце, клікалі бацюшку, які прыносіў хрысцільную воду, якую пасля хрышчэння вылівалі ў печ” (ФА; в. Пажэжын, Маларыцкі р-н). Немаўля камунікуе з продкам менавіта праз печ. У ролі медыятара, далучанага да засветаў, выступала мыш. “Зуб за піч кідалы. «Мышка, мышка, на тобі старога, дай мні молодого»” (ФА; в. Браздзяцін, Маларыцкі р-н).

Медыятыўная прагматыка печы выразна выяўлена і ў варожбах. У асобныя дні, такія як Купалле, Каляды і іншыя, печ магла прадказваць будучае, падказваць гаспадарам. “А на Новы год падпальваюць печ заране і выходзяць глядзець на дым, у які бок паверне – туды і замуж пойдзеш” (ФА; в. Магіліцы, Івацэвіцкі р-н). Звязаны з печчу і метэаралагічныя прыкметы, напрыклад: “Кот ляжыць на печы – будзе сільны мароз” (ФА; в. Тухавічы, Ляхавіцкі р-н).

Безумоўна, печ гэта цэнтральны хатні локус. Гэта не проста месца, для прыгатавання ежы ці адпачынку. Печ – гэта сімвал дома, дабрабыту, сям’і, сусвету.

Літаратура:

1. Беларуская міфалогія: энцыклапедычны слоўнік / рэд. В. Аўтушка. – Мінск : Беларусь, 2004. – 580 с.
2. Трацевский В. В. История архитектуры народного жилища Белоруссии, Минск : Выш. школа, 1989. – С. 71–72
3. Загадкі. Беларуская народная творчасць / рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – 449 с.
4. Залаты птах [Электронны рэсурс] / Беларуская электронная бібліятэка. – Мінск, 1996. – Рэжым доступу : <http://knihi.com>
5. Замовы. Беларуская народная творчасць / склад. Г. А. Барташэвіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 597 с.
6. Лобач, У. Міф. Прастора. Чалавек: беларускі традыцыйны ландшафт у семіятычнай перспектыве / У. Лобач. – Мінск : Тэхналогія, 2013. – 510 с.
7. Сказки народов мира / сост. В. П. Аникина, Н. И. Никулина, Б. Н. Путилова, Р. А. Кушнеровича. – М. : Детская литература, 1987. – 734 с.

Скарачэнні:

ФА – Фальклорны архіў студэнцкай навукова-даследчай лабараторыі “Фалькларыстыка і краязнаўства” УА “БрДУ імя А. С. Пушкіна” (кіраўнік – І. А. Швед).

ЖЫШКО В.

ТВОРЧАСЦЬ ЯНКІ СІПАКОВА: ЖАНРАВА-СТЫЛЁВЫ І ПРАБЛЕМА-ТЭМАТЫЧНЫ ДЫЯПАЗОН

Я. Сіпакоў – яскравы прадстаўнік беларускай літаратуры, надзелены шчодрым і шматгранным талентам. Чытаючы яго кнігі, адчуваеш, што ў кожным канкрэтным выпадку ён вырашае свае ідэйна-мастацкія задачы, уласцівыя толькі гэтай кнізе. Арыгінальнасць, свежасць формы для гэтага пісьменніка – пастаянны клопат. Прычым формы не дзеля формы, а формы змястоўнай, якая як найлепш дазваляе выканаць пэўную ідэю, данесці да чытача думку як ягонае адкрыццё.

Пісьменнік уважліва сачыў за мастацкімі набыткамі, пошукамі сусветнай літаратуры, сам увесь час жыве ў пошуку. Апрабоўваў мастацкія формы, прыёмы, імкнуўся іх укараніць у нацыянальную мастацкую стыхію. Часта яму гэта ўдавалася. Знаходзячыся ў пастаянных пошуках, Я. Сіпакоў заставаўся верным свайму таленту, роднай зямлі, верны памяці – народнай, уласнай, быў пісьменнікам вельмі чулым да клопатаў і турботаў сучаснасці.

Адметнай асаблівасцю творчасці Я. Сіпакова з’яўляецца тое, што яму аднолькава падуладнымі аказаліся і паэзія, і проза. Яго паэтычны і празаічны дар шматгранны і глыбокі, адкрыты творчаму пошуку.

У сваіх паэтычных зборніках 60–70-х гадоў пісьменнік засяроджваў увагу на ваеннай, гістарычнай тэмах, ён ствараў інтымную, пейзажную, філасофскую лірыку. Сваю галаву Я. Сіпакоў-паэт схіляў перад Маці, Жанчынай, Каханай. Для выяўлення паэтычнай думкі ён выкарыстоўваў розныя жанравыя формы: балады, верша-эпіталамы, верша-буколікі, санета, свабоднага верша і інш. Значным дасягненнем Я. Сіпакова з’яўляецца яго вянок санетаў “Жанчына” і кніга “Веча славянскіх балад”, за якую пісьменніку прысуджана Дзяржаўная прэмія імя Я. Купалы.

Жанр паэмы ў вершах пісьменнікам выкарыстаны для стварэння гімна Каханню і Жанчыне ў паэмах “Варзоб”, “Інтэрв’ю з міс Палоніяй”, “Экстаз”; для ўвасаблення драматызму чарнобыльскай і армянскай трагедыі – у паэмах “Одзіум” і “Ахвярны двор”. Абраны пісьменнікам жанр дазволіў яму напоўніць творы філасофскім роздумам пра сэнс быцця, сэнс чалавечага жыцця, пра ролю жанчыны ў свеце і інш.

Я. Сіпакоў як празаік пачынаўся з нарысаў, якія сведчаць пра тое, што ён самы аўтабіяграфічны нарысіст, які праз асабістае здолеў выявіць агульназнаўчае. Вызначальнай тэмай яго нарысаў з'яўляецца таксама вясковая тэма, пры асэнсаванні якой пісьменнік закранаў і вырашаў праблемы адчужанасці вяскоўцаў ад зямлі, “неперспектыўных” вёсак, кіраўніцтва і арганізацыі сельскай гаспадаркі. Для ўвасаблення мастакоўскай задумы Я. Сіпакоў выкарыстоўваў такія жанравыя мадыфікацыі, як нарыс дзелавы і нарыс праблемны. Сам аўтар свае нарысы называў “лірычнай прозай”.

У аповесці “Крыло цішыні” асэнсоўваецца традыцыйная для беларускай літаратуры вясковая тэматыка, якая падаецца Я. Сіпаковым, як і многімі пісьменнікамі-“шасцідзясятнікамі”, у спалучальнасці з ваеннай тэматыкай – другой магістральнай тэмай у нацыянальным слоўным мастацтве другой паловы XX ст. У аповесці “Усе мы з хат” у поле зроку пісьменніка трапляюць праблемы беларускай вёскі 70-х гадоў. Гэта праблемы “неперспектыўнай вёскі”, повязі з малой радзімай тых яе дзяцей, якія засталіся ў горадзе. Аповесць “Крыло цішыні” адносіцца да лірычнай прозы, а “Усе мы з хат” вызначаецца навілістычнымі прынцыпамі пабудовы твора. Абодвум аповесцям уласціва нарысавасць.

Пошукі Я. Сіпакова ў жанравых межах апавядання выявіліся ў стварэнні ім кнігі настрояў “Пяць струн”, дзе творы аб'яднаны ў пэўныя цыклы, і зборніка “Малады вецер”, якія склалі “мужчынскія апавяданні”. У сваіх прыповесцях пісьменнік асэнсоўвае тэмы нацыянальнага шляху беларусаў, чарнобыльскай бяды, вясковую тэму, выкарыстоўвае біблейскія матывы. Жанр прыповесці ў творчасці Я. Сіпакова сведчыць пра жанрава-стыльвую разнастайнасць прозы пісьменніка, яго імкненне да жанравага пошуку, жаданне знайсці новы тып героя-апавядальніка. Пра няспынны жанравы пошук Я. Сіпакова сведчыць раман у апавяданнях “Зубрэвіцкая сага”. Мастак слова не толькі звярнуўся да не вельмі частага ў літаратуры жанра “сагі”, але і выявіў сябе сапраўдным міфатворцам і носьбітам калектыўнай памяці. Адною з галоўных тэм твора з'яўляецца тэма кахання, вызначальная ва ўсёй творчасці пісьменніка.

Сіпакоўская эсэістыка – гэта думкі-развагі пра лёс народа, яго культуру, мову, гісторыю, прыроду, пра знакамітых пісьменнікаў, іх жыццё, лёс і каханне, гэта абавязкова асабістыя ўспаміны і ўражанні. Пісьменнік і ў жанры эсэ застаўся лірыкам, які ўсё, пра што піша, прапускае праз сваю думку, напаўняе асабіста перажытым. Мы звярнулі ўвагу, што ў кнізе выбраных твораў “Двое на вуліцы”, укладальнікам якой з'яўляецца В. Шніп, у раздзел “Эсэ” змешчаны творы “Коні”, “Мужчыны”, “Язычнікі”, а эсэ “Тое лета”, “Спежкай Зубрэвічы–Ляўкі” аднесены ў раздзел “Апавяданні”.

Такім чынам, на працягу свайго творчага шляху Я. Сіпакоў імкнуўся асвоіць новыя тэмы і жанры. Тым самым ён пашырыў жанрава-стыльвы і праблемна-тэматычны дыяпазон не толькі сваёй творчасці, але і нацыянальнай

літаратуры ўвогуле. Творчасць Я. Сіпакова арганічна ўпісваецца ў рэчышча пошукаў нацыянальнага слоўнага мастацтва, якое пераацэньвае і актыўна трансфармуе рэалістычныя традыцыі, асвойвае набыткі нерэалістычных плыняў – мадэрнізму і постмадэрнізму, паскорана набывае абрысы адной з самых развітых літаратур свету. Вопыт Я. Сіпакова сведчыць аб плёне творчага пошуку сучасных пісьменнікаў, аб неабмежаваных магчымасцях спалучэння элементаў традыцыйнага і новага ў мастацкім пазнанні рэчаіснасці. Разам з тым гэты вопыт сведчыць і аб неабходнасці абачлівага падыходу да тэндэнцый сучаснага літаратурнага працэсу.

ЗАЙМІСТ І.

ЗАПАЗЫЧАННІ З БАЛЦКІХ І ПОЛЬСКОЙ МОЎ У ГАВОРКАХ БПП

Гісторыя моў ёсць гісторыя народаў, іх носьбітаў. Як няма народаў, якія б не мелі мовы, так і няма моў, якія б не аказалі ўплыў на іншыя мовы, а самі не падвергліся б уплыву з боку іншых. Працэс узаемадзеяння моў праходзіць ва ўсе эпохі, таму і выклікаюць пэўную цікавасць гістарычныя пласты лексікі, у тым ліку запазычанні. Актывізавалася навуковая цікавасць да вывучэння моўных кантактаў, працэсаў і вынікаў кантактавання дзвюх ці некалькіх моў і дыялектаў.

У пэўнай ступені можна прасачыць шляхі і час пранікнення запазычанняў у беларускую мову і мову Берасцейшчыны. Запазычанні спрыяюць ператварэнню мовы ў больш гнуткі дасканалы сродак зносін, здольны абслугоўваць самыя разнастайныя функцыянальныя сферы – ад бытавой да навукова і літаратурнай.

У беларускай мове як літаратурнай, так і дыялектнай ёсць пэўная колькасць запазычанняў з польскай, нямецкай, рускай, украінскай і балцкіх моў, але большасць іх – з польскай і балцкіх моў.

Шырокаму пранікненню іншамоўных слоў з захаду садзейнічала ўжо само геаграфічнае становішча Беларусі. Брэсцка-Пінскае Палессе ўспрымаецца і класіфікуецца навукоўцамі як узорная зона архаічных дыялектаў і як тэрыторыя, на якой адбывалася старажытная міграцыя славянаў. Па паўночнай частцы гэтага рэгіёна праходзіць сучасная мяжа паміж заходнепалескімі гаворкамі і паўднёва-заходнімі. Гэта мяжа супадае са старажытнай балта-славянскай этнамоўнай мяжой, якую многія даследчыкі праводзяць прыблізна па рацэ Ясельдзе. Таму гаворкі, якія існуюць на гэтай тэрыторыі, знаходзяцца ў зоне міждыялектных кантактаў. Гаворкі характарызуюцца архаічнасцю мовы і наяўнасцю балцкіх запазычанняў, што ўзніклі з прычыны славяна-, а потым

беларуска-балцкага культурна-моўнага ўзаемадзеяння, распачатага больш тысячагоддзя назад.

Запазычванне лексікі з польскай мовы пачынаецца яшчэ ў старажытнасці. На працягу XIV–XVIII стст. беларусы і палякі суіснавалі ў адной дзяржаве, беларуская літаратурная мова развівалася ва ўмовах беларуска-польскага двухмоўя, што садзейнічала пашырэнню польскай мовы на тэрыторыі Беларусі. Таксама падтрымліваліся разнастайныя сувязі з насельніцтвам пагранічнай тэрыторыі Польшчы.

Калі запазычанні ў літаратурнай мове даследаваліся дастаткова поўна, то існаванне іх у дыялектнай мове патрабуе больш пільнай увагі.

Намі выбраны балцкія і польскія запазычанні з рэгіянальных лексікаграфічных даведнікаў, у якіх фіксуецца лексіка гаворак Брэсцка-Пінскага Палесся. Прывядзём аналіз некаторых лексем:

І. Балцкія запазычанні:

Вайцяць ‘выказваць незадавальненне ўчынкам ці паводзінамі іншых’. *Карыто свіням ні зрабіў, то жонка цэлы дзень вайця* [1, с. 38]. Дадзенае значэнне магло ўзнікнуць у выніку кантамінацыі балтызма *vaitóti* ‘вожжаць, стагнаць, жаліцца’ з іншым балтызмам *vaidýtis* ‘сварыцца’ [3, с. 39].

Гэгнуты ‘памерці’. *Мало старых зосталосо, да і сусід наш вжэ гэгнув* [2, с. 57]. Спалучэнне *ge-* у беларускай мове сустракаецца звычайна ў запазычаных словах. Арэал і фанетычнае аблічча разглядаемага слова сведчыць на карысць запазычання з балцкіх моў. У аснове запазычання – слова, роднае літоўскаму *gédeti* ‘насіць траур, шкадаваць (аб памерлым)’, *gedulas* ‘жаль’, *gedus* ‘поўны смутку, болю’, *gedsti* ‘псавацца, гніць’ [3, с. 102].

Жлукто 1) ‘выдзеўбаная з драўлянай калоды пасудзіна для запарвання бялізны’. *У жлукті одэжу золілі коліся, попал да вода гарача да ў жлукто да гэ о, бач, так мылі*; 2) ‘пра таго, хто многа п’е спіртнога’. *Набралосо жлукто, да лежыть ужэ* [2, с. 14]. Літоўскія *žluktas, žluktis*, ‘бочка для замочвання бялізны; замочаная, згатаваная для мыцця бялізна’; *žlaugtas* ‘тое ж; бочка для вырабу піва’ ўзыходзяць да *žlukti* ‘мачыць бялізну’, *žliaũkti* ‘цячы, увільгатняць’ запазычана з ідыш на тэрыторыі Літвы [3, с. 13].

Канькало ‘папрашайка’. *Цыганьчукі-канькалы проходу ны дають: грошэй просят*. Канькаты ‘прасіць’. *Діты знов морожанэ канькають* [2, с. 65]. Слова ўзыходзіць да літоўскага *kankalas* ‘званочак’ [3, с. 67].

Клёваць ‘хварэць, ледзьве жыць’. *Трохім ледзві клевае, стары ўжэ* [1, с. 110]. Суадносіцца з літоўскімі *kliáutis, klióvėsi* ‘спадзявацца, давяраць; звязвацца, сябраваць’ [3, с. 67].

Кукан ‘шнурок, на які нанізваецца рыба’. *Бывая, забудзяшся вядзерцо ўзяць, то на кукан нанізваяш рыбу* [1, с. 117]. Роднаснае з літоўскім *kiúokas* ‘палка з патаўшчэннем на адным канцы для гульні або глушыць рыбу’ [3, с. 144].

*Рэйда*ло ‘чалавек, які гаворыць бязглуздзіцу’. *Рэйда*ло, заціхні, бо ўжэ куры з цябе смяюцца. *Рэйда*ць ‘гаварыць бязглуздзіцу, недарэчнае’. *Ні рэйда*й, слухаць ні можна [1, с. 203]. Магчыма, запазычана з балцкіх моў, параўнаем, літоўскае *regzti* ‘плесці, казаць глупства’ [3, с. 129].

II. Польскія запазычанні:

*Вэдл*ух ‘у параўнанні’. *Вэдл*ух той сапачкі, што зробіў быў *Сцепан*, гэта зусем абылешчо [2, с. 10]. Запазычанне з польскай мовы – *wedlug*. Форма -*дл*ух ясна ўказвае на польскую фанетыку: *dlugi* [4, т. 2, с. 294].

Когут, кугут ‘певень’. *Мая кварціранка купіла когута*, і я згатавала *бараболь* [1, с. 99]. Запазычана з польскай мовы – *kogut* ‘певень’ [4, т. 5, с. 88].

Легар ‘лага’. *Положылі легарэ ў новай хаці*, а зарэ трэба дошкі прыбіваць [2, с. 23]. Старапольскае *leg* ‘месца для ляжання’ [4, т. 5, с. 274].

Марный ‘дрэнны’. *Маты ныколы марного слова на Івана ны сказала* [1, с. 26]. Лексема паходзіць з польскай мовы. Параўнаем, *тарту* ‘дарэмны, бескарысны’ [4, т. 6, с. 233].

Спроц ‘рагатка’. *Малые хлопцы робілі спроцы і стрэлялі каменьчыкамі з вішэнь, а маці сварылася*. Запазычана з польскай мовы – *prosa* ‘прашча’ – старадаўняя ручная зброя для кідання камянёў [4, т. 10, с. 39].

Схрон ‘сховішча’. *В вуйну хувалься уд бумбёжкы в схрон* [1, с. 233]. З польскага *schron* ‘бункер, бамбасховішча’ [4, т. 13, с. 89].

Татарнік ‘аер’. *Татарнік на Тройцу росцілаем у хаці* [2, с. 45]. Роднаснае з польскім *tatarnik*, *tatarak* з тым жа значэннем [4, т. 13, с. 256].

Такім чынам, запазычанні ў структуры беларускай літаратурнай мовы і ў народных гаворках складаюць значны лексічны пласт. Яны абазначаюць важныя для жыццядзейнасці чалавека прадметы і паняцці, звязаныя з бытавой сферай, раслінным і жывёльным светам, рамесніцтвам.

Літаратура:

1. Зайка, А. Дыялектны слоўнік Косаўшчыны / А. Зайка. – Слонім : Слоні́мская друкарня, 2011. – 272 с.
2. Клундук, С. С. Слова да слова – будзе мова : дыялектны слоўнік в. Фядоры / С. С. Клундук ; Брэсц. дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна. – Брэст : БрДУ, 2010. – 100 с.
3. Лаучюте, Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках / Ю. А. Лаучюте. – Л. : Наука, 1982. – 211 с.
4. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы : Т. 1–13. – Мінск : Навука і тэхніка, Беларус. навука, 1978–2013.

ІВАНЮК В.

АСАБЛІВАСЦІ НАЙМЕННЯЎ РАСЛІН У ГАВОРКАХ КОБРЫНШЧЫНЫ

Найменні вышэйшых раслін, што адзначаны ў маўленні жыхароў Кобрынскага рэгіёна, уяўляюць вялікі і своеасаблівы пласт лексікі. Яны з'яўляюцца яркімі прыкладамі як шматвяковых традыцый у намінацыі з'яў прыроды на аснове ўласных назіранняў, так і ўплыву навуковых ведаў пра царствы прыроды на дыялектныя адпаведнікі. Гэта багаты і цікавы матэрыял, што захоўвае культуру і традыцыі нашага народа, якія патрэбна зберагаць і перадаваць з пакалення ў пакаленне.

Найменні раслін у даследаваных народных гаворках Кобрынскага раёна Брэсцкай вобласці прадстаўлены значнай колькасцю слоў: да 212 відаў раслін зафіксаваны 381 дыялектны адпаведнік. Праведзенае даследаванне выявіла наступныя асаблівасці дадзенай тэматычнай групы лексем.

У залежнасці ад месца росту і прызначэння раслін у складзе батанічных найменняў Кобрыншчыны можна вылучыць наступныя лексіка-семантычныя групы: 1) назвы лясных і паркавых дрэў і кустоў: *бырэзына, дубына, орабына, хвоіна*; 2) назвы пладовых дрэў: *дычка, папір'ючка, сльвочкы*; 3) назвы ягадных кустоў і раслін: *гонобобэль, крыжовнык*; 4) дэкаратыўных дрэў і кустоў: *волоські оріх, хміль, чарамшына*; 5) назвы кветкавых агародных і пакаёвых раслін (вазонаў): *мірт, піонія, плітуны*; 6) назвы палявых, лугавых, лясных і балотных травяністых раслін: *багно, брунэлька, зверобой, ладюх, рогожа, рыдкіўка, язычкі*; 7) назвы агародных раслін: *горох, квасоля, колэндра*; 8) назвы збожжавых, кармавых і тэхнічных раслін: *лұбын, овэс, селідэра, чычывіця*. Кожная з гэтых груп прадстаўлена рознай колькасцю найменняў. Найбольшая ў колькасных адносінах група назваў палявых, лугавых, лясных і балотных раслін (да 92 навуковых найменняў зафіксаваны 166 дыялектных адпаведнікаў).

У выніку праведзенага этымалагічнага аналізу сярод прааналізаваных найменняў вылучаюцца матываваныя назвы, якія ўтвораны з дапамогай лексічных і словаўтваральных сродкаў нацыянальнай мовы. У залежнасці ад прыкметы, пакладзенай у аснову намінацыі, вылучаюцца наступныя групы: 1) назвы раслін, якія паказваюць на яе прызначэнне, лекавыя або іншыя адметныя ўласцівасці: *быссмэртнык* (кветкі расліны захоўваюць свой выгляд пры высыханні *огонёк* (расліна ярка цвіце); *молочай* (так называюць шматлікія расліны, якія вылучаюць сок, падобны да малака); 2) назвы раслін, якія ўказваюць на будову ўсёй расліны, яе частак або спецыфічную прымету ў будове расліны: *рызак* (расліна мае вострыя краі лісця), *сырдэчнык* (расліна з сэрцападобным лісцем); 3) назвы раслін, суадносныя з назвамі жывёл, птушак, насякомых: *вовчэ* (ад *воўк*, расліна мае плады з шыпамі, пакрытымі

зубчыкамі), *гуска* (паводле белага колеру кветак расліны), *жабуры́нне* (ад *жаба*, паводле суіснавання ў вадаёме); 4) назвы раслін, якія суадносяцца з назвамі іншых вядомых раслін: *ды́ка мо́ркава* (расліна знешне падобная да морквы), *лопушо́к* (расліна з вялікімі лістамі, як у лопуха), *огурэ́чык* (лісце расліны мае пах агуркоў) і інш.

Сярод нематываваных фітонімаў значную групу ўтвараюць словы праславянскага паходжання: *брусні́цы, бэ́рост, гра́б, ё́лка, калы́на, капуста́, клён, ко́куль, коно́здра, кропы́ва, лата́ць, лебеда́, просо́, пшаны́ця, пырэй, сасна́, часны́к, яловэ́ц, ячмі́нь* і інш. Фіксуюцца найменні з індаеўрапейскай мовы: *бы́роза, вэрба́, вэ́рос, горо́х, дуб, жы́то, мо́ркава, осо́т* і агульнаславянскія назвы: *осы́на, бузына́, хрэ́н, шчыбрэ́ць, чыро́муха*.

Іншамоўныя намінацыі запазычаны як са славянскіх, так і з іншых неславянскіх моў. Асноўнымі крыніцамі запазычання з'яўляюцца найперш суседнія польская і руская мовы. Непасрэдна з гэтых моў або пры іх пасрэдніцтве прыйшлі такія назвы, як *бэз, конюшы́на, ландыш, лохачі́, папі́рвіка, слонэ́чык, трускáвкы* і інш. – з польскай мовы; *аню́тыны гла́зкы, бояры́шнык, земля́ніка, іван-ча́й, чырода́, шулко́вныца* і інш. – з рускай мовы. Значную частку складаюць словы з лацінскай і грэчаскай моў, што абумоўлена спецыфікай прааналізаванай лексікі: *валя́р'ян, гладіо́лусы, кале́ндра, цыні́і* – з лацінскай мовы; *ака́цыя, ка́ктус, піо́на, флókсы, цыко́рыя, шпара́гус* – з грэчаскай мовы.

У структурным плане сярод батанічнай намінацыі у гаворках Кобрыншчыны вылучаюцца вытворныя лексемы. Найбольш прадуктыўным спосабам утварэння з'яўляецца марфалагічны. Сярод асноў словаўтварэння пераважае назоўнік (107 лексем); сярод спосабаў утварэння – суфіксальны (123 адзінкі); сярод словаўтваральных фармантаў – суфіксы -к, -ін-, -ын-, -ык-, -нік-, -нык-: *бырвы́нок, венге́ркі, глэ́чкі, жбаноч́кы, збаноч́кі, кабачкы́, козачкы́, конюшы́на, латачы́на, кружо́внык, хво́іна* і інш. Малапрадуктыўнымі з'яўляюцца лексіка-семантычны (*со́сонка, мыдвэ́дыны*) і марфалага-сінтаксічны спосабы (*озы́мэ*).

Складаныя батанічныя намінацыі нешматлікія (14 лексем) і ўтвараюцца спосабамі словаскладання, асноваскладання з суфіксацыяй і асновасловаскладання: *дывысі́л, зверобóй, іван-ча́й, мать-ма́чаха, смале́носы, чорно́голов, чортпо́лох, чыстотéл*.

Пры ўтварэнні састаўных батанічных найменняў у большасці выкарыстоўваюцца мадэлі: кароткі прыметнік + назоўнік і поўны прыметнік + назоўнік: *ды́ка мо́ркава, зозу́лін лён, кра́сна конюшы́на, ца́рска коро́на, бе́лы налі́ў, голу́бые подсне́жнікі, грэ́цкі о́ріх, ярова́я пше́ныця* і інш.

Такім чынам, найменні раслін – састаўная частка слоўнікавага складу гаворак Кобрынскага раёна Брэсцкай вобласці, разнастайная ў семантычных і структурна-генетычных адносінах. Яе сістэмнае вывучэнне можа спрыяць

захаванню народнай слоўнай спадчыны, узбагачэнню слоўніка сучаснай беларускай літаратурнай мовы і нармалізацыі навуковай батанічнай тэрміналогіі і наменклатуры.

ІВАНЮК В.

ФІТОНІМЫ-ПАЛАНІЗМЫ Ў ГАВОРКАХ КОБРЫНШЧЫНЫ

Лексічны запас кожнага рэгіёна нашай краіны своеасаблівы і разнастайны. Кожнае мястэчка мае свае словы-залацінкі, якія з дзяцінства знаёмыя жыхарам толькі той ці іншай мясцовасці. Як гісторыя развіцця краю, так і геаграфія накладваюць адбітак на яго лексічны фонд. Таму запазычанні, якія часта фіксуюцца ў гаворках памежных тэрыторый – з’ява натуральная. Так, тэрыторыя Брэсцкай вобласці гістарычна і геаграфічна звязана з Рэспублікай Польшчай, а значыць, у мове жыхароў дадзенага рэгіёна фіксуюцца даволі часта паланізмы, ці словы, якія праніклі з іншых моў праз пасрэдніцтва польскай мовы. Для аналізу былі выбраны разнастайныя найменні раслін, што сабраны намі падчас апытання прадстаўнікоў гаворак Кобрынскага раёна Брэсцкай вобласці, а таксама з раней апублікаваных лексікаграфічных крыніц.

З польскай мовы непасрэдна былі запазычаны найменні:

бэз ‘бэз звычайны’ – польск. *bez* [2, т. 1, с. 434]: *Бэз звалы у нас* (Бухавічы);

конюшына ‘канюшына лугавая’ – польск. *koniezyzna < konik* [2, т. 4, с. 243]: *З конюшыны вэльмы смачны чай* (Бухавічы);

ландыш – польск. *lanuszka, lanysz, lanka*, ст.-польск. *lanie uszko* ‘вуха лані’, што з’яўляецца перакладам сярэдневяковай назвы ландыша – *Auricula cervi* [2, т. 5, с. 224]: *Ландышы – першыя на вісні квіткі* (Кісялёўцы);

лохачі ‘буякі’ – польск. *łohunia* [2, т. 5, с. 263]: *Буякі – гэта лісныя ягоды* (Бухавічы);

панавія ‘шалфей мускатны’ – польск. *pinawia* [2, т. 9, с. 133]: *Панавія в нас росла за квітку, пахушча вона* (Бяроза);

папір’вка ‘гатунак яблык’ – польск. *papierówka* [2, т. 8, с. 159]: *Папір’вка в гэтым году ны вродыла* (Бухавічы);

свынт’янське зілле ‘святаяннік прадзіраўлены’ (Пяркі) – польск. *świętojanskie żille*, магчыма, і калька з ням. *Sankt Johanneskraut* [2, т. 12, с. 15];

слонэчык (польск. *slonecznik, słoniecznik < slonce* ‘сонца’, таму што расліна паварочвае галоўкі за сонцам; калька з лацінскай навуковай назвы, якая ад грэч. *ήλιος* ‘сонца’) [2, т. 12, с. 176]: *Слонэчыкы кольсь і мы садылы* (Бяроза);

трускаўкы ‘суніцы мускусныя, клубніцы’ – польск. *truskawka*: *З трускавок варэнне варать* (Бухавічы).

Праз пасрэдніцтва польскай мовы ў беларускую мову, а пасля у розных варыянтных формах і ў гаворкі Кобрыншчыны, прыйшлі такія словы, як:

а́грэст – польск. *agrest* < іт. *agresto* [2, т. 1, с. 75]: *Агрэст зэлёны е і красны* (Бухавічы);

ало́й – польск. *aloes* < с.-лац. *aloes* [2, т. 1, с. 108]: *Алой – лечэбны вазон* (Бухавічы);

брунэ́лька – польск. *brunelka* < лац. *prunella* [2, т. 1, с. 384]: *Маты кольсы звала брунэлька* (Бухавічы, Пяркі);

бырв́ынок – польск. *barwinek* < чэш. *barvínek* < ням. *Bärwinkel* < лац. *pervinca* [2, т. 1, с. 312–313]: *Звыйты мні вынычок з бырвыню, // Я завтра пойду до выню* (Бухавічы);

гвозді́кі – польск. *gwoździk* скалькаваны з с.-в.-ням. *Negelkīn* [2, т. 3, с. 74]: *Гвоздікі высокі растуць* (Балоты);

карто́пли – польск. *kartofel* < з ням. *Kartoffel* < з іт. *tartufolo* ‘труфель’ на аснове падабенства бульбы да труфеля [2, т. 4, с. 281]: *Морква, буряк, картопли, капуста – з іх полуцыця чырвоны боршч* (Кісялёўцы);

каштáн – польск. *kasztan* < з с.-в.-ням. *kastāne* < лац. *castanea* < грэч. *kastanon* [1, т. 1, с. 636];

квасо́ля – польск. *fasola* < лац. *phaseolus* < грэч. *phaseolos* [1, т. 2, с. 546]: *Можна зварыты квасолу, помняты і істы як товканыці* (Бухавічы);

крыжо́внік – польск. *krzyzownik* < з ням. *Krisdohre* [2, т. 5, с. 131]: *Крыжовнік колючы, ні взятыся за ёго* (Кісялёўцы);

лі́лія – ст.-польск. *lilija, lelija* < с.-в.-ням. *lilje, lilja* < лац. *lilia* [2, т. 5, с. 309–310]: *Лілія ніяк ні цвіта; Трэба высною попырысадываты ліліі* (Бухавічы);

лу́бын – польск. *lubin* < с.-лац. *lubinus* < ад лац. *lupinus* ‘воўчы’ [2, т. 6, с. 39]: *Лубын на полю, по дарозі ростэ, люды садяць за цвіты* (Кісялёўцы);

люцэ́рна – польск. *lucerne* < ням. *Luzerne* < фр. *luzerne* [1, т. 1, с. 734]: *Люцэрна для корму скотыны* (Бухавічы);

мі́рт – ст.-польск. *mirta* < лац. *mirta, myrta* < ст.-грэч. *μύρτος* [2, т. 7, с. 48]: *В мэнэ був вазон мірт, такыі гузынькы, довгасты лысточкы* (Бухавічы);

нарці́сы – польск. *narcyż, narcys* < лац. *narcissus* [2, т. 7, с. 247];

пі́жма – ад с.-в.-ням. *bisem* < с.-лац. *bisatum* < ст.-яўр. *bāšām* < асір. *bes(a)tō* ‘прыемны пах’ [2, т. 9, с. 123]: *Піжма возле дарогі ростэ* (Кісялёўцы);

пы́трушка – польск. *piotruszka* (памян. ад *piotruśela*) < ст.-чэш. *petrušelm* < с.-в.-ням. *petersilje* < лац. *petroselinum* < грэч. *πετροσέλιου* [2, т. 10, с. 319]: *На зыму пытрушку трэба выловаты* (Бухавічы);

рапс – польск. *raps* < ням. *Raps* < лац. *rapicium* [2, т. 11, с. 102]: *Ранс сіють, він доўго жовтым цвіта* (Бухавічы);

ру́жа – ст.-польск. *róża, ruža* < ст.-чэш. *ruože* ці с.-в.-ням. *rōze* < лац. *rōsa* [2, т. 11, с. 167–168]: *Ружа – гэта царыца квіток* (Бухавічы);

румёнок – польск. *rumianek* таксама як і рус. *ромашка* з лац. *Anthemis rotunda* [2, т. 11, с. 213]: *З румёнка вэльмы смачны чай* (Кісялёўцы);

цыбуля – польск. *cybula* < с.-в.-ням. *zibolle, zwibolle* < лац. *cēpulla, cēpa* [2, т. 4, с. 305]: *Цыбуля – найсмачніша прыправа для всеі стравы* (Бухавічы).

Такім чынам, у гаворках Кобрынскага раёна адзначаецца шмат найменняў запазычаных з польскай мовы ці праз яе пасрэдніцтва. Большасць з іх з'яўляюцца фанетычнымі ці марфалагічнымі варыянтамі навуковых назваў раслін, аднак фіксуюцца і непасрэдныя пранікненні польскіх лексем (*лохачі, трускаўкі, панавія* і інш.) у гаворкі рэгіёна.

Літаратура:

1. Булыка, А. М. Слоўнік іншамоўных слоў : у 2 т. / А. М. Булыка. – Мінск : БелЭн, 1999. – 2 т.
2. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–13. – Мінск : Навука і тэхніка, Беларус. навука, 1978–2013. – Т. 1. – 440 с.; Т. 2. – 344 с.; Т. 3. – 408 с.; Т. 4. – 326 с.; Т.5. – 320 с.; Т. 6. – 287 с.; Т. 7. – 315 с.; Т. 8. – 270 с.; Т. 9. – 367 с.; Т.10. – 325 с.; Т. 11. – 333 с.; Т. 12. – 366 с.; Т. 13. – 352 с.

КАВАЛЬЧУК А.

ЭКАЛАГІЧНАЯ ПРАБЛЕМАТЫКА Ё МАТЭРЫЯЛАХ ГАЗЕТЫ “ГРОДЗЕНСКАЯ ПРАЎДА”

Экалагічныя праблемы непасрэдна звязаны са здароўем чалавека і яго жыццём. Праблемы экалогіі нельга вырашыць толькі адміністрацыйнымі ці палітычнымі пастановамі. Важную ролю ў інфармаванасці насельніцтва ў пытаннях навакольнага асяроддзя, выхаванні экалагічнай культуры грамадства, павышэнні ўзроўню экалагічнай грамадскай адукацыі адыгрываюць сродкі масавай камунікацыі. Рэгіянальныя СМІ разглядаюць актуальныя для рэгіёна экалагічныя праблемы, чым садзейнічаюць прыцягненню да іх увагі грамадскасці, уладаў, тым самым спрыяюць іх вырашэнню.

Матэрыялы на экалагічныя праблемы друкуюцца як у спецыялізаваных, так і ў выданнях агульнага прызначэння. Першыя прадастаўляюць аўдыторыі больш дэтальны аналіз экалагічных працэсаў, аднак матэрыялы часта цяжкія для ўспрымання шырокай аўдыторыяй. Грамадска-палітычныя выданні ў гэтым плане больш даступныя чытачу. Іх перавагай таксама з'яўляецца разнастайнасць жанравых форм і вобразнасць журналісцкага тэксту, здольнасць хуткага атрымання інфармацыі з дапамогай уласных карэспандэнтаў.

На сучасны момант у Беларусі маецца дастатковая колькасць спецыялізаваных экалагічных СМІ: найперш афіцыйныя газеты, часопісы, якія

выдаюцца рэспубліканскім органам дзяржаўнага кіравання Беларусі ў галіне прыродакарыстання і аховы навакольнага асяроддзя, іншымі дзяржаўнымі арганізацыямі (“Родная прырода”, Экологический вестник”, “Экология”, “Эколог и я”, “Экология и животный мир”, “Экология на предприятии”), папулярнасць набіраюць экалагічныя электронныя выданні (бюлетэнь “Стан прыроднага асяроддзя Беларусі” на сайце Мінпрыроды).

Асаблівае месца ў асвятленні экалагічных праблем займае так званая “зьялёная прэса” – розныя віды выданняў, якія найчасцей арганізуюцца грамадскімі экалагічнымі арганізацыямі. У Беларусі існуе 12 экалагічных арганізацый у розных гарадах, якія асвятляюць сваю дзейнасць на інтэрнэт-парталах. Вольга Астаповіч, прэс-сакратар Цэнтра экалагічных рашэнняў, рэдактар сайта Ecoidea.by ў інтэрв’ю сайту mediakritika.by адзначае рост цікавасці СМІ да экалагічнай тэматыкі. Аўтар падкрэслівае, што з’яўляюцца журналісты, якія спецыялізуюцца на экалогіі, але пакуль яны не часта ініцыююць тэмы. “Чытачы хочуць матэрыялаў, звязаных з іх здароўем. На другім месцы – пытанні навакольнага асяроддзя. На трэцім – арганічнае фермерства і гарадское агародніцтва” [1]. Тым не менш, на думку прэс-сакратара, у чытацкіх густах беларусаў экалагічная тэматыка займае ці не апошнія месцы па шэрагу прычын. Каштоўнасць экалогіі без якіх-небудзь эканамічных эфектаў для беларускага грамадства таксама нехарактэрна. Цікавасць ўзнікае тады, калі адбываюцца падзеі, якія парушаюць ўяўленні пра камфорт і стабільнасць [2]. Гэта значыць, што беларускай экалагічнай журналістыцы пакуль ўласцівы падзейны фармат.

Разгледзім на прыкладзе абласной газеты “Гродзенская праўда” найбольш актуальныя экалагічныя праблемы Гродзенскага рэгіёна, што хвалююць экалагаў, журналістаў і грамадскасць, і як гэтыя праблемы знаходзяць сваё асвятленне ў перыядычным выданні. Матэрыялам даследавання паслужылі нумары газеты за 2015-2016 гады. Фактычны матэрыял склаў 164 кантэксты экалагічнай праблематыкі. Так, праведзены кантэнт-аналіз дазволіў аўтару зрабіць наступныя назіранні.

Тэксты на экалагічную тэматыку выходзяць пад рубрыкамі “Прырода і Экалогія”, “Эканоміка”, “Галоўнае”, “Спорт і турызм”. Гэта значыць, журналісты шукаюць узаемасувязі паміж эканомікай і экалогіяй, а некаторыя экалагічныя тэмы выходзяць на першы план.

У рубрыцы “Галоўнае” выходзяць матэрыялы, звязаныя з перапрацоўкай смецця і змяненнем **інфраструктуры горада** (“*Какой двор отремонтируют первым, положат ли асфальт в частном секторе, как решить проблемы со стоянками?*” (11.08.2015); **будаўніцтвам АЭС** (“*Заглянуть внутрь будущей Белорусской атомной электростанции можно с помощью мобильного приложения*” (01.12.2015), “*Реактор едет в Островец*” (20.10.2015) і інш.);

са сферай турызму (*“На Зельвенское водохранилище приезжают отдыхать белорусы, россияне и даже американцы”* (28.07.2015).

У рубрыцы “Эканоміка” размяшчаецца матэрыял пра будаўніцтва смеццэперапрацоўваючага завода (*“Строительству мусоросортировочного завода окажут государственную поддержку”* (15.07.2015). У ім расказваецца пра эканамічны бок будаўніцтва завода.

Найбольш папулярная экалагічная тэма ў “Гродзенскай праўдзе” – **будаўніцтва БЕЛАЭС у г. Астравец**. Гэтай тэме газета прысвяціла спецпраект “Пишем историю АЭС”, які распачала яшчэ ў 2010 годзе. Туды ўвайшлі інфармацыйныя матэрыялы (*“Первый энергоблок Белорусской АЭС запустят в ноябре 2018 года, второй – в июле 2020-го”* (22.12.2015), *“О строителях Белорусской АЭС снимут фильм”* (07.10.2015). Вартасць спецпраекта безумоўная, аднак ёсць некаторыя заўвагі: большасць тэкстаў былі створаны на аснове падзейнай інфанагоды і інфармацыя ў іх не была ўнікальнай. Значная частка матэрыялаў носіць інфармацыйны характар, расказвае пра этапы будаўніцтва АЭС і ўладкаванне Аўстраўца. Аналітычных тэкстаў пра АЭС намі не зафіксавана, не выяўлены матэрыялы пра надзвычайныя сітуацыі, якія адбыліся падчас будаўніцтва АЭС і актыўна абмяркоўваліся ў незалежных СМІ і на партале TUT.by. На нашу думку, абласному выданню варта было б раскрыць наступныя хвалюючыя пытанні: куды мы будзем прадаваць электраэнергію і як змяняцца на яе кошты.

Яшчэ адна папулярная экалагічная тэма абласнога выдання – **праблема ўтылізацыі цвёрдых бытавых адыходаў**. Праблема гэтая важная для ўсяго беларускага грамадства, часта абмяркоўваецца ў СМІ. У тэксце *“Мусорная дилемма: разварить мусоропровод или выносить отходы за 300 метров?”* (28.09.2015) расказваецца, што з’явіцца дадатковыя смеццевыя кантэйнеры і сартыраваць смецце будзе прасцей. Відавочна, што матэрыялаў, якія б прывучалі да экалагічнай культуры гродзенцаў, дастаткова мала. Напрыклад, спецыялізаваны сайт grodno.greenbelarus.info рэгулярна расказвае, чаму варта сартаваць смецце, прыводзіць прыклады людзей, якія сартуюць і расказваюць, што гэта зусім нескладана; вучыць, як эканоміць энергарэсурсы. Усяго вышэйпералічанага не хапае “Гродзенскай праўдзе”. Мы лічым, што прычына ў аўдыторыі газеты – людзі старэйшага ўзросту, дастаткова кансерватыўныя і якія з цяжкасцю прымаюць новаўвядзенні.

Другая сур’ёзная праблема – **якасць вады**. Праз выкіды прамысловых прадпрыемстваў, недастатковую фільтрацыю якасць вады пагаршаецца. Публікацыі ў асноўным носяць рэкамендацыйны характар (нельга купацца ў вадаёмах), ёсць матэрыялы даведачнага характару (як ачышчаюць ваду, якая трапляе ў кватэры насельніцтву (*“Станции обезжелезивания воды планируют построить в Кореличском, Берестовицком и Гродненском районах”* (16.11.2015)), з якіх крыніц можна піць ваду (*“Пить или не пить?”*

(04.10.2015)). Па нашым меркаванні, варта было б асвятляць не толькі праблемы рэк і іншых вадаёмаў, але і расказваць пра спробы вырашэння праблем на розных узроўнях, пра акцыі грамадскіх арганізацый, школьнікаў і студэнтаў па ачыстцы вадаёмаў.

Экалагічную тэму журналісты стараюцца зрабіць прываблівай праз выкарыстанне фотофактаў, відэа (на сайце газеты) і інфаграфікі: *Инфографика: “Правила заготовки березового сока”* (18.03.2017); *“Запрет на лов рыбы”* (10.03.2015); *“Час Земли”* (24.03.2015), праўда, матэрыялы выкарыстоўваюцца не ўласныя, а БелТА, тэлеканала “ГродноПлюс” і кампаніі “Цель – 99”.

На нашу думку, “Гродзенскай праўдзе” не хапае пазітыўных лайфстайлавых гісторый людзей (некаторыя прыклады такіх тэкстаў: *“Энтузиаст из Гродненского района несколько лет очищает реку Котра от завалов и бытового мусора”* (10.10.2016), *“Травница из Волковыска знает, как поправит здоровье без таблеток”* (25.08.2016); недастаткова прадстаўлена праблемы росту аўтамабіляў на душу насельніцтва, высечкі дрэў, забруджвання навакольнага асяроддзя прамысловымі вытворчасцямі, выгул хатніх жывёл, не хапае экспертных матэрыялаў з экалагамі.

Праведзены аналіз дазволіў канстатаваць, што газета “Гродзенская праўда” друкуе матэрыялы, прысвечаныя менавіта рэгіянальным экалагічным праблемам: будаўніцтва БелАЭС у г. Астравец, утылізацыі цвёрдых бытавых адыходаў і інш.

Літаратура:

1. Журналистика окружающей среды: где проблемы? / Независимый информационно-аналитический ресурс mediakritika.by [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://mediakritika.by/article/2816/zhurnalistika-okruzhayushchey-sredy-gde-problemy>. – Дата доступу: 14.05.2017.
2. Фабриковать сенсации, вызывая панику у читателей, – непрофессионально / Независимый информационно-аналитический ресурс mediakritika.by [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://mediakritika.by/article/3775/fabrikovat-sensacii-vyzyvaya-paniku-u-chitateley-neprofessionalno>. Дата доступу: 14.05.2017.

КАНДРАЦЮК В.

ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ ЯК РЭПРЭЗЕНТАНТЫ НАЦЫЯНАЛЬнай КАРЦІНЫ СВЕТУ БЕЛАРУСАЎ У ТВОРАХ ГЕОРГІЯ МАРЧУКА

Асобую ролю ў стварэнні моўнай карціны свету адыгрываюць фразеалагічныя адзінкі. Іх прынята называць непасрэдным культурным

кампанентам мовы, а таксама ядром нацыянальнай свядомасці, крытэрыем духоўнасці народа. А. Садоўская слухна адзначае, што “само іх існаванне з’яўляецца яркім сведчаннем увасаблення ў моўнай форме тысячагадовай творчасці народа, яго светапогляду і культуры” [6, с. 128].

Сярод фразеалагічных адзінак, якія сустракаюцца ў творах Г. Марчука, асабліва частыя тыя, якія семантызуюць адмоўныя рысы характару чалавека. Звярнем увагу на паводзіны літаратурных персанажаў рамана “Крык на хутары” падчас паводкі. Змітро Лятун, галоўны герой твора, загадвае дзецям, каб не губляліся, не стаялі бездапаможна, а дапамагалі пераадольваць тыя наступствы, якія прынесла гэтая небяспечная прыродная стыхія: – *Што раты разявілі, – крычаў з лодкі стары, – насі бульбу* [5, с. 120]. Вядома, што паводка на Палессі – частая з’ява, таму людзі былі прывыкшыя да яе, аднак у гэты момант дзеці Летуна разгубіліся. Фразеалагізм *раты разявіць* абазначае ‘*быць крайне няўважлівым, рассеяным*’ [2, с. 262]. Такія якасці, як няўважлівасць і рассеянасць, беларусамі характарызуюцца адмоўна.

Маральным ідэалам беларуса заўсёды была і застаецца моцная, шчаслівая сям’я. У ёй можна адчуваць сябе ўпэўненым, захаваным ад небяспекі. Важным лічылася, каб сям’я была поўная – толькі ў ёй можна выхаваць гаспадарлівых і сумленых дзяцей. Аднак здаралася, што самі бацькі не “дараслі” яшчэ да таго, каб займацца выхаваннем. Былі і тыя, што гэтым займацца проста не ўмелі, не хацелі або не лічылі патрэбным. – *А мой бацька сабакам сена косіць*, – гаворыць адзін з герояў рамана “Крык на хутары”. Ужыты ў прыведзеным кантэксте фразеалагізм *сабакам сена косіць* мае два значэнні: *1. Бадзяцца дзе-н., займаючыся пустой ці невядома якой справай. 2. Знаходзіцца невядома дзе, хаваючыся ад сям’і* [1, с. 437].

Працавітасць у беларусаў заўсёды станоўча ацэньвалася. Не выпадкова, што разам з гасціннасцю, калі характарызуюць беларускі менталітэт, заўсёды называюць і працавітасць. Разгульны лад жыцця, п’янства заўсёды лічыліся ганьбай для чалавека. Гэтыя характарыстыкі ніяк не маглі суіснаваць у адным чалавеку разам з адказнасцю, адданасцю сваёй справе, таму і лічыліся адмоўнымі. Дарэчным у сувязі з пададзенай інфармацыяй будзе наступны кантэкст: – *П’янчужкі... прыдумляюць міфічныя праверкі, транжыраць народныя грошы... баб ім падстаўляй, частуй гарэлкай... пераліваюць з пустога ў парожняе... толькі б паперкі былі ў парадку...* [5, с. 41]. У ім ужываецца фразеалагізм *пераліваць з пустога ў парожняе*, значэнне якога наступнае: *1. Займацца бескарыснай, безвыніковай справай; марна траціць час. 2. Весці пустыя размовы, займацца балбатнёй, пустасловіць* [2, с. 179].

Адмоўнымі рысамі ў светаўспрыманні беларусаў надзяляюцца людзі, якія па сваёй віне трапляюць у непрыемныя сітуацыі. Герой рамана “Прызнанне ў забойстве” апынуўся ў камічных ўмовах – аставіў сваю палюбоўніцу ў Доме культуры чакаць яго. Установу закрылі, і ён ніяк не можа прабрацца

да жанчыны. Але расказвае ён аб гэтым з гумарам, што характэрна для беларускага характару: – *Што рабіць? Яна ж пад лесвіцай чакае. Паўгадзіны мінула – цішыня. Абышоў я Дом культуры. Ат, думаю, заварыў кашу* [3, с. 17]. *Заварыць кашу* абазначае ‘распачаць складаную, клопатную, непрыемную справу’ [1, с. 384].

У творах Г. Марчука несур’ёзныя людзі таксама характарызуюцца адмоўна: *А тут яшчэ мая непуцёвая сястрыца прывезла з цаліны трохгадовага хлопчыка, кінула нам, я спрабаваў сварыцца, але каму дакажааш, вецёр у галаве* [3, с. 13]. *Вецёр у галаве* – так у народзе гаварылі пра легкадумнага чалавека. Зразумела, што да жанчыны, якая прыжыла дзіця, ды яшчэ аставіла яго брату на выхаванне, неадабральна ставіліся ўсе знаёмыя.

Чалавека, які збіўся з правільнага жыццёвага шляху, у народзе называлі *зблудшай авечкай*. Г. Марчук трапна выкарыстоўвае гэтую ўстойлівую адзінку: *Хацеў параіцца з Варфаламеем, як памагчы “зблудшай авечцы” – брату Ігнату, як стаць яму на шлях ісціны* [5, с. 109].

Фразема *як мокрае гарыць* выяўляе адносіны чалавека да працы: *Нешта ён шавеліцца, як мокрае гарыць* [5, с. 357]. Яна мае значэнне ‘вельмі марудна, павольна, не спяшаючыся (рабіць што-н.)’ [2, с. 44]. Фразеалагізм характарызуе дзеянні персанажа праз параўнанне: вядома, што мокрыя рэчы гараць павольна і дрэнна. Гэтая з’ява была заўважана людзьмі і ўвасобілася ў названым фразеалагізме.

Адмоўна беларусамі характарызуецца і балбатлівасць, якая можа быць прычынай непажаданых наступстваў. Балбатлівасць часта перарастае з простага пустаслоўя ў пляткарства з пераказваннем чужых сакрэтаў, да чаго беларусы ставяцца дрэнна, хоць і парушаюць гэтае няпісанае правіла. У фразеалагізмах з такой семантыкай частотнасцю вылучаецца лексема *язык*: *У цябе, я бачу, язык свярбіць. Падыдзі бліжэй, нешта я не пазнаю цябе...* [5, с. 147]. Фразеалагізм *язык свярбіць* мае значэнне ‘што-н. не можа стрымацца, каб не загаварыць, не сказаць што-н.’ [2, с. 597].

Калі разглядаць фразеалагізмы з семантызацыяй адмоўных рыс чалавека, то можна заўважыць, што большасць іх мае адносіны да працы. Прычым пад працай разумеецца не толькі фізічная дзейнасць: *Яны таксама ўносяць уклад угэты агульны хаос, які, паверце, панове, маёй інтуіцыі, прывядзе нас да агульнай катастрофы, так, панове, калі мы, лепшая частка нацыі, будзем сядзець склаўшы рукі* [4, с. 38]. Фразема *сядзець склаўшы рукі* абазначае ‘нічога не рабіць’, што ў прыведзеным кантэксце адносіцца да грамадска-палітычнай дзейнасці персанажаў.

Сустракаюцца выпадкі, калі ў адным кантэксце суіснуюць побач дзве фразеалагічныя адзінкі – з семантызацыяй адмоўных і станоўчых рыс характару чалавека: *Не будзе грэх на душу браць, прызнаецца: мацалі хлопцы – дзіва што, не дзеўка, а кроў з малаком* [3, с. 16]. Першая фразема падаецца

ў “Фразеалагічным слоўніку беларускай мовы” І.Я. Лепешава з паметай “*неадабральнае*”. У прыведзеным жа кантэксте яна стаіць побач з адмоўнай часціцай *не*, што змяняе яе канатацыю з адмоўнай на станоўчую. Значэнне фраземы наступнае: ‘*наступаючыся сваім сумленнем, перакананнем, рабіць які-небудзь заганны ўчынак*’ [1, с. 120]. Гэтая фразеалагічная адзінка звязана з рэлігійнымі вераваннямі беларусаў. А вось фразема **кроў з малаком** выяўляе толькі станоўчую канатацыю: ‘*1. Здаровы, моцны, у росквіце. 2. Вельмі прыгожы*’ [1, с. 534].

Са станоўчай канатацыяй выкарыстоўваюцца шматлікія фразеалагізмы пра добрасумленную працу: *Рабіў, праўда, як вол: вазіў дровы, касіў траву, гандляваў на базары, даглядаў гаспадарку, малаціў* [3, с. 83]. Праз устойлівую адзінку **як вол** праца чалавека параўноўваецца з працай жывёлы, што дае магчымасць зразумець, якою цяжкай была праца селяніна і колькі ўсяго трэба было перарабіць, каб жыць больш-менш прыстойна. У “Фразеалагічным слоўніку беларускай мовы” І.Я. Лепешава знаходзім наступнае значэнне гэтай фраземы: ‘*(рабіць, працаваць і пад.) з крайнім напружаннем сіл*’ [1, с. 183].

Адданаць сваёй працы таксама вельмі цанілася беларусамі, пра што сведчыць такі кантэкст: *Я прысутнічаў на пахаванні чалавека, якому служыў верай і праўдай* [4, с. 61]. Фразеалагізм **верай і праўдай** абазначае ‘*сумленна, аддана*’ [1, с. 164]. Такія працаўнікі шанаваліся і лічыліся паважанымі людзьмі.

Станоўчую канатацыю маюць і фразеалагізмы, якія даюць ацэнку вопытнаму працаўніку. Пра вопытнага, бывалага чалавека гаварылі: **стрэляны верабей** або **біты воўк**. Дзве гэтыя фраземы сустракаем і ў творы Г. Марчука: *У трыццаць пятым ён быў ужо стрэляны верабей* [5, с. 19]. *Вопытны, біты воўк, следчы паверыў Мікіту* [5, с. 57].

Сустракаецца ў Г. Марчука і агульнавядомая фразема **залатыя рукі**: *Меў залатыя рукі. Такія шляхетныя венгеркі, як шыў Асколка, ва ўсёй Нырчы не мог зрабіць не адзін шавец* [5, с. 100]. **Залатыя рукі** – так гаварылі пра ўмелага і здольнага ў сваёй працы чалавека [2, с. 287]. Вядома, золата для беларусаў ва ўсе часы з’яўлялася вялікай матэрыяльнай каштоўнасцю, якую далёка не кожны мог сабе дазволіць набыць, таму ўстойлівыя выразы з гэтым кампанентам вызначаюцца станоўчай ацэнкай.

Лексема *золата* ўваходзіць і ў склад фразеалагізма **на вагу золата**: – *Змоўкні, яй-бо, Валодзя, увесь настрой псуеш, заладзіў, як панамар, памру, памру. Такія, як ты, на вагу золата* [4, с. 124]. **На вагу золата** – значыць, ‘*вельмі значны, каштоўны, цэнны*’ [1, с. 145].

Такім чынам, Г. Марчук з дапамогай трапных фразеалагізмаў удала стварае нацыянальную карціну свету беларусаў. Укладваючы ўстойлівыя выразы ў вусны персанажаў, прэзаік адлюстроўвае маральныя ідэалы беларусаў, іх штодзённыя перажыванні і турботы. Фразеалогія твораў Г. Марчука дапамагае выявіць этнічную спецыфіку беларусаў як нацыі, адлюстраваць

традыцыйнае мысленне, якое абумоўлена культурна-нацыянальным светабачаннем і ментальнымі асаблівасцямі беларускага народа.

Літаратура:

1. Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 1993. – Т. 1. – 590 с.
2. Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 1993. – Т. 2. – 607 с.
3. Марчук, Г. Крык на хутары : раман / Г. Марчук. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2013. – 496 с.
4. Марчук, Г. Крык на хутары. Кветкі правінцыі : раманы / Г. Марчук. – Мінск : Юнацтва, 1998. – 493 с.
5. Марчук, Г. Прызнанне ў забойстве : раман / Г. Марчук. – Мінск : Маст. літ., 1985. – 216 с.
6. Садоўская, А. Нацыянальна-культурная спецыфіка фразеалагізмаў / А. Садоўская // Працы кафедры сучаснай беларускай мовы / пад рэд. А. Я. Міхневіча. – Мінск : РІВШ, 2005. – Вып. 4. – С. 128–129.

КАТАНОС А.

АДМЕТНАСЦЬ ДЫЯЛЕКтнага СЛОВА ГАВОРКІ ВЁСКІ ДЗІВІН КОБРЫНСКАГА РАЁНА

Вёска Дзівін – цэнтр аднайменнага сельсавета – размешчана за 33 км на паўднёвы ўсход ад раённага цэнтра горада Кобрына. У пісьмовых крыніцах паселішча ўпершыню згадваецца ў 1466 г. (паводле іншых звестак – у 1566 г.). У 1546 г. Дзівін – гэта мястэчка, цэнтр Дзівінскай воласці Берасцейскага павета Вялікага Княства Літоўскага. У 1629 г. кароль Жыгімонт III пацвердзіў дзівінцам права на штотыднёвы кірмаш па чацвяргах. З 1642 г. Дзівін меў Магдэбургскае права, аднак войта са шляхты прызначаў кароль [1, с. 54, 56, 58, 60; 2, с. 111; 5, с. 80, 95–99, 144, 206; 6, 139–141; 9, с. 18, 20, 576–578].

Для запісу дыялектнага матэрыялу намі былі выкарыстаны наступныя апытальнікі: праграма “Атласа гаворак Выганаўскага Палесся. Фанетыка. Марфалогія. Лексіка” [10, с. 32–35], т.зв. вялікая (новая) праграма: “Як у вас гавораць?”. Дыялектны матэрыял у вёсцы Дзівін (мясц. назва: *Ды́в’ін*, *Ды́вын*; жыхары: *ды́в’інцы*, *ды́вынцы*) быў запісаны ў 2008 г. ад мясцовай жыхаркі Свідуновіч Святланы Андрэеўны, 1942 года нараджэння. На сённяшні дзень тут налічваецца 2939 жыхароў і 1276 гаспадарак (гэтыя звесткі ўдакладнены ў чэрвені 2017 г. у жыхароў названай вёскі Клачковіч Ніны Мікалаеўны,

1959 года нараджэння, Вакульчык Наталлі Фёдараўны, 1963 года нараджэння, Ліхван Алены Сяргееўны, 1975 года нараджэння).

Разгледзім асноўныя фанетычныя і марфалагічныя асаблівасці гаворкі вёскі Дзівін Кобрынскага раёна.

Даследаванай гаворцы характэрны шасціфанемны склад галосных гукаў [i], [ы], [e], [a], [o], [y]. У першую чаргу адзначым такую спецыфічную рысу дадзенай гаворкі, як рэалізацыя галоснага [y] на месцы гістарычнага *o ў ненаціскным становішчы пасля цвёрдых зычных, т.зв. у к а н н е: *хулува́, дуро́на, куро́на, мулукó* і інш. Аднак у канцавых адкрытых складах этымалагічны o захоўваецца: *с'іно, л'іто, жэ́то* ‘жыта’, *высо́ко* і інш.

Яшчэ адна з найбольш яркіх і паказальных адметнасцей вакалізму вывучанай гаворкі – гэта вымаўленне гука [e] на месцы гістарычнага *ы ў націскных складах пасля цвёрдых губных: *хрыбе́* ‘грыбы’, *вэп'і́й* ‘выпі’, *пумэ́йу* ‘памыю’, *пел* ‘пыл’, *бек* ‘бык’, *меш* ‘мыш’, *вэсы́нав* ‘высыпаў’, *хлы́вэ* ‘хлявы’, але *мы, в'і́те* ‘вы’. Галосны [e] ўжываецца таксама на месцы этымалагічнага *і ў націскных і паслянаціскных складах пасля цвёрдых губных і пярэднеязычных: *лувэ́те* ‘лавіць’, *рубэ́те* ‘рабіць’, *мэска* ‘міска’, *забыра́те* ‘забіраць’, *пыса́те* ‘пісаць’, *худэ́те* ‘хадзіць’, *кусе́те* ‘касіць’, *нэ́вка* ‘нівка’, *лэ́па* ‘ліпа’, *худэ́ле* ‘хадзілі’, *лэ́те* ‘ліць’, *кулé* ‘калі’. Аднак у пераднаціскных, часам у паслянаціскных складах у падобных умовах выступае гук [ы], зрэдку – [i]: *высо́ко, пыса́те, забыра́те, зыма́, хрыбе́; вэсы́нав, вэп'і́й*. Паслядоўна зафіксаваны галосны [e] на месцы націскага гістарычнага *ы ў наступных словах: *сен* ‘сын’, *рэба* ‘рыба’, *вуле́* ‘валы’.

Істотнай і значнай асаблівасцю даследаванай гаворкі з'яўляецца таксама наяўнасць гука [ы] ў наступных пазіцыях: на месцы этымалагічных *е, *ѣ ў першым пераднаціскным складзе пасля губных: *высна́, быда́, мышо́к, выдро́, пысо́к*; на месцы гістарычных *е (*ь) пасля этымалагічных *з, *н, *с, *т, *д: *зымл'а́, нымá, сыло́, тыпéр, дын'о́к*. Аднак на месцы гістарычнага *o ў новых закрытых складах пад націскам галосны [ы] рэалізуецца непаслядоўна: *ныс, стыл, был'ш, кын'*; але *вын і в'ін, п'і́йдыш, куро́нка*.

Вельмі выразная і адрозная фанетычная адметнасць дадзенай гаворкі – гэта вымаўленне гука [i] ў адпаведнасці з націскным этымалагічным *ѣ: *л'іс, с'іно, сн'і́х, в'і́т'о́р, л'і́то, з'і́л'л'е* і інш.

Яшчэ адной з найбольш паказальных асаблівасцей вывучанай гаворкі ў галіне вакалізму з'яўляецца наяўнасць галоснага [a] на месцы гістарычнага *ѣ ў пераднаціскных і паслянаціскных складах у лексемах тыпу *вз'ала́, зл'акáвс'а, пáм'ат'*, але *зáйіц*.

Характарызуецца даследаваная гаворка таксама ўжываннем гука [y] на месцы паслянаціскага этымалагічнага *е ў словах *вэ́чур, бэ́рух*, а таксама захаванне адпаведнага гістарычнага галоснага ў націскным становішчы ў лексемах *далéко, увéс* ‘авёс’, *мéд*.

Найбольш яркая і значная адметнасць сістэмы кансанантызму дадзенай гаворкі – гэта рэалізацыя толькі цвёрдых зычных у наступных пазіцыях: губныя цвёрдыя перад этымалагічнымі *е /ва ўсіх пазіцыях/, *Ѣ /у ненаціскных складах/, *і: *высна́, беру́х, véчур, ду мыне́* ‘да мяне’, *пéршый, быда́, мышо́к, выдрó, пысо́к; забыра́те, лувéте, мэска, пыса́те, робéте*; гістарычныя *з, *н, *с, *т, *д, *л цвёрдыя перад этымалагічнымі *е (*ь), *і: *зымл’а́, нымá, сыло́, тыпéр, дын’о́к; зымá, нéнка, кусéте, худéте; алé, лёд’ве* ‘ледзь’, *пóле; кулэ́, лёпа, лéте, худéле*. Аднак пярэдняязычныя і задняязычныя перад гістарычным *о ў новых закрытых складах пад націскам цвёрдыя, губныя – цвёрдыя і мяккія: *ныс, стыл, курóвка, кын’*; але *был’ш, вын, в’ін, п’ійдыш*. Усе зычныя мяккія перад націскным этымалагічным *Ѣ: *л’іс, с’іно, сн’іх, в’ім’ор, л’іто, з’іл’л’е* і інш.

Выразнай асаблівасцю вывучанай гаворкі з’яўляецца таксама ацвярдзенне гістарычных паўмяккіх *д, *т перад *е, *і: *ден’, тыпéр; тéхо* ‘ціха’, *ходéте*. Этымалагічныя ж мяккія *д, *т захаваліся перад націскным *Ѣ і на канцы дзеясловаў у форме трэцяй асобы адзіночнага і множнага ліку: *д’ід, т’ін’*; *вын хóдыт’, нóсыт’, вунé* ‘яны’ *хóд’ат’, нóс’ат’*.

Адрозная адметнасць даследаванай гаворкі – гэта захаванне цвёрдых зычных у гістарычных спалучэннях *гы, *кы, *хы, што ўзніклі пры ўтварэнні поўных форм прыметнікаў, а таксама ў пазіцыі перад галосным [e] ў прыметніках ніякага роду адзіночнага ліку: *дóвный, курóткый*, але *тéх’ій* ‘ціхі’; *дóвнe* ‘доўгае’, *курóткe* ‘кароткае’, *тéхе* ‘ціхае’.

Істотнай асаблівасцю дадзенай гаворкі з’яўляецца паслядоўнае зацвярдзенне этымалагічных мяккіх *р, *ж, *ш, *ч у пэўных пазіцыях: *пурáдок, рабéна* ‘рабіна’, *хрых, пуры́зав, ры́чка, на двуры́, хрыбé жа́бске* ‘неядомыя грыбы’, *збóжжe* ‘збожжа’, *жар, на мыжы́, жéто, ужéне* ‘ажыны’, *ша́пка, квáшалне* ‘халадзец, квашаніна’, *ул’шéна* ‘вольха, алешына’, *шéршы* ‘шырэйшы’, *патушéте* ‘патушыць /агоны’), *рышéтныке* ‘рашэтнік /ядомы губчасты грыб карычневага колеру/’, *шчав’йўх* ‘шчаўе’, *чабрéц* ‘чабор’, *кл’укóче* ‘клякоча /пра бусла/’, *печурке* ‘шампіньён’, *вóче* ‘вочы’, *вулучéте* ‘баранаваць’ і інш. Аднак гістарычны мяккі *ц у вывучанай гаворцы як цвёрды, так і мяккі: *ца́цка, цeп, хлóпце* ‘хлопцы’, *на́навéце* ‘штаны’, *цыбу́лнык* ‘лісце цыбулі’, *цыдéлок* ‘цадзілка /кавалак палатна або іншае прыстасаванне для працэджвання чаго-небудзь (пераважна малака)/’ і *мулудéц’а* ‘маладзіца’, *вўлыц’а, купéц’а* ‘капа /сена/’, *ла́хвўц’а* ‘кубел /дзежка і пад. з вушкамі і векам для захоўвання салёнага сала/’, *хўсeньц’а* ‘вусень’, *на кунц’і* ‘на канцы’ і інш.

Значная адметнасць даследаванай гаворкі – гэта зычны *в, што паходзіць з *Ѣ, *л. У пазіцыі перад галосным, а таксама пасля галоснага гука перад зычным і ў канцавым становішчы ён даў рэфлекс губна-зубнога [v]: *véсыпав, высо́ко, véп’ій, в’іте* ‘вы’, *вулэ́, высна́, выдрó, курóва, हुлува́, лувéте, лáвка, дóвный, купéв* і інш. Сустрэкаецца губна-зубны [v] і ў пачатковым становішчы перад зычнымі: *вз’алá, вcтpéт’ітыс’а* ‘сустрэцца’, *в хáте* ‘у хаце’ і інш. Часам

у пазіцыі пасля галоснага гука перад зычным (санорным) ужываецца губна-губны [w]: *шчав'йўх*.

Вельмі яркай асаблівасцю дадзенай гаворкі з'яўляецца рэалізацыя фрыкатыўна-фарынгальнага зычнага [h]: *хулува́, дуро́на, хрыбе́, хрых, до́вхый, сн'ih, бе́рух* і інш.

Паказальная адметнасць вывучанай гаворкі – гэта захаванне звонкіх зычных у канцавым становішчы: *выз, ныж, хо́луд, правде́ный хрыб* ‘баравік’ і інш. Аднак у сярэдзіне слова звонкія зычныя перад глухімі ў адных словах захаваліся, у другіх – адбылася асіміляцыя па глухасці: *ны́жка, ху́бка*, але *ска́ска*.

Яшчэ адна істотная адметнасць даследаванай гаворкі – гэта рэалізацыя на месцы этымалагічнага спалучэння “**мяккі зычны + Ъ**” у становішчы паміж галоснымі падоўжаных зычных: *з'і́л'л'е, нас'і́н'н'е*.

І нарэшце, адрознай асаблівасцю дадзенай гаворкі ў галіне кансанантызму з'яўляецца адсутнасць або наяўнасць пратэтычных зычных [v], [h] перад галоснымі [o], [y]: *о́зыро, уну́ча* ‘ануча’, *ура́те* ‘араць’, *во́сын', во́че, ву́лиц'а, хо́стры*.

Характарызуецца гэтая гаворка і сваімі граматычнымі адметнасцямі.

Назоўнікі мужчынскага роду адзіночнага ліку другога скланення з асновай на мяккі і зацвярдзелы зычны ў творным склоне адзначаны з канчаткамі *-ом (-ем)*: *кун'о́м, рубл'о́м, нужо́м, йайце́м*.

Назоўнікам жаночага і мужчынскага роду адзіночнага ліку першага і другога скланення ў з асновай на зацвярдзелы зычны ў месным склоне характэрны канчаткі *-ы, -і*: *на мыжы́, на дуры́, на кунц'і́*.

Назоўнікі жаночага, мужчынскага і ніякага роду адзіночнага ліку першага і другога скланення ў з асновай на цвёрды і мяккі зычны ў месным склоне зафіксаваны з канчаткам *-е*: *в хате́, в л'ісе́, в но́се, в по́ле*.

Формы клічнага склону агульных назоўнікаў і ўласных імёнаў жаночага роду адзіночнага ліку пашыраны з канчаткамі *-о (-е), -у*: *ма́мо, ба́бо; ма́те; Ва́л'у, На́д'у, Ма́н'у*.

Назоўнікам жаночага роду множнага ліку першага скланення ў родным склоне ўласцівы канчатак *-ыв* або нулявы канчатак: *нымá хаты́в, стрыхы́в, баб*.

Назоўнікі мужчынскага роду множнага ліку другога скланення ў давальным склоне ўжываюцца з націскнымі канчаткамі *-ом, -ам*: *л'уд'о́м* ‘людзям’, *кун'а́м* ‘коням’.

Прыметнікі мужчынскага роду адзіночнага ліку ў назоўным склоне ў становішчы пад націскам маюць канчатак *-ей*, не пад націскам – *-ый*: *мулуде́й* ‘малады’, *старе́й* ‘стары’, *мале́й* ‘малы’, *нуде́й* ‘новы’; *до́брый, хуро́шый* ‘харошы’. Часам у акрэсленай пазіцыі зафіксаваны ненаціскны канчатак *-ы*: *хо́стры, дуру́шчы* ‘даражэйшы’, *ше́ршы* ‘шырэйшы’.

Ярка і выразная асаблівасць прыметнікаў даследаванай гаворкі – гэта т.зв. “сцягнутыя” аднаскладовыя ненаціскныя канчаткі *-а, -е* ў назоўным склоне адзіночнага ліку жаночага і ніякага роду: *до́бра, но́ва; суло́дке, хуро́ше*. Аднак

пад націскам прыметнікі ў падобных умовах выступаюць тут з поўнымі двухскладовымі націскнымі канчаткамі *-айа*, *-ойе*: *мулудáйа* ‘маладая’, *стурáйа* ‘старая’, *муладóе* ‘маладое’, *нуво́е* ‘новае’.

Яшчэ адной паказальнай адметнасцю дадзенай гаворкі з’яўляюцца суфіксы *-ч*, *-ш* простаі формы вышэйшай ступені параўнання прыметнікаў: *дуру́шчы* ‘даражэйшы’, *ше́ршы* ‘шырэйшы’ [3, с. 96–97].

Інфінітыў з асновай на галосны ўжываецца з фанематычным варыянтам старажытнага суфікса *-ц’і* *-те*: *худéте*, *робéте*, *спатé*.

Дзеясловам першага і другога спражэння ў трэцяй асобе адзіночнага і множнага ліку характэрны канчаткі *-е*, *-ыт’*, *-ут’*, *-ат’*: *вын ідé*, *нысé*, *хóдыт’*, *но́сыт’*, *вунé іду́т’*, *нысу́т’*, *хóд’ат’*, *но́с’ат’* і інш.

Зваротныя дзеясловы ў вывучанай гаворцы зафіксаваны з постфіксамі *-с’*, *-с’а*: *умыва́тыс’*, *бра́тыс’*, *робéтыс’а* ‘рабіцца’, *звáтыс’а*, *бойу́с’*, *купáйус’*, *бойáвс’а*, *купáвс’а*, *шос’ зробéлос’* ‘нешта зрабілася’.

Адрозная і значная асаблівасць даследаванай гаворкі – гэта захаванне ў дзеясловах з асновай на [к] старажытнай формы інфінітыва на *-чы* (фанематычна – *-че*) з націскам на канчатку: *пычé* ‘пячы’, *сычé* ‘сячы’. Аднак дзеясловы з асновай на [h] аднаўляюць у інфінітыве названы зычны: *стрéнче* ‘стрыгчы’. У форме трэцяй асобы множнага ліку цяперашняга часу падобныя дзеясловы маюць у аснове перад канчаткам зычныя [ч], [ж]: *пычу́т’*, *сычу́т’*, *стрыжу́т’* [4, с. 316–318; 8, с. 155; 11, с. 64, 116, 184–185].

Разгледзім яшчэ шэраг найбольш істотных і выразных адметнасцей дадзенай гаворкі. Назоўнік *грудзі* ў творным склоне ў межах словаспалучэння *баліць пад грудзьмі* вымаўляецца з канчаткам *-ме*: *булét’ пуд hrуд’мé*. Назоўніку *чобаты* [боты] ў месным склоне множнага ліку ўласціва наступная форма: *у чобутах*. Адносна-пытальны займеннік *што*, дзеясловы *хадзіць*, *насіць* у першай асобе адзіночнага ліку адзначаны з фанематычнымі, асабова-ўказальнымі займеннікамі трэцяй асобы мужчынскага, жаночага і ніякага роду адзіночнага і множнага ліку *ён*, *яна́*, *яно́*, *яны́*, уласна-асабовы займеннік другой асобы множнага ліку *вы*, інфінітыў *раска́зваць*, зваротны дзеяслоў *смяя́цца* ў трэцяй асобе адзіночнага ліку – з фанематычна-марфалагічнымі, дзеяслоўныя формы *лята́ць*, *лята́юць*, дзеяслоў *вісéць* у трэцяй асобе множнага ліку ў словазлучэнні (прэдыкаце) *гадзі́ннік (часы́) вісіць* – з фанематычна-акцэнтна-марфалагічнымі, няпэўны займеннік *не́шта* – з уласналексічным варыянтамі: *шо*; *хужу*, *ну́шу*; *вын*, *вунá*, *вунó*, *вунé*; *v’íte*; *рускáзувате*; *смыйéтц’а*; *лétате*, *лétайут’*; *часé v’íc’ат’*; *шос’*.

Такім чынам, гаворка вёскі Дзівін Кобрынскага раёна характарызуецца значнай колькасцю фанематычных і марфалагічных адметнасцей і адносіцца да паўднёвазагародскіх гаворак, адной з чатырох асобных разнавіднасцей заходнепалескіх, або загародскіх, гаворак [7, с. 27–28, 38–39; 8, с. 151–157, 201–202, 204–206, 211–212].

Літаратура:

1. Археалогія Беларусі : у 4 т. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі ; [рэдкал.: М. С. Сташкевіч (старш.) і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – Т. 4 : Помнік XIV–XVIII стст. / Ш. І. Бекцінееў [і інш.] ; пад рэд. В. М. Ляўко (гал. рэд.) [і інш.]. – 597 с.: іл.
2. Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал. : Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1996–2004. – Т. 6 : Дадаізм – Застава. – 1998. – 576 с.: іл.
3. Блінава, Э. Д. Беларуская дыялекталогія : вучэб. дапам. / Э. Д. Блінава, Е. С. Мяцельская. – 2-е выд., дапрац. і дап. – Мінск : Выш. шк., 1980. – 303 с.
4. Булыка, А. М. Гістарычная марфалогія беларускай мовы / А. М. Булыка, А. І. Жураўскі, І. І. Крамко ; пад рэд. А. М. Жураўскага. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979. – 328 с.
5. Вялікі гістарычны атлас Беларусі [Карты] : у 3 т. / Дзярж. кам. па маёмасці Рэсп. Беларусь; рэдкал. : В. Л. Насевіч [і інш.]. – [Маштабы розныя]. – Мінск : Белкартаграфія, 2009. – Т. 1. – 2009. – 1 атлас (244, [3] с.).
6. Гароды і вёскі Беларусі : энцыклапедыя. – Т. 4, кн. II. Брэсцкая вобласць / рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2007. – 608 с. : іл.
7. Клімчук, Ф. Д. Гаворкі Заходняга Палесся : фанетычны нарыс / Ф. Д. Клімчук ; [рэд. М. І. Талстой]; Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 126 с.
8. Крывіцкі, А. А. Дыялекталогія беларускай мовы : дапам. для філал. спецыяльнасцей ВНУ / А. А. Крывіцкі. – Мінск : Выш. шк., 2003. – 293 с.
9. Памяць: Кобр. р-н : Гіст.-дакум. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / рэдкал. : Г. К. Кісялёў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелТА, 2002. – 624 с. : іл.
10. Самуйлік, Я. Р. Атлас гаворак Выганаўскага Палесся / Я. Р. Самуйлік ; Брэсц. дзярж. тэхн. ун-т. – Брэст : БрДТУ, 2013. – 322 с.
11. Янкоўскі, Ф. М. Гістарычная граматыка беларускай мовы : вучэб. дапам. для філ. фак. пед. ін-аў / Ф. М. Янкоўскі. – 2-е выд., выпр. і дап. – Мінск : Выш. шк., 1983. – 271 с.

КІРПІЧЭНКА В.

**АЙКОНІМЫ ЖАБІНКАЎСКАГА РАЁНА,
МАТЫВАВАНЫЯ АПЕЛЯТЫВАМІ**

Айканімія Жабінкаўскага раёна ўяўляе сабой арганізаваную на базе жывой народнай мовы цэласную сістэму, паміж адзінкамі якой устанаўліваюцца парадыгматычныя і сінтагматычныя адносіны. Матывацыйна найменні паселішчаў даследуемага рэгіёну стасуюцца з тымі фізіка-

геаграфічнымі, гісторыка-культурнымі, эканамічнымі і сацыяльнымі фактарамі, на аснове якіх яны ўзніклі. Выразна вылучаецца пэўны беларускамоўны лексемны склад і семантычны спектр, набор тыповых для беларускай айканіміі словаўтваральных сродкаў. У якасці матывавальных асноў выкарыстоўваюцца традыцыйныя для беларускай і наогул для ўсходнеславянскай тэрыторыі крыніцы трох узроўняў: апелятыўнага, антрапанімічнага, тапанімічнага. Усе яны прыносяць у айканімію характэрныя адзнакі мясцовага дыялекту і размоўна-бытавой сферы.

На тэрыторыі Жабінкаўскага раёна зафіксавана 27 назваў, матываваных апелятывамі, што складае 27,2% ад агульнай колькасці айконімаў адзначанага рэгіёну. Лексічныя асновы найменняў апелятыўнага паходжання Жабінкаўскага раёна належаць да самых розных лексіка-семантычных разрадаў.

Частка айконімаў суадносіцца з апелятывамі, якія абазначаюць *прыродна-геаграфічныя паняцці*, характарызуюць асаблівасці мясцовасці – рэльеф (узвышаныя месцы, забалочаныя месцы), водныя басейны, лясныя масівы, зараснікі, пароды дрэў, віды раслін *в. БАГНЫ, ВЯРХІ, ГОРКІ, ДЗЯГЛІ, ПАЛЯВАЯ РАЧЫЦА, ПАДЛЕССЕ, РАГОЗНА, ХМЕЛЕВА, ХМЯЛЁЎКА*.

У якасці ўтваральнай базы могуць выкарыстоўвацца лексемны, якія адлюстроўваюць *вынікі чалавечай дзейнасці* – тыпы і часткі паселішчаў: *в. ВУЛЬКА, СЕЛІШЧЫ, НОВЫЯ ДВОРЫ, СТАРОЕ СЯЛО*; назвы шляхоў зносін: *в. ПУЦІШЧА, ГАТЧА, КАНАТОПЫ*; назвы былых промыслаў і пабудоў: *в. ВЕЖКІ, ГАРЭЛКІ, СТАЎПЫ, ШПІТАЛІ*.

Абмежаванай колькасцю прадстаўлены назвы населеных пунктаў, утвораныя ад лексем, *суадносных з найменнямі асоб апелятыўнага паходжання* – назвы людзей па сацыяльнай і прафесійнай прыналежнасці: *в. АГАРОДНІКІ, БАЯРЫ, МЕЛЬНІКІ*.

У тапаніміі Жабінкаўшчыны прадстаўлены ўласныя найменні, якія ўзніклі на базе старажытных назваў зямельных участкаў, распрацаваных у лесе: *в. ЦЕРАБЕСЫ* (назва *в. Мацясы* ў XVI – XVII ст.ст), *хутар ЦЯРЭБНІЦА* – ад дзеяслова *церабіць* ‘чысціць, рваць; ачышчаць ад кустоў і дрэваў’; *ур. ЧАРЦЁЖ* – паводле В.П. Лемцюговай, ‘значэнне слова *чарцёж* (*чарцяж*) не дайшло да нашых дзён ні ў прамых, ні ва ўскосных звестках. Захавалася толькі некалькі ўпамінаванняў аб лясных чэрцях старажытных пісьмовых крыніцах XVII – першай паловы XVIII ст. ...’ [1, с. 41], што дазваляе аднесці найменні *ЧАРЦЁЖ, ЧАРЦЯЖ* да катэгорыі тапонімаў, у якіх знайшлі адлюстраванне назвы старажытных спосабаў распрацоўкі зямлі ў лесе; *воз. ВІЖАР* – ‘тапаасновы з корнем -жар(-гар) звычайна звязваюцца з падсечна-агнявым спосабам распрацоўкі лясных участкаў. Распрацаваны ўчастак атрымліваў назву па працэсе выпальвання дрэў ці хмызняку. Так, на Палессі слова *выжар* вядома як ‘поле на месцы спаленага лесу’ [1, с. 41–42]; *в. ЗАДЗЕРЦЬ* – ад *дзерць* ‘дзялянка, дзе выцераблены лес; упершыню распрацаваны ўчастак

зямлі»; ур. *ЧЫСЦІ* – ад чысць ‘зямля, падрыхтаваная пад ворыва, ачышчаная ад лесу або хмызняку’.

Праз пэўны час землі, якія апрацоўвалі тагачасныя жыхары Жабінкаўшчыны, збядняліся. Людзям даводзілася пакідаць старыя землі (‘старыну’) і выкарыстоўваць новыя (‘навіну’). Характарам старой сістэмы земляробства абумоўлены і айконім *СЕЛІШЧЫ* – “кавалачкі зямлі... спачатку распрацоўваліся, а потым паступова засяляліся, пераўтвараючыся ў землі ‘жылыя’ ці ‘асельныя’” [1, с. 43].

Да назваў зямельных участкаў цесна прымыкаюць тапаасновы, звязаныя з назвамі паселішчаў сельскага тыпу: *СТАРОЕ СЯЛО, НОВЫЯ ДВОРЫ, ВУЛЬКА*.

Пачынаючы з XVI ст. на большай частцы Жабінкаўшчыны была праведзена дзяржаўная аграрная рэформа “Валочная памера”, згодна з якой адбываўся падрабязны перапіс дзяржаўных сялян; сялянскія сем’і атрымоўвалі ў карыстанне асноўныя надзелы (валокі) і дадатковыя ўчасткі за межамі асноўнага надзелу. Гэта таксама знайшло адбітак у тапанімічнай сістэме Жабінкаўшчыны: каля вёсак *Азяты* і *Старое Сяло* з’явіліся ўрочышчы *ВАЛОКА* і *ПАЎЛОЧЧА*.

У XVI–XVII стст. пасёлкі прамыславікоў і рамеснікаў звычайна размяшчаліся вакол гаспадарчых двароў ці маёнтка. Па назве населенага пункта можна было вызначыць, хто ў ім жыве: в. *АГАРОДНІКІ* – ад агароднік ‘сялянін, які не меў ворнай зямлі, а карыстаўся 3 моргамі агароду, за якія ён павінен быў несці службу адзін раз у тыдзень, а жонка яго летам павінна была шэсць дзён адпрацаваць на жніве’; в. *МЕЛЬНІКІ* – жыхары займаліся млынарствам; в. *БАБРЫ* – магчыма, ад баброўнікі ‘гаспадарскія слугі, што займаліся т.зв. “бабровымі гонамі”’; в. *БАЯРЫ* – ад старабел. баярын ‘феадал, незалежны землеўладальнік і вяльможа, знатны і багаты саноўнік’.

Некаторыя айконімы ўказваюць на месцазнаходжанне населенага пункта ў адносінах да якога-небудзь іншага аб’екта, назва якога з’яўляецца каранёвай часткай: *ЗАБАЛАЦЦЕ, ЗАЛЕССЕ, ЗАЛУЗЗЕ, ПАДЛЕССЕ, ПАДРЭЧЧА*. Генетычна прэфіксальна-суфіксальныя айконімы ўзыходзяць да прыназоўнікава-іменных канструкцый.

Літаратура:

1. Лемцюгова, В. П. Беларуская анамастыка: Лінгвістычны аналіз назваў населеных пунктаў Мінскай вобласці / В. П. Лемцюгова. – Мінск : Навука і тэхніка, 1970. – 156 с.

КІРПІЧЭНКА В.

АЙКАНІМІЯ ЖАБІНКАЎШЧЫНЫ: СТРУКТУРНА-СЛОВАЎТВАРАЛЬНЫ АСПЕКТ

Важным і неабходным этапам у даследаванні айканіміі з'яўляецца словаўтваральны аналіз. Вывучэнне тапанімічных дэрывацыйных працэсаў дае магчымасць вызначыць асноўныя тапонімаўтваральныя тыпы і мадэлі. На аснове словаўтваральнай структуры онімаў можна акрэсліць час і грамадска-гістарычныя ўмовы ўзнікнення найменняў. Адною з першых у беларускай тапаніміцы да аналізу структуры беларускіх геаграфічных назваў звяртаецца В.П. Лемцюгова [1, с. 11–15]. Яна выдзяляе першасныя і другасныя тапанімічныя назвы. Да першасных адносяцца тыя, якія пазбаўлены з пункту гледжання структуры тапоніма якіх-небудзь істотных тапанімічных адзнак або выяўленых у недастатковай ступені. Сюды аднесены назвы населеных пунктаў, якія ўтвораны семантычным спосабам на аснове апелятываў, антрапонімаў і гідронімаў. Другасныя найменні – гэта тапонімы, што валодаюць якой-небудзь словаўтваральнай прыкметай, якая мае пэўную тапанімічную нагрузку. Гэта назвы, утвораныя пры дапамозе розных афіксаў. Першасныя тапонімы даследчыца разглядае ў двух групах: простыя і састаўныя.

У структурных адносінах айконімы Жабінкаўшчыны падзяляюцца на тры групы: простыя, складаныя і састаўныя. Пераважаюць простыя найменні (у форме назоўніка ці субстантываванага прыметніка): *БАБРЫ, БАРАНЫ, ВЕЖКІ, МЕЛЬНІКІ, РАКІТНІЦА, СТАЎПЫ, РАГОЗНА, ХМЕЛЕВА*. У граматычных адносінах яны падзяляюцца на дзве групы: а) айконімы ў форме адзіночнага ліку; б) айконімы ў форме множнага ліку. Састаўныя назвы з'яўляюцца лексікалізаванымі словазлучэннямі: *ПАЛЯВАЯ РАЧЫЦА, СТАРОЕ СЯЛО*.

Айконімам уласціва форма адзіночнага і множнага ліку. Гэты крытэрыў улічваецца пры класіфікацыі назваў паселішчаў таму, што флексія ў складзе тапанімічных фармантаў страціла апелятыўную функцыю граматычнага паказчыка адзінкавасці і множнасці і часцей за ўсё не выдзяляецца як асобны структурны элемент, а разглядаецца як элемент тапанімічнага фарманта ці як носьбіт чыста тапанімічнай функцыі [2, с. 77].

Пры словаўтварэнні айконімаў Жабінкаўшчыны даволі актыўна і паслядоўна выкарыстоўваецца мадэль *Pluralia tantum*. У даследуемым рэгіёне зафіксавана 59 айконімаў у форме множнага ліку (каля 60% ад усіх зафіксаваных назваў і каля 67% ад усіх простых). Хаця ўсе найменні адзначанага тыпу аб'ядноўвае плюральная форма, можна вылучыць дзве структурныя разнавіднасці:

- айконімы флексійнага ўтварэння;
- айконімы суфіксальна-флексійнага ўтварэння.

Айканімічную сістэму Жабінкаўскага раёна вызначаюць назвы флексійнага ўтварэння. Да гэтай групы належаць айконімы, у якіх флексія множнага ліку з'яўляецца сродкам айканімізацыі апелятываў і онімаў. Суфіксы, што ўваходзяць у склад апелятываў, імёнаў-мянушак, уласных асабовых імёнаў пры класіфікацыі ў разлік не прымаюцца, бо не выконваюць айканімічнай функцыі.

У залежнасці ад лексічнага значэння ўтваральнай асновы флексійныя айконімы падзелены намі на тры падгрупы:

1. Айконімы, утвораныя ад апелятываў: *АГАРОДНІКІ, БАГНЫ, БАЯРЫ, ВЕЖКІ, ВЯРХІ, ГАРЭЛКІ, ГОРКІ, ДЗЯГЛІ, КАНАТОПЫ, МЕЛЬНІКІ, НАВАСАДЫ, СЕЛІШЧЫ, СТАЎПЫ, ШПТАЛІ.*

2. Айконімы, утвораныя ад дахрысціянскіх імёнаў, імёнаў-мянушак, прозвішчаў апелятыўнага паходжання: *БАБРЫ, БАГДЗЮКІ, БАРАНЫ, БАРДЗІЛЫ, БУСНІ, КАЗЯІ, КАРДЫ, ЛІСКІ, ЛОЙКІ, ЛЯСОТЫ, МАЖЭЙКІ, НАЛЕЗНІКІ, ПАНЦЮХІ, ПШАНАІ, РАЧКІ, САКІ, САЛЕЙКІ, СВІШЧЫ, ХАНЬКІ, ЦЕЛЯКІ, ШАЛУХІ, ШЧЭГЛІКІ, ШЭДЗІ.*

3. Айконімы, утвораныя ад уласных асабовых кананічных імёнаў: *БАГДАНЫ, МАЦЯСЫ, МЕЛЯШЫ, ХАДАСЫ.*

У форме прыметніка множнага ліку зафіксавана ўсяго 1 назва: *САВІЦКІЯ.*

У айконімах, утвораных на базе прыродна-геаграфічных тэрмінаў ці назваў, звязаных з дзейнасцю чалавека, форма множнага ліку звычайна з'яўляецца паказчыкам рэальнага мноства ці прасторавай працягласці (*Асінкі, Боркі, Буды, Вежкі, Горы, Лазы, Млыны, Сосны*), тады як у найменнях, утвораных ад антрапонімаў, не заўсёды ўказвае на рэальнае мноства, а можа быць паказчыкам пэўнага калектыву. Частка назваў, аднесеная намі да адантрапанімічных, магла ўзнікнуць і іншым шляхам: на аснове найменняў калектываў людзей па родзе заняткаў (*Агароднікі, Бабры, Мельнікі*), сацыяльнай прыкмеце (*Баяры*).

Флексійныя ўтварэнні ў беларускай айканіміі даволі старажытныя. Тапанімісты адзначаюць, што мадэль *Pluralia tantum* была адным з самых пашыраных сродкаў утварэння айконімаў ужо ў XV ст. [2, с. 128].

Да суфіксальна-флексійных утварэнняў належаць айконімы, у якіх суфікс і флексія множнага ліку ў выніку працяглага ўжывання ў айканіміі зрасліся і ўтварылі непадзельны айканімічны фармант. На Жабінкаўшчыне вылучаецца некалькі мадэлей такіх найменняў: з суфіксамі *-ічы (-ычы), -авічы (-овічы), -эвічы (-эвічы), -іцы (-ыцы); -аўцы (-оўцы); -аны (-яны); -аты (-яты); -ішкі (-ышкі).*

Самая прадуктыўная айканімічная мадэль – назвы на *-ічы (-ычы), -авічы (-овічы), -эвічы.* З гэтымі фармантамі адзначана 14 айконімаў: *АБРАМАВІЧЫ, АРЭПІЧЫ, БАГУСЛАВІЧЫ, ГРЫЦЭВІЧЫ, ЗВАРАВІЧЫ, ДЗЯМЕНІЧЫ, КУРПІЧЫ, МАЦЕВІЧЫ, ПЯТРОВІЧЫ, РЫКАВІЧЫ, СЕНЬКАВІЧЫ, СЯХНОВІЧЫ, ФЕДЗЬКАВІЧЫ, ПІЛПАВІЧЫ.*

Большасць з пералічаных айконімаў па паходжанні з’яўляюцца патранімічнымі назвамі, бо ў аснове ляжыць калектыўнае імя (прозвішча, імя-мянушка).

У афармленні суфіксаў -аны (-яны), -іны зафіксаваны назвы: *ЗАМОШАНЫ, КРЫЎЛЯНЫ, НАГАРАНЫ*. Айконімы данага тыпу маглі быць утвораны 2 шляхамі: па-першае, на аснове калектыўнай назвы групы людзей выхадцаў ці высяленцаў з пэўнага паселішча (*КРЫЎЛЯНЫ* < крыўляны – выхадцы з в. Крывая); па-другое, на аснове калектыўнай назвы групы людзей па прыродна-геаграфічных асаблівасцях мясцовасці, дзе ўзнік населены пункт (*НАГАРАНЫ* – людзі, якія жывуць на ўзвышаным месцы).

Пры дапамозе фармантаў -аўцы, -цы ўтвораны найменні: *ГРАБАЎЦЫ, СЯМЁНАЎЦЫ, БАРАНЦЫ*.

Айконімы *ГРАБАЎЦЫ, СЕМЕНАЎЦЫ* – адантрапанімічныя. Адзначаныя фарманты хутчэй за ўсё ўказваюць на прыналежнасць калектыва людзей асобе, імя (прозвішча, імя-мянушка) якой абазначана ў аснове: Семенаўцы – людзі Сямёна (Сямёнава), Грабаўцы – людзі Граба (Грабава). Хаця апошняя назва, як і айконім *БАРАНЦЫ*, можа мець іншае тлумачэнне: калектыўныя найменне выхадцаў ці высяленцаў з якога-небудзь населенага пункта: Грабаўцы < грабаўцы – выхадцы з в. Грабава, Баранцы < баранцы – выхадцы з в. Бараны.

На Жабінкаўшчыне засведчана адна назва ў афармленні фарманта -аты – *АЗЯТЫ*, анамастычнага паходжання.

Літаратура:

1. Лемцюгова, В. П. Усходнеславянская айканімія апелятыўнага паходжання / В. П. Лемцюгова. – Мінск, 1997. – С. 11–15.
2. Лемцюгова, В. П. Беларуская анамастыка: лінгвістычны аналіз назваў населеных пунктаў Мінскай вобласці / В. П. Лемцюгова. – Мінск : Навука і тэхніка, 1970. – 156 с.

КЛІМОВІЧ Т.

ДЭНДРОНІМЫ Ў КАНТЭКСЦЕ РАМАНА В. АДАМЧЫКА “ЧУЖАЯ БАЦЬКАЎШЧЫНА”

У рамане “Чужая бацькаўшчына” Вячаслаў Адамчык для стварэння па-сапраўднаму прыгожых і дакладных малюнкаў прыроды, для апісання рэчаіснасці, у якой жывуць яго героі, даволі часта звяртаецца да лексем, звязаных з раслінным светам. Назіраецца шматлікае выкарыстанне разнастайных фітонімаў – найменняў раслін. Асаблівую ўвагу звяртае частае выкарыстанне

назваў лясных і паркавых дрэў. Прааналізуем ужыванне дадзеных фітонімаў і прывядзём найбольш яркія прыклады.

Асіна ‘лісцёвае дрэва з зеленавата-шэрай гладкай карой і акруглым лісцем, якое дрыжыць нават пры нязначным ветры’. Выкарыстоўваецца аўтарам адзінкава ў форме адзіночнага і множнага ліку:

Выставіўшы наперад рукі і ўзіраючыся на ясны прагал неба, Алеся брыла ў гэтай варухлівай цёмнаце, што пахла вільготным мохам, карою сырых асін, трухлявымі гнілымі пнямі [1, с. 332].

Бяроза ‘лісцёвае дрэва з белай карой’. У аналізуемым рамане для наймення дадзенай расліны аўтар выкарыстоўвае словаўтваральны варыянт *бярэзіна* (у адзіночным і множным ліку):

З белаватае ад перацёртага жвіру шашы, што хавалася ў карычняватай навічкі старых, карэлых бярэзін, на пясчаную чэрствую дарогу, у вёску, звярнулі двое мужчын [1, с. 5]; Гнулася і шастала доўгім галлём над хатаю пры вуліцы вілаватая бярэзіна [1, с. 54]; Даўнейшаю гаркатаю пахла і маладая, ужо з зеленаватым вяшжом першых дробненькіх, распушчаных лісцікаў стракатая пры вуліцы бярэзіна [1, с. 315]; На ім, звесіўшы галлё, радком чарнелі старыя высокія бярэзіны – туды на чыгунку бег гасцінец [1, с. 333].

Вольха ‘лісцёвае дрэва з цёмна-бурай з неглыбокімі трэшчынамі карой, драўніна якой мае чырванаваты колер’. В. Адамчык выкарыстоўвае формы адзіночнага і множнага ліку (*алешына, алешыны*):

Няўжо ўсё без ніякага следу гіне на свеце, як гінуць старыя алешыны, дзе цяпер знаць ружаватыя, наўскос зрэзанья пні [1, с. 67]; Ёй рабілася шкода тых старых чорных алешын, тае крынічкі, што сачылася з-пад грудка, і Таквіля не помніць, калі яна ўжо звязалася – там пайшла расці маладая лаза [1, с. 293].

Вярба ‘дрэвавая і кустовая расліна з разложыстымі гнуткімі галінамі і вузкім лісцем’. У творы В. Адамчыка дадзены фітонім ужываецца ў адзіночным і множным ліку:

Перапальваючы тонкае галлё старых вербаў, нізенька пры зямлі дрыжала паружавелае сонца [1, с. 61]; Браўся вецер, шумеў у голых жаўтлявых вербах, у пруткім, абвітым, як дротам, іржавым хмелем, сіняватым алешніку, звінеў у высокай злінялай мятліцы [1, с. 66]; Спудзіўшы каля конскай кучкі вераб’ёў, Імполь скіраваў каня да тоўстае, з глыбокімі ночвамі дупла, старое вярбы [1, с. 92]; Прыглядзеўшыся, Хрысця бачыла ізноў, як за завонькаю, зліваючыся з сіняю смугою маладога алешніку і чорнымі камлямі вербаў, варушыліся два кароткія цені [1, с. 215].

Граб ‘лісцёвае дрэва або куст з гладкай шэрай карой і буйным зверху цёмна-зялёным, знізу больш светлым лісцем’. У тэксце В. Адамчык ужывае поўны навуковы адпаведнік гэтай расліны:

Нат дзеля граблішча ці новага біча верасаўцы ездзілі за блізкі свет у Восека, стары казённы лес, каб украдкам накарчаваць маладога грабу ды насекчы раўнюткага гарэшніку [1, с. 153].

Дуб ‘буйное лісцёвае дрэва з моцнай драўнінай і пладамі жалудамі’. Найменне дадзенай расліны ўжываецца ў творы ў памяншальна-ласкальнай форме ў адзіночным і множным ліку:

На маладым разгалістым дубку, з краю дарогі, шапацела сухое, скручанае ў трубку лісце – па ім, здавалася, як сек дробны дождж [1, с. 47]; Шапацела лісце на дубку, і выдавала, што по ім сячэ дробны дождж [1, с. 48].

Елка ‘вечназялёнае хваёвае дрэва з конусападобнай кронай і доўгімі лускаватымі шышкамі’. У тэксе рамана В. Адамчык ужывае дадзены фітонім у форме множнага ліку (*елкі, ёлкі*) і варыянты з памяншальна-ласкальным суфіксам у адзіночным і множным ліку (*елачка, ёлчкі, елчкі*):

Не даходзячы да пераезнае будкі, Алеся звярнула з гасцінца, цераз маладое, што яшчэ не скруцілася ў трубку і пахла прэсна траваю, жыта дайшла да елчак [1, с. 333]; На цёмна-зялёных стракатых елках вецер падварушваў абвіслыя лапы; цярушачы расу, з іх споўзаў звадзянелы снег [1, с. 79]; Нават аднаго разу паклікаў у хату Уласа Корсака і, запрасіўшы прынесці каля прыбранае ёлчкі, пачаставаў ромам, потым, паказваючы на новую, усланую ўжо імі, немцамі, падлогу падымаў палец угору: “О, культура! Пан будзе помніць” [1, с. 196].

Клён ‘дрэва з буйным перыстым лісцем і крылатымі плодзікамі’. У рамане дадзенае найменне функцыянуе ў адзіночным і множным ліку:

Колькі перадумаў пра яе Міця з таго сіняватага асенняга дня, з паджоўклым маладзенькім клёнам за акном, калі, прыйшоўшы першы дзень у школу, убачыў яе – новую ў іхнім класе вучаніцу [1, с. 163].

Ліпа ‘лісцёвае дрэва з сэрцападобнымі пілаватымі лістамі і жаўтаватымі духмянымі меданоснымі кветкамі’. Дадзеная назва сустракаецца ў рамане адзінкава ў адзіночным ліку:

Корсак спыніўся пад тоўстаю, ружаватаю ад набрынялых почак ліпаю [1, с. 318].

Рабіна ‘дрэва з гронкамі аранжава-чырвоных ягад’. Дадзены фітонім адзначаецца ў рамане адзінкава ў адзіночным ліку:

Алеся заглядзелася на яе, прыгадаўшы, як улетку, пасля дажджу, што так спорна шапоча па дзіравым лісці алешніку і сівых вербах, азірнецца з-пад нізкае хмары зжоўклае сонца – і тады заблішчаць, засвецяцца празрытсай чырванню чачоткі на гэтай рабіне – ідзеш ці едзеш з-пад рэчкі ў вёску і ўсё дзівішся на гэтую рабіну: і хараство, і нейкі смутак тады сціскаецца ў душы [1, с. 270].

Таполя ‘буйное лісцёвае дрэва з дробным насеннем з пухам, якое разносіцца ветрам’ Дадзеная назва сустракаецца ў рамане адзінкава ў форме мужчынскага роду адзіночным ліку:

Пасярод яе абшморганая канапліная паднімаўся стары выносны топаль [1, с. 309].

Хвоя ‘вечназялёнае дрэва з доўгай ігліцай’. У тэксце рамана аўтар выкарыстоўвае памяншальна-ласкальныя формы гэтай лексемы ў адзіночным і множным ліку (*хвойка, хвоечка, хвойкі, хвоечкі*):

Начлежнікі звярнулі ў лес, перагонамі на гутых прысадзістых хвойках хадзіў вецер, лес шумеў, як шуміць, падаючы з заставак вада [1, с. 47]; *Дарога ўсунулася ў зацішны ад ветру маладнік: густая, здаецца, і пальца не ўваткнеш, цёмната абвалакла шырокія, з неацярэбленымі, нізкімі лапамі хвоечкі* [1, с. 90]; *З шумам, ломячы на суседніх дрэвах лапы і абсыпаючы намерзлы снег, хвойка мякка пахіснулася на яго* [1, с. 228]; *Перад пясчанай дарогай расступіліся маладыя, шырокія ў падолах хвоечкі* [1, с. 268].

Адзінкава адзначаецца матываваны адпаведнік *смаліна*, так як дрэва ўтрымлівае ў структуры ствала смалу, якая мае рэзкі водар:

Пахла зялёная маладою смалінай, ельнікам, як на хаўтурах [1, с. 47].

Явар, белы клён ‘дрэва з вялікімі пяцілопасцевымі лістамі і кралатымі плодзікамі’. У тэксце рамана зафіксавана форма множнага ліку дадзенага наймення:

Свет рабіўся ясны, калі назаўтра, распагоджанаю ранічкаю, Алеся выходзіла на пясчаную, падзеўбаную дажджом дарогу, паабпал якой лавамі палёг руды, дзе жаўтлява-зялены лён з цвёрдымі спелымі галоўкамі, калі з невысокага грудка бачыла чырвоную чарапіцу Грабянкавага млына, возера, што, разліўшыся цяжкім растопленым волавам, стыла ў вянку сівых вербаў і навіслага грываю густога аеру, дарогу, абсаджаную старымі карэлымі яварамі ў трапяткім, блішчастым лісці, усю Грабянкаву асаду ... [1, с. 123].

Ясень ‘дрэва з перыстым лісцем і цвёрдай драўнінай’. Дадзены фітонім функцыянуе ў рамане адзінкава ў форме множнага ліку:

Туды бегла, ужо абсаджаная маладымі ясенямі, дарога [1, с. 70].

Такім чынам, у рамане “Чужая бацькаўшчына” В. Адамчык у апісаннях карцін прыроды выкарыстоўвае найменні 14 лясных і паркавых дрэў. Найчасцей ужываюцца фітонімы-адпаведнікі такіх раслін, як *хвоя* (27), *бяроза* (25) і *вярба* (21). Адзінкава адзначаюцца лексемы *явар, клён, граб, топаль, ліпа, ясень*.

Літаратура:

1. Адамчык, В. Чужая Бацькаўшчына / В. Адамчык. – Мінск : Юнацтва, 1994. – 334 с.
2. Раслінны свет : тэматычны слоўнік / склад. В. Д. Астрэйка [і інш.]; навук. рэд. Л. П. Кунцэвіч, А. А. Крывіцкі. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – 655 с.

КЛЯЎЦЭВІЧ І.

ЖАНРАВА-СТЫЛЁВЫЯ АДМЕТНАСЦІ АПОВЕСЦІ М. ГАРЭЦКАГА “ЦІХАЯ ПЛЫНЬ”

Аповесць “Ціхая плынь”, як і ўсё, што выйшла з-пад пяра М. Гарэцкага, пабудавана ў строгай рэалістычнай манеры. Аднак у стылёвым плане твор аказаўся больш складаным, багацейшым на фарбы: рамантызаванае апавяданне, калі гаворка ідзе пра маленства героя, дапаўняецца старонкамі лірычнымі, дзе аўтар звяртаецца да апісання прыроды, навакольнага свету. А. Адамовіч назваў гэту аповесць “*бадай што самай закончанай і даведзенай да ладу*” [2, с. 28]. У параўнанні з запіскамі “На імперыялістычнай вайне”, яна характарызуецца асаблівай народнасцю, больш глыбокім спасціжэннем псіхалагічнага стану чалавека, паглыбленай філасафічнасцю.

Першы варыянт аповесці “Ціхая плынь” меў назву “За што?” і датаваўся 1917-1918 гадамі. Упершыню аповесць на рускай мове друкавалася ў газеце “Известия Смоленского Совета” ў маі 1918 года. На мове арыгінала асобным выданнем аповесць выйшла ў свет толькі ў 1926 годзе пад назвай “Ціхія песні”. Пры другім выданні ў 1930 годзе яна атрымала загаловак “Ціхая плынь”.

Аповесць “Ціхая плынь”, як адзначаюць даследчыкі, твор ліра-эпічны. Ён з’яўляецца лагічным завяршэннем тэмы імперыялістычнай вайны, яе філасофскім асэнсаваннем. У гэтым творы пісьменнік адводзіць вялікую ролю малюнкам прыроды. Свет прыроды і жыццё чалавека – гэтыя два пачаткі, пры адноснай самастойнасці, дыялектычна ўзаемазвязаны. Высокая гармонія прыроды і побач – сацыяльнае супярэчлівае, дэградаванае жыццё чалавека. Аўтар звяртаецца да гісторыі вёскі Асмолава, творча выкарыстоўваючы геаграфію гэтага краю, легенды і паданні. Гэта край забыты цяпер, але слыны раней, аб чым сведчыць і метафарычны вобраз “вялікага шляху”, які цягнуўся некалі з Вялікага Княства Літоўскага на Масковію. “*Заглушэў зусім вялікі стары шлях. Размыты з бакоў веснавымі ручаямі, пакарбачан даўнымі засохлымі калюгамі, дзе вышэй – парос муравою, дзе ніжэй – шурпатай маці-мачыхай. Спустошыўся і змоўк. Дзень і ноч, зіму і лета маўкліва-патаённа думае думы, якім борздым лётам ляціць усё ў вечнасці. Пабіты перунамі і прыдарожныя бярозы*” [6]. Створаны пісьменнікам малюнак прыроды ўражвае сваёй адвечнай сілай. Але і над гэтай спрадвечнасцю навісла пагроза знішчэння. Аўтар выкарыстоўвае тут характэрныя дзеясловы-вызначэнні: “заглушэў”, “размыты”, “пакарбачан”, “спустошыўся”, “змоўк” [6]. Яны падкрэсліваюць запушчанасць краю, яго здзічэласць адбываецца і на жыцці людзей. У дадатак да гэтага аўтар уводзіць у апавяданне матыў плачу дзіцяці, у якім чуецца “*безвыходнасць страшная і пакора лёсу апошняя, крайняя*” [6]. І гэты плач непрыкметна пераходзіць у песню. Такой песні, піша М. Гарэцкі,

навучаюцца ў гэтым забытым краі яшчэ пад сэрцам маці. Песня гэта спрадвечная, *“яе шумяць тут панскія дубровы, шумяць пяскі ў мужыцкім полі, жабы кумкаюць вясну і лета ў выгарах-балотах. Яе тут шэпчуць гнілыя стрэхі вясковых хат, скуголяць свінні ўзімку ў дзіравым хлеве, рыкаюць вясною галодныя каровы. Яе крычыць тут кожны бацька, калі цягнецца з карчмы дахаты па калюгах ніколі неналаджанай дарогі, сярод абы-як, абы-толькі, абы з рук зробленых палёў”* [6]. Пісьменнік стварае самотны абагульнены вобраз шматпакутнай Беларусі. Плача дзіця, плача сусвет. На гэтым агульным фоне трагічнага макрасвету як частка яго пададзена кароткае, таксама трагічнае жыццё Хомкі, аднаго з нашчадкаў гэтага бяспраўнага краю.

“Ціхая плынь” – аповесць-даследаванне. Расказваючы пра свайго героя, апісваючы яго кароткае цяжкае жыццё, М. Гарэцкі даследуе сацыяльныя ўмовы, у якіх рос хлопчык Хомка. Адначасова з гэтым аўтар нібы заглянуў у таямніцы жыцця і адкрыў для сваіх суайчыннікаў незлічоныя духоўныя скарбы народа, адметныя народныя характары, сціплыя, прасякнутыя дабрынёй і вераю ў яе.

Хомка Шпак – галоўны герой аповесці. Яго жыццё тыповае для дзяцей гэтага краю. Яно ўражвае абсалютным драматызмам. Тонкім светлым агенчыкам было толькі ранняе маленства, адлюстраванае пісьменнікам у рамантычных фарбах, з пачуццём асаблівай замілаванасці да героя. Як рэфрэн, як прыгавор, будуць гучаць словы аўтара *“дрэнна вучыцца Хомка”* [6]. Дрэнна таму, што дрэнна жыве. Гэтак жа, як жыў яго дзівак-дзед, які з п’яну смаліў жывую свінню. Так жыў і яго бацька, ціхі і працавіты, калі не п’яны, і страшны, калі напіваўся. Гэтая вызначальная катэгорыя “дрэнна” мае сацыяльна-спадчынны характар. Пісьменнік за адзінкавым і канкрэтным бачыць агульнае і гістрычнае значэнне, за асобнай дэтальлю – абагульненую жыццёвую філасофію. Аўтар сведчыць, што ў будучым наўрадці Хомка Шпак здолеў бы разарваць “сацыяльны круг”, хутчэй за ўсё яго чакаў лёс “спадчыннай” беспрасветнасці, як яго дзеда і бацькі. М. Гарэцкі паказвае нам нацыянальную, псіхалагічную драму беларускага нацыянальнага характару, што на працягу многіх гадоў не можа змяніцца ў лепшы бок. А гэта значыць, што пісьменнік хоча нам паказаць пакорнасць усяго беларускага народа, ад малога да вялікага, цярплінасць да ўлады, няздольнасці людзей процістаяць абставінам. Безвыходнасць гэтай сітуацыі падкрэсліваецца беспрасветным народным п’янствам, бойкамі, прыніжэннем адзін аднаго. На прыкладзе Хомкі Шпака, яго бацькі і дзеда мы бачым дэградацыю вясковага насельніцтва. Такім чынам аўтар стварае абагульненае аблічча цярплівага, змучанага жыццём героя і ўсяго народа. З усіх бакоў беларуса тузаюць і ўжо не ведае ён, што рабіць далей. На прыкладзе малодшага героя Хомкі і старэйшых яго бацькі і дзеда аўтар хоча паказаць нам, што гэтае руйнаванне беларускай душы, нацыянальнага характару ідзе з пакалення ў пакаленне. Хомка імкнецца не

быць падобным да свайго бацькі ці дзеда, але зневажэнні над яго асобай “ламаюць” хлопца, і ён працягвае сумнае жыццё сваіх продкаў.

Наступным выпрабаваннем Хомкі была вайна, якая яшчэ больш азмрочыла і пагоршыла жыццё Асмолава, “*тужлівасць і нуда запанавалі ў хатах*” [6]. Трагічнае наканаванне павісла над жыхарамі гэтага краю. Павісла яно і над жыццём галоўнага героя. Ён, ахвяра сацыяльных умоў, становіцца яшчэ і ахвярай вайны, на якой у сто разоў горш, чым ў батраках. Да таго ж і на вайну Хомка трапіў дачасна: бацюшка памыліўся і памеціў год яго нараджэння няправільна, зрабіў хлопца на два гады старэйшым. Яго першы бой стаў апошнім. Паранены ў живот, Хомка памірае – памірае са словамі “*За што?*” [6]. “*Глыбокая, распачлівая крывіда кроіць яму сэрца*” [6].

Такім чынам, гэты твор можна лічыць ліра-эпічным, бо аўтар вялікую частку паведамлення з твора адводзіць малюнкам прыроды. З іншага боку аповесць “Ціхая плынь” адзначаецца даследчыкамі, як аповесць-даследаванне. Расказваючы пра свайго героя, апісваючы яго кароткае цяжкае жыццё, Максім Гарэцкі даследуе сацыяльныя ўмовы, у якіх рос хлопчык Хомка. Таксама, можна адзначыць, што аповесць мае антываенную накіраванасць. Гэта дасягаецца найперш вобразам галоўнага героя, хлапчука-падлетка, які быў уцягнуты ў гэтую вайну дачасна, нават да канца не ўсвядоміўшы свайго прыроднага, чалавечага прызначэння. Важна адзначыць, што гістарычны песімізм пісьменніка выразна выяўлены ў “Ціхай плыні”, таму што М. Гарэцкі пасля кастрычніцкай рэвалюцыі ўжо не вельмі спадзяваўся на эвалюцыйнае абнаўленне свету, на адраджэнне нацыянальнай свядомасці. Расчароўваўся ён і ў бальшавіцкай рэвалюцыі ў тым плане, што яна не спраўдзіла спадзяванняў у вырашэнні нацыянальнай палітыкі беларусаў.

Літаратура:

1. Адамовіч, А. Брану скарбаў сваіх адчыняю / А. Адамовіч. – Мінск, 1980. – 224 с.
2. Гарэцкі, М. / Збор твораў у 4-х тамах. Т.1. Аповяданні / [Аўт. прадм. А. Адамовіч]. – Мінск : Маст. літ., 1984. – 446с.
3. Гарэцкія чытанні: матэрыялы дакладаў і паведамленняў / рэдкал.: У. М. Ліўшыц [і інш.] – Мінск, 1996. – 219 с.
4. Гісторыя беларускай літаратуры ХХ стагоддзя: У 4 т. Т. 1. 1901-1920 / НАН Беларусі, Аддз-не гуманіт. навук і мастацтваў, Ін-т літаратуры імя Я. Купалы. – 3-е выд. – Мінск : Бел. навука, 2003. – 583 с.
5. Мельнікава, З. П. Беларуская літаратура і нацыякультурная прастора: манаграфія / З. П. Мельнікава; Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. – Брэст : БрДУ, 2014. – 233 с.
6. Родныя вобразы / М. Гарэцкі. “Ціхая плынь” [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://rv-blr.com/literature/3003>. – Дата доступу: 25.03.2017.

ЛПСКАЯ К.

СЛОВЫ З ПАМЯНШАЛЬНА-ЛАСКАЛЬНЫМ ЗНАЧЭННЕМ У АПОВЕСЦІ ВАСІЛЯ ЖУШМЫ “ГАРЭЗА”

Ацэнаныя адценні памяншальнасці, павелічальнасці, ласкальнасці, умацняльнасці, зневажальнасці, уласцівыя многім назоўнікам, прыметнікам, звычайна залежаць ад суб’екта – ад таго, хто гаворыць. Таму суфіксы, пры дапамозе якіх назоўнікі і прыметнікі набываюць такія адценні, называюцца суфіксамі суб’ектыўнай ацэнкі. Словы з суфіксамі суб’ектыўнай ацэнкі не толькі называюць прадмет, але і выражаюць станочыя або адмоўныя адносіны да моўцы, з’яўляюцца сродкам эфектыўнага ўздзеяння на суб’ядніка.

Аповесці Васіля Жушмы “Гарэза” характэрна перавага мяккіх, далікатна-пяшчотных інтанацый, якія знаходзяць сваё непасрэднае выражэнне найперш у памяншальна-ласкальных формах слоў. Тонкім лірызмам і адценнем пяшчотнай самоты напоўнены радкі пра маленькую вавёрачку, пра яе жыццё, такое няпростае ў свеце дзікай прыроды.

Можна выдзеліць у аповесці “Гарэза” некалькі словаўтваральных тыпаў суфіксальных назоўнікаў. Сярод іх вельмі прадуктыўным з’яўляецца тып з суфіксам **-к-**. Такія назоўнікі выразна выяўляюць памяншальна-ласкальнае значэнне: *Пярэднімі лапкамі, быццам дзеці ручкамі, яны нахілялі каліўцы і старанна абіралі сакавітыя плады* [с. 17]; *Гнуткія бярозкі скарыліся, схіліліся долу, сталі белымі і зіхатлівымі аркамі* [с. 86]; *Не раз і не два за гады свайго жыцця ласавалася драпежніца зайчацінкай* [с. 52]; *Закругленая галава, маленькія вочкі, вузкі доўгі хвост выдавалі вялізную неўтаймаваную сілу* [с. 137]; *Але назіранні за бабрамі пераканалі, што яе зубкі не параўнаеш з магутнымі разцамі гэтых водных звяроў* [с. 142]; *Тоўстая кароткая шыйка прама пераходзіла ў доўгую і вострую дзюбку* [с. 149]; *Аж цэлае воблачка пылу закурэлася на наваколлі* [с. 110]; *Жучкі самых розных колераў і відаў поўзалі па зямлі, сцябінах верасу, забіраліся ў яго драбнючкія кветачкі, лёталі ў пошуках некранутых іншымі сапернікамі раслінак* [с. 168]; *Нават на чыстых мясцінах, пад галінамі маладняку, ля стромкіх ствалоў бярозак яркай чырванню свяціліся іх капялюшыкі* [с. 169]; *Учора вечарам, напрыклад, Гарэза слухала, як над забалочанай паляначкай стаялі клічы вальдшнепаў-слонак* [с. 107]; *Маленькія такія птушачкі, спакойныя* [с. 160]; *Здавалася, бор свяціўся велічным унутраным ззяннем, выпраменьваў яго кожнай галіначкай, кожнай сваёй клетачкай* [с. 43]; *На кожнай галінцы распусціліся дзясяткі маленечкіх кветчак* [с. 168].

Прадуктыўнымі з’яўляюцца словаўтваральныя тыпы назоўнікаў з суфіксамі **-ок-/-ак-** і **-ачк-**: *Іншы раз з нізкіх хмараў пачынаў разам з дажджом сыпацца дробны сняжок* [с. 176]; *Доўга абтрасала там свой*

кажушок [с. 188]; Змяя заўважыла яго. Павярнула галаву насустрач, злосна зашыпела. У раскрытай папчы тонкі раздвоены **язычок** мільгае-трасеца [с. 162]; Але не паспела яна засмуціцца пасля няўдалай спробы знаёмства, як чмель паявіўся зноў. Крутнуўся ў вышыні і сеў на **званочак** [с. 13]; Тулава наперадзе звужвалася і пераходзіла ў яшчэ больш вострую **мордачку** [с. 165]. Ужытыя ў прыведзеных кантэкстах назоўнікі маюць ласкальнае значэнне.

Памяншальна-ласкальнымі ў аповесці “Гарэза” выступаюць таксама шматлікія назоўнікі з суфіксам **-ік/-ык-**: Дзякуючы пажыўнаму матчынаму малачку, **зайчыкі** хутка падраслі, бегалі па траве ўздоўж поля, спрабавалі жывіцца самастойна [с. 130]; Адарвала арэх, паклала яго на зубок і не пазнала таго самага летняга **плодзіка**, які яе так спакушаў, але і расчароўваў сваёй кісляцінкай [с. 23]; З нябёсаў павеяла вільгацю, закрапаў дробны цягучы **дожджык** [с. 85]; З хваляваннем сочыць, як будуць бацькі біць птушаня за тое, што так з **брацікам** паступіла [с. 114]; Мільярды іх распырсквалі наўкола свае праменьчыкі. Быццам у кожнай з іх схаваны маленечкі **ліхтарык** [с. 75]; Чмель апынуўся перад самым вавёрчыным **носікам** [с. 13].

Узмацненню эмацыянальнасці і экспрэсіўнасці тэксту служаць і словы-назоўнікі з ацэначным суфіксам **-чык-**: Сняжынкі калолі сваімі **праменьчыкамі** вочы [с. 183]; З яе канца мільгануў чырвоны **агеньчык**, нешта моцна грымнула [с. 71]; Адарвала арэх, паклала яго на зубок і не пазнала таго самага летняга плодзіка, які яе так спакушаў, але і расчароўваў сваёй кісляцінкай. Быў ён цвёрды, быццам **каменьчык** [с. 23]; Жах халодным **грабеньчыкам** пачаў прадзіраць душу Гарэзы [с. 79]; Сыпкая паверхня пяску ласкава агарнула ёй лапкі, збруілася ўніз па схіле танюсенькімі **струменьчыкамі** [с. 153]; Высунула Гарэза галаву на паверхню вады, чхае-кашляе, лапкамі да берага падграбае. Дабралася, хапаецца за снежны **абрыўчык** [с. 187].

Прадуктыўным з’яўляецца словаўтваральны тып прыметнікаў і прыслоўяў з суфіксамі **-аньк/-еньк-, -юсеньк-**. Такія суфіксы надаюць вытворным словам яркае ласкальнае значэнне: Яны падышлі бліжэй, і вавёрка ўцяміла чаму і навошта знікла ўчора **шэранькая** казулька [с. 125]; Чаромха, дык тая паспяшалася, апушылася ўжо **свежанькімі дробненькімі** лісточкамі [с. 109]; Вельмі яркіх і прыгожых птушак Гарэза прыкмеціла ў сваіх уладаннях даўно. Адразу пасля першай завірухі. З ялоўніку яны амаль не выляталі, усё больш спявалі свае **просценькія** песенькі ды скакалі па зялёных, усыпанных снегам, калючых лапках дрэў [с. 76]; Барсук таўсцеў на вачах. Поўсць яго блішчэла цяпер на сонцы так, быццам ён толькі што выйшаў з вады. Задаволена і сыта ззялі яго **маленькія** вочкі [с. 167]; Аказваецца, з неба сыпаліся **дробненькія** сняжынкі. І не снег, і не град. Проста нешта зімовае [с. 56]; Пачала назіраць і заўважыла, як пад шатамі-парасонамі папаратнікаў бегаюць-мітусяцца **пярэсценькія** **маленькія** птушаняты. Дзіўныя, слабыя пакуль, але **вясёленькія** і пісклявыя [с. 146]; **Маленькая**

кругленькая паляначка неўзабаве адкрылася [с. 160]; *Нехта* настойліва дзеўб кару дрэва. Зусім бы дзяцел. Толькі *ціхенька* [с. 149]; *Ніжэй* на ствалах дрэў *Гарэза* апускалася не часта і старалася заўсёды *хуценька* караскацца да галін [с. 11]; *Скочыла* на льдзінку. *А тая* – хрусць – і абламалася. *Танюсенькая* крыжска ўмомант перакулілася, і цела *Гарэзы* апякла халодная цёмная вада [с. 187].

Шматлікую ў колькасных адносінах групу слоў з суфіксам суб'ектыўнай ацэнкі складаюць таксама прыметнікі, утвораныя з дапамогай суфікса **-ютк-**: *Дробязь* спяшалася, уздымала *фантаны пырскаў* уперамешку з **драбнюткімі** ледзянымі асколкамі [с. 104]; *Залатым ручайком* паліліся на снег сотні **паўнюткіх** вавёрчыных арэхаў [с. 193]; *Перад* яе дубам весела хісталіся **бялюткія** кветачкі ветраніцы [с. 4]; *У хвойніку* яна любіла паназіраць, як валтузяцца, вышукваючы ў трэшчынах кары ежу, **драбнюткія** каралькі [с. 18]; *Трапляліся* і крутыя абрывы. Снег на іх схілах покуль не трымаўся, спаўзаў уніз. *Таму на бялюткім* фоне ярка вылучаўся жоўты колер жвіру [с. 59]; *Але іней* з неба не прылятаў, а ўтвараўся невядома з чаго. Гэтыя ж істоты ляцяць і ляцяць. *Патрапіць* якая на яе футра і паступова знікае. Толькі не бяследна. *На яе месцы застаецца драбнюткая* кропелька вады [с. 56]; *Узрадавалася*, калі знайшла **паўнюткі** жолуд, пасля другі, трэці [с. 81]. Як відаць з кантэкстаў, дэрываты з суфіксам **-ютк-** служаць для абазначэння знешніх якасцей прадметаў адносна іх формы, колеру, памеру. Ацэначныя значэнні ўжытых у тэксце прыметнікаў абумоўлены не намінацыйнымі ўласцівасцямі, а словаўтварэннем, бо эмацыйна-экспрэсіўную афарбоўку ім надаюць суфіксы.

Як бачым, памяншальна-ласкальныя словы ў аповесці Васіля Жушмы “Гарэза” выступаюць стылістычнай канстантай, калі ідзе гаворка пра прыроду і выяўляюцца пяшчотна-замілаваныя адносіны да яе. Яны з’яўляюцца не проста сродкам эмацыйна-экспрэсіўнай афарбоўкі, а і паказваюць на адносіны, стаўленне аўтара да навакольнага свету.

Літаратура:

1. Жушма, Васіль. Гарэза / В. Жушма. – Мінск : Літаратура і мастацтва, 2011. – 216 с.

ЛЯЎЧУК Т.

СТРУКТУРНА-СЕМАНТЫЧНАЕ ПОЛЕ КІНЕМЫ “ВОЧЫ”

Вочы – найважнейшая частка галавы і твару чалавека. Найстаражытнейшая міфалагема, якая дала жыццё некалькім метафарам, якія захаваліся да нашых дзён, “вока = боства”. “Очи” – гэта вочы чалавека, прычым прыгожыя, вялікія, выразныя. Менавіта вочы характарызуюць не толькі

фізічныя, але і духоўныя здольнасці чалавека да разумення з’яў, гэта значыць унутраны зрок, яны – орган інтуіцыі: *бачыць унутраным вокам, вочы душы, вочы сэрца, духоўныя вочы* [1, с. 559]. Гэта як бы чалавек, які сузірае: “*И самого меня являешь ты / Очам души моей*” (Ф. Тютчев).

Мова дакладна адзначае незвычайную здольнасць вачэй – іх зрэнкі знаходзяцца ў руху, адсюль спалучальнасць вялікай колькасці дзеясловаў руху са словам “вочы”: *акінуць вачыма, абвесці вачыма, адвесці вочы, слізгаць вачыма, змерала вокам, аблазіць вачыма, праводзіць вачыма, прыкаваць вочы і г.д* [1, с. 567].

Вочы – гэта орган-інструмент, орган “глядзення”. Таму мы робім вочы вялікімі ад здзіўлення і нечаканасці, вочы шырока расплюшчваюцца, калі мы несвядома імкнёмся атрымаць праз іх максімум інфармацыі, мы прыжмурваем вочы падчас пільнага назірання або пры высокай канцэнтрацыі думкі, адводзім вочы пад чым-небудзь прыдзірлівым позірмам, абараняючы тым самым свой мозг ад адмоўнага ўздзеяння суразмоўцы і г.д.

Сонца і месяц у міфалогіі многіх народаў лічыліся вачыма магутнага боства. З гэтай міфалагемай звязаны фразеалагізмы *гаспадарскія вочы* (надзейны нагляд за чым-небудзь), *без вока* (без нагляду).

Яшчэ адна міфалагема – “вока = чалавек”, што спарадзіла мноства фразеалагізмаў: *глаз намётан* (пра вопытнага чалавека), *вока адпачывае* (пра прыемныя ўражанні, назіранні), *вока цешыцца* (аб радаснай падзеі, якую можна ўбачыць), *вочы падманваюць* (сумненні ў дакладнасці ўбачанага), *вочы загарэліся* (аб моцным жаданні ў чалавека); метафары тыпу *вочы гавораць, вочы забегалі, вачам сорамна*; прымаўкі *вочы зайздросныя* (аб ненасытнай чалавечай натуре) і г.д. [1, с. 571].

Паколькі 80% інфармацыі пра свет прыходзіць праз вочы, яны лічацца найважнейшым з органаў, ім прыпісваецца таямнічая магічная сіла.

На Русі “дурным” лічылася касое вока. Вера ў благое вока нарадзілася тады, калі свет, па старажытных паданнях, быў населены духамі. Але да гэтага часу пры дрэнным самаадчуванні мы гаворым: *гэта сурока, хтосьці сапсаваў, нядобрае вока паглядзела*.

У фразеалагізмах з кампанентам “вока” замацаваліся і захаваліся да нашых дзён старажытныя стэрэатыпы паводзін – *вока не адвесці* (так трэба было размаўляць з суразмоўцам), *для адводу вачэй* і інш.

Падманваць каго-небудзь – гэта перашкаджаць адэкватна ўспрымаць свет, гэта занчыць найперш перашкаджаць яму глядзець, адсюль фразеалагізмы: *замазаць вочы, пускаць пыл у вочы; замыльваць вочы, сляпіць вочы, жвір у вочы сыпаць* і інш.

Здаўна ад сурокаў заводзілі абярэгі-амулеты, якія выраблялі з каштоўных металаў і камянёў і рабілі іх у форме вока, адсюль фразеалагізмы тыпу *глаз-алмаз* (рус.) (пра ўменне бачыць важнае, асноўнае), *берагчы як вока* (вельмі

берагчы), *вазьмі вочы ў рукі* (будзь уважлівы), *узброеным вокам* (сучасная форма гэтага фразеалагізма няўзброеным вокам) і інш. [1, с. 572].

Нягледзячы на сакральнасць (*вочы – “акно ў іншасвет”*, *ліхое вока*) і паэтычнасць (*У вачах адлюстравана тое, што ў душы хаваецца на дне* (Я. Непачаловіч); *І ў затуманеным прасторы ці то ў душы маёй плылі вачэй бяздонныя азёры* (Г. Бураўкін), кінемы “вочы”, сінонімамі да яе з’яўляюцца грубыя і зневажальныя словы: *бельмы, бельмачы, буркалы, зіркачы, лупы, зекры*. Нямала слоў існуе і ў дыялектнай мове для называння органа зроку, аднак большасць з іх таксама мае экспрэсіўную, часцей зневажальную, афарбоўку: *вачаня, глаз, глядзелкі, пялы, зебры, бельмы, бельмакі, буркалы, булы, бумбулі, бакі, бакулы, бялкі, балонкі, вірлы, лупы, лупачы, лыпаўкі, земкачы, гізкі, зекры, зеграчы, зенкі, зенні, зрыны, зяпкі, сляпні, безікі, гізюкі, шклянкі, бінды, пазіралкі, гузлы, ліпсы, язікі, блымаўкі, банькі, шчэлкі, ямкі, каяны* і інш.

Вочы не толькі бачаць, яны могуць сказаць больш чым словы пра ўнутраны стан чалавека і пра яго адносіны да іншых. Здольнасць вока далёка бачыць адлюстравана ў загадках: *Маленькае, кругленькае да неба дакінеш; Маленькі, кругленькі, як махне, дык да неба дамахне* (вока).

Літаратура:

1. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2008. – 2 т.

МАЦКЕВІЧ Н.

ПРЫНЦЫП НАМІНАЦЫІ ЎНУТРЫГАРАДСКОГА АБ’ЕКТА ПА ЯГО СУВЯЗІ З ЧАЛАВЕКАМ ЯК САЦЫЯСУБ’ЕКТАМ

Урбананімія ўяўляе сабой асобную і асаблівую галіну онімнай прасторы, што характарызуецца адметнымі рысамі. Гэта даволі ўстойлівая сістэма, якая функцыянуе стагоддзямі і здольная да самазахавання, але ў той жа час гэта самы рухомы і зменлівы пласт тапанімнай лексікі. Змены, што маюць месца, тычацца тых фрагментаў сістэмы, якія выражаюцца ў знікненні назваў, звязаных з рэаліямі, які засталіся ў мінулым, або якія маюць дачыненне да галіны палітыкі і ідэалогіі.

Семантычная класіфікацыя здаўна з’яўляецца асноўным інструментам у апрацоўцы тапанімічнага матэрыялу. Многія рускія і беларускія навукоўцы у сваіх працах вылучалі розныя лексіка-семантычныя класіфікацыі тапонімаў. Тлумачыцца гэта тым, што ў розныя перыяды гісторыі матывіровачныя прыкметы, якія выкарыстоўваліся пры ўтварэнні ўрбананімаў,

таксама адрозніваліся. Асновай семантычнай класіфікацыі з’яўляюцца прынцыпы намінацыі аб’ектаў у залежнасці ад матывавальных прыкмет. Пры аналізе назваў лінейных тапаграфічных аб’ектаў г. Брэста за аснову мы абралі класіфікацыю, прапанаванаю Ганнай Міхайлаўнай Мезенка, якая вылучае чатыры асноўныя прынцыпы: намінацыя ўнутрыгарадскога аб’екта ў адносінах да іншага аб’екта; намінацыя ўнутрыгарадскога аб’екта па яго сувязі з чалавекам як сацыясуб’ектам; намінацыя ўнутрыгарадскога аб’екта па яго ўласцівасцях і якасцях; намінацыя ўнутрыгарадскога аб’екта па сувязі з абстрактным паняццем. “Тры з іх характарызуюць урбананімію пачынаючы з XVI ст. Гэта намінацыя аб’екта па адносінах да іншага значнай аб’екта, па сувязі аб’екта з чалавекам, які па ўласцівасцях і якасцях аб’ект. Чацвёрты прынцып – намінацыя аб’екта па сувязі яго з абстрактным паняццем – пачаў складвацца ў канцы XVIII ст. Кожны прынцып ажыццяўляецца праз шэраг аднатыпных прыкмет”.

Практычна чацвёртую частку ад усіх сучасных урбананімаў Брэста складае група найменняў, якая фіксуе стаўленне да тых ці іншых асобаў (палітычных дзеячаў, кіраўнікоў дзяржавы, герояў рэвалюцыі, вайны і падполля, знакамітым дзеячам навукі, культуры і г.д.).

На думку Г.М. Мезенка, у складанай гаданімнай сістэме Беларусі назвы вуліц, завулкаў, плошчаў, пры намінацыі якіх выкарыстоўваецца ўласнае імя, займаюць значнае месца.

На пачатку XX ст. даны тып урбананімаў зведаў змены, якія выявіліся ў паступовым адыходзе ад найменняў па першапаясленцах і ўладальніках да імёнаў-прысвячэнняў. У нацыянальны перыяд развіцця беларускай урбананіміі доля назваў вуліц, плошчаў, праспектаў, тупікоў, праездаў і г.д., утвораных ад уласных імёнаў, пастаянна ўзрастала, пашыраўся дыяпазон імёнаў асоб, што скарыстоўваліся ва ўрбананіміі.

Інтэнсіўнае выкарыстанне імёнаў пры намінацыі ўнутрыгарадскіх лінейных аб’ектаў пачалося пасля 1917 г., прычым значнае месца займаюць назвы-прысвячэнні савецкім ваеначальнікам, пагранічнікам, падпольшчыкам. Пачынаючы з 60-х гадоў з’яўляюцца назвы ў гонар савецкіх касманаўтаў, мастакоў і скульптараў, павялічваецца колькасць урбананімаў, прысвечаных пісьменнікам Беларусі і іншых краін.

У нашай класіфікацыі *першую групу* складаюць назвы, асновай для якіх паслужылі імёны розных палітычных дзеячаў. Сюды ўваходзяць назвы, прысвоеныя ў гонар:

- заснавальнікаў навуковага камунізму: *вул. Карла Маркса, Леніна, Энгельса;*
- дзеячаў міжнароднага рабочага руху: *вул. Урублеўскага, Карла Лібкнехта, Клары Цэткін;*

– рускіх прафесійных рэвалюцыянераў і рэвалюцыянераў іншых краін: *вул. Баўманская, Войкава, Валадарскага, Вароўскага, Крупскай, Мянжынскага, Тэльмана, Урыцкага, Халтурына;*

– выдатных савецкіх партыйных і дзяржаўных дзеячаў: *вул. Дзяржынскага, Калініна, Кірава, Куйбышава, Машэрава праспект, вул. Арджанікідзэ, Свардлова, Урыцкага, Фрунзэ, Чычэрына;*

Другую групу складаюць найменні, утвораныя ад прозвішчаў удзельнікаў паўстанняў, рэвалюцый і войнаў:

– вядомых гістарычных асоб, выдатных палкаводцаў-патрыётаў мінулага часу, святых Рускай праваслаўнай царквы: *вул. Дзмітрыя Данскога, Тадэвуша Касцюшкі, Серафіма Сароўскага, Суворова;*

– удзельнікаў Грамадзянскай вайны, нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі: *вул. Багданчука, Веры Харужай, Дворнікава, Катоўскага, Лазо, Пархоменка, Чапаева, Шчорса;*

– удзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны:

а) савецкіх ваеначальнікаў, маршалаў, палкаводцаў: *вул. Бялова, Будзёнага, Жукава, Карбышава, Крывашизіна (ганаровы грамадзянін г. Брэста), Лучынскага (ганаровы грамадзянін г. Брэста), Панфілава, Ракасоўскага, Чарняхоўскага;*

б) партызан і падпольшчыкаў: *вул. Аржанавай, Базанавай, Заслонава, Крыштафовіча (ганаровы грамадзянін г. Брэста), Лізы Чайкінай, Алега Кашавога, Паплаўскага, Пранягіна (ганаровы грамадзянін г. Брэста), Сікорскага;*

в) удзельнікаў вызвалення ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў: *вул. Баброва, Вінніка (ганаровы грамадзянін г. Брэста), Вараб'ёва, Гурава, Генерала Папова, Генерала Цімафеева, Загароднева, Карасёва, Лакціёнава, Матросова, Пуганова, Свінарчука (ганаровы грамадзянін г. Брэста), Скрыпнікава, Стафеева, Тарнапольскага;*

г) абаронцаў Брэсцкай крэпасці: *вул. Бытко, Гаўрылава (ганаровы грамадзянін г. Брэста), Зубачова, Кіжаватава (ганаровы грамадзянін г. Брэста), Лейтэнанта Акімачкіна, Наганава, Несцерчука, Фаміна, Шаблоўскага.*

У трэцюю групу ўваходзяць найменні, утвораныя ад прозвішчаў вядомых дзеячаў навукі, культуры, мастацтва; касманаўтаў, праслаўленых лётчыкаў, герояў мірнага часу:

– гадонімы, асновай для якіх паслужылі прозвішчы і псеўданімы таленавітых беларускіх празаікаў, паэтаў, драматургаў, друкароў: *вул. Багдановіча, Дзмітрыя Жылуновіча, Засіма, Калесніка, Коласаўская, Купалаўская, Мележа, Міцкевіча, Пісьменніка Смірнова, Францыска Скарыны набярэжная, вул. Якуба Коласа, Янкі Купалы.*

Г.М. Мезенка адзначае: “У складанай гаданімнай сістэме Беларусі назвы вуліц, завулкаў, плошчаў, утвораных ад прозвішчаў (псеўданімаў) пісьменнікаў займаюць значнае месца. Колькасць іх паступова павялічваецца, расце колькасць гадонімаў у гонар беларускіх пісьменнікаў, паэтаў драматургаў. Так, калі яшчэ ў 70-х гг. у беларускіх гарадах пераважалі назвы вуліц у гонар рускіх пісьменнікаў, то ў нашы дні колькасць назваў у гонар беларускіх пісьменнікаў некалькі пераважае над усімі астатнімі назвамі гэтай групы”;

– гадонімы, утвораныя ад прозвішчаў і псеўданімаў рускіх і замежных паэтаў і пісьменнікаў: *вул. Астроўскага, Бялінскага, Герцэна, Гоголя, Горкага, Грыбаедава, Дабралюбава, Ясеніна, Жукоўскага, Караленка, Касіцкага, Ламаносава, Маякоўскага, Някрасава, Няміцэвіча, Пушкінская, Салтыкова-Шчадрына, Талстога, Тургенева, Чэхава, бульвар Шаўчэнкі, Шолахава;*

– назвы, у аснове якіх ляжаць прозвішчы мастакоў, скульптараў і архітэктараў: *вул. Васняцова, Верашчагіна, Рэніна, Шышкіна, Шчадрына;*

– назвы, утвораныя ад прозвішчаў кампазітараў, музычных крытыкаў, рэжысёраў, тэатраў: *вул. Глінкі, Мусаргскага, Напалеона Орды, Пташукі, Чайкоўскага;*

– назвы ў гонар выдатных дзеячаў айчынай і сусветнай навукі, даследчыкаў, падарожнікаў і землепраходцаў: *вул. Бехцерава, Дарвіна, Мічурына, Папаніна, Ціміразева, Філатава, Чалюскіна;*

– назвы, утвораныя ад прозвішчаў касманаўтаў, праслаўленых лётчыкаў: *вул. Гагарына, Гастэлы, Генерала Благавешчанскага, Грыцаўца, Карвата, Леванеўскага, Лейтэнанта Рабцава, Мазурука, Асіпенкі, Чкалава;*

– назвы, у аснове якіх ляжаць прозвішчы наватараў вытворчасці, заслужаных настаўнікаў, урачоў, гаспадарчых кіраўнікоў, першых будаўнікоў гарада і іншых герояў мірнага часу: *алея Гвішыяні* (быў узнагароджаны ордэнам “За асабістую мужнасць” (пасмяротна)), *вул. Барсукова* (Герой Савецкага Саюза), *Газдзецкага* (заслужаны будаўнік БССР), *Екельчыка* (першы з берасцейцаў атрымаў Дзяржаўную прэмію СССР), *Махновіча* (ганаровы грамадзянін г. Брэста, герой сац. працы), *Марозава* (Герой Савецкага Саюза, савецкі ваенны), *Машэнскага* (заснавальнік СП “Санта Імпэкс Брэст”), *Сальнікава* (першы дырэктар Брэсцкага электрамеханічнага завода).

На сённяшні дзень у сістэме гарадскіх тапонімаў дамінуе спецыяльнае найменне аб’ектаў, якое адлюстроўвае ідэю, а не асаблівасці самога аб’екта. Тыповай з’яўляецца намінацыя ў гонар выдатных людзей, якія часцей за ўсё не маюць ніякага дачынення ні да аб’екта, які называецца, ні да гісторыі горада, краіны.

Таксама намі выяўлена група назваў, матываваных уласнымі імёнамі: *Аляксандраўская, Барысаўская, Васільеўская, Уладзімірская, Ільінская, Ірынінская, Міхайлаўская, Надзеждзінская, Мікалаеўская, Паўлаўская, Раманаўская, Тацьянінская.*

Да тыпу намінацыі ўнутрыгарадскога аб'екта па яго сувязі з чалавекам як сацыясуб'ектам мы таксама аднеслі ўрбанонімы, матываваныя назвамі асоб як прадстаўнікоў пэўнай супольнасці людзей (па прафесіі, роду дзейнасці насельніцтва і інш.). Варта адзначыць, што і гэтыя назвы ў асноўным маюць сімвалічны характар: вул. *Абаронцаў Айчыны, Авіяцыйны зав, вул. Аўтааматараў, Аўтамабілістаў, Воінаў-інтэрнацыяналістаў, Герояў абароны Брэсцкай крэпасці, Дзекабрыстаў, Дэпутацкі завулак, вул. Дэсантнікаў, Домабудаўнікоў, Інжынерная, Касманаўтаў бульвар, вул. Камерцыйная, Сялянская, Панфілаўцаў, Партызанская, Партызанскі пр., вул. Піваварная, Працоўная, Савецкіх пагранічнікаў, Будаўнічая, Студэнцкі зав., вул. Настаўніцкая, Энергетыкаў, Энтузіястаў.*

Сярод найменняў унутрыгарадскіх аб'ектаў па іх сувязі з чалавекам асобна стаяць назвы, падставай намінацыі якіх паслужылі:

– прыкмета функцыянальнай нагрузкі аб'екта: вул. *Абхадная, Агародная, Барыкадная, Бегавая, Бульварная, Гарадская, Гараднянская, Межавая, Дачная, Дварцовая, Дворчык, Дазорная, Ключавая, Лётная, Межавая, Маставая, Паляўнічая, Паркавая, Падгародская, Прыгарадная, Прамысловая, Прахадная, Садовая, Цяплічная, Тралейбусная, Працоўная, Турыстычная, Сядзібная;*

– гістарычная падзея або знамянальная (памятная) дата: вул. *Барадзінская, Грунвальдская, 1 Мая зав., 17-Верасня вул., 28-га ліпеня вул., 9-га студзеня вул., Кастрычніцкай рэвалюцыі, Першамайская;*

– назвы арганізацый: вул. *МОПРа (Міжнародная арганізацыя дапамогі змагарам рэвалюцыі), РУПС (Раённы вузел паштовай сувязі);*

– разнастайнымі назвамі ваеннай тэматыкі (роду войскаў, злучэнняў): вул. *Вайсковая, Брэсцкіх дывізіі, Гвардзейская, Чырвонаармейская, Чырвонагвардзейская, Чырванафлоцкая, Стралковы зав.*

МАЦЮК С.

НАЗВЫ ЛЯСНЫХ І ПАРКАВЫХ ДРЭЎ У ГАВОРЦЫ ВЁСКІ ДОЎБІЗНА КАМЯНЕЦКАГА РАЁНА

Беларусь – маленькая, прыгожая краіна, дзе вельмі шмат лясоў, якія доўжацца так доўга, як толькі можа бачыць наша вока. Існуе багата дрэў, ёсць вельмі розныя, напрыклад, яблыня і явар, але ёсць і падобныя, напрыклад, елка і сасна. Таму лексіка звязаная з гэтай тэматычнай групай, уваходзіць у актыўны слоўнік кожнага жыхара нашай краіны. Аднак адметнасці гаворкі кожнага рэгіёна накладваюць адбітак на своеасаблівае выкарыстанне найменняў дрэў у розных рэгіёнах. Сваю ўвагу мы звярнулі на вёску Доўбізна Камянецкага раёна Брэсцкай вобласці.

Цікава і тое, што ўжо сама назва вёскі звязана з раслінай бэз – дэкарэтыўнай кустовай раслінай з блакітна-ліловымі або белымі пахучымі кветкамі, якія ўтвараюць вялікія суквецці. Мясцовыя жыхары тлумачаць паходжанне назвы вёскі так: *“Колысь даўно ў нашэму сэлі росло вэймы богато бэзу, а той бэз ріс удоль, так хтось і сказаў: “Пойіхалэ удал бэз”, – а потім вжэ і дабавылэ тое но. Так і зробэлося Долбэзно”*.

Зафіксаваныя мясцовыя адпаведнікі найменняў разнастайных дрэў у большасці з’яўляюцца фанетычнымі ці марфалагічнымі варыянтамі навуковых назваў.

Бэрэза ж.р. ‘лісцёвае дрэва з белаю карой’: *Бэрэзовы сік зара лучій, ніш тоді.*

Вольшына ж.р. ‘лісцёвае дрэва з цёмна-бурай з неглыбокімі трэшчынамі карой, драўніна якой мае чырванаваты колер’: *З вольшыны жаркія дровы.*

Вэрба ж.р. ‘дрэвавая і кустовая расліна з разложыстымі гнуткімі галінамі і вузкім лісцем’: *Вэрба б’е, я нэ б’ю, росты вэлыкі як вэрба і будь хуткі як вода.*

Дуб м.р., *дубына* ж.р. ‘буйное лісцёвае дрэва з моцнай драўнінай і пладамі жалудамі’: *З дубу можна двэрэ зробэты, бо міцный він; З дубыны добры до грабэль зуб’я.*

Йілка ж.р.: ‘вечназялёнае хваёвае дрэва з конусападобнай кронай і доўгімі лускаватымі шышкамі’: *Колы так, то йілка, а на новы год ялэнка.*

Каштан м.р. ‘лісцёвае дрэва з вялікім доўгім лісцем і пладамі арэхамі цёмна-карычневага колеру’: *Кажуть каштан добры от суставує.*

Клён м.р. ‘дрэва з вялікімі пяцілопасцевымі лістамі і крылатымі плодзікамі’: *Мы бралэ з клёну крылатке і казалэ, шо цэ носыкі-курносыкі.*

Лына ж.р. ‘лісцёвае дрэва з цёмна-зялёным лісцем’: *Лыновы цвіт лічэбны, добры от кашлю.*

Лыствэнь ж.р. ‘хвойнае дрэва з мяккай, ападаючай на зіму ігліцай і цвёрдай, моцнай драўнінай’: *Подывыся як опала лыствэнь, зыма вжэ.*

Осына ж.р. ‘лісцёвае дрэва з зеленавата-шэрай гладкай карой і акруглым лісцем, якое дрыжыць нават пры нязначным ветры’: *Забор з осыны вэльмэ довго стоіть.*

Рабэна ж.р. ‘дрэва з гронкамі аранжава-чырвоных ягад’: *Пташке тую рабэну йідяць і йідяць.*

Тополя ж.р. ‘буйное лісцёвае дрэва з дробным насеннем з пухам, якое разносіцца ветрам’: *Пух від тополі можэ бутэ дэ хоч.*

Сосна ж.р. ‘высокае стройнае дрэва з прамым ствалом, які пакрыты чырвона-жоўтай карой’: *У сосны жовтэ іголке падають.*

Ясэн м.р. ‘дрэва з перыстым лісцем і цвёрдай драўнінай’: *Біля нас колысь ріс ясэн, а зара його ныма.*

Да вузкамясцовых найменняў можна аднесці фітонімы:

карагач м.р. – бераст, вяз грабалісты ‘дрэва або куст з цёмна-шэрай глыбока патрэсканай карой, багатай дубільнымі рэчывамі’: *Тіко посадэлы*

карагача, а той вжэ і вэрос. Лексема ўзнікла на аснове знешніх характарыстык дрэва: кривое, пакручанае дрэва, як карага;

бур'як м.р. 'сасна, хвоя': *Добрэ трышчыць бур'як в пэчі зымою.* Мясцовы фітонім з'яўляецца фанетычным варыянтам лексемы *байрак*, якая магла быць запазычана з польскай мовы, дзе фіксуецца слова *bajrak* са значэннем 'кручкватая сасна' [1, т. 1, с. 280].

Намі адзначаны найменні не ўсіх лясных і паркавых дрэў, што распаўсюджаны ў ваколіцы вёскі Доўбізна Камянецкага раёна. Аднак і гэты матэрыял сведчыць аб своеасаблівым падыходзе жыхароў кожнай мясцовасці ў найменнях з'яў акаляючай рэчаіснасці.

Літаратура:

1. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–13. – Мінск : Навука і тэхніка, Беларус. навука, 1978–2010 . – Т.1. – 440 с.

НІКОНЧЫК Ю.

УСТОЙЛІВЫЯ АДЗІНКІ З КАМПАНЕНТАМ-ГАРОХ У РУСКАЙ І БЕЛАРУСКАЙ МОВАХ

Устойлівыя адзінкі мовы (УА) – гэта выразны камунікатыўны і выялены сродак, які адкрывае новыя магчымасці трапнага і вобразнага выражэння думак. Яны здольны не толькі называць прадмет або з'яву, але перадаюць эмоцыі гаворачай асобы. Прыказкі, прымаўкі і фразеалагізмы, як і словы, – істотны састаўны кампанент любой мовы, у тым ліку рускай і беларускай моў. Узнікшы з самога народнага побыту яшчэ ў старажытныя часы, яны адлюстроўваюць розныя ступені развіцця народа, маральную сілу і высокароднасць душы, думкі і спадзяванні, дасціпны розум і багацце фантазіі чалавека.

Разнастайныя народныя УА грунтуюцца на ўласным вопыце чалавека, жыццёвых назіраннях, гістарычных падзеях, іх абагульненні і тыпізацыі. Дзякуючы гэтаму яны могуць у аднолькавай ступені адносіцца да кожнага без выключэння, што забяспечвае шырокае ўжыванне прыказак, прымавак і фразем у розных сітуацыях.

Нягледзячы на лаканічнасць і сцісласць знешняй формы, устойлівыя адзінкі вельмі шырокія сваёй тэматыкай, ахопам разнастайных фактаў чалавечага побыту. Тут адлюстраваны і парады на розныя выпадкі жыцці, філасофскія абагульненні агульначалавечых каштоўнасцей, розныя рысы характару чалавека (як станоўчыя, так і адмоўныя), традыцыі і многае іншае.

Цікаваць уяўляюць УА з кампанентам-*гарох*, адным са старажытных славянскіх слоў. У артыкуле праведзены параўнальны аналіз фразем і парэмій з кампанентам-*гарох* у рускай і беларускай мовах.

Па ступені дыферэнцыяцыі сярод УА з кампанентам-*гарох* у беларускай і рускай мовах можна вылучыць наступную групу:

УА рускай і беларускай моў, якія поўнасьцю адрозніваюцца па сваім кампанентным складзе:

а) у беларускамоўнай адзінцы кампанент-фітонім прысутнічае, у рускамоўнай – адсутнічае, напрыклад,

даць прыкурыць – гароху засыпаць (троху) [5, с. 60] ‘правучыць, пабіўшы каго-н.’;

кто в лес, кто по дрова – хто ў боб, хто ў гарох – хто ў боб, хто ў гарох, а хто ў саладуху (а ты ў сачыўку) [4] ‘адзін гаворыць пра адно, а другі не зразумеўшы пра іншае. Кажуць з незадавальненнем пры непаразуменні паміж суразмоўнікамі’;

нести окоlesiцу – гарох з капустаю мяшаць – боб з гарохам мяшаць [5, с. 80], [4] ‘гаварыць недарэчнасьці, несусвеціцу’;

переливать с пустого в порожнее – бобу ў гаросе шукаць [1, с.150], [5, с. 86] ‘плявузгаць, паўтараючыся, весці бязмэтную і безвыніковую гутарку’ і ‘займацца безвыніковай справаю’;

чушь мести – боб з гарохам мяшаць [1, с. 234] ‘гаварыць поўную лухту, бязглуздзіцу’;

язык хорошо подвешен – меле як гарох сыпле [5, с. 106], [4]; ‘пра чалавека, які валодае талентам красамоўства’.

б) у рускамоўнай адзінцы кампанент-фітонім прысутнічае, у беларускамоўнай – адсутнічае, напрыклад,

как об стенку горох – што (як) кіем (пугай) па вадзе [1, с. 82], [5, с. 70] ‘нічога не дзенічае на каго-н’ ‘пусцяковіна, дробязь для каго-н. ці чаго-н., не мае ніякага значэння для каго-, чаго-н.’;

не смейся, горох, не лучше бобов – не смейся, будзе, бо й табе будзе [1, с. 125] ‘кажуць неадабральна таму, хто высмейвае каго-н., хоць і сам заслугоўвае насмешкі’;

Такім чынам, устойлівыя адзінкі з кампанентам-*гарох* часцей адзначаюцца ў беларускай мове, чым рускай. Такія УА высмейваюць дурнога, лянівага, нічога не вартага ў жыцці чалавека, а таксама тых, хто любіць пахваляцца ці гаварыць бязглуздзіцу.

Літаратура:

1. 2000 русских и белорусских идиом, фразеологизмов и устойчивых словосочетаний (Словарь с пояснениями и примерами использования) [Текст] / Авт.-сост. Е. Л. Боярина, В. Н. Сивчиков. – Минск : Попурри, 2006. – 352 с.

2. Большой фразеологический словарь русского языка / Отв. Ред. В. Н. Телия. – 4-е изд. – М. : Аст-пресс книга, 2009. – 784 с.
3. Лепешаў, І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 1993. – 2 т.
4. Малый русско-белорусский словарь пословиц, поговорок и фразеологизмов [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-byelorussian/dictionary-russian-byelorussian-proverb-term-1067.htm>. Дата доступа : 10–20.10. 2016.
5. Санько, З. Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем / З. Санько. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 218 с.

ПАНАСЮК Ю.

ЭКСПРЭСІЎНЫЯ СІНТАКСІЧНЫЯ КАНСТРУКЦЫІ Ў ТВОРАХ А. КРЭЙДЗІЧА

Імя Анатоля Крэйдзіча, пісьменніка і публіцыста, вядома не толькі на Берасцейшчыне, але і за яе межамі. Ён аўтар зборнікаў прозы “Палескі Напалеон”, “Права на ўсмешку”, “Параненыя мары”, дакументальнай кнігі “Анатоль Клімец. Жыццё і лёс”, кнігі публіцыстыкі “Роднае, шчымлівае”. На думку многіх даследчыкаў, тэксты пісьменніка – гэта сінтэз дакладнай рэчаіснасці, дакументалізму і пранізлівага лірызму, эмацыянальнай шчырасці, якая часам мяжуе з пачуццёвай аголенасцю. Названыя адметнасці стылю А. Крэйдзіча выяўляюцца і праз моўную арганізацыю твораў, у тым ліку на сінтаксічным узроўні. Звернем увагу на асаблівасці сінтаксічнай арганізацыі публіцыстычных тэкстаў А. Крэйдзіча.

Публіцыстычныя тэксты, як правіла, падпарадкаваны галоўнай функцыі стылю – функцыі ўздзеяння на рэцыпіента. Разнастайныя прыёмы кантамінацыі, сутыкнення сэнсаў, абнаўлення ўстойлівых словазлучэнняў, звыклых маўленчых формул маюць жанрава-кампазіцыйную абумоўленасць і робяць маўленне выразным, што сапраўды актыўна ўздзейнічае на чытача. Усё гэта звязана з агульнай экспрэсіўнай скіраванасцю стылю Анатоля Крэйдзіча і па-свойму выяўляецца ў сінтаксісе яго тэкстаў. Сінтаксіс публіцыстыкі мае свае асаблівасці, звязаныя з актыўным выкарыстаннем эмацыянальна- і экспрэсіўна-афарбаваных канструкцый: найперш клічных і пытальных сказаў (у тым ліку рытарычных), сказаў са звароткам, паўтораў. Імкненне да экспрэсіі абумоўлівае выкарыстанне канструкцый з размоўнай афарбоўкай: ужываннем часціц, выклічнікаў, пропускам таго ці іншага члена сказа і інш. У публіцыстычных тэкстах А. Крэйдзіча найбольш адметнымі экспрэсіўнымі канструкцыямі выступаюць няпоўныя, клічныя і пытальныя сказы.

Вельмі часта ў публіцыстычных тэкстах А. Крэйдзіча сустракаецца непаўната сказаў, якая ілюструе ўмоўчанне, ці недаказ. Умоўчанне звычайна дапамагае перадаць эмацыянальныя нюансы выказвання, актуалізуе яго экспрэсію. Напрыклад: *Міша не разумее, якая можа быць людзям радасць ад адпачынку, калі яны сапраўднай стомы не ведаюць. Гэта ўжо лайдацтва, распуста, сорам... Ён – зведвае. Але стома ад любімай справы неяк не прыгнятае. Няхай сабе рукі, ногі смыляць, затое душы, сэрцу ўтульна, зацішна...* У дадзеным кантэксце пры дапамозе ўмоўчання дакладна перадаецца псіхалагічная характарыстыка персанажа.

Для выдзялення і ўзмацнення экспрэсіі напісанага аўтар часта выкарыстоўвае клічныя сказы: *У выніку палеміка на інтэрнэнтаўскіх старонках часопіса разгарнулася не вакол выхавання ўвогуле, а вакол мовы, вакол гэтага “чаго-чаво”. Ды якая! [1, с. 169]; О, Божа літасцівы! Як усё забытана! [1, с. 169]; Эге, калі тое было! Цяпер усё механізавана! [1, с. 179]; І цяпер яшчэ знаходжуся пад уражаннем таго, з якім імпэтам схапіўся аўтар пераствараць напісанае па-беларуску. Ды як гэта зрабіў! [1, с. 155].* Падобныя прыклады найперш дапамагаюць выразіць суб’ектыўную мадальнасць тэксту і характарызуюць моўцу як эмацыянальнага, нераўнадушнага чалавека.

Рытарычнае пытанне – адна з самых распаўсюджаных стылістычных фігур, якая вызначаецца яркасцю і разнастайнасцю эмацыяна-экспрэсіўных адценняў. Рытарычныя пытанні ўтрымліваюць сцвярджэнне або адмаўленне, аформленае ў выглядзе пытання, якое не патрабуе адказу: *Як усё гэта зрабіць адным цэлым – падмуркам ці то нясучымі канструкцыямі нацыянальнага дома? Ці думалі большасць з нас калі пра тое? [1, с. 165]; Як жа ўніверсальна ўсё ў жыцці і побыце людзей. Хамут – яго ж і рамантызаваць можна. Як? І навошта? [1, с. 179]; Куды ўсё падзелася? Цяпер, каб адрадзіць тую моц, дужыя маладыя рукі патрэбны [1, с. 84].* Ужываючы падобныя канструкцыі, аўтар нібы дае нам мажлівасць самім задумацца, паразважаць над тэмай, якія ён падымае ў сваіх публіцыстычных тэкстах. Тым самым аказваецца і пэўнае эмацыянальнае ўздзеянне на чытачоў, аўтар прымушае іх задумацца над зместам прапанаванага тэксту.

Увогуле ў публіцыстычных тэкстах А. Крэйдзіча шырокі дыяпазон выкарыстання сінтаксічных канструкцый, сярод якіх, аднак, пераважаюць простыя сказы, што дазваляе сцісла і выразна падаць неабходную інфармацыю і не ўскладняе яе дэкадзіраванне. Экспрэсіўныя сінтаксічныя адзінкі ажыўляюць аўтарскае маўленне, надаюць яму неабходную інтанацыю і эмацыянальны падтэкст. Вельмі часта выкарыстоўваецца непаўната сказаў: аўтар нібы знарок робіць паўзы ў падчы матэрыялу, каб чытач мог сам падумаць і зрабіць свае высновы. Даволі часта аўтар з мэтай узмацнення экспрэсіі і большага ўздзеяння на чытача выкарыстоўвае клічныя і пыталыя (у тым ліку рытарычныя) сказы.

Гэта фарміруе культуру эмацыянальнага перажывання, якая неабходная для больш адэкватнага ўспрымання аўтарскага тэксту.

Літаратура:

1. Крэйдзіч, А. М. Роднае, шчымлівае : кніга прозы / А. М. Крэйдзіч. – Мінск : Літ. і маст., 2012. – 208 с.

ПАПОЎ А.

ЛЕКСІКА-ФРАЗЕЛАГІЧНАЯ РАЗНАСТАЙНАСЦЬ МЕДЫЯТЭКСТАЎ БРЭСТЧЫНЫ

Лексіка-фразеалагічныя сродкі стварэння выразнасці адыгрываюць важную ролю ў сучасных публіцыстычных тэкстах. Яны дапамагаюць перадаць больш ярка тое, што хацеў данесці аўтар да сваёй аўдыторыі, аздобіць новым сэнсам ужо вядомыя факты. Журналісты брэсцкіх выданняў, у прыватнасці, газет “Народная трыбуна” (далей – НТ) і “Заря”, выкарыстоўваюць шырокі спектр як лексічных, так і фразеалагічных сродкаў.

Лексічная разнастайнасць мовы тэкстаў СМІ абумоўлена найперш функцыяй уздзеяння на думкі і пачуцці аўдыторыі. Да таго ж такія прыёмы выразнага маўлення выконваюць экспрэсіўна-эмацыйную, эстэтычную і іншыя функцыі, напрыклад, эпітэт (*Залатая восень прыходзіць у Лунін* (К. Яцушкевіч. І лунала над Лунінам паэтычная восень // Заря, 29.11.2011)), метафара (*Снег яго сівых валасоў лунаў перада мною* (А. Касько. Стары і госць // Заря, 09.03.2017)), параўнанне (*А калісьці ён быў руды, як лісіная поўсьць* (А. Касько. Стары і госць // Заря, 09.03.2017); *А Таня пасля хваробы была цянюсенькая, як knot* (В. Казловіч. На прыпынку // НТ, 14.02.2014)), метанімія (*Хутка аб здарэнні знаў весь універсітэт* (Н. Мечная. Брэсцкія сустрэчы Уладзіміра Караткевіча // Заря, 26.11.2016)), эўфемізм (*Колькасць выпадкаў з лятальным зыходам за апошні месяц зменшылася* (В. Свірыдовіч. Сітуацыя на дарогах // Заря, 12.04.2013)), іронія (*“Няўседны, – падумаў маладзейшы. – Цэлы тыдзень як заведзеныя завіхаліся на сядзібе, цяпер парадку яму захацелася і ў лесе”* (А. Касько. Стары і госць // Заря, 09.03.2017)), гіпербала (*Палац такі высокі, што, здаецца, дастае да неба* (А. Субтэльнік. Крашэўскія і Берасцейшчына // Заря, 30.06.2012)), адухаўленне (*Прыхарошваецца галоўная плошча горада, дзе ў хуткім часе плануецца ўсталяваць сцэну* (К. Бурык. У прадчуванні свята // Заря, 26.07.2011)), аксюмаран (*Бывае ў гэтых мясцінах асаблівы, нейкі вясенні цёплы халадок* (В. Грышкавец. Пінскія каласавіны // Заря, 05.05.2011)) і іншыя лексічныя сродкі стварэння выразнасці спрыяюць эфектыўнасці камунікацыі паміж адрасантам і адрасатам.

Не ўступаюць пазіцыі ў актыўнасці выкарыстання ў медыятэкстах абласных выданняў і гатовыя моўныя адзінкі – фразеалагізмы. Фразеалагізм – гэта ўдалы сродак лаканічна і вобразна выказаць свае думкі і пачуцці, даць ацэначную характарыстыку прадмету ці з’яве. Паводле семантычнай характарыстыкі ў тэкстах выданняў пераважаюць фразеалагічныя адзінствы, напрыклад: *А яна толькі і ўмее, што зубы скаліць*, – крыкнула ў роспачы Нінка і залілася слязьмі (Г. Мельнік. Сустрэча праз дзесяць год // НТ, 12.07.2013); *Прыходзіў дамоў і з ног валіўся, але ж не спыняў сваю штодзённую працу* (Н. Мечная. Брэсцкія сустрэчы Уладзіміра Караткевіча // Заря, 26.11.2016).

Паводле марфалагічнай характарыстыкі ў тэкстах брэсцкага перыядычнага друку распаўсюджаны дзеяслоўныя фразеалагізмы: *Колькі юнакоў і дзяўчат паклалі сваё жыццё на алтар Перамогі!* (В. Свірыдовіч. За светлую будучыню // НТ, 3.05.2013); *У апошнія гады жонка спала з цела, стала кволая і абыякавая* (А. Субтэльнік. Крашэўскія і Берасцейшчына // Заря, 30.08.2012); *Гледачы з вока не спускалі вядомую мастачку* (А. Гармель. Мастацкі музей запрашае на выставу твораў Магдалены Наленч з Польшчы // Заря, 12.08.2013). Распаўсюджанасць дзеяслоўных фразеалагізмаў можна патлумачыць тым, што сучасныя публіцыстычныя тэксты характарызуюцца рэпартажнасцю выкладу, а значыць, дынамічнасцю, актыўнасцю дзеяння.

У тэкстах брэсцкіх газет больш за ўсё выяўлена фразеалагізмаў са структурай словазлучэння (сінтаксічная характарыстыка), напрыклад: *Да горада было рукой падаць, і таму яны вырашылі ісці пяшком* (Г. Ляшкавец. Падарожнікі // НТ, 03.02.2012). Ужыванне менавіта фразеалагізмаў-словазлучэнняў можна патлумачыць лёгкасцю іх успрымання чытачом, паколькі такія фраземы сціслыя, лаканічныя, адносна невялікія па аб’ёме. Паводле стылістычнай характарыстыкі большасць зафіксаваных намі фразеалагізмаў адносіцца да размоўных, напрыклад: *Заўсёды рабіць з мухі слана – мабыць, адзіная адмоўная рыса яе характару* (Г. Петрышэўская. Насця // НТ, 18.07.2014); *Было і так, што на сцэну выходзіш, хвалюешся і двух слоў звязаць не можаш* (Ю. Макарчук. “Рамонкі”, якія спяваюць // Заря, 12.03.2013). Перавага размоўных фразеалагізмаў звязана, на нашу думку, з актыўным выкарыстаннем іх у паўсядзённым жыцці, што спрыяе дакладнаму дэкадзіраванню ўстойлівых адзінак адрасатам.

Такім чынам, даследаванне лексіка-фразеалагічнага складніку сучасных тэкстаў брэсцкіх газет паказаў, што:

- лексіка-фразеалагічныя сродкі выразнасці шырока ўжываюцца ў публіцыстычных тэкстах сучасных друкаваных сродкаў масавай інфармацыі;
- журналісты Брэстчыны ўдала карыстаюцца функцыянальным патэнцыялам і стылістычнымі магчымасцямі сучаснай лексікалогіі і фразеалогіі, насычаюць тэкст дадатковымі семантычнымі адценнямі, абыгрываюць структуру, семантыку ўжытых элементаў;

– большасць з выразных адзінак лексіка-фразеалагічнага ўзроўню мовы была зафіксавана намі ў мастацка-публіцыстычных тэкстах, што абумоўлена жанрава-кампазіцыйнымі характарыстыкамі твораў;

– разнастайнасць і выбар лексіка-фразеалагічных сродкаў стварэння выразнасці ў журналісцкім тэксце абумоўлены функцыямі друкаваных СМІ, спецыфікай аўдыторыі, жанравымі асаблівасцямі журналісцкага тэксту, а таксама залежыць ад індывідуальнасці самога аўтара.

Літаратура:

1. Лепешаў, І. Я. Фразеалогія сучаснай беларускай мовы / І. Я. Лепешаў. – Мінск: Выш. школа, 1998. – 270 с.
2. Розенталь, Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке. Для работников печати / Д. Э. Розенталь. – М. : Книга, 2010. – 283 с.

ПАПОЎ А.

ПРЭЦЭДЭНТНЫЯ ФЕНОМЕНЫ Ў ДРУКАВАНЫХ СМІ БЕРАСЦЕЙШЧЫНЫ

У сучасным медыядыкурсе назіраецца тэндэнцыя да выкарыстання розных формаў “чужога маўлення”. Даследчыца цытацыі І.В. Аляшчанавы называе гэтую з’яву “канстантнай прыкметай функцыянальнай сферы газет” [1, с. 49]. Як адзначае І.В. Аненкава, “мы з’яўляемся карыстальнікамі неаэпохі гатовага слова”, і таму сёння “аўтар-журналіст <...> валодае не толькі і не столькі сваім словам, колькі словам чужым” [2, с. 50]. Прэцэдэнтнасць – адна з актуальных з’яў у журналісцкім тэксце, паколькі прэцэдэнтныя феномены з’яўляюцца яркім сродкам стварэння выразнасці ў публіцыстычных матэрыялах. Гэта дазваляе сцвярджаць, што мова сучасных сродкаў масавай інфармацыі прэцэдэнтная па сваёй сутнасці.

Эмпірычнай базай нашага даследавання паслужылі матэрыялы газеты “Народная трыбуна” за 2010–2016 гады. Аб’ектам вывучэння з’явіліся загалоўкі, у тым ліку падзагалоўкі і ўнутраныя загалоўкі, тэкстаў названага выдання. Гэта абумоўлена тым, што загаловачныя прэцэдэнтныя элементы не толькі прыцягваюць увагу чытача, інтрыгуюць, але і дапамагаюць перадаць пазіцыю аўтара. Да таго ж з’ява прэцэдэнтнасці найбольш прадстаўлена якраз у загатоўках публікацый.

Журналісты газеты “Народная трыбуна” выкарыстоўваюць у сваіх матэрыялах прэцэдэнтныя феномены, першакрыніцай якіх з’яўляюцца розныя сферы жыццядзейнасці. У асноўным базай прэцэдэнтнасці выступаюць фразеалагічныя адзінкі. Між тым прымяняюцца і цытаты з мастацкіх, мастацка-

публіцыстычных твораў, кінафільмаў, мультфільмаў і тэлеперадач, песень, а таксама ўжываюцца рознага кшталту прыказкі, прымаўкі і аўтарскія афарызмы. Зрэдку ў аснову загаловаў пакладзены назвы твораў выяўленчага мастацтва, творчых калектываў і інш.

Так, у прааналізаваных намі тэкстах загаловаўкі, створаныя на базе фразеалагізмаў, склалі 43 % ад агульнай колькасці прэцэдэнтных загаловаўкі, напрыклад: *Худа-бедна* (Г. Лазоўская, 16 верасня 2011); *Смех не на жарт* (А. Сацута, 8 кастрычніка 2016); *“Кітайская цырымонія”* (В. Свірыдовіч, 27 лістапада 2015); *Ды занадта актыўныя прыхільнікі дадаюць перцу ў нялёгкае жыццё селебрытыз* (Н. Леанавец, 10 кастрычніка 2011); *Такія жанчыны, безумоўна, маюць рацыю* (В. Свірыдовіч, 13 чэрвеня 2014). Ужыванне вялікай колькасці фразеалагізмаў у якасці прэцэдэнтных адзінак можна патлумачыць асноўнай функцыяй фразеалагізмаў – стварэнне выразнасці, наданне тэксту яркасці і вобразнасці. Па нашых назіраннях, фразеалагізмы ў брэсцкай абласной газеце “Народная трыбуна” выкарыстоўваліся ў асноўным у нязменным выглядзе, што тлумачыцца імкненнем журналістаў больш эфектыўна ўздзейнічаць на думкі і пачуцці аўдыторыі з дапамогай ужо добра вядомых устойлівых адзінак.

Загаловаўкі з прататэкстамі з кінафільмаў і мультфільмаў склалі 31 % ад агульнай колькасці прэцэдэнтных загаловаўкі: *3 лёгкай парай* (Н. Дыдышка, 12 мая 2015); *Іронія лёсу* (В. Свірыдовіч, 31 жніўня 2012); *Вышэйшы пілатаж* (Н. Корбат, 29 ліпеня 2014); *Следчыя ідуць у... аўташколы* (3 лістапада 2016). У дадзеным выпадку часцей за ўсё выкарыстоўваюцца назвы кінафільмаў і мультфільмаў савецкага часу, паколькі гэтыя творы да сённяшняга часу застаюцца папулярнымі і вядомымі асноўнай аўдыторыі сродкаў масавай інфармацыі. Аднак у апошнія гады колькасць такіх адзінак на старонках абласной газеты зменшылася. На нашу думку, гэта абумоўлена паступовым адыходам і аўтараў, і аўдыторыі ад традыцый савецкай эпохі.

Трэцяе месца па распаўсюджанасці займаюць загаловаўкі, у аснове якіх цытаты з твораў мастацкай літаратуры (18 % ад агульнай колькасці прэцэдэнтных загаловаўкі): *Хто смяецца апошнім* (Н. Леанавец, 4 красавіка 2014); *На ростанях* (Г. Петракоў, 3 жніўня 2013); *У палескай глушы* (М. Сянкевіч, 11 красавіка 2014). У большасці выпадкаў за аснову былі ўзяты творы менавіта беларускіх пісьменнікаў XX ст. Па нашым меркаванні, гэта звязана з тым, што такія творы найбольш вядомыя як журналістам, так і аўдыторыі. Гэта дазваляе стварыць трывалую ментальную сувязь аўтараў з чытачом. Да таго ж іменна літаратура мінулага стагоддзя аказвае найбольшы ўплыў на літаратурны і публіцыстычны густ сучаснага чытача. Думаем, важна і тое, што сама абласная газета пазіцыянавала сябе як абсалютна беларускамоўнае выданне.

Невялікай колькасцю адзінак прадстаўлены загаловаўкі, крыніцамі якіх паслужылі прыказкі, прымаўкі і афарызмы (5 % ад агульнай колькасці прэцэдэнтных загаловаўкі): *Не так страшна, як малююць* (М. Ляшук, 24 красавіка 2016); *“Ёсць такая прафесія – абараняць Радзіму”* (В. Ганчук, 7 сакавіка 2016). Нераспаўсюджанасць такіх загаловаўкі можна патлумачыць тым, што яны, з аднаго боку, патрабуюць ад аўтара высокай ўважлівасці і глыбокіх ведаў у галіне афарыстыкі. З другога боку, у апошні час цікавасць аўдыторыі да прыказак, прымавак, афарыстычных выслоўяў увогуле падае, што не можа не адбіцца на частотнасці выкарыстання такіх адзінак у тэкстах сродкаў масавай інфармацыі.

Зрэчас у якасці загаловаўкі ужываюцца назвы песень, творчых калектываў, назвы твораў выяўленчага мастацтва і інш., напрыклад: *Хава Нагіла!* (В. Свірыдовіч, 10 снежня 2015); *Яблыкі шчасця* (5 верасня 2016); *Пагавары са мною, мама* (27 кастрычніка 2016); *Ад Масквы да Эльбы* (В. Свірыдовіч, 12 красавіка 2012); *Машына часу* (В. Ганчук, 3 кастрычніка 2014). Прататэкстамі загаловаўкі паслужылі творы ваеннага часу, сучасныя папулярныя песні, а таксама назвы сучасных музычных калектываў.

Выкарыстанне прэцэдэнтных загаловаўкі у публіцыстычных тэкстах сведчыць пра жаданне аўтараў павысіць культурны ўзровень чытача, надаць экспрэсіўнасці выказванню, а таксама задаць тон усяму твору. Таксама падобныя адзінкі могуць прымяняцца з мэтай стварэння дыялагічнай сітуацыі. Беларуская даследчыца публіцыстычнага дыскурсу Т.А. Верхаўцова тлумачыць шырокае ўжыванне прэцэдэнтных феноменаў як сродкаў выразнасці экстралінгвістычнымі фактарамі, звязанымі з працэсамі дэмакратызацыі грамадства, унутрымоўнай тэндэнцыяй роўнасці адрасата і адрасанта маўлення, а таксама выяўленнем постмадэрнісцкага тыпу культуры з уласцівымі яму катэгорыямі інтэртэкстуальнасці, гульні, іроніі, дыялогу [3, с. 49].

Такім чынам, наяўнасць прэцэдэнтнасці ў сучасных сродках масавай інфармацыі абумоўлена экстралінгвістычнымі ўмовамі развіцця масавай камунікацыі, уплывам постмадэрнісцкага светапогляду, зменай ідэалагічнай парадыгмы, агульнай дэмакратызацыяй, інтэрнацыяналізацыяй і глабалізацыяй грамадства. Прэцэдэнтныя феномены – сродак фарміравання этнакультурнай ідэнтычнасці, што ўваходзіць у ідэалагічныя задачы медыядыскурсу. Што да брэсцкай абласной газеты “Народная трыбуна”, то на яе старонках намі было зафіксавана паступовае змяншэнне колькасці прэцэдэнтных сродкаў стварэння выразнасці. Гэта можна патлумачыць тым, што для іх эфектыўнага выкарыстання патрэбна, каб і аўтар, і яго аўдыторыя мелі агульную сістэму светаўспрымання. Таму, каб пазбегнуць рызыкі няправільнага ўспрымання свайго матэрыялу аўдыторыяй, некаторыя журналісты выключаюць з арсеналу сродкаў стварэння выразнасці прэцэдэнтныя адзінкі.

Літаратура:

1. Алещанова, И. В. Цитация в газетном тексте (на материале современной английской и российской прессы) : автореферат дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / И. В. Алещанова. – Волгоград, 2000. – 49 с.
2. Анненкова, И. В. Язык современных СМИ как система интерпретации в контексте русской культуры (попытка риторического осмысления) : автореферат дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / И. В. Анненкова. – Уфа, 2005. – 55 с.
3. Верховцова, Т. О. Лингвокультурные особенности функционирования прецедентных феноменов в заголовках газет (на материале русскоязычной прессы Беларуси) / Т. О. Верховцова // Веснік БДУ. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2008. – № 1. – С. 49–53.
4. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации [Электронный ресурс] / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург, 2007. – 207 с. – Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics2/nakhimova>. – Дата доступа: 04.02.16.

ПАЧУЙКА Г.

**“МАЛЫЯ” ЖАНРАВЫЯ ФОРМЫ Ў БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ:
ГЕНЕЗІС, ПАЭТЫКА, АКСІЯЛАГІЧНЫ ЗМЕСТ**

“Малая” проза, якая ў беларускай літаратуры пачала развівацца яшчэ ў канцы XIX – пачатку XX стагоддзя, у савецкі перыяд развіцця літаратуры апынулася ў разрадзе другаснага жанру, жанру няздольнага вырашаць сур’ёзныя праблемы сучаснасці. Такі падыход і абумовіў у пэўнай ступені тое, што “малая” проза да гэтай пары не асветлена тэаэтычна. Асобныя назіранні і згадкі па праблеме з’яўляліся ў нешматлікіх працах, па творчасці асобных аўтараў. У даследаванні “малых” жанравых форм больш пашанцавала лірычнай мініяцюры, якой прысвечана манаграфія Г. Кісліцынай.

Знаёмства з літаратурай па тэме даследавання паказала, што малаўжывальным у рускай літаратуры з’яўляецца жанр *эсэ*, і зусім у ёй няма жанру *абразка*. Актуальнай у літаратуразнаўстве з’яўляецца праблема “размытасці” межаў жанраў “малой” прозы. Гэта выявілася не толькі ў спробе Г. Кісліцынай размежаваць *лірычную мініяцюру* і *эсэ*, або Г. Тычко суаднесці *лірычную мініяцюру* з *лірычным вершам*, але і ў самым вызначэнні жанраў “малой” прозы.

Найбольш ужывальныя ў айчынай літаратуры “малыя” пражыццёвыя жанры *абразка* (гэта спецыфічны жанр беларускага слоўнага мастацтва) і *лірычнай мініяцюры*. Мы прыйшлі да высновы, што іх неабходна лічыць рознымі жанрамі “малой” прозы, хоць у даследчыкаў на гэты конт неадназначныя меркаванні. Некаторыя лічаць, што яны ўяўляюць сабой адзін

сінтэтычны жанр. Паколькі *мініяцюра* і *абразок* з'яўляюцца найбольш распаўсюджанымі “малымі” праявічымі жанравымі формамі ў беларускай літаратуры, на іх даследаванні мы і спыніліся ў нашай працы.

Абразок як жанр у беларускай літаратуры ўзнік у пачатку ХХ стагоддзя ў творчасці Якуба Коласа, Цёткі, М. Багдановіча. А засанавальнікам гэтага жанру ў нацыянальнай літаратуры з'яўляецца Змітрак Бядуля, які з “малой” прозы пачынаўся як творца. На думку даследчыкаў, менавіта назва яго зборніка “Абразкі” паспрыяла з'яўленню тэрміна *абразок* у айчынным літаратуразнаўстве.

Сярод ранніх праявічых твораў Змітрака Бядулі няма разгорнутых, з шырокім ахопам падзей. У абразках, як правіла, адзін-два героі, адна падзея, адна псіхалагічна-эмацыянальная настраёнасць. Яго стыль афарбаваны лёгкім сумам, элегічнаю тугою. Змітрак Бядуля – пісьменнік рамантычнага светаўспрымання – з вострай цягай да ідэалу, да прыгожага, з неадольнай прагай спасціжэння вечнай таямніцы жыцця. Яго “малой” прозе ўласціва схільнасць да імпрэсіянізму. Таму творы Змітрака Бядулі ўтрымліваюць элементы імпрэсіяністичнай, рамантычнай і фальклорнай паэтыкі.

Даследчыкі адносна бядулеўскай творчасці звычайна ўжываюць тэрміны *абразок* і *імпрэсія* як сінонімы. Нам падаецца мэтазгодным *імпрэсію* разумець як разнавіднасць *абразка*, які перадае першаснае ўражанне аўтара ад карціны прыроды, а не ад усёй рэчаіснасці, і таму творы “малых” праявічых формаў лічым патрэбным падраздзяляць на *абразкі* і *імпрэсіі*.

Адным з тых, хто плённа працаваў у жанры *абразка* ў літаратуры другой паловы ХХ стагоддзя, быў Ф. Янкоўскі – вядомы навуковец, самабытны мастак слова. Яго творы напісаны жывой народнай мовай, расказваюць пра дарагіх сэрцу людзей, пра сустрэчы з радасцю жыцця і характарам працы, пра спатканні з любым сэрцу родным словам, яны вучаць чалавечнасці, любові да роднай зямлі. У іх назаўсёды захавалася святло душы чалавека, шчыра адданага свайму краю, мове, людзям.

Проза Ф. Янкоўскага – арыгінальнае мастацтва слова, па-свойму асаблівая, даволі прыкметная з'ява ў беларускай літаратуры і яе жанралогіі. У межах нашай тэмы ўяўляюць цікавасць даследчыцкія вызначэнні жанру твораў Ф. Янкоўскага. Так, Г. Кісліцына [3, с. 91] называе іх *мініяцюрамі*, Л.І. Яўдошына – *філалагічнымі эцюдамі* [1, с. 332], С. Александровіч – *лінгвістычнымі нататкамі*. Сам пісьменнік падзагалоўкам кнігі “Само слова гаворыць” пазначае *філалагічныя абразкі*. Пасмяротны зборнік “Радасць і боль”, укладзены С.А. Янкоўскай і І.Ф. Янкоўскай, мае падзагалоўак “Апавяданні, навелы, мініяцюры”. Ён сведчыць пра тое, што блізкія пісьменніку людзі таксама яго *абразкі* лічылі *мініяцюрамі*. Гэта яшчэ раз паказвае на тое, што ў літаратуразнаўстве існуе праблема “размытасці” межаў “малых” праявічых жанраў, у дадзеным выпадку *мініяцюры* і *абразка*.

Знаёмства з абразкамі Змітрака Бядулі і Ф. Янкоўскага пераканала, што надзвычай спрошчаным з’яўляецца вызначэнне *абразка* як жанра ў пяцітомным “Глумачальным слоўніку беларускай мовы”: “Абразкі – жанр лірычных мініяцюр у беларускай прозе, у якіх адлюстроўваецца ўнутраны свет чалавека” [4, с. 509]. Прааналізаваныя намі творы сведчаць, што ў *абразках* паказваецца не толькі ўнутраны свет чалавека; а сам *абразок*, які як жанр узнік на пачатку XX стагоддзя, не можа быць жанрам *лірычнай мініяцюры*, заснавальнікам якой У. Калеснік назваў Я. Брыля [2, с. 228].

Адной з распаўсюджаных “малых” жанравых форм у беларускай літаратуры другой паловы XX стагоддзя з’яўляецца *лірычная мініяцюра*. Пры вызначэнні яе жанравых асаблівасцей слухным нам падалося меркаванне Г. Тычко, якая раіць размяжоўваць творы міні-прозы па функцыі фабулы. Бясфабульныя, лірычныя вершы ў прозе – гэта *лірычныя мініяцюры*, фабульныя – *кароткія аповеды*. Асобна вылучаюцца *дзённікавыя запісы*, *нататкі з пісьменніцкага стала*, *міні-эсэ* і інш. Акрамя акрэсленых жанравых прыкмет (сціслы аб’ём, свабодная кампазіцыя твора, афарыстычнасць, суб’ектыўнасць, цыклічнасць і імкненне да бессюжэтнасці), Г. Кісліцына [3, с. 26] лічыць самай галоўнай асаблівасцю *лірычнай мініяцюры* наяўнасць лірычнага героя, што, на яе думку, істотна дапамагае размяжоўваць *лірычную мініяцюру* і *эсэ*. Нам гэтае меркаванне даследчыцы падаецца даволі спрэчным. Больш істотным у гэтым жанравым размежаванні бачыцца тое, што *эсэ* – гэта найперш твор навукова-гістарычнага, крытычнага, публіцыстычнага, філасофскага характару, гэта нарыс або артыкул, насычаныя тэарэтычнымі, філасофскімі разважаннямі.

Ніхто не звяртаўся да *мініяцюры* так часта і так плённа, як гэта рабіў Я. Брыль, таму не дзіўна, што яго называюць “бацькам” жанру *лірычнай мініяцюры*. Друкаваць творы “малых” жанравых форм ён пачаў на пачатку 60-х гадоў мінулага стагоддзя. Першая падборка лірычных мініяцюр Я. Брыля была надрукавана ў 1964 годзе. На працягу 60–70-ых гадоў адзін за адным выходзяць зборнікі пісьменніка, якія ўтрымлівалі міні-прозу. Назвы кніг паказваюць, што сам Я. Брыль жанр *мініяцюры* вылучаў асобна сярод іншых жанраў “малой” прозы, а самі *мініяцюры* размяжоўваў на такія разнавіднасці, як *замалёўкі*, *лірычныя нататкі*, *лірычныя запісы*. У 1981 годзе быў выдадзены 5-томны збор твораў пісьменніка, у якім Я. Брыль не захаваў ніводнай кнігі мініяцюр у поўным выглядзе, ён правёў жанравую і тэматычную перагрупоўку.

Асабліва спрыяльным для Я. Брыля ў плане распрацоўкі яго любімага жанру *лірычнай мініяцюры* аказаўся постсавецкі час, калі пісьменнік нарэшце змог пісаць тое, што хацеў і як хацеў, у выніку чаго былі выдадзены кнігі: “Сёння і памяць: Апавяданні, мініяцюры, эсэ” (1985), “На сцежцы – дзеці” (1988), “Пішу як жыву: Аповесць, апавяданне, мініяцюры, эсэ” (1994),

“Вячэрняе” (1994), “Дзе скарб ваш” (1997), “Сцежкі, дарогі, прастор” (2001), “З людзьмі і сам-насам” (2003), “Блакітны зніч” (2004).

Знаёмства з мініяцюрамі Я. Брыля паказала, што іх сціслы аб’ём не стаў перашкодай для аксіялагічнай насычанасці твораў, выяўлення ў іх духоўна багатай асобы мастака слова, які сам задумваецца над праблемамі грамадскага характару, сэнсам чалавечага быцця, экзістэнцыйнымі праблемамі. Гэта дало падставы У. Калесніку вызначыць іх як *лірыка-філасофскія мініяцюры*. Адна з іх асаблівасцей – гэта тое, што пісьменнік нярэдка цытуе ўрыўкі з прачытанага, даючы гэтаму кароткі каментарый.

Пісьменнік задумваецца аб хуткаплыннасці жыцця і змушае да гэтага чытача. Ён умеў радавацца жыццю, дзякаваць за тое, што яму дадзена. А гэта праявы чалавечай мудрасці. Сваімі творамі Я. Брыль імкнуўся абуджаць добрае ў чалавеку. Мастак слова надзвычай любіў дзіцячую непасрэднасць і шчырасць. Шмат сваіх мініячюр напісаў пра дзяцей. Надзвычай важнай для пісьменніка была праблема выхавання падростаючага пакалення, а таксама адказнасці тых, хто ўзяўся за выхаванне чужога дзіцяці. Разумеў праяік, колькі трэба ўкласці ў яго, каб адмовілася ехаць *ад сваіх да сваіх* (выдз. – аўт.), калі знаходзяцца бацькі. Надзейным сродкам выхавання дзяцей пісьменнік лічыць прыгажосць роднай прыроды. Я. Брыль упэўнены, што любоў да роднага – адзін са шляхоў фарміравання духоўна багатай асобы. З уласнага жыццёвага вопыту мастак слова паказвае, як прырода здольна ратаваць чалавечую душу ў скрушныя хвіліны. Ацэнку многім з’явам Я. Брыль дае, зыходзячы з народнай сістэмы маральна-этычных каштоўнасцей. Нібы прадчуваючы, як змяняцца ў глабалізаваным ХХІ стагоддзі каштоўнасця прыярытэты, пісьменнік выходзіць у сваіх чытачоў культуру адносінаў да кнігі і чытання.

Адным з вызначальных аксіялагічных аспектаў брылёўскіх мініячюр з’яўляецца абуджэнне нацыянальнай самасвядомасці суайчыннікаў. Для Я. Брыля нацыянальнае – гэта частка душы. Пісьменнік упэўнены, што без нацыі не можа быць асобы, а чалавек без пачуцця нацыянальнай годнасці і павагі да іншых нацый не можа быць годным і дасканалым.

“Малыя” праяічныя формы, найперш *мініяцюры* і *лірычныя запісы*, займаюць адметнае месца і ў творчасці пісьменнікаў беластоцкага літаратурнага аб’яднання “Белавежа” С. Яновіча і Я. Чыквіна. Калі параўнаць іх мастацкую спадчыну, то ў творчасці С. Яновіча жанр *мініяцюры* займае вызначальнае месца. “Малую” прозу пісьменнік пісаў на працягу ўсяго творчага шляху. Пра гэта сведчаць яго кнігі “Доўгая смерць Крынак”, “Сярэбраны яздок”, “Мініяцюры Сакрата Яновіча”. Яго “малая” проза наскрозь лірычная, прасякнута насычанай вобразнасцю, метафарычнай неадназначнасцю. Сэрца пісьменніка баліць за родную Беларусь і яе блудных дзяцей, што, выракшыся роднага парога, духоўна мізарнеюць. У яго прозе закранаюцца многія маральна-этычныя праблемы.

Лірычныя мініяцюры знайшлі месца і ў шматграннай творчасці Я. Чыквіна. Творы Я. Чыквіна, па меркаванні Г. Тычко [5, с. 89], набліжаюцца да брылёўскай “малой” лірычнай прозы, у якой маюць месца разважанні пра зменлівасць, непастаянства і непрадказальнасць чалавечага быцця, пра сутнасць мастацтва, прыгажосць, вечнасць. Хоць пакуль гэты жанр не заняў вызначальнага месца ў творчасці пісьменніка, тым не менш яго міні-проза варта ўвагі чытача і літаратуразнаўцаў як спроба суаднясення разнастайных светапоглядных, філасофскіх, рэлігійных сістэм.

З вышэй сказанага становіцца відавочным, што *лірычная мірыяюра і абразок* з’яўляюцца даволі распаўсюджанымі і сэнсава насычанымі жанрамі “малой” прозы ў беларускай літаратуры ХХ стагоддзя.

Літаратура:

1. Каб жыло наша слова : зб. навук. артык. да 90-годдзя з дня нарадж. Ф. Янкоўскага / Пад агул. рэд. М. І. Новік. – Брэст : Альтэрнатыва, 2009. – 421 с.
2. Калеснік, У. Янка Брыль : нарыс жыцця і творчасці / У. Калеснік. – Мінск : Нар. асвета, 1990. – 255 с.
3. Кісліцына, Г. Лірычная мініяцюра як жанр беларускай літаратуры / Г. Кісліцына. – Мінск : Белар. навука, 2000. – 118 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. Т. 5. Кн. 2. У – Я / Рэд. тома М. Р. Суднік. – Мінск : БелСЭ, 1984. – 608 с.
5. Тычко, Г. К. Нацыянальнае. Індывідуальнае. Агульначалавечае / Г. К. Тычко. – Беласток : БЛА “Белавежа”, 2015. – 165 с.

ПОКАЛО Д.

МЕЛЕЖАЎСКАЕ РАЗУМЕННЕ КАЛЕКТЫВІЗАЦЫ Ў “ПАЛЕСКАЙ ХРОНІЦЫ”

Тэма калектывізацыі 1930-х гадоў разглядалася многімі беларускімі пісьменнікамі. Іван Мележ адзін з іх. Яго талент з асаблівай сілай раскрыўся ў трылогіі “Палеская хроніка”. Гэта галоўны твор І. Мележа, апавед пра блізкі і дарагі пісьменніку родны край. Цыкл складаецца з раманаў “Людзі на балоце”, “Подых навальніцы”, “Завеі, снежань”. Тэма калектывізацыі раскрываецца ў апошніх частках трылогіі.

І. Мележ здолеў раскрыць сутнасць гэтага новага сацыяльнага эксперыменту на вёсцы. Разглядаючы яго з розных бакоў, пісьменнік імкнуўся да шырокага погляду на жыццё. Аўтар трылогіі шматпланава паказаў уладу, якой павінен быў падпарадкавацца селянін. Зямлі чалавек цалкам аддае сваю душу і цела. Уладу з іх Саветамі, з іх калгасамі селянін прымае часткава,

прымае тое, што савецкая ўлада дае зямлю, але калгасы – не для яго. Мележ лічыў, што калі зямля “супакойвае”, “дае моц”, “суцяшае”, то Саветы толькі прымушаюць. Калектывізацыя адмовіла селяніну ў праве раскыць ў поўнай меры свае гаспадарскія здольнасці і прыстойна зарабляць на жыццё. Літаратуразнаўца У. Лебедзеў зазначыў, што “камандна-адміністрацыйная сістэма зусім не лічылася з чалавекам, з жаданнямі саміх працаўнікоў, а тыя, хто выказвалі сумненні, пярэчанні ці нязгоду, аб’яўлялі ворагамі, падлягалі раскулачванню і высылцы. Таму і няма ў вяскоўцаў працоўнага энтузіязму ад новых форм гаспадаравання, бо ў іх няма адчування таго, што яны паранейшаму гаспадары на гэтай зямлі” [2, с. 33].

Усёй душой сяляне прыраслі да свае зямлі, таму так балюча рэагавалі на “вялікі пералом”, калектывізацыю успрымаюць як страшэнную бяду. Васіль Дзяцел увасабляе найбольш поўна тыповасць вясковага працаўніка. Вельмі рана жыццё ўзваліла на яго яшчэ не акрэпленыя плечы ўсе свае клопаты і турботы. На вачах чытача хлопец вырастае ў мужчыну. Яшчэ з маленства Васіль добра зразумеў: трэба цярпець, не чакаючы ад жыцця ніякай палёгкі, цярпець і працаваць да стомы ў плячах, да горкага поту. Але ж ён не проста працаваў, ён як бы выхваляўся сваей сілай, сваім спрытам; ва ўсім, што рабіў, ён бачыў радасць, сэнс свайго жыцця. Васіль вельмі перажываў за сваю гаспадарку, ён не збіраўся ісці у калгас: *“– Як хто, а я па-свойму! Я – сам па сабе! Не пайду! Скажу: не! І усё. Толькі пачаў станавіцца на ногі! Толькі пачаў жыць! І от – на табе! Ададай вулі, якія дзяўбаў, цягаў на хвоі ці ты, ці дзед, якія комяць, дзержаць цябе! Ададай у арцель коніка, якога набыў з трудом такім, якім, можна сказаць, і нацешыцца не паспеў! Ададай чорту нейкаму за нішто. Ададай у чужыя рукі, пад чужыя злыя пугі, глядзі, як ганяць яго будуць, бы байструка якога, не лічачыся не з ахвотаю, не з сілаю яго! Ададай зямельку сваю, якая яна ні ёсць, але на якой ты цар-валадар. Ададай за добрыя словы, за абяцанкі. Ададай за нішто”* [4, с. 88].

У “Палескай хроніцы” калектывізацыя паказана не толькі праз успрыманне яе сялянамі, але і прадстаўнікамі ўлады, якія праводзяць гэты сацыяльны эксперымент на вёсцы. Носьбітамі новага, змагарамі за вялікую праўду ленінскіх ідэй у творы з’яўляюцца старшыня валвыканкама Апейка, дэмабілізаваны чырвонаармеец Міканор, сакратар партыячэйкі Гайліс.

Міканора выбралі за старшыню арцелі. Ён марыў стварыць калгас. Спачатку ў калгас запісвалася не многа людзей, але гэта падзея, акрамя таго, што цешыла яго гонар, яшчэ як бы гаварыла, што калгас, які ён ні ёсць, а пачынае жыць. Зводзілі гаспадарку ў адзін хлеў, прылады працы: вілы, лапаты – усё, што ў каго было. Касілі ўсе разам, жалі таксама. Міканор быў гатовы на ўсе дзеля свае мары. Дабіўся з Юравіч веялку для калгасу. Ён нават ахвяраваў свой хлеў, каб пастроіць за яго канюшню.

Міканор гуртуе вакол сябе найбольш перадавых аднавяскоўцаў, узначальвае перадрзел зямлі. На яго не дзейнічае карчоўская тактыка дзе ўзяць пагрозай, дзе ліслівасцю, а дзе прыкінуцца пакрыўджаным і нядужым. Усё, за што бярэцца куранёўскі камсамалец, робіць з поўнай самааддачай, радуецца зменам, прагрэсу ў сваёй роднай вёсцы: *“І нашы куранёўцы не горай за другіх, – плылі паволі думкі Міканора. – І з нашымі можна рабіць... Абы толькі падняць ды навесці... А так яны пойдучь... Людзі як людзі... Нічога, мы яшчэ з тымі людзьмі!..”* [3, с. 192].

Старшыня райвыканкама Іван Апейка, чулы, дэмакратычны, звыклы самастойна думаць камуніст. Ён заўсёды помніць пра складанасць і супярэчлівасць чалавечага жыцця, у ім жыве пратэст супраць аднабаковасці бачання свету і людзей: *“Столькі блытаных лёсаў ідзе, і трэба ўсё разблытваць самому, кіруючыся толькі сваім сумленнем”*, – думае ён, глядзячы на Сцяпана, сына Глушака, які імкнецца да новага жыцця. *“От яна – новая сіла, ад самога Глушаковага дрэва адрывае галіны. Роднага сына адарвала!”*, *“Што ж, так і быць: бяры ты, пльнь, нясі яго з сабою! Мый, чысці для новага, для нашага жыцця!..”* [4, с. 192].

У вобразе сакратара райкама Башлыкова І. Мележ паказаў тыповага прадстаўніка камандна-бюракратычнай сістэмы, для якога галоўнае – “цвёрда весці сваю лінію”, лінію партыі. Чалавек жа, яго душа і ўнутраны свет для яго нічога не значаць. “Адарваны ад народа, Башлыкоў як кіраўнік нежыццяздольны, – гэта антыпод Апейкі” [1]. Калі ў Глінішчах распаўся калгас, Башлыкоў гаварыў яго старшыні Чарнаштану:

“– Усё гэта – настроі! Адсталыя настроі. Я вам раіў бы паменш прыслуховацца да ўсякіх настройў, да ўсякіх гаворчак! Цвёрда весці сваю лінію!

– Дак жа знаць нічога не хочуць!.. Слухаць нічога не хочуць!

– Паслухаюць! Трэба толькі пагаварыць як належыць, навесці іх! Пераканаць! На тое і кіраўніцтва, каб кіраваць весці людзей туды, куды указвае партыя. Улічваць асаблівасці селяніна, канечна, трэба, але гэта не значыць, што трэба ісці на паваду ў яго. Нельга ісці на паваду! Нельга патакаць усякім настройшчыкам! Весці за сабой, весці – вот што табе трэба!” [4, с. 190].

У сваёй “Палескай хроніцы” І. Мележ паказаў, што калектывізацыя прынесла селяніну многа пакутаў, перапыніла зладжаны ход жыцця, нарабіла шкоды. Подых грамадскай “навальніцы”, якой і стала паспешлівая калектывізацыя, адбіўся на лёсах мележаўскіх герояў. Кожны з іх па-свойму ўступіў у сваю жыццёвую буру. Заслуга І. Мележа пры асэнсаванні калектывізацыі ў тым, што ён засяродзіўся на яе балючасці для сялян і ўсклаў адказнасць за вынікі гэтага сацыяльнага эксперыменту на вёсцы на партыйнае кіраўніцтва.

Літаратура:

1. Аналіз рамана Івана Мележа “Людзі на балоце” [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: [http : vodguki.ru/analiz-ramana-ivana-melezha-ly](http://vodguki.ru/analiz-ramana-ivana-melezha-ly).
2. Лебедзеў, У. А. “Палеская хроніка” І. Мележа і тэма калектывізацыі ў беларускай прозе / У. А. Лебедзеў // Зб. навук. матэр., прысвечаных 75-годдзю і 130-годдзю з дня нараджэння Івана Мележа і Марыі Радзевіч / БрДУ; рэд.: В. Я.Ляшук, У. А.Сенькавец. – Брэст, 1999. – С. 31–33.
3. Мележ, І. П. Людзі на балоце : Раман з “Палескай хронікі” / І. Мележ. – Мінск : Маст. літ. 2002. – 366 с.
4. Мележ, І. П. Подых навалніцы : Раман з “Палескай хронікі” / І. Мележ. – Мінск : Маст. літ. 1995. – 509 с.

ПУКАЛА А.

ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ ЯК НОСЬБІТЫ КАНАТАЦЫЙ У ТВОРАХ ВІКТАРА СУПРУНЧУКА

Пісьменнікі, фалькларысты, лінгвісты слухна называюць фразеалагізмы самародкамі, самацветамі роднай мовы, залацінкамі народнай мудрасці. Яны ажыўляюць маўленне, робяць яго сакавітым і эмацыянальным, ёмістым і сціслым. Таму імі шырока карыстаюцца ў звычайных гутаркова-бытавых зносінах і ў літаратурна-гутарковым маўленні. Многія мастацкія творы вылучаюцца значным багаццем фразеалагічных сродкаў, высокай насычанасцю фразеалагічнымі адзінкамі, эфектыўным іх выкарыстаннем.

Калі параўнаць фразеалагізмы і словы паводле стылістычных асаблівасцей, то становіцца відавочным, што экспрэсіўна-эмацыянальная афарбоўка з’яўляецца неад’емнай уласцівасцю абсалютнай большасці фразеалагізмаў, у той час як асноўная маса слоў стылістычна нейтральная.

Фразеалагізмы ў адрозненне ад большасці слоў узніклі і ўзнікаюць даволі часта не столькі для абазначэння розных “кавалачкаў” навакольнай рэчаіснасці, колькі для выражэння мадальных ацэнак і адносін да выказвання. Таму ў сэнсавай структуры фразеалагізма звычайна прысутнічае стылістычнае значэнне – канататыўны элемент, які эмацыянальна афарбоўвае прадметна-лагічнае значэнне (паняццёвы змест) фразеалагізма, надаючы выказванню ўрачыстасць, фамільярнасць, іранічнасць, жартаўлівасць, непашану і інш.

Стылістычнае значэнне фразеалагізмаў складаецца з двух кампанентаў, што выступаюць як розныя бакі адной з’явы: а) экспрэсіўна-ацэначнай афарбоўкі, якая надае ўстойліваму выразу ацэначныя і эмацыянальныя адценні, б) функцыянальна-стылявой афарбоўкі, што паказвае на прыналежнасць фразеалагізма да пэўнага стылю. Так, выраз *падымаць руку на каго* мае

фразеалагічнае значэнне ‘*спрабаваць ударыць каго-небудзь*’, а таксама экспрэсіўна-ацэначную афарбоўку неадабрэння і належыць да разрады размоўных фразеалагізмаў. Усе гэтыя тры істотныя элементы і складаюць сэнсавую структуру названага выразу.

Састаўнымі часткамі экспрэсіўна-ацэначнай афарбоўкі фразеалагізмаў з твораў В. Супрунчука з’яўляюцца *ацэначнасць, эмацыянальнасць і экспрэсіўнасць*.

Пад канатацыяй ацэначнасці разумеюць станоўчую або адмоўную характарыстыку асобы ці прадмета, якая ўласціва многім фразеалагізмам розных семантыка-граматычных тыпаў. Ёю валодаюць фразеалагізмы з наступных кантэкстаў пісьменніка: – *Не вельмі тут... Распусціў язык!* [с. 201], *распусціць язык* ‘не стрымлівацца ў сваіх выказваннях, дазваляць гаварыць многа лішняга’; – *Ай, усім да фені!* – *узрываецца Яргун і са злосцю глядзіць на Пранузу* [с. 37], *да фені* ‘зусім абыякава што-небудзь’; – *Рабілі мы, як кажучь, ад душы: грузілі на машыну слупы, бетонныя пасынкі, барабаны з дротам* [с. 214], *ад душы* ‘старанна, з вялікім уздымам (рабіць, працаваць)’.

Канатацыя ацэначнасці ў творах В. Супрунчука найбольш выразна выяўляецца ў прыметнікавых фразеалагізмах, якія замацаваліся ў ролі іменнага выказніка, напрыклад: – *Антось – мужчына высокі, плячысты, пад дзевяноста кілаграмаў. Як кажучь, кроў з малаком* [с. 202], *кроў з малаком* ‘здоровы, моцны, вельмі прыгожы, у росквіце’; *Бабы, здагадлівыя і быстрыя на язык, умомант вырашылі, што без дзеўкі тут не абышлося* [с. 36], *быстры на язык* ‘знаходлівы ў размове, дасціпны’. Яны, як і многія іншыя выразы, выступаюць у ацэначнай функцыі, якасна характарызуючы асобу.

У творах пісьменніка з канатацыяй ацэначнасці рэалізуюцца многія дзеяслоўныя фразеалагізмы: – *Мусіць, дарэмна я раскрыў сваю душу?* [с. 116], *раскрыць сваю душу* ‘шчыра падзяліцца сваімі думкамі, пачуццямі, перажываннямі’; – *З глузду з’ехаў!* – *не вытрымаў Сяргей Сяргеевіч, падхапіўся з крэсла, каб спыніць Арсена* [с. 30], *з глузду з’ехаць* ‘дзеінічаць неразумна, рабіць глупства’; – *Цётка Ануш іх шкадуе, але часам усё ж крычыць, што яны селі ёй на шыю і чаму дарагі брат не дбае пра сваю сям’ю* [с. 11], *сесці на шыю* каму ‘поўнасьцю падпарадкаваць сабе, сваёй волі каго-небудзь’; – *Сяргею Сяргеевічу не раз пасля перадавалі: Восіп Кароль п’яны крычаў, што пасадзіць старшыню, выведзе яго на чыстую ваду* [с. 47], *вывесці на чыстую ваду* каго ‘выкрыць чые-небудзь цёмныя справы, нядобрыя ўчынкі’; – *Майстар, ты мне зубы не заговорвай! Я пытаюся, што было* [с. 218], *зубы заговорваць* каму ‘хітруючы, пабочнымі размовамі адцягваць увагу ад чаго-небудзь важнага’; – *Уставіш пяць капеек – толькі пашкодзіш* [с. 46], *установіць пяць капеек* ‘умяшацца ў чые-небудзь справы’; – *Балела галава, было адчуванне, нібы хтось ваду на мне вазіў* [с. 117], *ваду вазіць* на кім ‘абцяжарваць каго-небудзь зневажальнай работай’.

Канатацыя эмацыянальнасці фразеалагізмаў звязана з выражэннем імі розных пачуццяў, настрою, суб'ектыўных адносін да асоб, прадметаў, з'яў. Для прыкладу кантэкст, у якім фразеалагізм перадае радасць, захапленне персанажа: – *Давай з'ездзім па грыбы. Да маёй вёскі недалёка. Там лясок ёсць – грыбоў! Хоць касой касі!* [с. 197], *хоць касою касі* 'вельмі многа, у вялікай колькасці'. Асобнае месца займаюць выклікавыя выразы, бо эмацыянальнасць і складае іх змест: – *Якія тут рэцэпты дасі? Чорт яго ведае. Жыве чалавек, жыве – урач успомніў некаторых сваіх пацыентаў, і яму стала не па сабе* [с. 205], *чорт ведае* 'невядома што-хто'.

Калі выклікавыя выразы толькі і спецыялізуюцца на выражэнні эмацыянальна-валявых рэакцый суб'екта, то многія фразеалагізмы іншых семантыка-граматычных тыпаў адначасова выконваюць намінацыйную і эмацыянальную функцыі. Пэўная эмацыянальная афарбоўка – устойліва замацаваны кампанент такіх фразеалагізмаў.

Канатацыю эмацыянальнасці (часта ў спалучэнні з іншымі) выяўляюць усе фразеалагізмы жэставага паходжання (яны адпаведны ўнутраны стан называюць па знешнім яго выразніку – міміцы, жэстах). У творах В. Супрунчука вылучаны наступныя кантэксты са згаданымі ўстойлівымі выразамі: – *Габрусь круціў носам, але маўчаў* [с. 211], *круціць носам* 'адмаўляцца, упірацца, натурыцца; важнічаць, выказваючы незадавальненне'; – *І калі, руку на сэрца паклаўшы, спыталі б, каго садзіць, дык за кратамі яму месца, бо паслаў Сухоцкага і даў мяса на гэтыя праклятыя запчасткі* [с. 82], *руку на сэрца паклаўшы* 'з усёй шчырасцю'.

Нярэдка фразеалагізмам, ужытым у творах В. Супрунчука, уласціва і эмацыянальнасць, і ацэначнасць адначасова, напрыклад: – *А яму хоць у вочы плюй, альбо кол на галаве чашы – усё роўна* [с. 234], *хоць у вочы плюй* каму, *хоць кол на галаве чашы* каму 'немагчыма пераканаць каго-небудзь, растлумачыць каму-небудзь што-небудзь'; – *Не спі ў шапку!* [с. 194], *спаць у шапку* 'не праяўляць рухавасці, энергічнасці'; – *Я, канечне, жонцы не дам верх браць над сабою... Але ж неяк жыццё трэба да ладу даводзіць* [с. 103], *верх браць* над кім 'падпарадкоўваць каго-небудзь сваёй волі, панаваць над кім-небудзь'.

Хоць тэрмін "экспрэсіўнасць" пакуль што не напоўнены акрэсленым і дакладным зместам, але найчасцей яго атаясамліваюць з выразнасцю. Таму ўсе фразеалагізмы, якім уласціва вобразнасць, эмацыянальнасць, ацэначнасць, адначасова з'яўляюцца і яркім сродкам моўнай выразнасці (экспрэсіўнасці).

Асобна можна гаварыць пра канатацыю экспрэсіўнасці шматлікіх фразеалагізмаў з твораў В. Супрунчука, у сэнсавай структуры якіх ёсць семаўзмацняльнасці. Гэта пашыраецца і на бязвобразныя фразеалагізмы з адсутнай ці цьмянай унутранай формай. Сэнс такіх фразеалагізмаў з узмацняльным значэннем вытлумачваецца з дапамогай абавязковых паказчыкаў узмацняльнай семы тыпу *зусім, вельмі* і пад.: – *За ядлоўцам мяне сустрэла цэлая сям'я*

лісічак – *адна ў адну* [с. 37], *адна ў адну* ‘зусім аднолькавыя і добрыя паводле якіх-небудзь якасцей’; – *Жыву на ўсе пяць*, – *гаварыў ён* [с. 113], *на ўсе пяць* ‘вельмі добра, з дастаткам’; – *Злосці было на самую галаву*, але ўжо мог *разважаць* [с. 89], *на самую галаву* ‘вельмі многа’; – *Задушылі падаткі*. *Заробак – кот наплакаў* [с. 248], *кот наплакаў* ‘вельмі малы, пра нязначную колькасць каго-, чаго-небудзь’.

Стылістычнае прызначэнне фразеалагізмаў не абмяжоўваецца толькі наяўнасцю ў іх канатацый экспрэсіўнасці, эмацыянальнасці і ацэначнасці. Фраземы выяўляюць разнастайныя віды эмоцый, экспрэсіўна-ацэначнай афарбоўкі. Адны ўстойлівыя выразы маюць павышаную афарбоўку, другія – зніжаную. Найбольш тыповымі відамі стылістычнай афарбоўкі з’яўляюцца неадабрэнне: – *Нібыта і не бачаць, што ва ўсіх хутка жываты на нос палезуць* [с. 244], *жываты на нос палезуць* ў каго ‘хто-небудзь будзе у стане цяжарнасці (звычайна пра жанчыну, якая не знаходзіцца ў шлюбе)’; – *Мне шкада цябе. На такіх, як ты, ваду возяць* [с. 144], *ваду вазіць* на кім ‘абцяжарваць каго-небудзь непасільнай, зневажальнай працай’; – *Не будзем тут языкі часаць*. *Скажу толькі, што пры вашай сіле дасце рады* [с. 125], *языкі часаць* ‘гаварыць упустую, пустасловіць’; – *Не спі ў шапку, бо забяру Галку* [с. 194], *спаць у шапку* ‘не праяўляць рухавасці, энергічнасці, бяздзейнічаць’; – *Жывём мы з Макарам як кот з сабакам* [с. 66], *як кот з сабакам* ‘у пастаяннай варожасці, сварцы, нядружна (жыць)’; – *Не вельмі тут... Распусціў язык* [с. 201], *распусціць язык* ‘не стрымлівацца ў сваіх выказваннях, дазваляць сабе гаварыць многа лішняга’; – *Але ж камбайны стаяць, і ніхто палец аб палец не ўдарыць, каб памагчы* [с. 44], *палец аб палец не ўдарыць* ‘нічога не зрабіць, нічым не дапамагчы’; іранічнасць: – *Ты патрэбен як сабаку пятая нага*, – *адрэзала цётка Ануш* [с. 30], *як сабаку пятая нага* ‘зусім не, нікольні не (патрэбны каму-небудзь)’; – *Адна нага тут, другая там*, – *сказаў Сяргей Сяргеевіч* [с. 44], *адна нага тут, другая там* ‘вельмі хутка (збегаць, схадзіць куды-небудзь)’; адабрэнне: – *Бабы, здагадлівыя і быстры на язык*, *умомант вырашылі, што без дзеўкі тут не абышлося* [с. 36], *быстры на язык* ‘знаходлівы ў размове, дасціпны’; – *А ў яго галава варыць*, – *сказаў Цімох* [с. 192], *галава варыць* у каго ‘хто-небудзь дагадлівы, кемлівы’.

Такім чынам, фразеалагізмы, выкарыстаныя Віктарам Супрунчуком у творах, характарызуюцца эмацыянальнай, экспрэсіўнай і ацэначнай насычанасцю. Канатацый ацэначнасці, эмацыянальнасці і экспрэсіўнасці цесна ўзаемазвязаны і займаюць важнае месца ў структуры стылістычнага значэння фразем.

Літаратура:

1. Супрунчук, В. Недзе баліць ля сэрца / В. Супрунчук. – Мінск : Маст. літ., 1986. – 247 с.

ПУКАЛА В.

**МАРАЛЬНА-ФІЛАСОФСКІЯ АСПЕКТЫ АПОВЕСЦІ
У. КАРАТКЕВІЧА “ЧАЗЕНІЯ”**

“Укараніцца на камяністым, неўладкаваным беразе жыцця,
мудра, уладна, пяшчотна свідраваць каранямі зямлю.
Араць яе для будучыні. Як чазенія...”
[3, с. 306–307].

Аповесць “Чазенія” – гэта своеасаблівая энцыклапедыя прыроды Прыморскага краю, а таксама аповесць аб рамантычным і чыстым каханні. У. Караткевіч здолеў па-мастацку стварыць яркія карціны прыроды Далёкага Усходу, раскажаў чытачам пра яго мінулае. Кніжнае выданне твора з’явілася спачатку на рускай мове ў “Молодой гвардии” (1969), а праз год – у беларускім варыянце.

А. Мальдзіс у кнізе “Жыццё і ўзнясенне Уладзіміра Караткевіча” правёў крытычны аналіз аповесці, па-свойму высока і адметна ацаніў значнасць твора для грамадства. Між іншым, мы даведваемся, што для ілюстрацыі ўласных думак аўтар паказваў А. Мальдзісу запісную кніжку, з якой пасля вырасла “Чазенія”. Запісы аб тым, якія рыбы водзяцца ў далёкаўсходніх рэках, якой вышыні дасягае цунамі, якія дрэвы растуць на берагах Амура, малюнкi бурундука, Кедровай падзі, схема маршруту, па якім спачатку прайшоў сам аўтар, а потым – яго герой [4, с. 77].

Як і папярэднія творы У. Караткевіча, “Чазенія” выклікала рэзкае непрыняцце крытыка Я. Герцовіча. У артыкуле “Шукаць у рэальным жыцці”, надрукаваным у газеце “Літаратура і мастацтва” 25 чэрвеня 1971 г., ён абвінаваціў аўтара аповесці і ва ўтапічнасці, і ў ігнараванні навукова-тэхнічнага прагрэсу, ядзернай фізікі. Я. Герцовіч аспрэчваў рэцэнзію крытыка С. Андраюка, які апраўдваў паводзіны герояў аповесці тым, што іх “мучаць страшэнныя прывіды атамнага выбуху” [4, с. 97]. Але з цягам часу сам гістарычны працэс пацвердзіў высновы, зробленыя С. Андраюком, які слухна адзначыў: “У яго [У. Караткевіча – В. П.] яркія характары, выключныя жыццёвыя факты, рамантычныя абставіны, надта завостраныя канфлікты, барацьба страсцей, метафарычнасць, багатая вобразнасць, уменне стварыць настрой эмацыянальнай напружанасці” [6, с. 126]. Вышэй пералічаныя адзнакі знайшлі сваё яркае адлюстраванне ў рамантызаванай, паэтычнай, дынамічнай аповесці “Чазенія”.

Даследчыца Г. Гарадко адзначае, што У. Караткевіч вырашае ўзнятыя праблемы “не проста на аснове асабістых узаемаадносін герояў, а галоўным чынам праз адносіны персанажаў твора да гэтых праблем” [1, с. 248–251]. Сваю

назву твор атрымаў ад далёкаўсходняга дрэва чазенія, якое, як дрэва-піянер, першым з'яўляецца на галькавых косах, нават на скамянелай лаве ручаёў, там, дзе нішто не можа расці.

Цэнтральнымі вобразамі твора з'яўляюцца Севярын Будрыс і Гражына Арсайла. Слушна зазначае даследчык творчасці У. Караткевіча Г. Ішчанка: “Прозвішча Будрыс, якім У. Караткевіч надзяляе галоўнага героя аповесці, з'яўляецца рэмінісцэнцыяй, якая адсылае чытача да мастацкай спадчыны А. Міцкевіча, да яго балады “Тры Будрысы” [2, с. 74]. Галоўны герой – вучоны атамшчык, які можа ўявіць сабе разбуральныя наступствы ядзернай катастрофы. Але Севярын губляе спакой, яго мучаць страшэнныя прывіды атамнага выбуху. Яго не пакідаюць пачуццё трылогі, прадчуванне нечага страшнага. Герой выразна разумее разбуральныя магчымасці сучаснай ядзернай навукі, якой ён займаецца. Будрыс “заблытаўся, бы ў лесе, у каменных дамах, у машынах, у лічбах” [3, с. 210]. Хлопец захапляўся кнігамі фантастаў. Будрыс мяркуе, што “ў фантастаў усё гэта выглядала куды прыгажэй, бо яны адказвалі зусім на іншыя пытанні, сярод якіх галоўнымі былі – чалавечае і чалавечнасць, бо яны клікалі да іншых берагоў” [3, с. 211].

Герой У. Караткевіча пакідае горад, працу ў навуковай лабараторыі. Севярын Будрыс накіроўваецца на Далёкі Усход, каб пабыць сам-насам з прыродай і адпачыць. У эпоху так званага “шасцідзясятніцтва” аўтар “Чазеніі” ўздымае важныя для грамадства праблемы, акцэнтую сваю ўвагу і, адначасова чытачоў, на неабходнасці такіх удумлівых адносін да прыроды. Пісьменнік пераконвае, што ў беражлівых адносінах да прыроды тоіцца бясконцы запас эмацыянальнай энергіі. Калі ж такога не будзе, то само жыццё згубіць не толькі эстэтычны, а, часам, інтэлектуальны сэнс. У яднанні чалавека з прыродай пісьменнік бачыць аснову цэласнасці асобы, яе гуманізму і патрыятызму, натуральнасці, духоўнасці і маральнай чысціні. Будрыс на гэты конт выказаўся так: “Мы – гаспадары. Можа, мы і не маем на гэта права, але так склалася. Гэтага не зменіш. І мы павінны навучыцца гаспадарыць разумна” [3, с. 247].

Найбольш выразна экалагічная праблематыка ў аповесці раскрываецца праз вобраз Гражыны Арсайла. Гераіня па прафесіі біёлаг, ведае назву кожнай таёжнай расліны, добра знаёма і з жывёльным светам. Для яе непрымальна грубае ўмяшанне чалавека ў свет прыроды: “Не люблю “ўладароў”, “пакарыцеляў”, не люблю “гаспадароў жыцця” [3, с. 274]. Па сутнасці, яна ўвасабляе сабою гарманічнае адзінства чалавека з навакольным светам.

Дзяўчына займалася любімай справай. Ад гэтага яна атрымлівала асалоду, задавальненне. Севярын пачаў сумнявацца ў правільнасці выбранай жыццёвай дарогі. Душэўная драма Будрыса выклікана сумненнямі наконт карыснасці яго навуковай дзейнасці. Яшчэ маладым юнаком Будрыс быў уражаны горадам вучоных ядзершчыкаў, сінхрафазатронам, цыклатронам, але

ніяк не мог пазбавіцца ад думкі, што “вакол гэтага фарпоста ляжаць лясы, у якіх цалкам верагодна могуць такаваць глушцы” [3, с. 211].

Падчас падарожжа ў Тыгравую падзь Севярын звярнуў увагу на незвычайнае дрэва: “Пальмавай стройнасці, з пышным султанам драбналістых галін недзе ўверсе, яно сонечна шумела над вадой. Вельмі падобнае на эўкаліпт, тугое як струна, яно расло... на камянях” [3, с. 251]. Дакладна заўважыць месцазнаходжанне Гражыны Севярыну дапамог сабака па мянушцы Амур – яго спадарожнік яшчэ ад заповедніка. Дзяўчына сустрэла Севярына стрымана.

У момант чарговай прагулкі па ваколіцах Тыгравай Севярын заўважыў вярбу на камянях, такую стройную, нібы эўкаліпт. Дзяўчына слухна адзначыла, што чазенія – “адно з улюбёных яе дрэў” [3, с. 264]. Між іншым, Арсайла патлумачыла: “Гэтае дрэва цяжка жыве. І мала жыве. Год восемдзесят. Укарэніцца на галькавых косах, на градах. Там, дзе нішто не можа расці. Першай з’яўляецца на новых наносах, нават на скамянелай лаве ля ручаёў. Дрэва – піянер. І вось расце, разбурае лаву, невядома адкуль смокча сокі, угнойвае лісцямі мёртвую глебу. А пасля, калі ўгноіць яе і сабой, на тое месца прыходзяць дрэвы іншых парод. Добрае дрэва!” [3, с. 264]. Дрэўца прываблівае дзяўчыну мужнасцю і ахвярнасцю. Будрыс параўноўвае каханую Арсайлу з гэтай прыгожай раслінай: “А вы хіба чалавек? Вы проста першая чазенія. Высокая чазенія. Страйнютка чазенія. Чазенія, якая памагае ўсім. А раз усім, то і мне” [3, с. 264].

У самім творы чазенія – гэта шматзначны вобраз-сімвал. Часам аўтар называе чазеніяй жанчыну, якая дае жыццё, імкнецца абараніць сваіх нашчадкаў. Але, у дадзеным выпадку, чазенія – гэта сімвал жыцця, яе пладаноснага, самаахвярнага пачатку. Дарэчы, на месцы Тыгравай падзі некалі існавала Бахайскае Царства. Думаецца, Будрыс і Арсайла, пэўным чынам, шукаюць гармонію ў тыпова рамантычных сферах: у каханні і ў прыродзе. Яны душэўна адкрытыя, сумленныя, духоўна багатыя. У аповесці У. Караткевіч памастацку, вельмі тонка раскрывае не толькі моцную прагу сваіх герояў да дасканаласці. Пісьменнік змог паказаць веліч і красу кахання і прыроды.

Будрыс сябе пераконваў, што ў яго з Гражынай “розныя полюсы ўсяго існага” [3, с. 267]. Ён быў вельмі ўражаны ад таго, што дзяўчына настолькі шмат ведае ўсяго, нават страшна яе пацалаваць. На прасторах тайгі каханых ахоўвала лайка Амур, якая дапамагла ім сустрэцца. Севярыну патрэбна было ехаць у горад. На развітанне “пёс... плакаў” [3, с. 294]. Са слязьмі на вачах Гражына выкрыкнула яму: “Ды не рвіце ж вы мне сэрца! До ўжо. Бо я не вытрымаю” [3, с. 294]. У час апошняга развітання, у момант, калі прыбыў кацёр “Ізмурод”, каханья дамовіліся аб тым, што абавязкова праз некалькі дзён сустрэнуцца і, “узаяўшы яго галаву ў далоні, не саромеючыся людзей на палубе,

не звяртаючы ўвагі на цікаўных прыстанскіх баб, горка, страшна пацалавала яго ў вусны. Нібы ўсю душу ўклала ў адзін пацалунак” [3, с. 295].

Але Гражына цалкам разбурыла ўласнае шчасце, прымусіла пакутаваць каханага чалавека. Яе ўчынак здаецца неабдуманым, няправільным. Дзяўчына, бачачы разыходжанне іх характараў і баючыся, што гэта можа стаць прычынай страты кахання, лічыць, што шчаслівым можна быць і на адлегласці. Трэба толькі заставацца верным адно аднаму.

Праз нейкі час, у самым канцы лістапада, змучаны ў пошуках дзяўчыны, Будрыс, вяртаючыся дадому, дастаў з паштовай скрынкі тоўсты жаўтаваты канверт і адразу пачаў чытаць: “Мілы мой, дарагі, першы і апошні, добры мой суддзя, адзіна каханы! Ты павінен зразумець, – піша Гражына ў пісьме Севярыну, – што гэта не здрада, што я ніколі, ні з кім не здраджу табе і што прашу я прабачэння не за тое, што здрадзіла табе, а толькі за тое, што прычыніла табе боль. ... Падчас развітання ты нечакана даў мне і сілу для майго ўчынку. Я ўбачыла тое, што магло б пасля перарасці ў смерць нашага кахання, у маю смерць. Мы ва ўсім розныя. Што рабіць мне там? І што табе – тут? Мы розныя ва ўсім, акрамя нашага кахання. Ты ўпамянуў пра здраду сябрам, і “каб яшчэ толькі жывым”, ты ўпамянуў імя Генуся, з якім... Я зразумела: нават падсвядома ты не даруеш сабе таго, што ты называеш “зрадай”. І, рана ці позна, сыдзе на нішто тваё каханне, самае вялікае, якое ў мяне было, якое ў мяне будзе. Адзінае... Ты стаў моцны. Досыць з мяне. Зразумей. Даруй. Не шукай” [3, с. 303–306]. Здаецца, самае важнае пра свае адносіны да Будрыса адзначыла Арсайла: “Ты мой першы. Ты мой апошні. Я вырашыла ўсё пасля першай хвіліны блізкасці з табой. І тады, ля жэньшэня... І тады, на схіле дзён, я ўспомню адно: перакаты рэчкі, хатку пад ценем кедраў, лятучы цень чазеній...” [3, с. 305]. Прачытаўшы пісьмо, Будрыс з вялікім сумам успомніў той “залаты” для яго час, калі быў шчаслівы. Поўны рознымі думкамі, Севярын са смуткам зазначыў: “Ты – чазенія, ты – жыццё. Чаму ж ты збаялася шчасця?... Прыйшла, дадзена была адзіная любоў. І гэтае адзінае каханне трэба было берагчы нават коштам жыцця... Я знайду цябе! Знайду! Знайду!” [3, с. 306–308].

Пісьменнік абарваў сюжэтную лінію асабістых пачуццяў, моцнага кахання герояў аповесці. Пачуцці Севярына Будрыса ўвасоблены ў яго прызнанні: “Ты дала мне гэтую моц. І дазволь ужо мне трымаць гэтае маё каханне, каб яно не памерла. У цвёрдых руках. Я не разаб’ю яго і не дам разбіць табе. Я не дапушчу, каб яно памерла ў маім сэрцы, і не дазволю, каб яно памерла ў тваім. Не дазволю мудрасцю, бязмежным цярпеннем, сілай свайго кахання... Я зрабіў у папярэднім жыцці ўсё, што мог. Я перарос тое, што рабіў. Мне па плячы большае. І я хачу жыць гэтым большым” [3, с. 306]. Высновы Будрыса абнадзейваюць чытачоў, што героі аповесці ў выніку знойдуць сваё шчасце. І не толькі для сябе, але і для сваіх дзяцей, для ўсіх тых, хто вакол іх. Такім чынам, сюжэтная незавершанасць канфлікту паказвае мастацкі такт

самога пісьменніка, адчуванне жыццёвай праўды, складанасць грамадска-духоўнай атмасферы ў век навукова-тэхнічнага прагрэсу.

Твор дазваляе зрабіць выснову аб звышдаказнасці ўсіх людзей за ўсё жывое на зямлі. Людзі павінны навучыцца жыць у міры, калі яны наогул жадаюць жыць. У аповесці “Чазенія” Караткевіч-пісьменнік сцвярджае, што кожны чалавек павінен берагчы ў сваёй душы любоў да чалавека і, безумоўна, да прыроды. Фінал твора прымушае чытача задумацца над праблемай прыроды і навукова-тэхнічнага прагрэсу. Як павінен чалавек будаваць сваё жыццё? Ці ёсць неабходнасць адмовіцца ад новых навуковых дасягненняў дзеля першабытнай прыроды? Здаецца, што над гэтымі і іншымі пытаннямі кожны з нас спрабуе даць адказ у час роздуму над фіналам твора. Расстанне ў заключнай частцы твора Севярына і Гражыны прынесла ў твор драматычнае напружанне. Але ў цэлым аповесць прасякнута матывамі радасці жыцця, аптымізмам, сцвярджаннем маральнай прыгажосці паміж галоўнымі героямі твора.

Ідэйным зместам аповесці “Чазенія” У. Караткевіч сцвярджае, што гуманізм павінен быць вызначальным не толькі ва ўзаемаадносінах паміж людзьмі, але і ў іх далучэнні да жывой прыроды, флоры і фаўны.

Менавіта далучэнне асобы да навакольнага свету, да мінулага, да гістарычных каранёў, нават да Бахайскага царства, якое існавала некалі на месцы Кедровай падзі, на думку У. Караткевіча, дае выток і аснову гарманічнасці асобы, яе гуманізму і патрыятызму, яе натуральнасці, духоўнасці і чысціні. Аповесць перакладзена на рускую, украінскую, латышскую, славацкую, балгарскую мовы. Вядомы беларускі пісьменнік В. Быкаў назваў аповесць У. Караткевіча “своеасаблівым гімнам жыццю”, у якім гарманічна спалучаюцца каханне паміж людзьмі, іх адносіны да прыроды, агульначалавечыя праблемы.

Літаратура:

1. Беларуская літаратура : вучэб. дапам. для 10-га кл. агульнаадукац. устаноў з беларус. і рус. мовамі навучання / З. П. Мельнікава [і інш.] ; пад рэд. З. П. Мельнікавай, Г. М. Ішчанкі. – Мінск : Нац. ін-т адукацыі, 2009. – 304 с.
2. Ішчанка, Г. М. Аповесць У. Караткевіча “Чазенія” ў кантэксце творчасці пісьменніка 60-ых гадоў XX ст. / Г. М. Ішчанка // Веснік Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна. Серыя 3. – 2011. – № 1. – С. 71–75.
3. Караткевіч, У. С. Збор твораў. У 25 т. Т. 5. Легенды. Навела. Паэма. Аповесць: 1960 – 1972 / У. Караткевіч ; падрыхт. тэкстаў і камент. П. Жаўняровіча і А. Вераб’я ; рэд. тома В. Іўчанкаў. – Мінск : Маст. літ., 2013. – 541 с.
4. Мальдзіс, А. І. Жыццё і ўзнясенне Уладзіміра Караткевіча. Партрэт пісьменніка і чалавека : літаратуразнаўчае эсэ / А. І. Мальдзіс. – Мінск : Літаратура і Мастацтва, 2010. – 208 с.

5. Марціновіч, Д. “Донжуанскі спіс” Караткевіча : літаратуразнаўчыя даследаванні і артыкулы / Д. Марціновіч. – Мінск : Четыре четверти, 2012. – 114 с.

6. Уладзімір Караткевіч і яго творчасць у еўрапейскім культурным кантэксце : навук. зб. / рэдкал.: А. Мальдзіс (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2000. – 272 с.

ПУКАЛА В.

УЛАСНАЕ АСАБОВАЕ ІМЯ Ё КАНАТЭКСЦЕ ТВОРА (НА ПРЫКЛАДЗЕ АПОВЕСЦІ У. КАРАТКЕВІЧА “ДЗІКАЕ ПАЛЯВАННЕ КАРАЛЯ СТАХА”)

Пісьменнікі пры выбары ўласных асабовых імёнаў сваім персанажам “арыентуюцца на рэальны анамастыкон свайго часу, пры гэтым звычайна свядома ці інтуітыўна ўлічваюць такія неабходныя для літаратурнага оніма патрабаванні, як стварэнне ўласным імем уяўлення аб нацыянальнай, узроставай, сацыяльнай, прафесійнай адпаведнасці носбіта імені. Уласныя імёны, з’яўляючыся састаўным элементам лексічнай сістэмы пісьменніка, выконваюць немалаважную ролю ў стварэнні мастацкіх вобразаў, у раскрыцці аўтарскага разумення твора, адлюстраванні моўных і літаратурных традыцый, якія стварыў і працягваў мастак слова” [1, с. 21–22].

Чым жа абумоўлены выбар уласных імёнаў у аповесці “Дзікае паляванне караля Стаха” У. Караткевіча? Аўтар вельмі трапна падабраў кожнаму герою пэўнае імя, прозвішча ці мянушку.

Што тычыцца менавіта імёнаў, то трэба адзначыць перавагу поўных афіцыйных формаў над размоўна-бытавымі, эмацыянальна-ацэначнымі. Гэта тлумачыцца, па-першае, тым, што аўтар выкарыстоўвае такія імёны для наймення асоб сталага ўзросту, бо ўвогуле ў творы няма вобразаў дзяцей. Па-другое, каб падкрэсліць становішча, якое займае той ці іншы герой у грамадстве, пры гэтым аўтар звычайна ўжывае імя ў спалучэнні са словам пан, пані і пане. Па-трэцяе, каб узвялічыць героя, паказаць душэўную прыгажосць, сталасць поглядаў, непакорнасць, адвагу. Так, імя Андрэй, якое пісьменнік дае многім героям (Беларэцкі, Свеціловіч, Грыневіч), у перакладзе з грэчаскай мовы мае значэнне ‘мужны, храбры’ [2, с. 70]. Сапраўды, гэтыя героі выступаюць мужнымі абаронцамі людзей, змагарамі за праўду і справядлівасць.

Надзея Раманаўна Яноўская – апошняя спадчынніца ў калісьці магутным родзе. Чаму аўтар менавіта так назваў сваю адзіную гераіню, а не інакш? *Надзея* ў перакладзе з грэчаскай мовы азначае ‘спадзяванне, чаканне выканання самага заповітнага жадання’ [2, с. 93]. Аўтар сцвярджае, што не варта губляць

надзеі на лепшае заўтра, на тое, што знікне жудаснае паляванне караля Стаха, бо Надзея – апошні нашчадак Рамана, якраз дваццатае яго калена.

Пісьменнік у творы прыводзіць фантастычную легенду. На пачатку XVII ст. радавіты беларускі пан Стах Горскі паставіў перад сабою задачу – дабіцца самастойнасці. Гэтаму спрыяла тое, што ў яго жылах цякла каралеўская кроў, знаходзіў падтрымку ў навакольнага панства і “лясных братоў”. Горскі быў таленавітым воінам, меў вялікае войска. А пра што гаворыць яго імя? Ці падыходзіць яно гэтаму герою? Стах – форма ад імені Станіслаў, якое “паходзіць ад слоў польскай мовы: становы – стойкі і слава. Увогуле – родавай, сталай славы” [2, с. 94]. Пісьменнік вельмі часта выкарыстоўвае ў творы імя Ян і яго формы – Янук, Ясік. Гэтае імя бытуе ў польскай і беларускай мовах. Утворана ад Иоанн, што азначае – ‘яхве’ (Бог) [2, с. 97].

У. Караткевіч для пэўных асоб падбірае даволі характарыстычныя імёны. Напрыклад, пан Сава Матфеевіч Стахоўскі. Яго імя паходзіць з арамейскага слова саба, што значыць – ‘дзед, старац’ [2, с. 103].

Носьбітамі поўных афіцыйных форм імёнаў у аповесці выступаюць святыя. Гэта святы Юрый, святы Антоній, Лазар, Ілья: “Вось агромністая драўляная статуя святога *Юрыя*, аднаго з цудоўных, трохі наіўных стварэнняў беларускага народнага генія...” [3, с. 168]; “А гэта паненка, бачыце, як апранулася: проста як фэст на святога *Антонія*” [3, с. 191]; “Найбольш вартымі ўвагі на гэтым жоўчым, прыгожым твары былі вялікія чорныя вочы з вадкім бляскам, але такія безжыццёвыя, што рабілася ніякавата. Напэўна, менавіта такія былі ў *Лазара*, калі ён уваскрэснуў, але захаваў у вачах успаміны” [3, с. 193]; “Ён жывіцом узнёсся на неба, першы з людзей пасля *Ілі-прарока*” [3, с. 224].

Характарыстычнымі з’яўляюцца і жаночыя імёны. Пісьменнік найчасцей ужывае ў творы спалучэнні імя і імя па бацьку, напрыклад, Надзея Раманаўна, што, на нашу думку, гаворыць пра непамернае захапленне аўтара гераіняй: “*Надзея Раманаўна*, – з нечаканай цеплынёй сказаў я...” [3, с. 196].

Акрамя поўных афіцыйных імёнаў, у аповесці сустракаюцца размоўна-бытавыя (Алесь, Зося, Андрусь, Пятрусь), а таксама эмацыяльна-ацэначныя (Ясік, Надзейка, Грышка, Рыгорка). Выкарыстоўваючы гэтыя формы, пісьменнік, як нам здаецца, хацеў паказаць уласнае захапленне гэтым чалавекам: “*Рыгорка!* Лепшы друг! Едзем з намі, перасядзіш той час, калі будуць шукаць *Дубатоўка* і іншых” [3, с. 275].

Аповесць “Дзікае паляванне караля Стаха” адметная рамантычным пачаткам. Гэта адбілася як на самой назве, так і на даволі празрыстай сімволіцы прозвішчаў персанажаў: адзін “свет” прадстаўлены Яноўскай, Беларэцкім, Свеціловічам, другі, змрочны – Варонам, Дубатоўкам, Берманам.

У прозвішчы Свеціловіч заключаны канкрэтны сэнс: яго носьбіт – светлы чалавек, выразнік новых і перадавых поглядаў. Думаецца, і прозвішча

Беларэцкі назыўное. Па-першае, у аснове – белы колер, колер свабоды, чысціні, надзеі. Герой імкнуўся да гэтага. Па-другое, прозвішча *Беларэцкі* вельмі сугучнае са словам “беларускі”. Ён выбраў прафесію, якая наблізіла яго да народа і дапамагла зразумець гэты этнас. Вывучэнне народнай творчасці шмат дало герою. Паступова Андрэй *Беларэцкі* становіцца гарачым патрыётам роднай зямлі, сапраўдным беларусам.

Прозвішча *Яноўская* паходзіць ад распаўсюджанага на Беларусі імя Ян, Янка, якое азначае ‘Яхве (Бог) змілаваўся; Яхве памілаваў, дараваў’ [2, с. 97]. У. Караткевіч сцвярджае, што не трэба сумнявацца ў шчаслівым будучым, трэба спадзявацца на выратаванне, на памілаванне Богае.

Змрочны, жудасны “свет” – *Дубатоўк* і яго “д’ябальская оргія”. Письменнік напрацягу ўсёй аповесці выкарыстоўваў толькі прозвішча гэтага героя. Што азначае яно? *Дубатоўк* – гэта той, ‘хто таўчэ дубовую высушаную кару, каб дубіць скуры’. Прозвішча пайшло ад мянушкі. *Дубатоўк* у творы з’яўляўся кіраўніком палявання. Ён, марачы завалодаць Балотнымі Ялінамі, так жорстка, крывадушна і па-блюзнерску выкарыстоўвае старое паданне. Гэты герой – тыповы рамантычны злачынец. Ён заўсёды ў руху, увесь час таўчэ, але не дубовую кару – людзей, даводзіць іх да смерці.

Дакладна распрацаваныя пісьменнікам у аповесці вобразы і другасных персанажаў. Асабліва цікавымі тут з’яўляюцца вобразы дварэцкага Бермана і шляхціча Вароны. Дварэцкі меў прозвішча, утворанае аб’яднаннем двух імёнаў-прозвішчаў у адно: Берман-Гацэвіч. Прозвішча Гацэвіч паходзіць ‘ад дзеяслова гацаць, ехаць шпарка вярхом на кані або ісці хутка, ледзь не бегчы’ [2, с. 106]. У творы Берман – таямнічы, усюды існы і ўсёведны, які, як цень, мітусіцца па замку: “*Берман-Гацэвіч* стаяў за маёй спінаю і адпускаў іранічна-далікатныя заўвагі наконт тых, хто прыбываў” [3, с. 191]. Прозвішча Варона таксама даволі характарыстычнае. Носьбіт гэтага прозвішча і сапраўды быў фанабэрлівы і ганарысты, падобны да птушкі: “Відаць, Варона не звык атрымліваюць адпор ва ўсёй ваколіцы” [3, с. 195].

Са старажытнай легенды мы даведваемся пра радавітага беларускага пана Стаха Горскага. Гэты герой мае не толькі шматзначнае і сімвалічнае імя, але і прозвішча. Калі імя яго абазначае радавую, сталую славу, то прозвішча Горскі яшчэ больш узвышае гэтую постаць, робіць яе мужнай, як гара, непераможнай.

У творы сустракаецца вельмі шмат прозвішчаў, утвораных аб’яднаннем двух імёнаў-прозвішчаў у адно. Так, шматлікія нашчадкі шляхецкага роду падпісваліся дваіным прозвішчам. Як лічаць даследчыкі, дваіныя прозвішчы яшчэ раз падкрэсліваюць старажытнасць паходжання роду. З’яўленне дваіных ці нават траіных прозвішчаў у XVI–XVIII стст. сярод шляхты не было рэдкасцю [4, с. 63].

Вось што гаворыць Андрэй *Беларэцкі* пра некаторыя прозвішчы, што сустракаюцца ў творы: “Тут амаль што не было чыстых позіркаў, але затое якія былі прозвішчы! Мне заўсёды здавалася, што я сяджу ў архівах і чытаю

старажытныя акты якога-небудзь Пінскага копнага суда...Фалендыш-Хобалева, Барбарэ-Гарабурда, Аўрамовіч-Басяцкая” [3, с. 192].

У даследуемай аповесці аўтар скарыстоўвае і прозвішчы гістарычных асоб, якія ўзбагачаюць твор, падкрэсліваюць глыбокае веданне пісьменнікам гісторыі і культуры беларускага народа. Гэта прозвішчы знакамітых асоб, якія ахвярна служылі свайму народу. В. Дунін-Марцінкевіч, В. Каратынскі шмат зрабілі дзеля таго, каб голас беларусаў загучаў у свеце: “...сярод гасцей не больш як які дзесятак размаўлялі на мове *Марцінкевіча* і *Каратынскага*, астатнія на дзіўнай сумесі польскіх, расейскіх і беларускіх слоў” [3, с. 193].

Прыгадваюцца прозвішчы не толькі беларускіх пісьменнікаў, але і выдатных дзеячаў іншых краін. Гэта Персі Бішы Шэлі, Дантэ Аліг’еры, Тарас Шаўчэнка, Фёдар Дастаеўскі, Вальтэр Скот: “Памятаеце, казаў *Шэлі*: цемра здушыла цеплыню скрыпічых таноў, калі двое навек разлучыліся, то не трэба пяшчоты і слоў” [3, с. 161]; “На хаду я скінуў куртку, шапку, выкінуў з кішэняў залаты партабак і кішэнькавае выданне *Дантэ...*” [3, с. 240]; “Пачалося з ушанавання памяці *Шаўчэнкі*” [3, с. 200]; “Вось гэтага ў чырвоным плашчы жыўцом адпелі ў царкве, васьм гэтага жанчына з непрыемным тварам, наша дальняя сваячка, Дастаеўская (між іншым, адзін з продкаў славутага пісьменніка), забіла мужа і ледзь не знішчыла пасерба, яе засудзілі да страты” [3, с. 177].

У. Караткевіч скарыстоўвае ў творы і прозвішчы царскіх саноўнікаў, такіх як Мураўёў, Карнілаў, біскуп Сямашка, фельдмаршал Каменскі і іншых: “І раптам я ўспомніў: гэта была надзіва смелая водпаведзь доктара Гааза, здаецца, *Мураўёву*, пасля якой нават гэты шалёны бульдог адчуў сябе ніякавата” [3, с. 245]; “Прозвішча маё было, як казалі ў тыя часы, “польскае”, – хоць я і дагэтуль не ведаю, што ў ім такога мазавецкага было, – у гімназіі (а гэта было тады, калі яшчэ не забыўся чорнай памяці папачыцель *Карнілаў*, паплечнік *Мураўёва*) называлі нас, гледзячы на мову бацькоў, “древнейшей ветвью русского племени, чистокровными, истинно русскими людьми” [3, с. 162]; “Так, усе запрашалі Надзейку. *Гарабурда*, і фельдмаршал *Каменскі*, і *Дубатоўк*, і *Раман*, і кароль *Стах*” [3, с. 226].

У аповесці пісьменнік ужывае разнастайныя прозвішчы паводле семантыкі ўтваральных асноў. Сустрэкаюцца прозвішчы як антрапанімічнага (*Яноўская*, *Аўрамовіч*, *Асановіч* і інш.), так і апелятыўнага паходжання (*Горскі*, *Бабаед*, *Шамяка* і інш.). Апошняя група пераважае, бо апелятывы, якія лажаць у аснове гэтых найменняў, найбольш яскрава, усебакова характарызуюць герояў.

Як вядома, мянушка – гэта неафіцыйнае імя асобы, якое з’яўляецца дадатковым сродкам яе характарыстыкі і выдзялення з пэўнага калектыву. У адрозненне ад імёнаў і прозвішчаў, мянушкі бытуюць толькі ў сферы вусных зносінаў: “Сучасныя мянушкі ўзнікаюць у вясковым асяроддзі або ў вучнёўскім калектыве і выконваюць дзве функцыі: дыферэнцыруючую (адрозніваюць асоб

з аднолькавымі прозвішчамі) і ацэначна-характарыстычную (падкрэсліваюць пэўную рысу асобы, вылучаючы гэтую асобу сярод іншых)” [5, с. 12].

У аповесці У. Караткевіча “Дзікае паляванне караля Стаха” колькасць мянушак нешматлікая, але нельга іх пакінуць без увагі. У аснову большасці кладуцца такія прыкметы, як знешні выгляд чалавека, яго фізічныя якасці. Напрыклад, Малы Чалавек – прывід у замку Яноўскай. Як далей выявілася, гэта быў брат Бермана: “*Малы Чалавек* Балотных Ялін прамінуў мяне і праплыў далей, а я сачыў за ім з рэвальверам” [3, с. 261]. Блакітная Жанчына – таксама прывід у замку Яноўскай. Аказалася, што гэта была сама гаспадыня. Раман Стары – бацька Надзеі Яноўскай: “А тут яшчэ вартаўнік на маё пытанне пра Бермана паказаў рукою на паўночны захад, якраз у напрамку алеі і дарогі, што вяла да крыжа *Рамана Старога*” [3, с. 253].

Мы прыйшлі да высновы, што пісьменнік дае сваім героям імёны, прозвішчы і мянушкі невыпадковыя, а пераважна характарыстычныя, сімвалічныя. Мяркуем, што менавіта так вобраз набывае непараўнана вышэйшую эмацыянальнасць, чым пры выкарыстанні імёнаў без разбору.

Такім чынам, асэнсаваны, абгрунтаваны творчы выбар пісьменнікам уласных асабовых імёнаў для сваіх персанажаў аповесці дапамагае стварыць цэласны вобраз, паўней зразумець чытачу аўтарскую думку.

Літаратура:

1. Шур, В. В. Онім у мастацкім тэксце : манаграфія / В. В. Шур. – Мінск : Бел. кнігазбор, 2006. – 216 с.
2. Юрэвіч, У. М. Слова жывое, роднае, гаваркое...: навук.-папуляр. кніга / У. М. Юрэвіч. – Мінск : Юнацтва, 1992. – 271 с.
3. Караткевіч, У. Дзікае паляванне караля Стаха : Аповесці, апавяданні : для старэйшага школьнага ўзросту / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 1995. – 511 с.
4. Шур, В. Беларускія ўласныя імёны: Беларуская антрапаніміка і тапаніміка / В. В. Шур. – Мінск : Маст. літ., 1998. – 239 с.
5. Емельяновіч, В. М. Беларуская анамастыка ў школе : (матэрыялы спецкурса і спецсемінара) / В. М. Емельяновіч. – Брэст : БрДУ, 1999. – С.12.

САГАНОВІЧ Г.

НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНАЯ АДМЕТНАСЦЬ АНАМАСТЫКОНУ ДЗІЦЯЧАЙ ПРОЗЫ КЛАЎДЗІІ КАЛІНЫ І НІЛА ГІЛЕВІЧА

Яркія старонкі шчаслівага дзіцячага свету адкрывае чытач аповесці берасцейскай пісьменніцы Клаўдзіі Каліны “Бабуля Насця, дзед Адам, Петрык і каза Рагуля”. Светлыя гісторыі дзяцінства любімай жонкі расказвае чытачу

Ніл Гілевіч у аповесці “Разумная дзевачка”. Ствараючы вобразы маленькіх герояў, малюючы карціны навакольнай прыроды і вясковага жыцця, пабачаныя дзіцячымі вачыма, пісьменнікі ўмела выкарыстоўваюць семантыка-прагматычныя ўласцівасці онімаў.

Лакалізатарамі прасторы мастацкага тэксту з’яўляюцца **тапонімы**: гаваркія найменні вёсак, дзе жывуць маленькія героі (**Хвойнікі, Клёнікі, Мурожніца, Замчышча, Гаравец**), назвы ракі (**Зуйка**), возера (**Качынае возера**). Побач з найменнямі рэальных геаграфічных аб’ектаў на старонках твора К. Каліны ўжываецца назва прыдуманай бабуляй гары – **Сіняя гара**, – на якой нібыта начуе сонейка. Жыццё вяскоўцаў, герояў аповесці, падпарадкавана даўнім трыдцыям. Жыхары вёскі добра ведаюць традыцыйныя святы і прыкметы, звязаныя з імі. Найменні свят ужываюцца ў аповесці К. Каліны: “**Ілля грозіцца дождж наслаць. Хутка ўвалье. Без гэтага на Іллю не бывае**” [2, с. 80]. Выкарыстаны пісьменніцай і **міфонімы** – найменні аб’ектаў, створаныя фантазіяй чалавека і ўжытыя ў казках, легендах, міфах, паданнях. Маленькія героі бачаць свет жывым, адухоўленым. Вандруючы па лесе, яны ўяўляюць сабе яго гаспадара, **Лесуна**: “**Краіна Лесуна! Лясун – лясны ўладар, барадаты, вусаты, у зялёнай або белай кашулі ходзіць па лесе і правярае, ці ўсё так зроблена, як трэба. Лесуны добрыя... У казках...**” [2, с. 157]. Арыенцірамі ў часе разгортвання дзеяння твора Н. Гілевіча з’яўляюцца найменні свят: **Чырвоны Кастрычнік, Першамай, дзень Савецкай Арміі**. Сродкам адлюстравання светапогляду старэйшага пакалення з’яўляюцца **агіёнімы** – імёны святых: “**Я ўжо надта шмат жыву, дзіцятка, дык таму і шмат бачу, і шмат разумею... Буду маліцца перад абразом Прасвятой Багародзіцы і за цябе. Каб заступалася, каб спрыяла і памагала табе**” [1, с. 99].

Важнае месца ў мастацкім свеце твораў для дзяцей і юнацтва займаюць вобразы жывёл і птушак. Не з’яўляецца выключэннем і дзіцячая проза К. Каліны і Н. Гілевіча. Персанажы твораў – конь **Гузюнька**, лісяня **Лісік**, кот **Хомка**, курка **Агата**, певень **Сямён**, сабакі **Разбой** і **Буран**. **Заонімы** ў многіх выпадках з’яўляюцца матываванымі, гаваркімі, уяўляючы трапны малюнак знешнасці і характару сяброў маленькіх персанажаў: “каза **Рагуля** наравістая, упартая і бадлівая, на ўсіх ідзе, апусціўшы свой крывы рог” [2, с. 45]; “Карову **Латанай** звалі, бо яна і сапраўды была нібы паланая: то белая, то чорная латка, нейкая шэраватая, чыста світка ў жабрака. Я такой пярэстай каровы, колькі жыву, не бачыла” [2, с. 56]; “**Вось-вось прыйдзе з поля кароўка Рабоня і прынясе свежае малачко**” [1, с. 5]. Героі казкі “Дзе начуе сонейка”, што расказала бабуля Насця, таксама носяць гаваркія імёны. Часта гэтыя заонімы маюць гукапераймальны характар: жабка **Квака**, вожык **Фук**, суслік **Сыс**, сінічка **Піня**. Некаторыя празванні акрэсліваюць знешняе аблічча герояў казкі. “**Бялюткае казляня з чорненькімі капыткамі**” [2, с. 146] носіць імя **Чорнакапытка**. Асобныя **заонімы** ўтвораны ад найменняў жывых істот: арол **Орр**, чарапаха **Чара**.

Падбіраючы імёны сваім героям, К. Каліна і Н. Гілевіч абапіралася на традыцыі народнага іменаслову. Так, прадстаўнікі старэйшага пакалення, якія прайшлі Вялікую Айчынную вайну, носяць імёны, што ў XX ст. паступова архаізаваліся: *Фацей, Пракоп, Клеманціна, Малання, Лук'ян, Адам, Прося, Феня, Фруза, Грыпіна, Юстына*. У маўленні персанажаў прозы К. Каліны шырока ўжываюцца формы суб'ектыўнай ацэнкі антрапонімаў, што таксама адлюстоўвае традыцыі нацыянальнага іменаслову. Т. Піваварчык адзначае: “Ласкавасць лічыцца адметнасцю не толькі міжасабовых, але і сацыяльных адносінаў беларусаў. Актыўнасць ласкавых стэрэатыпаў можна лічыць выяўленнем знакамітай талерантнасці беларусаў” [3, с. 39]. У аповесцях выкарыстаны эмацыйныя формы імён маленькіх герояў. Такія формы выражаюць ласку і пяшчоту да дзяцей і падлеткаў: “*Петрык цярэбіць бабулю за рукаў, зазірае ў вочы*” [2, с. 3]; “*Санік шчэрыць белыя як снег за запэцканым сажая твары зубы*” [2, с. 170]; “*Чаго ты, Ніначка? Што здарылася?*” – *спытаў ласкава тата*” [1, с. 39]; “*Ну, Аленка, ты ўжо даўно руку трымаеш, хадзі раскажы ты, а мы паслухаем*” [1, с. 13]; “*Ліпачка, я хачу быць з табой, Ліпачка, роднёнькая, я хачу быць разам,*” [1, с. 30]. Заўважым, што і сталыя героі, прайшоўшы жыццёвыя выпрабаванні, цёпла, спачувальна адносяцца да людзей, што праяўляецца ў ласкавых формах звароту: “*Э-э-эх! Скінуць бы мне, Насцечка, саракоўку*” [2, с. 82]; “*Што ў мяне, Адамка, браць. А мае маляванкі зلودзею не патрэбны*” [2, с. 53]; “*Глянё, глянё, Настуся, якое цялятка латанае*” [2, с. 57]. Знайшоў адбітак у аповесці К. Каліны старажытны звычай называння. Паводле даўніх традыцый, памяць пра памерлых застаецца жывой, калі дзяцей называюць іх імёнамі. Так, галоўны герой аповесці *Петрык* атрымаў імя ў гонар загінуўшага сына дзеда Фацея і бабы Веры: “*Пятрусь загінуў... Быў партызан, сувязны... Вось цябе і назвалі Петрыкам... Гэта каб была памяць па нашаму, па майму*” [2, с. 163].

У вёсцы шырока ўжываецца такі складнік антрапанімічнай лексікі, як *мянушкі*. Выкарыстаны характарыстычныя онімы і ў аповесці К. Каліны. Ужывальныя ў вясковым асяроддзі *калектыўна-тэрытарыяльныя найменні* – празванні жыхароў пэўнага населенага пункта ці яго часткі. Такая мянушка называе жыхароў адной з частак вёскі Максімка, дзе разгортваюцца падзеі аповесці К. Каліны: “*У самым канцы Максімак, над рэчкаю, сабраліся ў купку пяць хатак. Пяціхаткі – завуць іх у вёсцы*” [2, с. 12]. Сустрэкаюцца ў творах Н. Гілевіча і К. Каліны *генесіянімічныя мянушкі* – празванні, утвораныя ад імён і мянушак роднасных асоб: “*Ён ужо да Яўхімавай Нюркі ў сваты прыходзіў, а ты яго за пашавэлка маеш!*” [1, с. 44]; “*А вось шмэльц павінен быць у Якубіхі, яна трымае гусей. Схаджу да Якубавых, напрашу, калі яшчэ спаць не ўкляліся*” [1, с. 47]; “*У Максімаках стаіць пафарбаваная ў ядавіты зялёны колер хата старой Лычыхі*” [2, с. 13]; “*Мая бабуля Гнаціха, бо майго дзеда звалі Ігнатам*” [2, с. 17]. У дзіцячым асяроддзі шырока

выкарыстоўваюцца *мянушкі-дражнілкі*: “А ты *Лыч-сыч!*” – “А ты *Петручок – чорны, як жучок*” [1, с. 73]. Індывідуальныя мянушкі часта з’яўляюцца характарыстыкай знешнасці вяскоўца: “Бабулю *Насцю называюць Цыганкай*, пэўна, за твая круглыя цыганскія завушніцы, што гойдаюцца ў бабуліных вушах. А можа, за тое, што бабуля, нібы цыганка, як летам, так і зімою *смуглявая*” [2, с. 28]. Гаваркія антрапонімы могуць ацэньваць людскія характары: “*Лычыху празвалі ў Максімках Клямкай* за тое, што яна заўсёды зачыняе весніцы на зашчапку – клямку, каб на падворак ніхто з суседзяў не заходзіў і не бачыў, што ў яе там робіцца” [2, с. 4]; “Баба *Хрысціна – кабеціна негаваркая, норавам – строгая, любіць парадак, каб усё было дагледжана, прыбрана, вымыта, у яе нават мянушка не якая-небудзь крыўдная, а ганаровая – «чысцюля»*” [1, с. 35]. Асновай мянушкі могуць быць найбольш паўтаральныя ў маўленні чалавека словы. Празванне-дэлакутыў *Пацёрка* акрэслівае не толькі манеру гаварыць, але і характар добрай, спагадлівай жанчыны: “*Петрыкаву бабулю ў Максімках завуць ласкавым прозвішчам – Пацёрка. Чаму? Таму што яна сама гэтак ласкава называе ўсіх жанчын: «А мая ж ты пацёрка!»*” [2, с.14]. Да мянушак-характарыстык маўлення персанажаў належаць празванні герояў аповесці Н. Гілевіча “Разумная дзевачка”: “*Цала – гэта была мянушка, бо як быў малы – замест «сала» казаў «цала»*” [1, с. 20]; “*Гамзук – гэта, вядома, мянушка, якую вясковыя дзеці доўга не шукалі: хлапчук гаворыць трохі ў-нос, гамзае, – адсюль і Гамзук*” [1, с. 37]; “*Перадапошняя хата – старога Антося Цалавека. Сапраўднае прозвішча – Грабнёў, але за вочы яго ніхто ў вёсцы па прозвішчы не называў, усё жыццё Антось пражыў Цалавекам. Родам ён быў з-пад Невеля, дзе беларусы «цокаюць», і замест «чалавек» гаварыў «цалавек», – так і прыляпілася назаўсёды мянушка*” [1, с. 76].

Такім чынам, ужытыя пісьменнікамі ўласныя імёны спрыяюць стварэнню яркай, добрай, цікавай гісторыі жыцця маленькіх вясковых хлопчыкаў і дзяўчат.

Літаратура:

1. Гілевіч, Н. Разумная дзевачка : маленькая аповесць пра адно дзяцінства / Н. Гілевіч. – Мінск : “Про Хрысто”, 2005. – 103 с.
2. Каліна, К. Бабуля Насця, дзед Адам, Петрык і каза Рагуля : аповесць / К. Каліна. – Мінск : Маст. літ., 1985. – 175 с.
3. Піваварчык, Т. “Братка беларус...” : Роднай мовы чулыя і ветлівыя словы / Т. Піваварчык // Роднае слова. – 2001. – № 7. – С. 39–42.

СЕРАДА М.

**ЛІНГВАКУЛЬТУРАЛАГІЧНЫ ПАТЭНЦЫЯЛ НАМІНАЦЫЙНАЙ
АДЗІНКІ (НА ПРЫКЛАДЗЕ ГАВОРАК БРЭСЦКА-
ПІНСКАГА ПАЛЕССЯ)**

Мянушкі звычайна набываюць дадатковыя функцыі і становяцца мнагапланавымі, найчасцей выяўляюцца два асноўныя семантыка-стылістычныя кампаненты – намінацыйны, пры дапамозе якога ідэнтыфікуецца асоба ці нейкі іншы аб’ект рэчаіснасці, і канатацыйны, заснаваны на другасных, звычайна эмацыянальна-сэнсавых “прырашчэннях” да ўласнага імя.

Яны выкарыстоўваюцца ў вуснай і пісьмовай камунікацыі і ў адпаведнасці з лінгвістычным статусам з’яўляюцца апорнымі пунктамі ў міжмоўнай камунікацыі, выконваюць функцыю міжмоўнага, міжкультурнага маста. Роля неафіцыйных ідэнтыфікатараў ў міжкультурных зносінах асобая, паколькі яны не толькі выконваюць намінацыйную функцыю, але і перадаюць розную лінгвістычную і экстралінгвістычную інфармацыю.

Лінгвакультурная маркіраванасць намінацыйнай адзінкі на семантычным узроўні заключаецца ў наяўнасці ў яе значэнні канатацый, абумоўленых актуальнымі фонавымі ведамі адносна аб’ектаў матэрыяльнай і нематэрыяльнай культуры (рэалій, стэрэатыпаў, забабонаў, меркаванняў, асацыяцый і да т.п.). Гэтая маркіраванасць надае намінацыйнай адзінцы лінгвакультуралагічны патэнцыял, які разумеецца як яе здольнасць адлюстроўваць аб’екты і з’явы культуры, каштоўнасці.

У лінгвакультуралогіі найчасцей трапляюць такія тыпы каштоўнасцяў, як вітальныя (жыццё, яго якасць, здароўе); сацыяльныя (сацыяльнае становішча, статус, працавітасць, багацце, прафесія, сям’я); палітычныя (законнасць, грамадзянскі свет); маральныя (дабро, выгада, каханне, сяброўства, абавязак, гонар, прыстойнасць); рэлігійныя (Бог, вера, выратаванне); эстэтычныя (характэр, ідэал, гармонія). Менавіта гэтыя каштоўнасці і складаюць лінгвакультурны кампанент у змесце мянушкі.

Пры даследаванні мянушак Брэсцка-Пінскага Палесся можна выдзеліць, што ў даследуемым матэрыяле ў аснове зместу мянушак ляжаць знешнія і ўнутраныя прыкметы чалавека. Несумненна, што кожная нацыя мае свае ідэалы прыгажосці, тут гаворка ідзе пра фізічную прыгажосць. Прааналізаваўшы мянушкі, прыходзім да вываду, што часцей за усё ў змест мянушкі аплікуецца фактарам росту чалавека (нізкі / высокі), целаскладу (тоўсты / худы), рысамі твару, дзе могуць апісвацца губы, зубы, вусы, вочы, нос і г.д.; па памерах і форме галавы, наяўнасці валасоў і іх колеры; па знешнім выглядзе (вопратка, прычоска, асабліва сці хады).

Вялікая колькасць мянушак з этнакультурнай семантыкай адлюстроўвае жыццёвы вопыт людзей, іх псіхічныя ўласцівасці і асаблівасці характару. На адметнасці характару ўплываюць як аб'ектыўныя, так і суб'ектыўныя фактары.

Асаблівасці нацыянальнага характару прама ці ўскосна адлюстроўваюцца ў найбольш распаўсюджаных рысах паводзін, пачуццяў і перажыванняў пераважнай часткі людзей пэўнай нацыянальнасці. Трэба адзначыць, што нацыянальны характар знаходзіць сваё выяўленне ў большасці прадстаўнікоў таго ці іншага народа найперш у такіх псіхалагічных феноменах, як эмацыйна-пачуццёвая сфера чалавека, яго ментальнасць і асаблівасці паводзін з іншымі людзьмі.

Несумненна, да станоўчых рыс характару беларусаў можна аднесці іх вынослівасць і цярдлівасць, талерантнасць і памяркоўнасць, добразычлівасць і лагоднасць, гасціннасць і працавітасць. Усе гэтыя псіхалагічныя адзнакі і адметнасці нашага народа перадаваліся, трансліраваліся з пакалення ў пакаленне, узбагачаючы тым самым агульначалавечыя каштоўнасці грамадства ў цэлым. Што да адмоўных псіхалагічных характарыстык асобных прадстаўнікоў беларускага этнасу, то тут хацелася б вылучыць такія псіхалагічныя адзнакі, як нерашучасць, кансерватыўнасць, недаверліваць і нават у нейкай ступені інертнасць.

Манера палешукоў паводзіць сябе і гаварыць характарызуецца ў нейкай ступені марудлівасцю, стрыманасцю і паважлівасцю. Талерантнасць насельніцтва Брэстчыны ў некаторым сэнсе была “закладзена”, мажліва, ужо генетычна.

Асаблівасці характару, стыль паводзін чалавека і ўзаемаадносін яго з іншымі людзьмі ў многім прадвызначаюцца яго разумовай дзейнасцю і складам мыслення – ментальнасцю.

Высокія разумовыя здольнасці, згодна са стэрэатыпамі свядомасці беларусаў, станоўча ўздзейнічаюць на фарміраванне характару чалавека, дазваляюць вызначыць такія яго рысы, як мудрасць, разважлівасць у прыняцці рашэнняў, памяркоўнасць.

Нізкія ж разумовыя здольнасці, наадварот, адмоўна ўдзейнічаюць на адносінны чалавека з навакольным асяроддзем, фарміруюць такія асаблівасці характару, як забыўчывасць, рассяянасць, незадагдлівасць.

Да негатыўных характарыстык выступаюць наступныя (легкадумны, зазнайка, слабавольны, палахлівы, маўклівы, ганарысты, падманшчык, хлус, злы, злодзей, гультай). Такіх характарыстык як смелы, спрытны, працавіты намнога менш, чым негатыўных.

Чалавек існуе ў дзвюх іпастасях – мужчынскай і жаночай. Псіхафізіялагічныя і сацыякультурныя адрозненні мужчыны і жанчыныносяць назву гендарнай апазіцыі. На гендарныя паводзіны аказвае ўплыў прастора сацыяльных адносін, а таксама традыцыі нацыянальнай культуры.

У сямейных мянушках адлюстраваны многія элементы нацыянальнай культуры: рэлігія, побыт, вытворчая дзейнасць нашых продкаў, а таксама індывідуальныя асаблівасці носьбітаў мянушак.

Семантычная структура ўтваральных асноў мянушак вызначаецца рознымі сацыяльнымі, псіхалагічнымі і культуралагічнымі фактарамі. Так, асабліва шырока выкарыстоўваюцца сямейныя мянушкі, што матывуюцца прозвішчамі або гутарковымі формамі імёнаў старэйшых членаў сям'і. Найчасцей сустракаюцца вулічныя імёны, што ўзніклі ад мянушак бацькі ці дзеда (*Бакуновыя, Бонкавы, Бурлаковы, Баркасовы, Гамулкі, Гудусы, Дубрыкі, Зэскі, Кароценькія, Князевы, Ліцвяковы, Ліштвановы, Мічманы, Мухавы, Мядзведзевы, Піндулі, Сакрэтчыкі, Салапякі, Шамберы, Шамрукі, Фіравы, Фургоны*).

Трэба адзначыць, што ў даследуемым матэрыяле такіх мянушак налічваецца вялікая колькасць, асабліва ўнаследаваных па мужчынскай лініі. Гэта тлумачыцца тым, што сацыяльная значнасць мужчын была і ёсць больш значнай у параўнанні з жанчынамі.

Сямейныя мянушкі паказваюць, што сям'я – старажытная форма сацыяльнага аб'яднання людзей. Такія мянушкі даюць інфармацыю пра вобраз жыцця сям'і, пра сямейныя адносіны, прадстаўляюць каштоўную характарыстыку членаў сям'і.

Назвы прафесіі, пасады продкаў па мужчынскай лініі (*Бондаравы, Краўцовы, Аграномавы, Брыгадзіравы, Машталеравы, Дахтаровы, Садоўнікавы, Музыканцікавы, Фурманавы*). Радзей асновай для ўтварэння сямейных мянушак становяцца імёны і мянушкі маці ці бабулі (*Парашчыны, Любчыны, Рахвалісіны, Перакулісіны*), або назвы прафесіі ці роду заняткаў маці (*Знахаравы, Зубніхіны, Пчолкавы, Таблеткавы*).

Мянушкі адлюстроўваюць многія формы імёнаў, якія цяпер не ўжываюцца, назвы прафесій і промыслаў, якія паступова забываюцца, цікавую дыялектную лексіку, таму ўзнікае пільная патрэба ў фіксацыі і апрацоўцы падобнага матэрыялу, без даследавання якога нельга ўявіць вывучэнне нацыянальнай мовы і гісторыі роднага краю.

Асобную групу складаюць мянушкі па нацыянальнай прыналежнасці. У такіх асабістых намінацыях азначнасць неаўная, абумоўлена экстралінгвістычнымі фактарамі: жыццёвымі назіраннямі, стэрэтыпнымі ўяўленнямі аб асобах рознай нацыянальнасці, аб тыповых рысах характару і паводзінаў, аб занятках прадстаўнікоў вызначанай нацыянальнасці і г.д.

Мянушкі з'яўляюцца каштоўным матэрыялам для даследавання спецыфікі адлюстравання вобраза чалавека ў моўнай карціне свету беларусаў, які паўстае як дынамічная, дзейная істота з уласцівым наборам псіхалагічных характарыстык. Чалавечыя ідэнтыфікатары прадстаўлены багатым моўным матэрыялам, у якім увасобілася мудрасць і філасофскі погляд нашых продкаў

на жыццё, асаблівасці іх характару і нацыянальнай свядомасці, адметнасці этнапсіхічнага складу беларускага народа. Семантычная прастора мянушак па-свойму перадае ўнутраны свет чалавека і з'яўляецца знешнім выяўленнем яго паводзін і асаблівасцей узаемаадносін з іншымі людзьмі. Сярод структурна-семантычных тыпаў мянушак найперш вылучаюцца тыя, у якасці ўтваральнай асновы якіх выступаюць уласнабеларускія онімы, назвы расліннага і жывёльнага свету, прадметы паўсядзённага быту, аднак матывуючай асновай з'яўляюцца знешні выгляд чалавека і рысы характару.

Літаратура:

1. Бут-Гусаім, С. Ф. Характарыстычныя назвы чалавека ў беларускай мове / С. Ф. Бут-Гусаім // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. філал. навук. Літаратуразнаўства. Мовазнаўства. – 2001. – № 5. – С. 58–68.
2. Дыялектны слоўнік Брэсчыны / Склад. М. Аляхновіч і інш. – Мінск : Навука і тэхніка, 1989. – 294 с.
3. Струкаў, В. В. Мянуска як антрапонім у беларускай мове / В. В. Струкаў // Роднае слова. – 2004. – №4. – С. 40–41.
4. Шур, В. В. Уласныя імёны ў часе і прасторы / В. В. Шур. – Мінск : НІА, 2008. – 100 с.

СТРУГ В.

НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНАЯ АДМЕТНАСЦЬ ОНІМАЎ У ГІСТАРЫЧНАЙ ПРОЗЕ І НАВУКОВА-ПАПУЛЯРНАЙ ЛІТАРАТУРЫ ЗІНАІДЫ ДУДЗЮК

Зінаіда Дудзюк – таленавітая даследчыца даўняй гісторыі славянскага свету. Праз скрупулёзнае вывучэнне шматлікіх гістарычных крыніц, праз тонкае паэтычнае адчуванне духу мінуўшчыны пісьменніца ў мастацкай прозе і навукова-папулярных творах прэзентуе чытачу яркія, арыгінальныя, запамінальныя падзеі і партрэты славытых герояў мінуўшчыны. Нямалаважную ролю ў стварэнні атмасферы мінулых стагоддзяў адыгрывае раскрытая на старонках твораў аўтаркі культурна-гістарычная інфармацыя ўласных імёнаў. У аповесці-хранографі “Славянскія князі” і зборніку эсэ “Вяртанне забытага міфа” З. Дудзюк, абапіраючыся на звесткі, пакінутыя старажытнымі гісторыкамі, адшуквае даўнія сляды славянскіх плямёнаў – смальян, магілян, селічаў, рачан, лісічан, сапаў, люцічаў і многіх іншых – у помніках культуры чалавецтва. Аўтарка не толькі малюе драматычныя падзеі і постаці мінулага. Яна тонка перадае асаблівасці светаадчування і мыслення старажытных славян.

Вырашэнню гэтай мастацкай задачы спрыяе ўмелае выкарыстанне вобразна-выяўленчых магчымасцяў уласных імёнаў.

Нашы продкі разумелі імя матэрыяльна, як неад’емную частку іменаванага, верылі ў тое, што імя прадвызначае жыццёвы шлях чалавека. Вера ў сувязь імені і лёсу выявілася ў звычаі надаваць немаўляці імя боства, якое будзе ахоўваць носьбіта празвання ад небяспекі. Сляды пакланення нашых продкаў язычніцкім багам можна знайсці і ў сучасным антрапаніміконе. У зборніку эсэ “Вяртанне забытага міфа” З. Дудзюк заўважае, што “на Берасцейшчыне даволі пашыраныя прозвішчы **Велясевіч, Валасевіч, Волас, Валаско, Власюк, Волах, Валашанюк, Валошка, Валошчык, Валашчук, Волх, што паказвае на магчымую прыналежнасць уласнікаў гэтых прозвішчаў да племя, якое пакланялася Вялесу**” [1, с. 22–23].

Пісьменніца адзначае, што імёны бостваў ляжаць у аснове найменняў магутных правадыроў славянскіх плямёнаў: “Хоць у гістарычных крыніцах гэта імя запісана як **Ардагаст**, хутчэй за ўсё, па-славянску яно гучала як **Радагост**, або **Радагосць**. Слова Ардагаст дзеліцца на дзве часткі: арда (змененая “рада”) і гаст (сэнсава адпавядае слову “госць”). Прынамсі, **Радагостам** называўся галоўны бог паморскіх славян. У якасці антрапоніма гэтае імя было распаўсюджана ў старажытнабалгарскай, старых чэшскай і польскай мовах” [2, с. 214]; “**Вышан** – князь славянскага племені абадрытаў. Магчыма, імя магло гучаць як **Вышань**, бо так называўся адзін з галоўных язычніцкіх багоў, у якім уасабляўся дух Усявышняга” [2, с. 246].

“Слова імя ўзыходзіць да індаеўрапейскага *nmen- з *enmen-, якое тлумачаць як утварэнне ад *en “унутры”, “у” + -men (суфікс). Адсюль – найстаражытнейшая семантычная інтэрпрэтацыя імені як таго, што ўкладваецца, накладваецца, ускладаецца” [3, с. 23]. Стваральная прырода называння праяўлялася ў функцыянаванні так званых імёнаў-пажаданняў, якімі нібыта накрэсліваўся лёс старажытных валадароў: “**Валук** – князь венедаў. Імя гэтае паходзіць ад слова “ўладыка” і азначала ў славян вярхоўнага кіраўніка, правадыра ці князя. Магло паходзіць імя і ад слова “вялікі”, якое, магчыма, уваходзіла ў склад княжацкага тытула” [2, с. 235]. Выклад рэальных гістарычных падзей у аповесці-хранографе “Славянскія князі” раскрывае сакральны сэнс імя славянскага князя **Людавіта**: “**Л** – першая руна імя **Людавіта**. З гэтай руны пачыналіся галоўныя словы ў жыцці славян: **Лада, Лёля, людзі, любоў, лёс, лук, ляда, лён**. Як быццам сам Хорс прыклікаў **Людавіта** да дзейнасці і абароны свайго роду і племені. Менавіта **Людавіт** павінен бараніць веды і веру продкаў, чаго б гэта яму ні каштавала” [33, с. 255–256]. Кантэкст аповесці паказвае ажыццяўленне князем **пажадальнай** сутнасці гаваркога імені: “**Людавіт** да канца змагаўся за веру сваіх продкаў і ахоўваў племя ад чужога ўплыву, разумеючы, што праз здраду

веры продкаў згубіць племя сябе, сваё імя і твар, а людзі разбрыдуцца па свеце і рассеюцца ў асяроддзі чужых плямёнаў, як пясчынкі ў пустыні” [2, с. 255–256].

3. Дудзюк адзначае, што ў славян былі пашыраны **засцерагальныя** імёны, якія, маючы адмоўны сэнс, павінны былі адхіліць беды, хваробы і смерць: “**Нябул** – славянскі князь, імя якога паходзіць ад дзеяслова “**не быў**” і з’яўляецца ахоўным ад злых духаў, дарэчы, на палескім дыялекце гэтыя словы вымаўляюцца як “**не буў**” [2, с. 241].

У даўніх імёнах, якія данеслі да нас казкі і легенды, фіксуюцца ўяўленні нашых продкаў пра будову сусвету. Сусвет уяўляўся старажытным славянам як адзінства неба, зямлі і свету падземнага. З зямлі можна было падняцца да неба і трапіць у царства памерлых. Вось зямлі пранізвала сусвет і звязвала неба, зямлю і апраметную ў адно цэлае. Воссю зямлі было Сусветнае Дрэва Жыцця, гара або камень. Галоўным героем беларускай казкі “**Сіняя Світа Навыварат Сшыта Саламяны Каўпак**” з’яўляецца чараўнік, які можа мяняць свой выгляд як заўгодна. Каб абхітрыць цара, чараўнік ператвараецца ў звяроў, рыбу, іголку і просіць дапамогу ў птушкі Нагай, якая жыве на тым свеце. **Сіняя Світа Навыварат Сшыта** пераходзіць з таго свету ў гэты, мяняючы абліччы. Пісьменніца тлумачыць сакральны сэнс імені гэтага персанажа: “**Сіняя Світа Навыварат Сшыта** – гэта не што іншае, як неба. Мы бачым вонкавы бок неба, а герой казкі ведае яго з сярэдзіны, з левага боку. **Саламяны Каўпак** – другая частка імя – гэта таксама намёк на нябесны купал ці, можа, нават на сонца... Галоўны персанаж казкі не проста чалавек, гэта хутчэй пасланец неба, каб пазмагацца з зямным царом-чарадзеем, перамагчы яго ды ажаніцца з ягонай дачкою, яднаючы зямлю і неба. Гэтак неба яднаецца з зямлёю праз Вечнае Дрэва Жыцця, каб прадоўжыць існаванне свету” [1, с. 22–23].

У свядомасці нашых продкаў, ды і сучаснікаў, складаным чынам перапляталіся хрысціянская вера і язычніцтва. Таму ў апаведзе пра гісторыю Беларусі шырока выкарыстоўваюцца **тэонімы** – імёны язычніцкіх бостваў. Так, раскрываючы таямніцы старажытнай веры, Зінаіда Дудзюк шукае ключ да разумення матывацыі назваў населеных пунктаў (**тапонімаў**), у якіх захавалася вера старажытных славян: “Вывучаючы назвы беларускіх паселішчаў, я прыйшла да высновы: на нашу тапаніміку паклала след ведычная міфалогія. Магчыма, прадстаўнікі гэтай рэлігіі, брахманы ці будысты, сяліліся на нашай зямлі, неслі святло сваіх ведаў і ўяўленні пра Сусвет. Гэта былі місіянеры, якіх удосталь і ў наш час. У розных рэгіёнах Беларусі сустракаюцца назвы з каранем буд-: **Буды, Будча, Будно, Будзілава, Будзічы, Буднікі, Будзілкі, Будагошча, Будавае, Будслаў** і г.д. Якім чынам утварыліся такія тапонімы? Слова, якое **будзіць**. Веянне **Буды**, якое ратуе ягоных прыхільнікаў. **Буда**, які гасціць...” [1, с. 137]. І хоць у сваіх разважаннях Зінаіда Іосіфаўна нярэдка падкрэслівае, што гэта яе асабістае бачанне праз “інтуіцыю, праз адчуванне на генным узроўні тых ці іншых праяў беларускасці”, але нярэдка бывае так,

што таленавітае мастацкае прадбачанне папярэднічае навуковаму абгрунтаванню і адкрыццю ісціны.

Лад жыцця нашых продкаў і сучаснікаў вызначаўся цыклам каляндарных свят, у якіх складаным чынам пераплятаюцца язычніцкія вераванні і хрысціянства. З. Дудзюк шырока выкарыстоўвае *геартонімы*, суправаджаючы іх гістарычнымі і культуралагічнымі заўвагамі: “*Старажытнае абрадавае свята **Купалле** славяне прымяркоўвалі да летняга сонцастаяння – часу найбольшага красавання і росквіту зямлі. Яно персаніфікавалася ў вобразах міфічных істот **Купалы** і **Купалінкі**. У выніку пазнейшых наслаенняў на язычніцкі абрад хрысціянскай традыцыі свята прывязалася да дня нараджэння **Іаана Хрысціцеля**. У народзе свята стала называцца **Іванам Купалам**. У гэты ж дзень святкавалі імяніны **Святой Аграфены Купальніцы**” [1, с. 12].*

Як бачым, у творах З. Дудзюк па-мастацку адлюстраваны не толькі іменаслоў старажытнасці, але і адчуванне старажытным чалавекам свету праз імя – неад’емны складнік асобы і этнасу, які праграмуе лёс, абараняе ад злых сіл, аб’ядноўвае з сям’ёй, родам, племенем, нацыяй.

Літаратура:

1. Дудзюк, З. І. Вяртанне забытага міфа / З. І. Дудзюк. – Мінск : Беларусь, 2013, – 144 с.
2. Дудзюк, З. І. Славянскія князі : аповесць-хранограф / З. І. Дудзюк // Кола Сварога. – Мінск : Беларусь, 2006. – С. 202–258.
3. Рогалев, А. Ф. Введение в антропонимику. Именование людей с древнейших времён до конца XVIII века (на белорусском антропонимическом материале) / А. Ф. Рогалев. – Брянск : Группа компаний «Десяточка», 2009. – 147 с.

СЯРКО М.

ГАЛОЎНАЯ КНІГА М. ГАРЭЦКАГА ЯК ТВОР ХРАЊКАЛЬНАГА ЖАНРУ

Паводле слоўніка літаратуразнаўчых тэрмінаў “хроніка” з грэчаскай мовы перакладаецца як “час” і абазначае літаратурны твор, у якім падзеі паказваюцца ў храналагічным парадку, у той паслядоўнасці, у якой яны адбываліся ў жыцці. У дапаможніку “Тэорыя літаратуры ў тэрмінах” [3, с. 172] В. Рагойша падае два значэнні: “хроніка” ў перакладзе з грэчаскай мовы ‘летапіс’. Першае значэнне хронікі – гэта жанр эпічнай літаратуры, які падае гітарычныя падзеі ў іх часовай паслядоўнасці. На думку даследчыка, хроніцы не характэрны ўзаемаадносінны дзейных асоб, як у рамане, а найперш сама хада часу арганізуе сюжэт, прадвызначае лёсы перанажаў, сутнасць падзей і г.д. Такія “Палеская хроніка”

І. Мележа, цыкл ваенных раманаў І. Чыгрынава (“Плач перапёлкі”, “Апраўданне крыві”, “Не ўсе мы згінем”), цыкл раманаў В. Адамчыка (“Чужая бацькаўшчына”, “Год нулявы”, “І скажа той, хто народзіцца”, “Голас крыві брата твайго”), пенталогія І. Шамякіна “Трывожнае шчасце” і інш. Другое вызначэнне хронікі паводле В. Рагойшы – гэта летапісна-гістарычны твор, у якім падзеі фіксуюцца ў іх часовай паслядоўнасці. Хроніка вельмі блізкая да звычайнага летапісу, але адрозніваецца ад яго большай закончанасцю і цэласнасцю. У сярэднія вякі была вельмі пашырана ў Еўропе. З беларускіх хронік таго часу В. Рагойша называе “Хроніку Вялікага Княства Літоўскага і Жамойцкага”, “Хроніку Быхаўца”, “Баркулабаўскую хроніку”, “Магілёўскую хроніку” і інш. Матэрыялы асобных хронік выкарыстоўваюцца ў мастацкай літаратуры. Так, у аснову рамана Л. Дайнекі “Меч князя Вячкі” леглі падзеі, зафіксаваныя ў “Хроніцы Лівоніі” Генрыха Латвійскага 1224–1227 гадоў.

Пры знаёмстве з літаратурай па тэме даследавання, мы звярнулі ўвагу на тое, што даследчыкі “Камароўскую хроніку” называюць, то аповесцю, то раманам. Аповесцю лічыць яе М. Мушынскі, аўтар раздзела па творчасці М. Гарэцкага ў акадэмічным выданні “Гісторыя беларускай літаратуры ХХ стагоддзя”. А. Адамовіч называў твор “хранікальнай эпапеяй”. Сам жа М. Гарэцкі, мяркуючы па назве, сваю галоўную кнігу бачыў хронікай.

З каментарыяў да твора вядома, што задума напісаць аповесць суправажала пісьменніка ўсё жыццё. Сабраны мастаком слова матэрыял паплыў па двух рэчышчах. “Усё, што адбывалася з сям’ёй, “родам” Гарэцкіх, – гэты матэрыял знайшоў для сябе нечаканую форму “Памінальніцы”. ...Другі замысел – “Камароўскі летапісец”: апавяданне пра ўсё, што адбывалася з самой Камароўкай і ў Камароўцы (ад пачатку дзён яе).”

“Камароўскі летапіс” пачынаецца з легенды: “А на аколiцы, дзе цяпер улетку зусім высыхае і толькі ўвясну і ўвосень бывае топка, – кажуць, некалі стаяла возера... У ім залілася адна дарослая камароўская дзяўчына. Маці, у роспачы, укінула ў яго гарачую патэльню і пракляла яго: “Проклята будзь! Высахні, як гэтая патэльня!”

Рэчышчы паступова пачалі збліжацца і злівацца ў адно.

Храналогія аповесці пачынаецца з 1772 году, пасля далучэння краю да Расіі: “*Ні на аднэй геаграфічнай мапе, складзенай за часы Кацярыны... няма ні П’янава, ні Палянкі, хоць яны значна большыя за Камароўку, а Камароўка паказана. Можна, тут быў трыянгуляцыйны пункт*” [2, с. 7]. даследчыкі лічаць, што Камароўка – гэта родная вёска М. Гарэцкага Малая Багацькаўка. Расказвае аўтар і пра тое, як яна з’явілася.

Пісьменнік мяркуе, што свой пачатак род Задумаў браў з 1801 года. Назва роду пайшла ад Кузьмы Задумы: “*Аднаго разу прапаў у яго на прыгоне мяшок жыта: украў нехта. А яго абсеклі, <...> выпіў з гора, сеў, задумаўся і ціхую песню запёў. Мусіць, таму і прызвалі Задумаю*” [2, с. 9].

У “Камароўскай хроніцы” па законах жанру гітарычныя падзеі пададзены ў іх часовай паслядоўнасці. “*Тады унію скасавалі (1839). Прыехаў начальнік з Гораду і загадаў, каб з абуходам ля царквы хадзілі не па сонцу, як дагэтуль, а пад сонца*” [2, с. 9]. Распавядае М. Гарэцкі і пра прыгоннае права: “*А прыгон трэба было служыць: за няпраўку білі <...> Палута, Кузьмова дачка, што памёрла ў 1922 г., успамінала неяк, ужо ў старасці, як жала аднойчы Марына, маці яе, на сваім полі, недзе пад лесам, а прыехаў панскі лаўнік і абсек яе бізуном – “за няпраўку ў рабоце” <...> І Палута з ёю была, тады яшчэ зусім маленькая дзяўчынка, і ручкі свае дзіцячыя выстаўляла, каб матку не біў*” [2, с. 9]. Ёсць у творы інфармацыя пра той час, калі прыйшла вольніца: “*Было ў Камароўцы ўсяго шэсць двароў – за восемдзсят год ніводнага не прыбавілася. І поле было невялічкае.*

І калі нарэзалі сялянам землю, – гады праз два, як вольніца была абвешчана, – камароўцам адрэзалі іх малое поле і гэтыя пасечаныя месцы, з кустамі і балотамі, дзе лесу можна было набраць толькі на пуні ды на дровы. Толькі там-сям трапляліся дубкі ды пад Мохам і Засценкамі гусцей раслі буйныя бярозы... І тады ж усе, на ўсіх вёсках, пачалі дзяліцца і рассяляцца, будаваць новыя двары і хаты, і дзяліць і пераносіць старыя. І ў Камароўцы з кожнага двара стала два-тры двары” [2, с. 11].

Звяртае ўвагу пісьменнік, што ў выніку Крымскай вайны ў 1874 годзе быў скасаваны тэрмін службы рэкрутаў да 15 гадоў: “*Гады праз два (1876) забралі ў салдаты Хомку Ваяводу, па новаму ўжо закону (1874) на 6 гадоў, а не на 25”* [2, с. 22].

Камароўцы прынялі ўдзел у такой гістарычнай падзеі, як руска-турэцкая вайна, і гэты факт таксама быў занатаваны ў хроніцы: “*Хомка на Турэцкай вайне быў (1877–78), пад Плеўнаю біўся, а потым гады тры ў Плеўне гарадавым быў*” [2, с. 22].

У поле зроку М. Гарэцкага трапіў і працэс станаўлення адукацыі на пачатку ХХ стагоддзя: “*З восені 1902 школа ў Палянцы другі год была. А Стахван хацеў выўчыць гэтага сына (гаворка ідзе пра Лявона Задуму). Толя Нерад параіў Стахвану аддаць сына ў Крушню, там была так званая “второкласная” царкоўнапрыходская вучыцельская школа, а пры ёй “образцовая” царкоўнапрыходская школа. Пасадзілі ў другі клас, бо хоць Лявон добра чытаў, але правілы правапісання па рускай мове і арыфметыку дрэнна ведаў пасля палянаўскага вучэння”. Скончыўшы школу, бацькі і сам Лявон не ведалі, што рабіць далей. “Пан аблонскі Нерад раіў Стахвану ў раменіцкую школу ў Горкі...а ў Лявона сэрца не ляжала... Мудрык (былы палянкаўскі вучыцель) раіў Лявону ехаць у Баруны, у настаўніцкую школу, вышэйшую, чым у Крушні”* [2, с. 46]. Праблему атрымання добрай адукацыі ў той час пісьменнік звязвае з адсутнасцю грошаў.

Распавядае М. Гарэцкі і пра імкненне вясковых дзяцей да адукацыі ў горадзе, у тагачасных культурных цэнтрах – Вільні і Маскве. А. Адамовіч пісаў: “Унутраны свет, душэўнае жыццё робіцца больш складаным. І за складанасць прыходзіцца плаціць – як і за ўсякае развіццё. Плаціць трэба і за намаганні “выбрацца ў людзі” – і Камароўка, дзеці яе за гэта плоціць” [1, с. 182]. Гэтая праблема асэнсоўваецца на вобразе Марынкi, якая марыла аб высокай адукацыі, для чаго паехала ў Маскву, дзе загінула пад коламі трамвая.

Аўтарам “Камароўскай хронікі” апісваецца Першая сусветная вайна, 1914 год. Мужчын забіралі, “а самая работа, жаць пачалі”. *“Наша армія адступала. Раман бачыў злавесны дым пажараў, як гарэлі вёскі, слухаў жудасны гуд стрэлаў з цяжкіх грамат, што аж маць-зямля гудзела, бачыў страляніну па аэрапланах з кулямётаў і вінтовак і сам страляў, – і тут пазнаў вайну і пракляў яе”*.

М. Гарэцкі робіць свайго героя Кузьму Батуру (Лявон Задума. – рэд.) удзельнікам Лютаўскай рэвалюцыі: *“Кузьма прыняў Лютаўскую рэвалюцыю ў акопах”* [2, с. 113]. *“19 лістапада чакалі пачатку перамаўлення аб міры, хоць не хацелі прызнаваць бальшавікоў... А палякі хацелі далучыць Беларусь да Польшчы”*.

Згадваецца ў творы і Рыжская мірная дамова, паводле якой Беларусь страціла сваю заходнюю частку. Паказаны ў “Камароўскай хроніцы” і лёс заходне-беларускай інтылегенцыі. Шмат людзей было абвінавачана *“ў прыналежнасці да партыі камуністаў, у арганізацыі тайных баявых дружын з мэтай замаху на дзяржаўную ўладу, у друкаванай і вуснай агітацыі, у атрымліванні грошы ад камуністаў”* [2, с. 185].

Не абыйшоў аўтар увагай і беларусізацыю (1924 год). *“Многія сяляне былі незадаволены, асабліва былі салдаты, што наўчыліся ў свеце гаварыць па-руску”*. Гаворка ідзе і пра дэфіцыт беларускіх падручнікаў. *“Вучылі чытаць па хрэстаматых, зборнікаў апавяданняў і нават газетах”* [2, с. 240].

З’яўленне калгасаў ацэньваецца М. Гарэцкім як станоўчая з’ява: *“Маці... у калгасе было лягчэй: не надрывалася на рабоце”* [2, с. 276], але праз лёс сялянiна Карпа паказаны такія адмоўныя з’явы калектывізацыі, як раскулачванне і высылка.

Па задуме аўтара “Камароўская хроніка” павінна была стаць летапісна-гістарычным творам. Яго пачатковая частка называецца “Камароўскі летапіс”. Грамадска-культурныя і палітычныя падзеі падаюцца ў храналагічнай паслядоўнасці і выяўляюцца праз лёсы герояў. Гэта і сведчыць пра тое, што галоўная кніга М. Гарэцкага адпавядае хранікальнаму жанру.

Літаратура:

1. Адамовіч, А. Брану скарбаў сваіх адчыняю... / А. Адамовіч. – Мінск : Выд-ва БДУ, 1980. – 224 с.

2. Гарэцкі, М. Збор твораў : 4 т. Т. 4. Камароўская хроніка : Аповесць; Летапіс жыцця і творчасці / М. Гарэцкі. – Мінск : Маст. літ., 1986. – 384 с.
3. Рагойша, В. Тэорыя літаратуры ў тэрмінах : дапаможнік / В. Рагойша. – Мінск : Беларуск. энцыкл., 2001. – 384 с.

ФІЛІМОНАВА Н.

ПРАГМАТОНІМЫ ЯК ЧАСТКА АНАМАСТЫЧНАЙ ПРАСТОРЫ ГОРАДА

Наш час характарызуецца пастаянным абнаўленнем і пашырэннем анамастычнай прасторы. Усё новыя і новыя аб'екты намінацыі, у прыватнасці віды тавараў, крамы, банкі, установы, палітычныя партыі і блокі, творчыя калектывы, сродкі масавай інфармацыі, урачыстыя мерапрыемствы, атрымліваюць уласныя імёны. Яны аб'ядноўваюцца агульным тэрмінам “рэкламнае імя” (уведзены Ірынай Віктараўнай Крукавой) і разглядаюцца як адзіная падсістэма анамастыкі.

На фоне шматлікіх даследаванняў асноўных падсістэм анамастыкону (антрапаніміі і тапаніміі) камерцыйныя найменні тавараў застаюцца ў цені цікавасці даследчыкаў, на перыферыі анамастычнага поля.

Актуальнасць нашага даследавання абумоўлена неабходнасцю комплекснага вывучэння камерцыйных намінацый як моўных адзінак, якія “дзякуючы сваёй распаўсюджанасці і высокай ступені ўзнаўляльнасці ў сучасным камунікатыўным працэсе, валодаюць здольнасцю ўкараняцца ў свядомасць носьбітаў мовы і тым самым удзельнічаць у фарміраванні яго карціны свету разам з паняццямі, што складаюць актуальны кагнітыўны пласт”. Камерцыйныя найменні тавараў, якія традыцыйна лічыліся перыферычнымі, пастаянна абнаўляюцца, таму набывае актуальнасць вывучэнне лінгвістычнага статусу сучаснай камерцыйнай намінацыі, а таксама тых тэндэнцый і працэсаў у сферы словаўтварэння і семантыкі, якія вызначаюць развіццё данай падсістэмы.

Намі была пастаўлена мэта: даследаваць шляхі і спосабы ўтварэння прагматонімаў (назваў вырабаў) на прыкладзе харчовых тавараў, прадстаўленых у крамах сеткі Еўраопт. Матэрыял быў сабраны шляхам фіксацыі назваў тавараў, якія знаходзяцца на паліцах крам, у тым ліку Інтэрнэт-крам, а таксама запісы тэлевізійных і друкаваных рэкламных тэкстаў. Дадатковымі крыніцамі матэрыялу паслужылі сайты, прысвечаныя асобным прадуктам.

Рэкламная намінацыя з'яўляецца зонай павышанай арыгінальнасці, у якой агульнамоўныя спосабы і мадэлі словаўтварэння своеасабліва праламляюцца, а таксама выкарыстоўваюцца спецыфічныя спосабы, ўтварэння рэкламнага імя.

Словаўтварэнне рэкламнага імя ўяўляе сабой своеасаблівую падсістэму ўнутры сістэмы онімных спосабаў. Н.У. Падольская вылучае дзве асноўныя групы спосабаў утварэння рэкламных імёнаў: семантычную і граматычную анімізацыю (трансанімізацыю). Працэс утварэння ўласнага імя ад агульнага ў анамастыцы атрымаў назву анімізацыі, якая ўяўляе сабой “пераход апелятыва або апелятыўнага словазлучэння праз змену функцыі ў імя ўласнае”.

Асноўную масу зафіксаваных слоўных таварных знакаў складаюць імёны, утвораныя высокапрадуктыўным *лексіка-семантычным спосабам*. Ён прадстаўлены анімізацыяй, а таксама трансанімізацыяй і запазычаннем. Шляхам пераходу апелятываў (і ўстойлівых спалучэнняў) у онімы ўтвораны назвы тыпу: пірог “*Радуга*”, пячэнне “*Браво*”, сухары “*Гномікі*”, торт “*Интрига*”, пірожнае “*Ореол*”, пернікі “*Агат*”, казінак “*Подсолнушек*”, “*Маячок*”; зафіксаваны таксама цікавыя беларускамоўныя прагматонімы: хлеб “*Жнейка*”, “*Знаёмы*”, “*Лагодны*”, “*Жыццейскі*”, хала “*Смаката*” і інш.

Як адзначаюць даследчыкі, падобныя ўласныя імёны папаўняюцца не толькі за кошт назоўнікаў, магчымая анімізацыя і іншых часцін мовы, у нашым выпадку – прыметнікаў: *каўбаса “Мозаічная”, бісквіт “Абрикосовый”, прысмачкі “Тыквенные”, “Кунжутные”, “Амарантовые”, салаты “Крабовый”, “Сырный”, “Лососевый”, “Белорусский”; пельмені “Студенческие”, “Семейные”; медальёны з філе рыб “Пикантные”, “Классические”; філе селядца “Популярное”, “Отборное”; марожанае “Ленинградское”, зефір “Бело-розовый”, хлеб “Луговой”, “Горный”, слойка “Светлогорская”, сухары “Любужские”, кекс “Столичный” і інш.*

Анімізацыя можа быць некалькіх разнавіднасцяў: простая, метафарычная і метанімічная. Простая семантычная анімізацыя абазначае аб’ект намінацыі прама: фірма “Малако”, магазін “Хлеб”. Яна выкарыстоўваецца для стварэння апісальных імёнаў інфарматыўнага характару. “Такія назвы рэдка бываюць арыгінальнымі і не могуць быць зарэгістраваныя як таварныя знакі”.

Большасць зафіксаваных адапелятыўных назваў утворана анімізацыяй метафарычнай (па падабенстве; прадукт называецца на правах параўнання) або метанімічнай (па сумежнасці). Створаныя даным спосабам онімы ўказваюць на:

а) памер, форму вырабу (*багет “Мини”, булачка “Пеньки”, “Жгутик”, “Снежинка”; торт “Грибочки”, “Муравейник”, “Пальма”; пячэнне “Валентинки”, “Маргаритки”, прысмачкі “Крендельки”, сушкі “Пуговки”, пірожнае “Картошка”, “Корзиночка”; колбаса “Мозаічная”; слойка “Ушки”, салата “Георгин”, “Мимоза” і інш.*);

б) месца вырабу / распрацоўкі рэцэптуры, склад прадукту, тэхналогію яго прыгатавання (набор пячэння “*Берестейский*”, торт “*Домашний*”, “*Венский*”, “*Киевский*”; абаранкі “*Белецкіе*”, кекс “*Борисовский*”, “*Столичный*”; квас “*Двинский*”, сальтисон “*Белорусский*”, ветчина “*Украинская*”, сервелат “*Рублёвский*”, “*Азовский*”, “*Березинский*”, “*Флорентыйский*”, “*Фламандский*”,

"Итальянский", "Минский", "Советский", "Столичный", "Финский"; каўбаса "Западная", "Останкинская", "Эстонская", "Брестская", "Столичная", "Советская", "Полтавская", "Беловежская", "Варшавская", "Венская", "Гродненская", "Деревенская", "Залеская", "Западная", "Ивенецкая", "Шварцвальдская", "Одесская", "Солигорская", "Украинская", "Брауншвейгская", "Венецианская", "Хуторская", "Баварская", "Браславская", "Датская", "Дачная", "Казанская", "Карпатская", "Кричевская", "Польская", "Белорусская", "Московская", "Подмосковная", "Таллинская", "Рейнская", "Итальянская", "Краковская", "Кремлёвская", "Двинская", "Полесская", "Борисовская", "Бургундская", "Версальская", "Витебская", "Чесноковая", "Свиная", "Говяжья", "Куриная", "Сырная", "Ромовая", "Белорусская", "Сливовая", "Тминная", "Ореховая", "Ветчинная", "Казацкая"; сардэльки "Невские", "Полесские", саямі "Австрийская", "Мюнхенская", "Сервелат Венгерский", "Сервелат Донской", "Двинские", "Таллинская"; сыравэнджаная свініна "Венская", рэбры вэнджаныя "Деревенские", "Сельские"; рулет "Хуторской", хлеб "Мінскі", "Беларускі", "Вілейскі", "Нарачанскі", "Вязынскі", "Мазырскі", "Днепровский", "Иерусалимский", "Краковский"; каўбаскі "Городские", "Мюнхенские", "Литовские"; Шоколад "Столичный", вафлі "Столичные", "Черноморские", "Южные"; пірожнае "Домашнее", "Медово-банановое", "Бисквитно-желейное", "Бисквитно-шоколадное", "Бисквитное", "Карамельно-маковое", "Карамельное", "Сливочно-фруктовое", "Трюфель", "Шоколадно-кремовое"; хлебцы "Бельгийские", "Полоцкие", "Деревенские", бісквіт "Абрикосовый", пернікі "Имбирные", прысмакі "Тыквенные", "Кунжутные", "Амарантовые"; сухары "Изюминка", сасіскі "Сливочные", "Молочные", "Куриные"; грудзінка "Дымовица", пельмені "Сибирские", сервелат "Мускатный", "Ореховый"; хлеб "Гречневый", "Зерновой", "Кефирный", "Овсяно-отрубной", "Ржаной", "Фруктовый"; вафлі "Ананасные", "Апельсиновые", "Лимонные", "Черничные", "Сливочные", "Халвичные"; чызкейк "Вишнёвый", "Шоколадный"; міні-кекс "Банановый", "Сочный", слойка "Ягодная"; ляпёшка "Грибная" і інш.);

в) патэнцыяльнага, у тым ліку асаблівага, спакушанага, спажыўца прадукту (хлеб "Богатырский", "Дворянский", хлебцы "Молодецкие", батон "Сударь", торт "Императрица", "Неженка", слоенае цеста "Сластёна", сушкі "Студенческие", "Сялянскія", булачка "Непоседы", пячэнне "Сластёна", прысмакі "Забияка", "Затейник"; рулет "Императорский", каўбаса "Купеческая", "Королевская", "Студенческая", "Докторская", "Туристская", "Шляхецкая", "Фермерская", "Панская", "Охотничья", "Королевская", "Крестьянская", "Боярская"; сервелат "Богатырский", "Царский"; шакалад "Генеральский", пірожнае "Принцесса" і інш.);

г) высокую якасць вырабу, яго прывабнасць для спажыўца (булачка "Сдобушка", "Дзіўная", "Сытная", рулет "Лакомство", каўрыжка

"Аппетитная" паўфабрыкат кандытарскі "Популярный", пячэнне "Прима", "Мара", торт "Овація", "Сказка", выраб слоены "Восторг", пірожнае "Фортуна", "Лакомство", снэкі "Удача", каўбаса "Жаданая", "Элітная", "Популярная", "Деликатесная", "Вкусная"; сардэлькі "Вкусные", сасіскі "Аппетитные", мясная палоска "Ароматная", в'яндліна "Популярная", салямі "Новинка", сальтысон "Праздничный", вітушка "Аппетитная", каўбаскі "Пикантные", "Оригинальные"; сервелат "Элітний", шакалад "Люкс", слойка "Пикантная", кекс "Сочный", салата "Нежный" і інш.);

д) "прызначэнне", калі можна так сказаць, прадукту (хлеб "Гостовый", "Утренний"; зэльц "Закусочный", каўбаскі "Шашлычные", "Грилевые"; батон "Утренний", каўбаса "Закусочная", "Застольная", "Бутербродная", пячэнне "Юбилейное", "Вечернее", кекс "Праздничный" і інш.).

Акрамя пералічаных разнавіднасцяў анімізацыі, Н.У. Падольская вылучае таксама сімвалічную. Сімвалічныя РІ не адлюстроўваюць аб'ект намінацыі, а прыпісваюцца яму як умоўныя знакі. Пры гэтым могуць выкарыстоўвацца словы з агульнавядомым сімвалічным значэннем, сімвалы навукі, тэхнікі, мастацтва, культуры: хлеб "Жниво", "Кураж", "Чарадзея", "Сяброўскі»; батон "Визит", пірог "Карнавал", пірожнае "Гасцінец", пячэнне "Лілея", "Міраж", "Серенада", "Токатто", "Омега"; сушкі "Белоснежка"; ірыс "Карусель"; казінак "Колейдоскоп", сервелат "Прэм'ера", пышкі "Веснушкі" і інш.).

Такім чынам, кола апелятываў, якія ўдзельнічаюць у стварэнні сучасных прагматонімаў, з'яўляецца даволі разнастайным.

Прыватны выпадак анімізацыі – трансанімізацыя, г.зн. пераход оніма аднаго разрада ў іншы. Пры гэтым адбываецца змяненне значэння слова, якое страчвае сваю ранейшую семантыку і набывае новую. Анімізацыю суправаджае абавязковая субстантывацыя. Усе імёны ўласныя з'яўляюцца назоўнікамі, якую б форму яны ні мелі.

Трансанімізацыя таксама мае разнавіднасці: метафарычную, метанімічную і сімвалічную. Антрапонімы, міфонімы, касмонімы, тапонімы і іншыя ўласныя імёны могуць быць выкарыстаны ў намінацыі як нацыянальныя сімвалы або сімвалы з іншым значэннем.

Вынікам трансанімізацыі з'яўляюцца прагматонімы, што ўзыходзяць да:

а) антрапонімаў (торт-марожанае "Наполеон", марожанае "Цезарь", "Алёнка", хлеб "Нестерка", "Альгерд", "Хлебников"; торт "Клеопатра", "Марго", "Рафаэль"; пячэнне "Марія", пірожнае "Моцарт"; шакалад "Красная шапочка", "Алёнка";

б) заонімаў (пірожнае "Курочка Ряба");

в) тапонімаў (хлеб "Бородино", "Сілічы", "Гародня"; торт "Берестье", "Нёман"; цукеркі "Белая Русь", карамель "Няміга", зефір "Палессе", каўбаса "Ясельда", "Италия", "Барбадос"; шакалад "Беловежская пуца");

г) ойкадамонімаў (пернікі "Колизей", пячэнне "Версаль", цукеркі "Белая Вежа", салата "Прага");

д) эргонімаў (набор пячэння "Берестейский пекарь", вафлі "Артек", набор пірожных "Корона", хлеб "Корона", салата "Корона").

Запазычанне. Замежныя словы і іх кампаненты могуць быць прадстаўлены ў кірылічнай ці лацінскай графіцы. Прыкладамі запазычанняў служаць наступныя назвы: марожанае "Escoffier" (Жорж Агюст Эскаф'е – французскі рэстаратар, крытык, пісьменнік, папулярызатар традыцыйнай французскай кухні), марожанае "Soletto", філе селядца далікатэснае "Mamiac", "Прованс", ікра далікатэсная люкс "Macago Амай", пельмені "AZIO", торт-марожанае "Тирамису", кактэйль з морапрадуктаў "Royal", вафлі "Hans Freitag", салата "Баттерфляй", пячэнне "ALPELLA", пернікі "Ностальжи" і інш.

ЧОЛЫК В.

ФАЛЬКЛОНА-МІФАЛАГІЧНЫ КАМПАНАЕНТ У ЭСТЭТЫЧНА-ГНАСЕАЛАГІЧНАЙ СІСТЭМЕ ЛІТАРАТУРЫ РАМАНТЫКАЎ XIX СТ.

Першая палова XIX ст. у Еўропе, як вядома, – гэта эпоха барацьбы разнастайных літаратурных кірункаў, але гэта і эпоха Вялікага Рамантызму. Разам з узнікненнем рамантычнай культуры (па-рознаму ў розных краінах) у бок дэмакратызацыі мяняліся свядомасць ды ментальнасць людзей [1, с. 89].

У XIX–XX стст. актыўна развіваецца неаміфалагізм – “фальклорна-міфалагічная плынь, якая скіравана на паглыбленне сацыяльна-філасофскага зместу літаратурных твораў” [7, с. 65]. Гэта дазволіла пісьменнікам пашырыць маштаб падзей і разглядаць іх у кантэксце праблем быцця. Так, А. Адамовіч у сваім творы “Апошняя пастараль” актыўна звяртаецца да міфалогіі, прычым не столькі да антычна-класічных яе форм, колькі да элементаў так званай ніжэйшай міфалогіі, або народнай дэманалогіі.

Надзвычай важны этап у асваенні міфалагічнай спадчыны – эпоха рамантызму, якая вядзе сваю гісторыю ад Енскай школы рамантыкаў (1796 г.), а ў беларускай літаратуры ахапіла перыяд 20–40-х гадоў XIX ст. З рамантыкаў пачынаецца і ўласна літаратуразнаўства як спецыфічна навуковая галіна. Рамантыкі зрабілі ў эстэтыцы сапраўдны рэвалюцыйны пераварот, адмовіўшыся ад нарматыўнай паэтыкі Арыстоцеля, якая была асновай літаратуры на працягу больш чым дзвюх тысяч гадоў, і звярнуліся да эстэтыкі Платона. Рэвалюцыя ў паэтыцы, у мастацкіх сродках была толькі часткаю таго культурнага перавароту, які аддзяліў антычную і сярэднявечную цывілізацыю ад цывілізацыі Новага часу. Адно з важнейшых дасягненняў Новага часу – раздзяленне быцця на свет “фізічнай рэальнасці”, з аднаго боку, і на асаблівы

“свет чалавека”, з другога боку. У гэтым былі і плюсы і мінусы. Да таго – у эпохі Антычнасці і Сярэднявечча – індывід разумеўся як арганічная частка Прыроды, Космасу, а сам Космас – як праяўленне нейкага пачатку, які забяспечвае свету адзінства і лад. Гэта адчуванне адзінства – каласальны плюс міфалагічнага мыслення, якое працягвала дзейнічаць і ў Новы час. Але кожная вобласць патрабавала вывучэння і ў сваёй спецыфіцы. Яшчэ з XVII ст. пачалося развіццё прыродазнаўчых навук, што ўсё больш драбніліся. Кожная навука мела свой прадмет вывучэння, і новая навука – літаратуразнаўства – таксама адчувала патрэбу ў вывучэнні таго грунту, на якім узрасталася слоўная мастацкая творчасць [2, с. 98].

Рамантыкі першымі пачалі вывучаць і збіраць традыцыі народа – фальклор, шырока выкарыстоўваць міфы ў сваёй творчасці, яны ж выступалі тэарэтыкамі літаратуры. Сярод першых па часе школ, напрамкаў у літаратуразнаўстве – міфалагічная – адна з найбольш уплывовых у XIX–XX стст. Для яе вытокаў стаяць браты Якаб і Вільгельм Грым, якія не толькі збіралі і апрацоўвалі народныя казкі, але з’яўляліся і тэарэтыкамі ў галіне філалогіі. У самай вядомай сваёй рабоце “Нямецкая міфалогія” Я. Грым ставіць пытанне аб вывучэнні міфалогіі і фальклору, гаворыць пра стасункі міфа, легенды, казкі, аб сувязі іх з рытуалам, сцвярджае адзінства індаеўрапейскіх моў, а таксама блізкасць міфалагічных сістэм розных арыяўскіх народаў. Славянская міфалогія, на думку аўтара, блізкая да германскай і скандынаўскай [8, с. 140]. Праўда, у славянскай значна менш паданняў пра карлаў, эльфаў, гномаў, феяў, чым у германскай, але затое пра волатаў – больш. У цэлым, лічыць Я. Грым, славянская міфалогія намнога больш стыхійная і эмацыйная, чым германская. І ён жа адзначае, што славянскія народныя паданні і казкі багацейшыя за нямецкія. Адным з першых сярод навукоўцаў Я. Грым звярнуў увагу на тое, што Божая Маці замяніла сабою язычніцкіх багінь, а многія хрысціянскія святыя – язычніцкіх божышчаў другога і трэцяга рангаў, напрыклад, месца героя-змеяборцы занялі святы Георгі ў архангел Міхаіл. Я. Грым лічыў, што найбольш старажытнай з’яўляецца монатэістычная рэлігія, з чыйго ўлоння лёгка ўтварылася шматбожжа, а ўласціваасці аднаго бога спачатку патроіліся, а затым яшчэ памножыліся. Інакш кажучы, адзіны Вышэйшы Бог раздзяліўся на шмат іншых багоў. Гэтая думка нямецкага даследчыка лічыцца надзвычай прадуктыўнай сучаснай міфалогіяй і фальклорыстыкай.

Рамантызм як метада ў мастацтве народжаны бурнай пераломнай эпохай. Гэта – адмоўная рэакцыя на французскую буржуазную рэвалюцыю і тыя тэндэнцыі ў ідэалогіі, якія пачала насаджаць буржуазія. Рамантыкі асноўвалі сваю творчасць на прынцыповым супрацьпастаўленні буржуазна-дваранскаму свету нейкага іншага – выдуманнага імі – свету, які заключаў у сабе ўзвышаныя ідэяна-эстэтычныя ідэалы. Па-рознаму вызначалі рамантызм розныя тэарэтыкі,

але, відаць, усе думкі можна звесці да аднаго – да асаблівай ролі асобы, да ўяўлення пра асобу як абсалютны цэнтр свету. Можна сказаць, што асоба развілася настолькі, што аказалася здольнай да рэфлексіі. Антыгуманным тэндэнцыям XIX ст. утылітарызму і эгаізму буржуазіі рамантыкі супрацьпаставілі ўзвышаны духоўны свет асобы, якая імкнулася набыць паўнату жыцця ў творчым далучэнні да вечных каштоўнасцей прыроды, гісторыі, культуры [6, с. 93].

Рамантыкі перараблялі антычныя, біблейскія, сярэднявечныя міфы, пры гэтым вельмі свабодна карысталіся традыцыйнай міфалогіяй, змешвалі розныя матывы і вобразы. Асабліва нетрадыцыйнай была міфатворчасць Э.Т.А. Гофмана, М. Гогаля і Э. По. Праз іх адмысловую казачную фантастыку праглядае нейкая глабальная міфічная мадэль свету, што пачало надзвычай цаніцца ў мадэрнісцкай літаратуры XX стагоддзя. Натурфіласофскія погляды рамантыкаў выклікалі ў іх цікавасць да ніжэйшай міфалогіі, так званых духаў прыроды, або духаў локусаў. У цэлым менавіта ў міфалогіі рамантыкі бачылі выяўленне гармоніі Прыроды, Космасу, імкнуліся сцвярджаць гэтую гармонію насуперак тэндэнцыі да пазітывізму, драбленню навук, аналітызму [3, с. 167].

Міфалагізм асабліва характэрны для так званых універсальнага і фальклорнага напрамкаў у рамантызме. У некаторых славянскіх краінах узнікла літаратура, поўнаасцю заснаваная на фальклоры, у які арганічна ўваходзілі міфалагічныя персанажы. Пісьменнікі гэтых напрамкаў (А. Міцкевіч, Я. Чачот, Я. Баршчэўскі, браты Шлегелі, Ф. Гельдерлін, Наваліс, Л. Цік, Д. Блейк, С. Кольрыдж, браты Грым, В. Скот, Г. Гейне, Т. Шаўчэнка, Ш. Петэфі, М. Кальцоў і інш.) прыроду ставілі вышэй за культуру (у духу іх куміра – філосафа Ж.Ж. Русо), а фальклор разглядалі як частку прыроды, як “натуральнае мастацтва” – у супрацьлегласць прафесійнаму, залішне ўмоўнаму, мастацтву адукаваных класаў [9, с.106]. У фальклоры рамантыкі найбольш цанілі выяўленне зліцця жыцця чалавека з жыццём прыроды.

У шмат якіх краінах (асабліва славянскіх) фальклорны напрамак у рамантызме ўвогуле стаў галоўным, іншых амаль не было, прычым рамантычная літаратура стала асновай нацыянальна-культурнага і нават рэвалюцыйнага рухаў. Да менавіта такіх краін можна аднесці Беларусь.

Сярод найярчэйшых зорак рамантычнай еўрапейскай літаратуры адно з галоўных месц належыць Адаму Міцкевічу. Безумоўна, А. Міцкевіч – перш за ўсё слыны польскі паэт, але нельга яго выключыць і з беларускай літаратуры, гэта паэт беларуска-польскага памежжа, як і Ян Чачот, Ян Баршчэўскі [5, с. 149]. У творчасці названых песняроў найлепш адбіўся менавіта беларускі фальклор і прырода той зямлі, якая іх узрасціла, – Беларусі. А. Міцкевіч нарадзіўся ў надзвычай жывапісным кутку Гродзеншчыны, народныя беларускія казкі і легенды чуў яшчэ ў дзяцінстве ад прыгоннага селяніна Блажэя, у юнацтве разам з Янам Чачотам хадзіў па вёсках, засценках,

кірмашах і збіраў народныя паданні. Асабліва яго ўразілі легенды, звязаныя з возерам Свіцязь, якія ён пачуў ад старога рыбака у самую шчаслівую пару свайго жыцця – часе кахання да Марылі Верашчакі. Менавіта думаючы пра Марылю, Міцкевіч піша балады “Люблю я”, “Рыбка”, “Курганок Марылі”, “Дудар”. Непасрэдна са Свіцязцю звязаны тры балады – “Свіцязь”, “Свіцязь”, “Рыбка”.

Выкарыстоўваючы паданні аб узнікненні возера Свіцязь, Міцкевіч стварае арыгінальную легенду аб тым, як жанчыны гераічнага горада Свіцязі, не ў сілах змагчы ворага, моляць Бога аб смерці, і той затапляе іх горад возерам. Заліванне святога горада вадой – матыў, надзвычай распаўсюджаны ў міфах многіх народаў (можна назваць хоць бы рускую легенду пра горад Кіцеж). Яго паходжанне ў рамантыкаў – ад міфаў пра патап або пра затапленне біблейскіх гарадоў Садома і Гаморы, але ў дадзеным выпадку паданне пераасэнсоўваецца “Міцкевічам у станоўчым плане: не за грахі Бог карае, як у Бібліі, а ратуе такім чынам ад ворага. Міцкевіч нібы хоча сказаць: там, пад вадой, – сапраўдная Беларусь, а тое, што на паверхні, – неспрадвечнае, спаганенае, змененае чужынцамі” [4, с. 149].

Уяўленні пра тое, што душа чалавека пасля яго смерці пагружаецца ў вадку, выклікалі да жыцця надзвычай пашыраныя паданні і былічкі пра істот, што жывуць у вадзе – русалак. Увогуле вада спрадвек разумелася як жаночая існасць. У той жа час паверхня возера мае значэнне люстэрка (менавіта так у “Свіцязі”), а гэта азначае самасузіранне, развагу, адчуванне вечнасці, злучэнне неба і падзем’я: “Не можаш адрозніць у срэбным сутонні // Дно возера ўжо ад зеніту. // Як быццам вісіш ты ў нябесным бяздонні, // У нейкім разліве блакіту”, – піша А. Міцкевіч [3, с. 169]. У баладзе “Свіцязь” дзяўчына, што стала русалкаю, карае былога каханага за здраду сваёй клятвы. Па прычыне здрады канчае самагубствам і Крыся ў “Рыбцы”, прытым ператварае панаашуканца з яго новай жонкай у камяні. Творы Міцкевіча выразна ілюструюць народную этыку, зафіксаваную ў міфа-паэтычнай свядомасці, сцвярджаюць непазбежнасць пакарання за грахі. У той жа час у іх – цікавасць Міцкевіча да смерці як невядомага аспекту быцця (містычныя настроі Міцкевіча асабліва праяўляюцца ў эмігранцкі перыяд жыцця – у Парыжы). Тая ж цікавасць выключна яркая выявілася ў паэме “Дзяды”, дзе аднаўляецца беларускі памінальны абрад і зноў узнікае матыў віны і кары. Беларускі міф і фальклор у творчасці Адама Міцкевіча і іншых мастакоў слова XIX ст. – гэта фактар аб’яднання пісьменніка і народа, чалавека і радзімы, беларускай і польскай нацый. Нішто так не яднае народы, як агульныя сімвалы, якія маюць міфа-фальклорнае паходжанне.

Такім чынам, беларуска-польскія пісьменнікі-рамантыкі, а за імі – і сучасныя паэты і празаікі, надзвычай шырока выкарыстоўвалі народную беларускую міфалогію, фальклор, значна ўзбагаціўшы гэтым сістэму тэм,

матываў і вобразаў нашай айчынай літаратуры. Адным з выразных прадстаўнікоў разгледзенага накірунку з’яўляецца Ян Баршчэўскі.

Літаратура:

1. Горелов, А. А. К истолкованию понятия “фольклоризм литературы” / А. А. Горелов // Русский фольклор. – Т. XIX / отв. ред. А. А. Горелов. – Л. : Наука, 1979. – С. 31–48.
2. Далгат, У. Б. Литература и фольклор: теоретические аспекты / У. Б. Далгат; ред. В. М. Гацук; Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Наука, 1981. – 301 с.
3. Лозка, А. Беларуская батлейка. Каляндарныя і абрадавыя гульні : дапаможнік для настаўнікаў, выхавальнікаў, кіраўнікоў гурткоў / А. Лозка. – Мінск : Тэхналогія, 1997. – 184 с.
4. Лойка, А. А. Гісторыя беларускай літаратуры. Дакастрычніцкі перыяд : у 2 ч. / А. А. Лойка. – Мінск : Выш. шк., 1989. – Ч. 1. – 2-е выд., дапрац. і дап. – 289 с.
5. Перкін, Н. Літаратурная спадчына Яна Баршчэўскага і Яна Чачота / Н. Перкін. – Мінск : Маст. літ., 1980. – 354 с.
6. Традиции и современность в фольклоре / Л. Г. Бараг [и др.]; отв. ред. В. К. Соколова; Акад. наук СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М. : Наука, 1988. – 211 с.
7. Тычына, М. А. Карані і крона : фальклор і літаратура / М. А. Тычына. – 2-е выд. – Мінск : Беларус. навука, 2002. – 197 с.
8. Хаўстовіч, М. В. Мастацкі метада Яна Баршчэўскага / М. В. Хаўстовіч. – Мінск : БДУ, 2003. – 204 с.
9. Шамякіна, Т. І. Міфалогія і беларуская літаратура / Т. І. Шамякіна. – Мінск : Маст. літ., 2008. – 356 с.

РУССКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

АНТОНЮК Д.

ОРИЕНТИРЫ «НАСТОЯЩЕЙ ПРАВДЫ» В ТВОРЧЕСТВЕ А. П. ЧЕХОВА

«Никто не знает настоящей правды...» – сказал герой повести Чехова «Дуэль» фон Корен. Чехов написал «Дуэль» молодым тридцатилетним человеком. Перечитывая повесть сейчас, переживаешь чудо узнавания и почти полной идентификации современного сознания с чеховской прозой. Многие кажутся давно забытым, но так поразительно знакомым... Предпринятая молодым писателем героическая попытка предпочесть одну скромную судьбу обаятельного, но пошлого и несовершенно человека Лаевского высочайшим идеалам Чистоты, Общечеловеческой пользы, Гуманности и Правды под именем Фон Корена и сегодня достойна удивления. Чехов здесь почти не прибегает к сарказму, не острословит, как будто забыл о спасительной для рассказчика иронии... Он подробно исследует меру оптимизма, на которую имеет право один даже самый скверный человек. И приходит к выводам не по-чеховски дидактичным, почти пуританским: «спасения надо искать только в себе самом», «люди делают два шага вперед, шаг назад... но жажда правды и упрямая воля гонят людей вперед и вперед. И кто знает? Быть может, доплывут до настоящей правды...» и через эту мысль проходят множество произведений автора.

Линия изображения «уродств и безобразий общества», поиски истины является сквозной в творческой манере писателя. Но в изображении действительности есть своя специфика, характерная для творческого мышления именно Чехова. Исследователи отмечают, что в рассказах Чехова страшно не то, что случилось, а то, что «ничего не случилось», страшна жизнь, которая совсем не меняется, в которой ничего не происходит, в которой человек всегда равен себе. Не случайно поэтому, изображение быта в творчестве писателя занимает значительное место. Именно через быт Чехов показывает трагизм повседневности, настоящую правду жизни. В рассказах писателя показано, что неизменность бытия неизбежно меняет людей: в неподвижной жизни люди постепенно подчиняются силе внешнего течения событий и утрачивают внутренние – духовные и нравственные – ориентиры.

В рассказах «Ионыч», «Крыжовник» показано, как герои со временем теряют «душу», их жизнь превращается в бессознательное существование. «Вообще, пишет исследователь, – судьба человека с высокими понятиями и высокой культурой, как правило, окрашивается у Чехова в трагические тона» [1, с. 254]. Но при этом трагическими тонами окрашены не только положительные герои, но и вообще большая часть персонажей произведений Чехова.

В 90-е годы в России интенсивно ведутся поиски общей идеи, пути будущего России. Чехов также «стремился выяснить, как зарождается в людях мысль о правде и неправде, как возникает первый толчок к переоценке жизни, как человек выходит из состояния умственной и душевной пассивности» [1, с. 214]. Причем для Чехова важнее показать *процесс* переоценки, чем его результат. В чеховских рассказах главным становится отношение личности к правде и неправде, к красоте и безобразию, к нравственности и безнравственности. Любопытно, что все это смешано вместе, как и в обыденной жизни. Чехов никогда не становится судьей своих героев, и в этом принципиальная позиция писателя. Так, в одном из писем он писал: «Вы смешиваете два понятия: решение вопроса и правильная постановка вопроса. Только второе обязательно для художника» [2, т. 12, с. 354]. Как видим, Чехов не ставит перед собой задачу дать конкретный ответ на вопрос, который он поднимает в произведении. Для писателя главное – мысли о правде и человеке, его ощущение будущего счастья.

Трудности поиска правды – тема исповедальной повести Чехова «Моя жизнь». Герой этого «рассказа провинциала» Мисаил Полознев глубоко почувствовал ложь, лежащую в основе жизни, и понял, что, несмотря на уничтожение крепостного права, рабство народа осталось в полной силе, хотя и приняло новый облик: «Мы уже не дерем на конюшне наших лакеев, но мы придаем рабству утонченные формы, по крайней мере, умеем находить для него оправдание в каждом отдельном случае» [2, т. 9, с. 75].

Этот трезвый взгляд на современное общественное зло уживается у героя с утопическими представлениями о формах противодействия ему. Он решает уклониться от участия во зле и становится простым рабочим-маляром, смотрит на мир «с изнанки» и восхищается словами старого маляра-обличителя: «Гля ест траву, ржа – железо... А лжа душу...», «Горе, горе сытым, горе сильным, горе богатым, горе заимодавцам! Не видать им царствия небесного!» [2, т. 9, с. 79]. Однако попытки широкой деятельности в народной среде оборачиваются рядовым либеральным культуртрегерством и заканчиваются глубоким разочарованием. В повести ведутся идейные споры, и автор дает высказаться сторонникам разных течений. Один только Мисаил Полознев, увидевший воочию, как велика пропасть между самыми честными взглядами и их осуществлением, переживший крах своей любви, брошенный женой, потерявший любимую сестру, сохраняет главное для себя – непричастность к миру гонителей. Он понимает уроки жизни, и от того, что им добыто на пути искания правды, не откажется никогда.

В повести «В овраге» Чехов показывает, что положение человека из образованного слоя значительно сложнее. Действующие лица финальной сцены повести не говорят ничего, если не считать слов Липы: «Здравствуйте, Григорий Петрович!» [2, т. 9, с. 372], даже пирог она подает молча. Недавний

богач принимает милостыню, не проронив ни единого слова. Автор так же сдержан, как его герои, он ограничивается краткими ремарками, вроде той, что у старика дрожали губы и глаза были полны слез. Сцена почти безмолвная, тем больше в ней глубины и перспективы: здесь и мысль о сложности и запутанности человеческих взаимоотношений, о бездушии людей и о вечно живой человечности, о страшной грубости жизни и одновременно о святости. Финал рассказа звучит как обещание правды, слияния с которой ждут все на земле. Люди непосредственные и простые чувствуют правду сердцем, как Костыль или Липа, другие доходят до нее умом и размышлением, анализом опыта жизни, своей и общей, ошибаются, вновь ищут, а порой вообще теряют веру, не смея признаться себе в этом. Мужик, как бы он ни одурманивал себя водкой, все-таки верит, «что главное на земле – правда и что спасение его и всего народа в одной лишь правде, и потому больше всего на свете он любит справедливость» [2, т. 9, с. 367].

Так почти во всех рассказах Чехова, особенно в 90–е годы. Жизнь в его произведениях протекает на грани сущего и должного. Чем страшнее и фантастичнее мир, тем реальнее жизнь иная, ожидаемая. Чем меньше жизнь отвечает ожиданиям и надеждам людей, тем поэтичнее становятся эти надежды, тем более справедливыми кажутся ожидания. Справедливый и правильный строй жизни уже на пороге. Но как перешагнуть этот порог – пока никто из героев не знает, и жизнь течет в тех же берегах. Кончилось крепостное право, на смену пришел капитализм, но «искусство порабощения» не исчезло, оно только стало тоньше. Как заметил Мисаил Полознев, «в самый разгар освободительных идей, так же, как во времена Батыя, большинство кормит, одевает и защищает меньшинство, оставаясь само голодным, раздетым и беззащитным» [2, т. 9, с. 73]. Мисаил Полознев вспоминает Батыя, герой рассказа «Студент» Иван Великопольский думает, что бедность, невежество, тоска и мрак в современной деревне точно такие же, какими были при Рюрике, и при Иване Грозном, и при Петре. Измениться все это может и должно потому, что существует некий естественный закон правды и красоты, дающий о себе знать даже среди полной беспросветности существования, в обыденном течении жизни, «в путанице всех мелочей, из которых сотканы человеческие отношения».

Не раз Чехов выражал ненависть ко лжи и деспотизму, которые, в частности, по его словам, сгубили молодость его матери. В творчестве писателя сосуществуют как бы два типа ценностных систем: истинная и ложная. С одной стороны, Чехов напоминает читателю о необходимости сохранить «человеческое достоинство», с другой – показывает ужас его утраты, когда истинная ценностная система подменяется ложной, как это происходит, например, в рассказе «Ионыч». «Хорош божий свет. Одно только не хорошо: мы. Как мало в нас справедливости и смирения, как дурно понимаем мы патриотизм! ...Вместо знаний – нахальство и самомнение паче меры, вместо

труда – лень и свинство, справедливости нет» [2, т. 3, с. 122]. Ложная система ценностей определялась Чеховым одним необыкновенно ёмким и потому трудно объяснимым словом – пошлость. Проявляясь в сознательном или бессознательном поведении человека, пошлость попирает духовные ценности человечества, разрушает благородство, нравственную чистоту личности. Засилие пошлости приводит к тому, что она закрывает от людей **правду**, поэтому пошлость для Чехова – враг человечества. В письме Плещееву от 4 октября 1888 года Чехов прямо формулирует значимые для него нравственные ориентиры: «Мое святая святых – это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались» [2, т. 12, с. 122].

Вот так выстраивается система ценностей Чехова. Она традиционна для русской гуманистической культуры, но своеобразие ее состоит в доступности и в том, что писатель не стремится навязать свою позицию, а только показывает эту систему в действии, предлагая читателю самому сделать осознанный выбор. Ведь так и в повести «Дуэль» Лаевский во всём видел ложь, и сам ведь думал, что ценою маленькой лжи он купит большую правду», но спустя время, как будто отрезвев, он размышлял: «Если бы можно было вернуть прошлые дни и годы, он ложь в них заменил бы правдой, праздность – трудом, скуку – радостью, он вернул бы чистоту тем, у кого взял ее, нашел бы Бога и справедливость, но это так же невозможно, как закатившуюся звезду вернуть опять на небо» [2, т. 7, с. 222]. «Цель моя – убить сразу двух зайцев: правдиво нарисовать жизнь и кстати показать, насколько эта жизнь уклоняется от нормы. Норма мне неизвестна, как неизвестна никому из нас. Все мы знаем, что такое бесчестный поступок. Но что такое честь – мы не знаем», – писал Чехов Плещееву в 1889 году [2, т. 12, с. 120].

Чем больше мы читаем Чехова, тем больше убеждаемся в том, что в этом мире, чаще всего, нормальное воспринимается как ненормальное, а безумие как здравый смысл. Страшно то, что мы давно привыкли к самой обычной, будничной жизни, которая на самом деле уродлива и противоестественна. Такая жизнь, в глазах писателя, иногда теряет реальные очертания и приобретает оттенок фантастичности, логической несообразности, а это и есть проявление «нереальности реального».

Таким образом, мы выяснили, что поиск «настоящей правды» актуален не только в творчестве Чехова, но и в жизни каждого человека. Эти поиски во все времена продолжались, продолжают и будут продолжаться. Важно лишь понять, в какой момент начнётся «первый толчок к переоценке жизни». Возможно этим «толчком» и являются произведения А. П. Чехова.

Литература:

1. Бердников, Г. П. А. П. Чехов. Идеи и творческие искания / Г. П. Бердников. – М., 1998. – 511 с.

2. Чехов, А. П. Собр. соч. и писем в 12 т. – А. П. Чехов. – М., 1985.

БАЙЛЫЕВА О.

СТАРΟΣЛАВЯНИЗМЫ В УЧЕБНЫХ ТЕКСТАХ

Знание старославянского языка чрезвычайно важно не только для студентов-филологов, но и историков, так как учебные тексты содержат значительное количество старославянских по происхождению элементов – фонетических, фразеологических, грамматических. Выделять и грамотно объяснять функции старославянизмов в языке и речи – одна из задач учителя, работающего с историческим материалом.

В лексике современного русского языка с точки зрения происхождения можно выделить, как известно, исконно русские слова и заимствованные.

Одним из самых древних и многочисленных являются заимствования из старославянского языка, который длительное время был письменным языком, общим для всех славян. В его основе лежат южнославянские говоры старой Македонии. На этот язык в IX веке переводили священные тексты греческие монахи – братья Кирилл и Мефодий, создавшие славянский алфавит. Их миссия по созданию литературного языка для всех славян стала возможной благодаря тому, что в те времена славянская речь была относительно единой. Старославянский язык не существовал в виде живой народной речи, он всегда оставался языком Церкви, культуры и письменности. Словарный состав старославянского языка был очень богат для своего времени и благодаря его близости к древнерусскому языку широко проникал в него, а затем – и в русский. Причем, в русский язык пришли и остались в нём не только старославянские слова, но и грамматические формы.

Старославянский язык – ныне мертвый язык. Формально он относится к индоевропейской семье языков, славянской ветви, южнославянской подгруппе наряду с болгарским, македонским, сербским, словенским, хорватским языками.

Впервые академик А.А. Шахматов в труде «Очерки современного русского литературного языка» выделил фонетические, словообразовательные и семантические признаки старославянизмов. Отметим самые яркие из них. Основными *фонетическими* признаками старославянизмов являются:

1) неполногласные сочетания *ра, ла, ре, ле* между согласными в одной морфеме вместо русских полногласных сочетаний *оро, оло, ере, еле*: *власы* (волосы), *влачить* (волочить), *среда* (середина), *млечный* (молочный) и др.;

2) сочетания *ра, ла*, в начале слова вместо русских *ро, ло*: *расти* (рост), *равный* (ровный), *ладья* (лодка) и др.;

3) сочетание *жд* на месте русского *ж*: *надежда* (надёжный), *нужда* (нудить), *рождать* (рожать) и др.;

4) звук *ш* на месте русского *ч*: *мощь* (мочь), *пещера* (Печера, Печерский) и др.;

5) начальное *е* на месте русского *о*: *един* (один), *елей* (олива), оливковое масло и др.;

б) начальное *ю* на месте русского *у*: *юродивый* (урод), *юг* (угь) и др.;

7) начальное *а* на месте русского *я*: *аз* – название буквы старославянского алфавита (я – личное местоимение), *агнец* (ягненок) и др.;

8) твердое *г* из *з* на месте русского *з* мягкого: *льгота* – *льга* (свобода, легкость) – *нельзя*.

Разнообразны и *словообразовательные* признаки этого пласта лексики:

1) приставки (более 10 соотносительных морфем): *воз-* (*вос-*) на месте русской приставки *вз-* (*вс-*): *воспрянуть* (вспрянуть); *со-* на месте русской приставки *с-* : *собор* (сбор), *совет* (свет); *из-* (*ис-*) на месте русской приставки *вы-*: *изводить* (выводить), *истечь* (вытечь); *низ-* (*нис-*) вместо *в-*: *низвергать* (ввергать); *пре-* на месте русской *пере-*: *передать* (передать), *чрез-* на месте русской приставки *через-* : *чрезвычайно* (черезвычайно) и нек. др.;

2) суффиксы (около 15 морфем): *-ани(е)*, *-арь*, *-(а)тай*, *-ени(е)*, *-ец*, *-зн(а)*, *-знь*, *-и(е)*, *-ии(я)*, *-(н)иц(а)*, *-иц(е)*, *-ни(е)*, *-ость*, *-стви(е)*, *-ств(о)*, *-тель*, *-ть*, *-ын(я)*, *-ырь*: *вскоре*, *неприятнь*, *убийца*, *искренне*, *молитва*, *честь*, *милостыня*;

3) первая часть сложных слов: *благо-*, *бого-*, *все-*, *добро-*, *долго-*, *едино-*, *зло-*, *живо-*, *лже-*, *мало-*, *миро-*, *ново-*, *присно-*, *сверх-*, *свето-*, *свято-*, *священно-*, *(не)удобо-*, *сердце-*, *суде-*, *тайно-*, *тре-*, *три-*, *храмо-*: *благодать*, *боголюбие*, *Вседержитель*, *добродетель*, *долготерпение* и др.

4) вторая часть сложных слов: *-борец*, *-верие*, *-давец*, *-датель*, *-действие*, *-детель*, *-зрачный*, *-любивый*, *-любие*, *-мудрие*, *-мудрый*, *-мыслие*, *-началие*, *-начальный*, *-носить*, *-носный*, *-ношение*, *-питие*, *-положение*, *-приимец*, *-приимный*, *-словие*, *-словить*, *-творение*, *-творить*: *суеверие*, *добродетель*, *миролюбивый*, *чаепитие*, *благословить*, *стихотворение* и др.

Старославянизмам характерны некоторые семантические признаки, например:

1) принадлежность слова к лексико-семантической группе, в которую входят лексемы, обозначающие понятия из религиозной сферы, церковного обихода: *апостол*, *евангелие*, *креститель*, *престол*, *пророк*, *светильник*, *святой* и др.;

2) слова отвлеченной лексики: *беззаконие*, *благодаяние*, *грех*, *сотворить*, *упование* и др.

Наше внимание привлекло обилие старославянизмов в учебных текстах. Изучив литературу, мы попытались рассмотреть тексты одной из тем «Беларусь во второй половине 13 – середине 16 в.» из учебника «История Беларуси». В ходе анализа нами было выбрано около 70 старославянских языковых единиц, например: *брань, сражение, возводить, изложить, предел, разный, единение, надежда, польза, крест, согласие, свойство* и др. Было интересно исследовать материал, находить фонетические, словообразовательные и семантические признаки этих давних слов. Некоторые из них имеют явно устаревший оттенок. Это историзмы и архаизмы, например: *торжище, суесловие, кормчий, ловчий, персты* и др. Однако следует отметить, что многие старославянизмы гармонично вплелись в ткань современных русских учебных текстов и не воспринимаются как заимствованные. Они прочно вошли в русский словарный запас в качестве единственных наименований тех или иных понятий: *враг, время, одежда, жажда, пища, совесть, храбрый* и др.

Таким образом, исследуя учебные тексты, мы пришли к следующим выводам: во-первых, заимствование не говорит о бедности языка. Если заимствованные слова и их элементы усваиваются языком по своим нормам, преобразуются по потребностям «берущего» языка, то это свидетельствует как раз о силе, о творческой активности этого языка. Во-вторых, иноязычные слова (в нашем случае старославянизмы) явились бесценным источником обогащения русского языка.

БАРАТОВА С.

ОБРАЗ РЕБЕНКА КАК ОДНА ИЗ ИПОСТАСЕЙ ЛИРИЧЕСКОЙ ГЕРОИНИ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Лирическая героиня М. Цветаевой имеет много ипостасей. И все же читатель ассоциирует ее прежде всего с женщиной, которая трагически переживает то, что видит вокруг, то, что чувствует внутри себя. Реже говорится о том, что в стихотворениях М. Цветаевой зачастую рисуется ребенок, обитатель идеального мира. Лирическая героиня проводит большое количество времени за чтением книг, находя в этом особую радость:

Сколько книг! Какая давка!

Сколько книг! Я все прочту!

В сердце радость, а во рту

Вкус соленого прилавка. («За книгами») [1].

Для раскрытия образа и наполнения его индивидуальными чертами поэт привлекает сказочных и книжных героев и персонажей. В стихотворениях часто фигурируют феи, колдуны, принцы, принцессы и др. Мир книг в раннем

творчестве Цветаевой сливается с миром детского сознания, по сути два этих мира тождественны друг другу и образуют единый идеальный мир, которому противостоит мир взрослых, изначально враждебный всему существу лирической героини по двум причинам. Во-первых, он в прямом смысле слова ограничивает ее свободу, что демонстрирует используемый в нескольких стихотворениях образ что-либо запрещающей или за что-либо ругающей матери (или кого-либо другого из взрослых). Как следствие, звучит жалоба лирической героини в стихотворении «За книгами»: «Надоело... жить... на свете, / Все большие – палачи» [1].

Во-вторых, мир взрослых ограничивает свободу души и мысли в целом: «Что для взрослых – вериги, / Для шалуньи, как ты, для свободной души – волшебство» («Волшебство») [1].

Говоря о свободе души ребенка, Цветаева автоматически определяет душу взрослого как несвободную. Дети наделяются даром иного видения мира и иного знания о мире:

Мы старших за то презираем,
Что скучны и просты их дни...
Мы знаем, мы много знаем
Того, что не знают они! («В зале») [1].

Мы обе – феи, но большие (странно!)
Двух диких девочек лишь видят в нас.
Что ясно нам – для них совсем туманно («Наши царства») [1].

Именно поэтому взросление воспринимается как трагедия: «О, для чего я выросла большая? / Спасенья нет!» («В пятнадцать лет») [1].

Мир детства видится не только как пора беспечности и беззаботности, но и как мир, обладающий высшими ценностями и хранящий лучшие человеческие качества: «О, золотые времена, / Где взор смелей и сердце чище!» («Книги в красном переплете») [1].

Вступление во взрослую жизнь означает для лирической героини Цветаевой переход из идеального мира в мир действительный, утрату способности видеть невидимое. Иными словами, это вхождение в реальность, которой она не приемлет уже в самых ранних своих стихотворениях. Категорическое отрицание действительности ярко выражено в стихотворении «Молитва» (1909), в котором героиня, понимая, что пришла пора взросления, обращается к Богу с просьбой о смерти: «О, дай мне умереть, покуда / Вся жизнь как книга для меня» [1].

Детство в картине художественного мира М. Цветаевой – это гораздо больше, чем просто определенный отрезок жизненного цикла. Можно утверждать, что это сама по себе целая жизнь, вслед за которой начинается другая, совершенно новая, иная и, можно сказать, худшая. Тоска по детству

звучит во многих стихотворениях:

Широкий мир твой взгляд зажег,
Но счастье даст тебе ль?
Зачем переросла, дружок,
Свою ты колыбель? («Подрастающей») [1].

Стремлением вернуться в мир детства наполнен цикл стихотворений «Ока»: «Детство верни нам, верни / Все разноцветные бусы», «Раннее детство верни мне / И березки на тихом лугу», «Старый сад шумит за старым домом... / Почему не маленькие мы?» [1].

В то же время в некоторых ранних стихотворениях уже присутствует тема одиночества, вызванного упомянутым выше разрывом в сознании лирической героини, которая, противопоставляя себя действительности, находится между двумя мирами: с одной стороны, ее собственный, иллюзорный мир, а с другой – мир действительный, который она не принимает, но в то же время и рвется в него, будучи не в силах выдержать одиночества.

Так или иначе, М. Цветаева входит и во взрослый мир, однако стремление искренне, полно, честно чувствовать окружающее ее богатство жизни остается характерной чертой творчества поэта навсегда.

Литература:

1. Цветаева, М. Стихи [Электронный ресурс] / М. Цветаева. Режим доступа : <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/cvetaeva.html> . – Дата доступа: 24.04.2017.

БАТУРА В.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ СОДЕРЖАНИЕ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ: ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ

В языковых единицах кодируется значимая культурная информация, так как язык каждого народа – это отражение его культуры. Эта информация является объектом лингвокультурологии – новой дисциплины, возникшей на стыке лингвистики и культурологии.

Лингвокультурную информацию способны хранить многие единицы лингвокультурологии – мифологемы и архетипы, обряды и поверья, эталоны и стереотипы, символы и метафоры, паремии и фразеологизмы. Среди последних заметное место занимают устойчивые сравнения (далее УС), или компаративные фразеологизмы.

В филологии существует ряд дефиниций сравнения, однако в каждом случае сравнение предполагает «сопоставление одного предмета или явления (*субъекта сравнения*) с другим предметом или явлением (*объектом сравнения*)

на основании каких-либо признаков (*основа сравнения*) с целью более точного и одновременно образного описания первого» [2, с. 669]. Образованию сравнения предшествуют два взаимосвязанных этапа: во-первых, выявление общего признака предметов, во-вторых – сравнение предметов на его основе. Оба этапа связаны с интеллектуальной деятельностью человека, и уже поэтому сравнение содержит лингвокультурную информацию: характеризуя субъект, человек отбирает из картины мира для сопоставления объекты, отражающие его время, его жизненное пространство, его ценности. Национальная специфика устойчивых сравнений проявляется как раз в различии избранных эталонов сравнения и стереотипных представлений. Это «способ познания мира, способ закрепления результатов этого познания в культуре [4, с. 147],

В научной литературе принято различать сравнение логическое («буквальное», «обыденное»), когда сопоставление проводится на основе признака, в одинаковой степени присущего и субъекту, и объекту, и образное («фигуральное»), основанное на уподоблении логически несоотносимых понятий [5, с. 162–163]. Устойчивые сравнения могут иметь общую логическую основу, однако они являются не просто способом наименования окружающей действительности, но и весьма ярким средством ее эмоциональной оценки, потому что характеризуют человека, явления природы, повседневные ситуации образно, экспрессивно, наглядно. Как итог, в их содержании выступает лингвистическая, психологическая и национально-культурная информация.

Оформляются устойчивые сравнения в русском языке обычно как союзные конструкции: *толстая как квашня, расцветсти словно роза*. Реже встречаются сочетания, который содержат так называемый «творительный сравнения»: *жить барином*. Мы рассмотрим сравнения с союзом *как*.

Материалом для исследования послужили устойчивые сравнения из «Краткого тематического словаря устойчивых сравнений» Л.А. Лебедевой [3]. Основания сравнения здесь могут различаться, и это позволяет группировать УС по значению. Ограничим рамки анализа семантической подгруппой УС, характеризующей внешность женщины (она субъект сравнения). С учетом области эталонов сравнений, существующих в русской культуре, можно классифицировать устойчивые сравнения, характеризующие внешность женщины, следующим образом: 1) женщина – сказочный персонаж; 2) женщина – человек определенного социально-возрастного статуса; 3) женщина – название насекомых, птиц, животных; 4) женщина – название растений; 5) женщина – название веществ, предметов.

Область эталонов «женщина – сказочный персонаж» представлена в УС, описывающем волосы: *распущенные как у русалки* – обычно о длинных прямых волосах женщины, не убранных в прическу. Русалка – персонаж славянского фольклора, утопленница, которая в славянской мифологии предстает как девушка, увлекающая мужчин длинными распущенными

волосами (откуда и пошло слово «распущенность»). Сравнение может в этом случае нести отрицательную оценку, так как содержит указание на несоответствие общепринятым нормам. С другой стороны, русалки представляются красивыми девушками, поэтому УС *распущенные как у русалки* имеет и положительные смыслы.

В сравнениях может быть выражено общее экспрессивно-негативное впечатление о внешности, если эталоном выступает слово *ведьма*. В фольклоре ведьма – это злая колдунья, обладающая опасными знаниями. В древних поверьях она предстает как сердитая седая старуха с некрасивым, морщинистым лицом, крючковатым носом и бородавками на лице; отсюда и сравнения *страшная как ведьма, растрёпанная как ведьма*.

К названной группе примыкают компаративные фразеологизмы *красивая как кукла/куколка, нарядная как кукла/куколка, одеваться как кукла/куколка* – о красиво одетой женщине. В словаре Л.А. Лебедевой они имеют помету «одобрит», употребляются в положительном значении, на что указывает наличие вариантной формы УС со словом *куколка* [3, с. 50]. Однако слово *кукла* в переносном смысле может называть щеголевато одетую, но бездушную и пустую женщину, поэтому УС с названным словом потенциально содержат негативные компоненты смысла.

Область эталонов «женщина – человек определенного социально-возрастного статуса» представлена в УС, где объект сравнения назван словами *королева, старуха, девочка*. УС *одеваться как королева* имеет одобрительный смысл и при этом обладает экспрессивными компонентами смысла, так как характеризует не просто нарядную, но и богато одетую женщину [3, с. 52]. Ориентированные на эталоны названной области другие УС, в структуре которых выступают названия лица по возрастному статусу, используются для характеристики фигуры женщины. Если молодая женщина горбится, тяжело ходит, то используют устойчивое сравнение, несущее отрицательную оценку: *сутулая, сгорбленная как старуха*. Стройную, тоненькую женщину характеризует УС *тонкая как девочка*.

В определенной мере синонимичным по отношению к последнему сравнению является компаративный образ, соотносимый с миром живой природы, в частности – насекомых, который тоже используется для описания фигуры женщины (*тонкая <в талии> как оса*) или самой талии (<*тонкая*> *талия как у осы*) (обычно об очень тонкой женской талии [3, с. 45]) Оба сравнения имеют позитивную коннотацию благодаря конкретному, зрительно воспринимаемому образу-эталону.

К этой области эталонов можно отнести и устойчивое сравнение с птицами, используемое для характеристики темноволосых и смуглых женщин: *черная как галка*. Хотя в словаре сравнений при этой ФЕ нет особых помет, УС несет негативные смыслы, так как для русского национального мировосприятия

красота ассоциируется с понятием «белый» (это символ света, чистоты, непорочности [1, с. 34]), а черный цвет в фольклорной и речевой традиции – это символ зла, лжи, грязи, агрессивности [1, с. 35]. Кроме того, *галка* считается символом непостоянства, завистливости и тщеславия (так ее толкует, например, русский народный сонник).

Предельно ярко выражена негативная коннотация в УС *тощая как <драная> кошка* – ‘худая, жалкая, потасканная женщина’ [3, с. 46]. Эту коннотацию обуславливает слово-стимул *тощая*, изначально выражающее негативный оценочно экспрессивный смысл, и определение при объекте сравнения: *драная кошка*.

УС, в структуре которых объекты сравнений представлены названиями растений (*роза, мак*), восходят к народнопоэтическому творчеству. Культурные коннотации программируются в них словом-стимулом метафорического характера (*цвести, расцвести*) и имеют исключительно позитивное значение ‘*расцвести как роза; как маков цвет* ‘быть, становиться привлекательной (о девушке, молодой женщине)’ [3, с. 50]. Вообще, если объект сравнения заведомо обозначен как позитивно оцениваемое явление, то общее содержание сравнения тоже будет иметь соответствующую коннотацию, сравним: *Красивая, прекрасная как майский день* [3, с. 50].

В качестве объекта сравнения в структуре УС используются и книжные образы, чуждые народной речи («женщина – название веществ, предметов»). Например, ослепительно белую кожу женщины характеризует книжное сравнение *белый как алебастр*. Греческий термин *алебастр* называет разновидность имеющего белоснежный цвет гипса, который на протяжении многих столетий использовали для изготовления статуй. Сравнение *белый как алебастр* образно характеризует привлекательную белизну лица или кожи, но одновременно вызывает представление о холодной, неодушевленной красоте, подобной красоте статуи.

Если эталон сравнения взят из бытовой сферы, представляет собой обыденные предметы или вещества, то сравнение, как правило, имеет негативную культурную коннотацию. Например, сравнение *толстая, рыхлая как квашня* (квашня – это забродившее тесто) употребляется как презрительное, потому что речь идет о толстой, бесформенной женщине [3, с. 44]. Противоположный образ предстает в УС *плоская как доска*, неодобрительно характеризующем очень худую, плоскогрудую женщину [3, с. 43]. Оба УС характерны для просторечия, имеют сниженную стилистическую квалификацию.

Анализ лингвокультурного содержания устойчивых сравнений, характеризующих внешность женщины, позволяет сделать интересные выводы. Эти фразеологизмы компаративного характера способны реализовать значимые национально-культурные смыслы не только потому, что принадлежат к

фразеологии, но и потому, что в их структуре часто закрепляются языковые единицы с уже сформированным культурологическим содержанием. К ним относится русская безэквивалентная лексика (*квашня*), обозначения мифологических существ (*русалка, ведьма*), символы (*галка*), метафоры (*кукла, королева*), в том числе народнопоэтические (*роза, маков цвет*). Вместе с тем в устойчивых сравнениях закреплена и культурная информация, отражающая обыденные наблюдения носителей русского языка: *как майский день, как оса, как старуха, как девочка*. Оценочное содержание устойчивых сравнений, предназначенных для характеристики женщины, во многом определяется именно исходными коннотациями слов, именующих объекты сравнений.

Литература:

1. Аграшенков, А. В. Психология на каждый день. Советы, рекомендации, тесты / А. В. Аграшенков. – М. : Вече, 1997. – 480 с.
2. Культура русской речи : Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – 2-е изд., испр. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 840 с.
3. Лебедева, Л. А. Устойчивые сравнения русского языка : краткий тематический словарь / Л. А. Лебедева. – М. : Флинта, 2011. – 300 с.
4. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
5. Москвин, В. П. Стилистика русского языка. Теоретический курс / В. П. Москвин. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – Ростов н/Д : Феникс, 2006. – 630 с.

БЕЛЬТЮКОВ В.

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЖУРНАЛЫ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Литературно-художественные журналы, по мнению доктора политических наук профессора Ю. Головина, «чуть ли не единственная группа изданий в годы перемен в системе массовой информации современного общества, которые не растеряли своих типологических характеристик, основной из которых является сохранение и популяризация важнейших национальных и мировых культурных ценностей» [2].

Литературно-художественные журналы «Нёман», «Новая Немига литературная», «ЛИК» представляют важную составляющую современной литературной периодики Беларуси. Имея уникальный путь становления и развития, эти издания сохраняют в себе лучшие традиции классических литературных журналов. Определяющим фактором редакторской концепции

изданий является языковая политика, выраженная в публикации русскоязычных произведений и материалов, что, в свою очередь, объединяет эти журналы в единое информационное поле.

Журнал «Нёман» появился в 1945 году и существовал в годы не только сильного идеологического контроля, но и во время появления и становления лучших представителей писательского сообщества советского периода, когда хорошая классическая литература выступала в роли одного из главных общественно-политических и нравственно-этических ориентиров общества. Журнал «Новая Немига литературная» возник на заре появления независимого белорусского государства, в эпоху глобальных потрясений и трансформаций. Журнал «ЛИК», первый номер которого появился в наши дни, отражает в определенной степени современные тенденции развития литературного процесса региона.

В современном медийном пространстве Беларуси русскоязычные литературно-художественные журналы играют важную роль в развитии литературного процесса. Представляя на своих страницах многообразный мир русскоязычной и русской литературы, эти издания способствуют обогащению литературной составляющей белорусского государства.

Одним из важнейших моментов в деятельности литературных журналов является наличие в этих изданиях литературно-критических разделов. Хотя литературная критика, судя по последним исследованиям, потеряла свое первоначальное значение и влияние, тем не менее, наличие критических статей на журнальных страницах оказывает благотворное воздействие на развитие литературного процесса. Художественные журналы выступают в роли своеобразных школ литературного мастерства, особенно по отношению к начинающим авторам. В современном литературном мире периодические издания выполняют функции ориентира, позволяющие читателю определиться в выборе высокохудожественных произведений.

Произведения художественной литературы являются доминантными на страницах рассматриваемых литературных журналов. Материалы научно-популярного и публицистического содержания представлены в виде расширенных заметок и рецензий, без которых немыслима полнота отображения литературных процессов.

Проблемно-тематическое поле журналов «Нёман», «Новая Немига литературная», «ЛИК» обусловлено целым рядом факторов: историко-культурной ситуацией и общественными процессами, сопровождавшими становление советской и «новой» постсоветской литературы, неопределенным статусом русскоязычных авторов в условиях национально-возрожденческого вектора развития литературы Беларуси, а также амбивалентностью картины мира русскоязычных авторов-белорусов, которая всё же транслирует «модус белорусской ментальности» [1] языковыми средствами русского языка. Этот

внутренний разрыв порождает уникальный литературный феномен, который нельзя идентифицировать с понятием «русская литература Беларуси», являющейся частью и отражением русского мира, его иного ментального видения. Данная проблема вызывала и вызывает сегодня немало дискуссий в литературоведческой среде, но большинство исследователей этого феномена, понимающих его сложность и многогранность, предлагают применять для определения его культурного статуса единый термин, невзирая на обозначение им двух явно нетождественных явлений.

На страницах журналов публикуются не только «русскопишущие» белорусы, но и русские, так или иначе связанные с Беларусью, а также эмигранты, искренне преданные русскому слову. Поэтому русскоязычная литература Беларуси являет собой сегодня пёстрый и весьма ощутимый пласт всей художественной литературы республики, напоминающий лоскутное одеяло. Ежегодно эта литература пополняется новыми яркими литературными именами, самобытными произведениями поэзии, прозы и драматургии.

История возникновения белорусских русскоязычных литературных журналов различна, как различны и предпосылки их появления. Литературное творчество русскоязычных авторов Беларуси представляет особый ценный пласт для мультикультурного белорусского общества, востребовано читателями и авторами. Реализация творческого потенциала и творческих амбиций русскоязычных писателей, удовлетворение естественного читательского спроса – вот задачи, которые успешно решают русскоязычные литературно-художественные журналы «Нёман», «Новая Немига литературная» и «ЛИК».

Литература:

1. Андреев, А. Н. Русская (русскоязычная) литература Беларуси: проблемы становления [Электронный ресурс] / А. Н. Андреев. – Режим доступа: <http://www.litkritika.by/categories/literatura/11/856.html>. – Дата доступа: – 10.09.2017.
2. Головин, Ю. А. Региональные литературно-художественные журналы в постсоветский период: структурно-функциональные особенности [Электронный ресурс] / Ю. А. Головин. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com>. – Дата доступа: 10.09.2017.

БОРАНОВ А.

ИЗУЧЕНИЕ ТЕМЫ «ГЛАГОЛ» ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ

Основная цель обучения русскому языку в школе – научить детей «свободно владеть русским языком во всех видах речевой деятельности в различных сферах и ситуациях общения». Глагол является основной частью речи в любом языке, так как именно этот элемент морфологического уровня организует текстовое пространство, ориентирует высказывание на речевую ситуацию. Научить школьников правильно использовать в речи глагольные формы является для учителя первейшей задачей при изучении грамматики.

Предметом исследования в нашей работе стали методы и приемы, применяемые учителем при формировании у учащихся культуры речи в процессе изучения темы «Глагол».

Методологическая база нашего исследования – теоретические труды по стилистике и культуре речи Г.О. Винокура, Б.Н. Головина, И.И. Зарецкой, Г.К. Трофимовой и др., а также данные лингвистических словарей. Кроме того, нами были использованы пособия по методике преподавания русского языка и действующий учебник по русскому языку для 7 класса для школ Республики Беларусь.

Как известно, термин «культура речи» в современной науке не имеет однозначного толкования: под ним понимают, во-первых, владение нормами устного и письменного литературного языка (правилами произношения, ударения, словоупотребления, грамматики, стилистики); во-вторых, культура речи – это раздел языкознания, исследующий проблемы нормализации с целью совершенствования языка как орудия культуры. Тремя компонентами, составляющими культуру речи, являются нормативный, коммуникативный и этический. Эти три компонента в полной мере должны быть реализованы на уроке русского языка.

Глагол в школьной программе входит в большой раздел «Морфология». Эта часть речи (глагол и его формы – причастие и деепричастие) – изучается в 7 классе [1, с. 38–167].

Каждая часть речи в школе, в том числе и глагол, изучается по определенному плану: а) общее значение; б) морфологические признаки; в) синтаксическая функция.

В теме «Глагол» в 7 классе изучаются: общее категориальное значение глагола как части речи (обозначает действие или состояние предмета), основные свойственные глаголу постоянные морфологические категории (вид, переходность, возвратность, спряжение) и непостоянные признаки (наклонение, время, лицо, число и род в прошедшем времени), а также способность глагола

занимать в предложении различные синтаксические позиции. Включена тема «Словообразование глагола». Много внимания уделено текстообразующей роли глагола [2].

В десятом классе все знания, полученные о глаголе в базовой школе, углубляются и расширяются. Весь материал, который изучался ранее, теперь рассматривается с точки зрения функционирования в речи, в тексте. Ориентировка языкового материала на речь (текст) обусловила определенную последовательность изучения глагола и его форм в X классе: 1) систематизация и повторение основных сведений о глаголе как части речи; 2) усвоение морфологических норм и правил функционирования глагольных форм в речи; 3) уяснение стилистического потенциала глагола и его форм, определение их текстообразующей роли [3, с. 83].

Рассмотрев имеющуюся методическую литературу по теме, мы предложили некоторые образцы заданий, которые помогут школьникам при усвоении грамматической, орфографической и пунктуационной нормы по теме «Глагол». Именно эти нормы обозначены как основные в программе по русскому языку [4, с. 21–24]. Предложенные нами задания касаются самых проблемных моментов данной темы и направлены на устранение типичных ошибок в речи школьников.

Усвоение грамматической нормы при изучении темы «Глагол» связано, прежде всего, с изучением его категорий и с умением правильно образовывать ту или иную глагольную форму. Школьный курс охватывает грамматические нормы: правильное образование и употребление в речи форм наклонения и времени глаголов, правильное употребление глаголов несовершенного и совершенного вида (*ловить – поймать, класть – положить, бежать, хотеть, есть, дать*), правильное образование и употребление причастий, правильное построение предложений с причастным оборотом, согласование причастий, употребляемых в причастном обороте, с определяемым существительным.

Для отработки грамматической нормы при изучении темы «Глагол» детям предлагается следующее задание: найти и исправить ошибки, допущенные при построении предложений с причастными оборотами. Например: *Посеребренное море пеной казалось синим до черноты. Далеко за лесом сквозь разрывы облаков хлынул поток желтовато-белого света, залитого весь пейзаж* [и др.].

Орфографическая норма. Главной орфограммой глаголов является «Правописание гласных в безударных окончаниях глаголов». Эта орфограмма не новая для учащихся, поэтому в учебнике отсутствует правило, объясняющее ее. Может вызвать определенные трудности орфограмма «Гласные в глагольных суффиксах -ова- (-ева-), -ыва- (-ива-)», так как в русском языке существуют глаголы, которые при одинаковом написании имеют разный морфемный состав. Ср.: *высаж-ива-ть – разби-ва-ть, заноч-ева-ть – засе-ва-*

ть. Поэтому изучение этой темы необходимо начать с морфемного разбора слов. Орфограммы «Написание *бы (б)* в форме условного наклонения глаголов» и «Написание букв *ь, и* в форме повелительного наклонения глаголов» отрабатываются при изучении тем «Условное наклонение» и «Повелительное наклонение». При работе над этими орфограммами внимание учащегося акцентируется не только на написании, но в большей степени на образовании этих форм: они образованы от изначально измененного глагола (условное наклонение – от формы прошедшего времени, повелительное – от основы настоящего / будущего времени).

Закреплять орфографический навык ученики могут, выполняя упражнения из учебника. Например, упражнение № 261 [2, с. 139] направлено на закрепление темы «Слитное и раздельное написание *не* с причастиями». Это упражнение содержит несколько заданий, поэтому его целесообразнее выполнять по вариантам: 1-ый вариант выполняет задание А, 2-ой – Б, 3-ий – В. На закрепление темы «написание *н* и *nn* в кратких формах причастий и прилагательных» направлено упражнение № 256 [2, с. 137].

Пунктуационная норма при изучении глагола затрагивает только пунктуацию при причастных и деепричастных оборотах, а также при одиночных причастиях и деепричастиях.

При формировании пунктуационной нормы «Знаки препинания при деепричастном обороте» необходимо опираться на правила постановки знаков препинания при причастном обороте. Работая над закреплением этого правила, учитель особое внимание должен уделять его графическому оформлению в тетрадях учеников, так как именно это в дальнейшем поможет детям видеть причастные и деепричастные обороты в тексте и правильно расставлять знаки препинания при них. Например:

1. Терпеливо, притаившись на одной ноге, ^{что сделав?} поджидает лягушек цапля. х
2. За окном, смывая поблекшие краски лета, ^{что делая?} шуршит и плещет дождь. х

Задания, предложенные нами, направлены на то, чтобы ученик понял суть изучаемого явления и в последующем смог видеть данное явление в тексте и речи.

В целом работа по обучению культуре речи при изучении темы «Глагол» охватывает большое количество материала и является достаточно сложной. Чтобы ученики эффективней усваивали материал, учителю необходимо его правильно систематизировать.

Положительными сторонами изложения темы «Глагол» в школьном курсе является реализация принципа межуровневых и внутри уровневых связей при изучении темы, что предполагает установление зависимости, с одной

стороны, между единицами одного уровня (их изменения под влиянием друг друга) и, с другой стороны, между единицами разных уровней (возможность или невозможность функционирования).

Литература:

1. Русский язык : учебник для 7-го кл. учреждений общ. сред. образования с белорус. и рус. яз. обучения / Л. А. Мурина [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Нац. ин-т. образования, 2015. – 320 с.
2. Русский язык в 7 классе : учеб.-метод. пособие для учителей учреждений общ. сред. образования с белорус. и рус. яз. обучения / Л. А. Мурина [и др.]. – Минск : Нац. ин-т. образования, 2011. – 152 с.
3. Русский язык в 10 классе : учеб.-метод. пособие для учителей общеобразоват. учреждений с белорус. и рус. яз. обучения / Л. А. Мурина [и др.]. – Минск : Нац. ин-т. образования, 2010. – 232 с.
4. Русский язык V – XI классы : учебная программа для общеобразовательных учреждений с белорусским и русским языками обучения. – Минск : Нац. институт образования, 2009. – 44 с.

БОСАК Н.

ЖАНР РЕПОРТАЖА В БЕЛОРУССКИХ ИНТЕРНЕТ-СМИ

Для выявления особенностей жанра репортажа мы проанализировали контент белорусских интернет-порталов «TUT.BY» и «Onliner.by» за 2016 г.

Как указано на сайте, «TUT.BY» – «это информационно-сервисный интернет-портал для всех, кто живет в Беларуси или интересуется событиями страны из-за рубежа. Ежедневно портал публикует более 200 новостей о белорусских и зарубежных событиях, готовит собственные материалы, аналитические обзоры, размещает видеорепортажи, проводит онлайн-трансляции» [6]. Редакция тщательно следит за тем, чтобы информация была актуальной, интересной, профессионально созданной, разножанровой и неангажированной. Портал дает каждому возможность находить и получать информацию по интересам, помогает пользователям сформировать свое отношение к событиям и способствует общению между читателями. Как заявляют сотрудники портала, его целевая аудитория – это все пользователи белорусского сегмента интернета (население страны, а также те, кому интересна жизнь и события Беларуси). На данный момент это более 5 миллионов пользователей, выходящих в интернет хотя бы 1 раз в 3 месяца.

В месяц на портале «TUT.BY» в разделе «Брест и Брестская область» публикуется в среднем 173 материала. За период исследования (2016 г.) вышло

более 2000 материалов. Методом сплошного подсчета определено, что за указанный период опубликовано 100 текстов в жанре репортажа, что составляет 4,82 % от общего количества опубликованных материалов.

Из выделенных 100 публикаций 84 – оригинальные, а 16 – взяты из других СМИ. Видовое соотношение: событийный репортаж – 22 материала, познавательно-тематический репортаж – 47, проблемный репортаж – 24, проблемно-событийный репортаж – 6, познавательно-проблемный – 1. Как видим, на портале «TUT.BY» лидирует познавательно-тематический репортаж, который по своим характеристикам близок к художественно-публицистическому роду текстов.

В манифесте портала «Onliner.by» заявлено: «Предоставлять читателям максимально полную, непредвзятую и точную информацию о технике, а также помогать покупателям находить лучшие модели по минимальным ценам» [4]. Стратегия редакционной политики – «статьи и новости сайта «Onliner.by» отражают только точку зрения автора. Материалы, размещенные на сайте, не продаются ни в каком виде. У нас нет заказных статей, новостей или обзоров» [4].

На «Onliner.by» в месяц публикуется в среднем 3000 материалов. За период исследования опубликовано около 36000 материалов, из них в жанре репортажа, имеющих отношение к Брестскому региону, – 12 текстов, что составляет 0,03 % от общего количества.

Отобранные 12 текстов классифицированы следующим образом: событийный репортаж – 1, познавательно-тематический репортаж – 8, проблемный репортаж – 1, познавательно-проблемный – 1, проблемно-событийный – 1.

Одно из немаловажных различий в функционировании репортажа на указанных порталах состоит в том, что большую часть репортажей по Брестскому региону на «TUT.BY» пишет собственный корреспондент Станислав Коршунов. Из ста найденных нами репортажей ему принадлежит 53, и это без учета публикаций, имеющих авторство «TUT.BY». Между тем есть и другие журналисты, работающие в жанре репортажа, например, Ольга Лойко («Это высший пилотаж у молочников». За счет чего «Савушкин продукт» уходит в отрыв) [3], Дарья Шупенька («А вы ощущаете праздник? По-моему, обычное воскресенье»: как проходит День независимости в Бресте) [8] и другие. Этот жанр используется также при создании специальных проектов, например, репортаж Ирины Тарима (Редкие иконы, яйца Фаберже и антиквариат. Репортаж из музея «Спасенные художественные ценности» [7]).

У интернет-портала «Onliner.by» собственного корреспондента по Брестскому региону нет, поэтому репортажи создают разные журналисты: Николай Градюшко «Зимний отдых по-белорусски: стоит ли ехать в Беловежскую пушу» [1], Настасья Занько «Душевный фотофакт о лодочных гаражах в Пинске: “На свои хобби люди могут и десятки тысяч долларов

спускать» [2], Никита Мелкозеров «“Мне было 30 лет, и у меня ничего не было”. Как агроном из-под Ляховичей изменил свою жизнь и стал капралом в Иностранном легионе» [5] и другие.

На порталах «TUT.BY» и «Onliner.by» на первый план выходят познавательные-тематические репортажи. В зафиксированных нами текстах репортажей чаще всего затрагиваются явления социально-бытовой сферы жизни общества. Журналисты акцентируют внимание на важных социальных проблемах. А «эффект присутствия» – характерный для репортажа структурно-содержательный принцип – позволяет передать остроту восприятия аудиторией той или иной ситуации. В этом плане преуспели журналисты «TUT.BY», в то время как «Onliner.by» делает упор на личные истории жизни необычных людей.

Жанровые характеристики репортажа позволяют современному журналисту успешно решать важнейшие задачи по отражению событий и фактов действительности. В онлайн-пространстве жанровая модель репортажа трансформируется, адаптируясь к новым условиям функционирования. На сегодня ведущие порталы белорусского медиапространства успешно освоили только один вектор трансформации – визуализацию, между тем как функционально-смысловое поле онлайн-репортажа значительно богаче.

Литература:

1. Градюшко, Н. Зимний отдых по-белорусски : стоит ли ехать в Беловежскую пуцу? [Электронный ресурс] / Н. Градюшко // Onliner.by. – 2016. – Режим доступа : <https://realt.onliner.by/2016/12/23/belovezh>. – Дата доступа : 16.05.2017.
2. Занько, Н. Душевный фотофакт о лодочных гаражах в Пинске : «На свои хобби люди могут и десятки тысяч долларов спускать» [Электронный ресурс] / Н. Занько // Onliner.by. – 2016. – Режим доступа : <https://people.onliner.by/2016/10/24/fotofakt-50>. – Дата доступа : 16.05.2017.
3. Лойко, О. «Это высший пилотаж у молочников». За счет чего «Савушкин продукт» уходит в отрыв [Электронный ресурс] / О. Лойко // TUT.BY. – 2016. – Режим доступа : <https://news.tut.by/economics/488268.html>. – Дата доступа : 16.05.2017
4. Манифест [Электронный ресурс] / Onliner.by // Onliner.by. – 2017. – Режим доступа : <http://blog.onliner.by/manifest>. – Дата доступа : 16.05.2017
5. Мелкозеров, Н. «Мне было 30 лет, и у меня ничего не было». Как агроном из-под Ляховичей изменил свою жизнь и стал капралом в Иностранном легионе [Электронный ресурс] / Н. Мелкозеров // Onliner.by. – 2016. – Режим доступа : <https://people.onliner.by/2016/10/14/mc-legioner>. – Дата доступа : 16.05.2017.
6. О компании TUT.BY [Электронный ресурс] / TUT.BY // TUT.BY. – 2017. – Режим доступа : <https://tutby.com/about/>. – Дата доступа : 16.05.2017

7. Тарима, И. Редкие иконы, яйца Фаберже и антиквариат. Репортаж из музея «Спасенные художественные ценности» [Электронный ресурс] / И. Тарима // TUT.BY. – 2016. – Режим доступа : <https://news.tut.by/culture/500982.html>. – Дата доступа : 16.05.2017.
8. Шупенька, Д. «А вы ощущаете праздник? По-моему, обычное воскресенье» : как проходит День независимости в Бресте [Электронный ресурс] / Д. Шупенька // TUT.BY. – 2016. – Режим доступа : <https://news.tut.by/society/502949.html>. – Дата доступа : 16.05.2017

БОТВИНА И.

АРТ-ЖУРНАЛИСТИКА В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

В современную белорусскую журналистику с ходом времени все больше проникают западные стратегии создания текстов, такие, как гонзо-журналистика и арт-журналистика. Арт-журналистика появилась в постсоветской прессе в 1990-х годах как новый заграничный рецепт обработки культурных кодов, фиксируемых корреспондентом. Уже более 20 лет продукты арт-журналистики функционируют в системе периодической печати РБ. Площадками для развития культурной журналистики служат медийные издания. Анализ современных белорусских арт-изданий поможет создать портрет арт-журналистики.

По данным статистики Министерства информации РБ, на 1 апреля 2017 года в государственном реестре СМИ зарегистрировано 1616 печатных изданий, в числе которых 733 газеты и 840 журналов.

Из общего числа печатных СМИ Беларуси нами было обнаружено приблизительно 20 периодических изданий, которые по содержательной направленности относятся к культурным. Арт-издания составляют около 1 % от общего количества печатных изданий. К их числу следует добавить и интернет-издания, не имеющие принт-версии.

В последнее десятилетие XXI века в интернете образовалось медиaprостранство, предлагающее читателю широкий тематический выбор публицистической продукции. Стали появляться электронные газеты и журналы, не имеющие принт-версии. Из-за возникновения нового информационного полигона и вследствие конкуренции печатные издания начали создавать интернет-версии.

Таким образом, по типу канала коммуникации СМИ разделяются на: принт-издания, имеющие электронную версию («Культура», «Маладосць» «Дзеяслоў», «Нёман», «Полымя», «ARCHE», «Літаратура і мастацтва»,

«Доберман») и онлайн-издания («34mag.net», «Культпросвет», «Дилетант», «Art Aktivist», «Lustra Magazine», «Бинокль», «belmusic.by», «experty.by»).

По виду содержательной направленности культурные издания Беларуси делятся на две группы: общественно-политические («Культура», «Маладосць») и специализированные (литература – «Дзеяслоў», «Нёман», «Полымя», «ARCHE»; музыка – «Пяршак»; все виды искусств – «Культпросвет», «Культура», «Літаратура і мастацтва», «ARCHE», «Art Aktivist», «pARTisan», «Lustra Magazine»). В большей степени нас интересуют специализированные издания, так как в них арт-журналистика развивается активнее.

Предметом отображения арт-журналистики выступает артефакт – произведение искусства, поэтому в основе дифференциации арт-изданий лежит классификация видов искусств. Таким образом, по характеру обращения к тематическим пластам специализированные издания делятся на:

- литературные («Дзеяслоў», «Маладосць», «Нёман», «Полымя», «ARCHE»);
- музыкальные («belmusic.by», «experty.by», «Пяршак»);
- театральные (спецпроект журнала «Art Aktivist» о театре, «Культпросвет»);
- кинематографические (материалы Людмилы Саенковой на сайте «СБ. Беларусь сегодня»);
- многопрофильные («34mag.net», «Культпросвет»).

Искусствовед Ирина Стальная в интервью для журнала «Новая Еўропа» поделилась своим мнением о том, какой должна быть арт-критика Беларуси: «Первым пунктом в системе института арт-критики я бы обозначила образование. А следующим – издательское дело <...> Далее идет существенный параметр – наличие системы актуального искусства с музеями, галереями, художниками. Но самое главное, что определяет всё, – заинтересованность государства» [2]. Нельзя не согласиться с тем, что без поддержки государства арт-издания не смогут долго просуществовать на рынке СМИ, потому что им не будет хватать финансовой помощи и журналистских кадров.

Арт-издания занимают всего 1% от общего числа СМИ Беларуси. По нашему мнению, такого количества медийных площадок недостаточно для полноценного функционирования арт-журналистики. Необходимо увеличить число арт-изданий для того, чтобы создать конкуренцию, которая приведет к улучшению качественных характеристик: контента, дизайна, покупательной способности.

Надо принять во внимание, что за 20 лет своего существования в белорусской прессе арт-журналистика сделала значительный шаг в развитии. Поначалу неотличимая от литературно-художественной критики, она изредка мелькала на страницах изданий. Теперь же арт-журналистике посвящены специализированные издания.

Современные издатели, следуя запросам времени, активно создают медийные площадки в интернете. Каждое издание старается занять свою тематическую нишу, поэтому в последнее десятилетие наблюдается тенденция к возникновению специализированных СМИ. Узкая направленность позволяет сформировать четкую концепцию издания и впоследствии захватить определенный пласт аудитории, заинтересованной в теме. Если арт-площадки продолжают развиваться в прежнем темпе и будут захватывать неосвоенные тематические пласты (архитектуру, живопись, хореографию и др.), то белорусская арт-журналистика выйдет на новый уровень развития, то есть появится система арт-изданий.

Литература:

1. Белевец, А. Арт-критика в Беларуси : европейский опыт и белорусская перспектива [Электронный ресурс] / А. Белевец // Новая Еўропа. – 2011. – Режим доступа : http://n-urope.eu/tables/2011/04/29/art_kritika_v_belarusi_evropeiskii_opyt_i_belarusskaya_perspektiva. – Дата доступа : 24.02.17.
2. Кириллова, Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну / Н. Б. Кириллова. – 2-е изд. перераб. и доп. – М. : Академический Проект, 2006. – 448 с.

БРЕЗИНА В.

МОТИВ ДОМА В ПОВЕСТИ «ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН» В.П. АСТАФЬЕВА

Есть в русской литературе мотивы и образы, за которыми стоят не просто конкретные понятия, но предельно расширенные, обрастающие множеством смыслов. Одним из них в литературе 19 и 20 века является мотив Дома. Дом не только как жилище, местообитание, но как быт и стиль жизни, надёжный привычный, устоявшийся уклад и порядок, традиции, вкусы, культура семьи. Но чтобы Дом, даже если это скромная городская квартира, был не четырьмя стенами, а прибежищем души, необходимо понять его сакральную роль, устройство, образ жизни в русской культурной традиции, литературе. Тем более, что в последнее время смысл заметно расширился. Выражения «Наш общий дом», «Русский дом», «Мировой дом» стали привычными штампами.

Весомый вклад в развитие «сибирского» текста, в частности, текста о культуре семейных отношений и домостроительства сибиряков принадлежит писателю В.П. Астафьеву. Будучи из семьи вынужденных переселенцев (высланных на Север после раскулачивания), он наблюдал за поведением многих таких же людей, окружавших его. В памяти сохранились драматические

ситуации из истории разных человеческих судеб. О ком бы ни писал В.П. Астафьев, он всегда обращался к истокам героев – родительскому дому, умел установить их взаимосвязь с помощью разных художественных деталей. Особенно ярко авторский взгляд на культуру семейных отношений и домостроительства нашел отражение в повести «Последний поклон». В.П. Астафьев изобразил не только детство героя Вити Потылицина, но жизнь и быт сибирской деревни в целом.

Дом может пониматься не только как жилище, местообитание, но и как быт и стиль жизни, устоявшийся уклад и порядок, традиции, культура семьи, как средство раскрытия внутреннего, духовного мира персонажа. Все эти аспекты широко представлены в «Последнем поклоне». Образ-мотив дома является одним из основных в творчестве В.П. Астафьева. Связано это, по-видимому, с многочисленными скитаниями писателя: ребенком писатель теряет мать, затем живет с бабушкой, дом которой становится родным. Потом живет с отцом и мачехой, затем поселяется в доме-интернате. После этого его жизнь связана со съемными квартирами, еще позднее с войной. У Астафьева было много разных домов, но родным домом всегда оставался дом в Овсянке.

Образ дома находит воплощение во многих произведениях писателя, однако именно в «Последнем поклоне» образ дома предстает в книге в разных своих значениях.

В повести «Последний поклон» писатель выделяет два противоположных типа деревенских домов: дом «без кола, без двора» и дом «живой», где все устроено в нужном порядке. Первый тип дома и семейного уклада раскрывается в описаниях семейства Левонтия. Его дом стоял «сам собою, на просторе, и ничего-то ему не мешало смотреть на свет белый кое-как застекленными окнами – ни забор, ни ворота, ни наличники, ни ставни. Даже бани у дяди Левонтия не было, и они, левонтьевские, мылись по соседям <...>» [2, с. 53]. Автор считает, что по окну, еще не заходя в дом, «можно определить, какая здесь живет хозяйка, что у нее за характер и каков обиход в избе» [2, с. 147]. Окна Левонтия не были его украшением, они говорили о полной разрухе как в доме, так и в характерах домочадцев. Сам Левонтий часто пил, пропивая последние деньги, «в теплые вечера выходил на улицу в штанах, державшихся на единственной медной пуговице с двумя орлами, в бязевой рубахе, вовсе без пуговиц», совершенно ничего не делал в доме, а когда «бабушка корила его в окно за безделье, перечисляла работу, которую он должен был, по ее разумению, сделать в доме и вокруг дома, дядя Левонтий благодушно почесывался» [2, с. 231].

В левонтьевской семье писатель отразил подмеченную им на селе тенденцию к забвению опыта домостроительства, разрушению старого семейного уклада. В доме Левонтия царил не только разруха, но и безделье, все члены семьи – «любящие вытягиваться до обеда, отыскивающие в себе

недуги и всякие причины, только чтоб не полоть огород, не пилить дрова, чтоб отлынить от всякого дела» [2, с. 201].

Важной деталью портрета семьи является то обстоятельство, что она не связана в единую цепь с другими звеньями: у левонтьевских нет родственников в деревне. Даже отношения Васени и Левонтия трудно назвать теплыми, семейными: «Тетка Васеня и дядя Левонтий, сколько мне помнится, всегда называли друг друга «он» и «она». Дядя Левонтий чаще: «размазня», «тетеря». Тетка Васеня: «мордоплюй», «костолом», «рестант» и в самые уж обиходные дни, то есть в дни получек: «сам» или «хозяин» [1].

Автор убеждает читателей, что семья, в которой труд и взаимовыручка не в цене, где все живут «одним днем» (по такому же принципу «живут» вставляемые хозяином стекла в доме, возводимый каждую весну забор вокруг огорода), лишена нравственного «ориентира», у ее подрастающих членов семейные ценности не формируются.

В доме и семье Витьки Потылицина все было устроено наоборот. Связующим семью звеном была бабушка Катерина Петровна, которую дедушка называл домашним «генералом». Именно она устанавливала в доме порядок: «Бабушка отстряпалась, сунула нам по пирогу с капустой, загнала нас на печку, вымыла пол, вытрясла половики, в доме стало свежо и светло» [2, с. 44], «Бабушка никогда не позволяла таскаться с кусками хлеба. Ешь за столом, иначе будет худо» [2, с. 228]. Или: «Бабушка рамы вставляла в зиму с толком и неброской красотой» [2, с. 147]. Она умело распоряжалась всеми доходами, откладывала деньги «на черный день», а также помогала дожить до полочки непутевым соседям. Бабушка следила не только за питанием внука, его учебой и работой, но и воспитывала в нем нравственное отношение к окружающему миру. Практически в любых ситуациях бабушка находила такие решения, такие слова, благодаря которым Витя навсегда извлекал для себя ценные нравственные уроки. Катерина Петровна очень любила своих родных.

Бабушка была хранительницей родовых связей. Не случайно именно ее день рождения был самым важным праздником, на который съезжались ее дети и внуки. Катерина Петровна была не только родоначальницей большой семьи, она слыла авторитетным человеком для всей деревни. Именно к ней шли за советом, и не было такого общественного дела, в котором не приняла бы участия бабушка, и не было такого человека, которому отказала бы она в помощи.

Дедушка Вити был по-мужски спокойным, но быстрым на принятие решений; основательно и без надрыва делал свою мужскую работу: «У дедушки на заимке я любил бывать. Спокойно у него там, обстоятельно никакого утеснения и надзора, бегай хоть до самой ночи. Дедушка никогда и ни на кого не шумел, работал неторопливо, но очень уемисто и податливо» [2, с. 61]. Он так же, как и бабушка, способен был на сочувствие и понимание

положения окружающих, поддерживал внука в трудные минуты, подсказывал, как ему поступать.

Таким образом, мотив дома ярко проявляется в повести В.П. Астафьева «Последний поклон». Автор выделяет два типа дома – дом «без кола и двора» Левонтия и гармоничный дом Екатерины Петровны. Дом Левонтия воплощает в себе тенденцию на забвение быта и семейных традиций, а дом Екатерины Петровны олицетворяет идеал Астафьева, именно таким, по его мнению, должен быть дом и семейный уклад. Можно сказать, что В.П. Астафьев, сопоставляя два противоположных быта Левонтия и Катерины Петровны, приводит к пониманию настоящего, нравственного человека, знающего и ценящего свои корни, может воспитать только та семья, которая умеет хранить сложившиеся традиции, где на первом месте стоит воспитание любовью. У такой семьи в доме царит гармония. Именно такой дом для В.П. Астафьева является показателем духовной развитости его обитателей.

Литература:

1. Астафьев, В. Последний поклон / В. П. Астафьев [электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lib.ru/PROZA/ASTAFIEW/poklon.txt>.
2. Астафьев, В. П. Собр. соч. В 15 т. / В. П. Астафьев. – Красноярск : ПИК «Офсет», 1997. – Т.4. Последний поклон. – 464 с.

ВАЛЮК Е.

ЧАСТОТНОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ ВЕТХОЗАВЕТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ЯЗЫКЕ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX–XXI ВЕКОВ

Любая религия несет в себе не только определенные взгляды на мир, но и подкрепляется письменными и историческими источниками. Неопровержим тот факт, что одним из влиятельных священных писаний является Библия. Причем каждый язык постепенно, но верно вбирал в себя и органично осваивал наследие этого общего источника. Даже в советское время, когда активно пропагандировался атеизм и о Библии небезопасно было упоминать, А.М. Бабкин в книге «Русская фразеология, ее источники и развитие» (1970 г.) вынужден был отметить: «В кругу фразеологических единиц современного русского литературного языка заметное место принадлежит тем идиоматическим выражениям, которые своим происхождением связаны с источниками церковно-книжного характера» [1, с. 106]. Новые отношения, возникшие между государством и церковью, признание роли церкви в жизни общества породили новую волну массового интереса к Библии, и, как

следствие, к библейским выражениям. Этот интерес появился не только со стороны публицистов, писателей, простых носителей языка, но и со стороны ученых-лингвистов, лексикографов. Мы ограничимся в рамках данной статьи лишь фразеологизмами, восходящими к Ветхому Завету.

Для оценки значимости отдельных библеизмов для русской культуры необходимо установить их употребительность. Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>) дает возможность проследить частотность использования как отдельных слов, так и целых выражений на различных временных срезах с XVIII до начала XXI века.

Самыми употребительными в XIX–XXI веках оказались ветхозаветные фразеологизмы *святая святых* (74) и *суета сует* (70). Тридцать раз и более встретились выражения *всемирный потоп* (41), *Ноев ковчег*, *корень зла* (по 34). Более 20 раз упоминаются *Содом и Гоморра* (29), *запретный плод* (27), *золотой телец* (25), *вавилонское столпотворение*, *камень преткновения*, *смешение языков* (21).

Остальные исследуемые нами фразеологические единицы встретились менее 20 раз. Частотность некоторых библеизмов на протяжении двухсот лет изменялась несущественно, но это не относится к самым употребительным фразеологизмам (более 30). Довольно равномерно встречаются фразеологизмы *камень преткновения*, *вдохнуть жизнь*, *вавилонская башня*. Такие фразеологизмы, как *Аредовы веки*, *всякой твари по паре*, *древо познания добра и зла*, употребляются редко (менее 10 раз), но также равномерно. Равномерность употребления единиц, которые встретились 5 раз и реже вообще трудно оценить (*Соломонов суд*, *Соломоново решение*, *козёл отпущения*). Устойчивые сочетания *чечевичная похлёбка*, *праведный Лот* встречаются единично.

Выражение *Иов многострадальный* употреблялось во второй половине XIX века, а в XX веке зафиксирован только 1 пример. Почти весь XX век не использовались единицы *казни египетские*, *глас вопиющего в пустыне*, *Мафусаилов век*, *чти отца и мать свою*. Чаще всего во второй половине XIX в. встречались фразеологизмы *валаамова ослица*, *вавилонское столпотворение*.

Сокращение числа библеизмов в XX веке вполне объяснимо, поскольку после социалистической революции 1917 года большинство русскоязычных авторов скрывали свою религиозность или исповедовали атеизм. Но есть и обратный пример: фразеологизм *неопалимая купина* не встретился до XX века.

После революции 1917 года участилось использование библеизмов *Лотова жена*, *Содом и Гоморра*, *тьма египетская*, *корень зла*, *суета сует*. Они передают мрачные и пессимистические настроения, связанные с коренной ломкой общественного устройства («гибель России»), с потерей родины, кровопролитной гражданской войной и т. п.

Частотность фразеологизма *золотой телец* возросла в первые десятилетия XX века, но это прямо связано с выходом книги Д.С. Мережковского «Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи» (1901): поскольку золотой телец изображен на гербе Борджиа, о которых идет речь в книге, этот символ неоднократно обыгрывается.

Употребление идиомы *суета сует* стало более частым в 60-е годы XX века. Это можно объяснить, с одной стороны, «оттепелью»: репрессии остались позади, как и преследования за религиозные убеждения. С другой стороны, экономика страны, разрушенная в 40-е годы войной, в 60-е годы была уже восстановлена, выросло благосостояние людей, а советских идеологов начала беспокоить проблема «мещанства», то есть замены государственных и партийных интересов своими личными, семейными (которые и объявлялись суетой сует).

Следующий период истории, связанный с учащением использования каких-либо библеизмов – это период «перестройки» и особенно первое десятилетие после развала СССР. Во время «перестройки» возрастает частотность выражений *древо жизни* и *запретный плод*. Первое из них 4 раза встретилось в книге Михаила Анчарова «Как Птица Гаруда» (1989), то есть в данном случае причины субъективны и связаны с образной системой отдельного произведения. А вот выражение *запретный плод* встречается у разных авторов, и его частотность не упала до сих пор. Его употребительность выросла в связи с переоценкой ценностей, крушением старой идеологической системы и становлением новой.

После распада СССР стали более частотными фразеологизмы *смешение языков*, *всемирный потоп*, *святая святых*, а также 2 выражения, частотность которых возросла после революции 1917 года: *корень зла* и *Содом и Гоморра*. Все эти фразеологизмы также связаны со сменой идеологических систем, поэтому некоторое совпадение с послереволюционной ситуацией не случайно.

И.П. Назарова заметила увеличение частотности библейских фразеологизмов в заголовках газет, но и некоторое злоупотребление ими. Так, оборот *камень преткновения* стал структурным прототипом для целого потока легковесных «творений» типа: «Льготы преткновения», «Острова преткновения», «Гора преткновения» и т. п. Такое свободное обращение с библейскими фразеологизмами снижает их экспрессивность, их стилистическую выразительность, которую отмечал еще А.М. Бабкин в «безбожном» 1970 году [1, с. 180].

Наше исследование показывает, что употребительность библеизмов тесно связана с происходящими в обществе процессами. Но хотя долгое время русский читатель был оторван от прямого контакта со священным писанием, русский язык сохранил в своем составе обширный пласт библейской фразеологии.

Литература:

1. Бабкин, А. М. Русская фразеология, её развитие и источники / А. М. Бабкин. – Л. : Наука, 1970. – 240 с.
2. Назарова, И. П. Функционирование библеизмов в русском и немецком языках и лингвопрагматические особенности вариантов перевода : Дисс. на соискание уч. степ. канд. филол. наук по спец. 10.02.19 Теория языка. – Краснодар, 2001. – 178 с. // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/funktsionirovanie-bibleizmov-v-russkom-i-nemetskom-yazykakh-i-lingvopragmaticheskie-osobenno>. – Дата доступа : 11.12.2016.

ГРЕБЕНКО А.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОМПРЕССИЯ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ (СУБСТАНТИВАЦИЯ)

Компрессия признаётся большинством исследователей неотъемлемым свойством текста, чаще всего она рассматривается с точки зрения принципа языковой экономии, как средство реализации этого принципа.

В широком смысле процесс компрессии понимали Л.В. Сахарный, Л.В. Щерба, А.А. Шахматов. По мнению последнего, эллипсис – это не одноактное явление, а результат эволюционного развития языка, который связан с явлением антиципации, когда по фрагменту лексического состава единицы предвосхищается значение целого [4]. И.П. Глотова указывает, что «общее и необходимое свойство компрессивов – соотнесенность их с комплексным наименованием как реально бытующим, так и потенциально возможным» [3, с. 37].

В качестве рабочего определения компрессии нами было принято определение Е.А. Земской: «Компрессия – это объединение тех способов словообразования, по которым образуются номинативные единицы, тождественные по значению базовому слову или словосочетанию, но отличающиеся от них более краткой формой» [1, с. 120].

Цель компрессивной деривации – а она представлена сложением, сращением, аббревиацией, субстантивацией, универбацией, усечением – сокращение существующих номинативных единиц. Подобная экономия речевых усилий особенно важна в тех формах коммуникации, которые охватывают миллионы участников, например, в СМИ. Объектом нашего исследования стало более 70 субстантиватов, извлечённых из газет «Комсомольская правда» (КП), «Вечерний Брест» (ВБ), «Виртуальный Брест» (ВиБ); «Брестский вестник» (БВ), «Брестский курьер» (БК), «Мой город» (МГ),

«Рекламная газета» (РГ) за январь 2013 – октябрь 2016 гг. и Национальный корпус русского языка (НК).

В современном русском языке компрессия выступает на фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом и словообразовательном уровнях [1, с. 235]. Субстантивация – имеющий компрессивный характер морфолого-синтаксический способ словообразования, отражающий процесс функционального перехода слов различных частей речи и сочетаний в имена существительные [2, с. 21]. Проще говоря, субстантивация – это переход в разряд имен существительных других частей речи:

- «*Владельцы частных портняжных, сапожных и часовых мастерских новые заказы принимали охотно, но выдавать заказчикам их пальто, костюмы, сапоги или часы не спешили. Особенно задерживались заказы **твоеннослужащих***» (ВиБ 13.06.2016);

- «*Напомним, в 2012-м году в Бресте силами МЧС даже проводились работы по расширению небольшой полыньи, в которой оказались оставшиеся на зиму **пернатые***» (ВиБ 08.01.2017);

- «*На этой неделе это уже третий случай, когда **пресмыкающиеся** из-за наступившей жары выползают*» (ВиБ 29.08.2016) и др.

Субстантивация как способ компрессивного словообразования в современном русском языке обогащает лексику множеством языковых единиц, различных по частеречному происхождению.

Наиболее заметна субстантивация прилагательных и причастий (в нашей выборке это 40%):

- в форме м.р. – носитель признака:

- «*Сейчас с такой задачей справится только бывший **рулевой** сборной России и, остальные могут «сгореть» по ходу первого сезона*» (НК, 18.05.2014);

- в форме ж.р. – в т.ч. помещение:

- «*Зайдя в **процедурную** сразу можно отметить гигиену данной больницы...*» (БК, 17.09.2014);

- «*Большие **примерочные**, высокие зеркала – всё по-другому теперь в нём*» – (БК, 17.09.2014);

- в форме ср.р. – отвлеченный носитель признака:

- «*Что-то радостное охватило его душу...*» (ВБ, №18, 03.03.2017);

- «*«**Спиртного** ничего нет» - сказал вышибала*» (НК, 11.08.2014);

- в форме мн.ч. – виды денег и платежей:

- «*Отпускные, исчисленные в одном месяце, но приходящиеся на другие месяцы (в том числе предыдущего или следующего календарного года), включаются в доходы месяца, за который они начислены*» (ВиБ, 13.06.2016);

- «*А на **подъёмные** жить в нашей стране нелегко*» (КП, 09.10.2014);

- «Также в 2015 году кредитные ресурсы под госзаказ были выделены под довольно высокую ставку – 15,5 процента годовых» (ВиБ, 05.04.2017);

- «Валентине и декретные выдали, и квартиру...» (БК, 26.04.2015).

Весьма частотна субстантивация наречий (к ним мы отнесли 25% словоупотреблений из нашей выборки):

- «Я прочла его послесловие... и советую прочесть всякому, кто активно размышляет о **вчера, сегодня, завтра**» (КП, 31.10.2014).

Есть случаи субстантивации междометий (в нашей выборке их 15%):

- «И прозвучало громкое **ура!**» (ВБ, №18, 03.03.2017);

- «Что значит **«ага»?** Меня возьмут, да ещё и со спасибом» (НК, 13.03.2013).

Единична субстантивация местоимений (в нашей выборке таких случаев 9%):

- «Но никак не могу найти своё **«я»**», – утверждает художник» (БВ, 21.02.2013).

Так же редко встречается субстантивация числительных (к ним в нашей выборке мы отнесли 7%):

- «Повторюсь, они сильны командной игрой: **один** за всех, и все за одного» (НК, 16.06.2014);

- «А потом попадается учительница-грымза, которая говорит: ты неправильно мысли о прекрасном понимаешь ... и ставит **двойку**» (НК, 29.07.2014).

Наконец, наиболее редко встречается субстантивация глагольных форм (в нашей выборке это всего лишь 4%):

- «За **пропало** дают чем попало» (НК).

Можно сделать вывод, что больше всего субстантивируются прилагательные и причастия – это занимает 40% из выборки, затем наречия – 25%, междометия – 15%, местоимения – 9%, меньше всего субстантивируются числительные – 7% и глагольные формы – 4%.

Функции субстантиватов в современном русском языке многообразны.

Номинативная функция субстантиватов состоит в назывании с их помощью явлений действительности. По мнению Ван Ян, номинативная функция субстантиватов реализуется при назывании с их помощью улиц и других географических объектов [2, с. 136]:

- «Первое: улица **Граничная** находится рядом с улицей **Лейтенанта Рябцева**» (ВиБ, 25.11.2012);

- «На угловом доме висит табличка с названием улицы **«Ржаная»**. На соседнем доме табличка с названием улицы уже на белорусском языке **«Жытняя»**» (ВиБ, 25.11.2012);

- «Сама **столовая** огромна, высокие потолки и люстры из прошлого века. Вешалки расставлены по периметру **столовой** и прямо на входе целый «гардероб» (ВиБ, 12.03.2016) и др.

Также Ван Ян утверждает, что субстантиваты, выполняющие номинативную функцию, стали важным элементом языка официально-деловой сферы, где они в основном закрепились в наименованиях документов [2, с. 136]:

- «Основанием, чтобы выставить девушку с вещами за дверь, стала **докладная** воспитателя о том, что несовершеннолетняя студентка техникума ночью якобы “находилась в комнате общежития под кроватью и на требования воспитателя вылезти из-под неё не реагировала”» (НК, 28.10.2011);

- «Также указаны номера двух инвойсов (так по международным стандартам называется **накладная**) с конкретными номерами и кодами грузов» (КП 10.10.2013) и др.

Вторая функция субстантиватов – это апеллятивная, которая состоит в том, что с помощью субстантивата языковая личность оказывает воздействие на адресата текста. По мнению Е.И. Варгиной, для языковой личности при конструировании какого бы то ни было текста оказать воздействие на воспринимающую текст сторону – задача первостепенной важности.

Функция воздействия на страницах газет убеждает покупателя сделать свой выбор, убеждает тратить свои средства на продукцию, которую они рекламируют.

- «**Наше будущее** в наших руках» (News 21.by, 31.07.2013);

- «Улицы Бреста – **прошлое** и **настоящее**» (ВиБ, 13.08.2013) и др.

Функция языковой игры относится ко многим языковым единицам. Как отмечает Е.Б. Лебедева, «языковая игра возникла задолго до появления 138 письменных форм речи, как и любая игровая деятельность вообще» и является для человека потребностью, важной частью построения языковых высказываний:

- «**Вот тебе твоё «ага»** и **агакнулось**» (НК, 18.06.2014);

- «**На наши «ах»** и «**ох**» никто и смотреть не будет. За шкуру и в опорку» (НК, 05.04.2014).

XX и XXI вв. характеризуются как времена интеллекта и науки, и соответственно, это время преобразований в различных человеческих деятельности, также это коснулось и сферы коммуникации. Своеобразие живого разговорного общения как раз состоит в том, что в нём идёт ярко выраженная установка на творчество.

Функция стилистической маркированности проявляется тогда, когда с помощью субстантивата тексту придаётся тот или иной стилистический оттенок [2, с. 138]:

- «**Выступающий** на этот раз удивил весь зал, сделав этот кувырок без единой ошибки» (НК, 23.05.2014);

- «Радиостанция так и не дождалась **проверяющего** с центра, но на этом проблемы не закончились...» (НК, 06.03.2013).

В современном русском языке в связи с влиянием разговорной речи, экспрессивные образования создаются в основном от субстантивных основ в области разговорной лексики:

- «Один из **оставшихся** – **сигнальщик**, ныне 88-летний Эрих Готшалык вспоминает о трагедии, как «о внезапно обрушившемся аде, которого никто не ожидал даже в самых страшных снах, – настолько все были уверены в непобедимости «Блюхера» (НК, 04.11.2004);

- «Бороды – рубить “Я раньше работал в шикарном кафе, – со смесью ужаса и ностальгии вспоминает ещё один **жалобщик**”» (КП, 31.10.2014);

- «Трудоголик-**авральщик** отличается от трудоголика тем, что аврал на работе – его обычное состояние» (НК).

Эмоционально-экспрессивная функция субстантиватов может проявлять себя в различных оценках. Так, субстантивированное причастие может употребляться для выражения намёка и насмешки:

- «И таких “**читающих**” и “**имеющих мнение**” в нашей стране пруд пруди, только как дело доходит до речей, так все в кусты, тьфу», – говорит один из активистов митинга» (НК, 17.04.2013) и др.

Опираясь на произведённую нами выборку из газет, можно сделать вывод, что СМИ более всего присущи номинативная и апеллятивная функции и немного меньше функция языковой игры. Что касается остальных, то функцию стилистической маркированности чаще можно встретить в Национальном корпусе русского языка.

Субстантивация воплощает в себе действие двух часто исключаящих друг друга языковых тенденций: тенденции к экономии языковых средств и желания выразить свои мысли экспрессивно. Возможность говорить кратко и красиво не может остаться в стороне. Таким образом, современный русский язык с помощью такой компрессии учит не только экономить, но и быть более выразительными в своих высказываниях.

Литература:

1. Земская, Е. А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1981. – 276 с.

2. Ван Ян. Субстантивация как проявление транспозиции и способ компрессивного словообразования / Ван Ян // Современная филология: теория и практика : материалы XXII международной научно-практической

конференции 28–29 декабря 2015г. – М. : Изд-во «Институт стратегических исследований». – 2015. – С. 22–25.

3. Глотова, И. П. К вопросу об универбации (О функционально-стилевом и общелитературном употреблении) // Вопросы стилистики. – Вып. 12. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1977. – 164 с.

4. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – Л., 1925 – 1927. – Т. 1–2 (цит. по : 2-е изд. – Л., 1941).

ДЕМИДЮК Г.

ТЕКСТ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО СОДЕРЖАНИЯ В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ

В школьной программе по русскому языку лингвистический анализ текста является приёмом, который позволяет привести школьников к более глубокому пониманию текста. Поскольку текст изучается современными школьниками как лингвистическая единица и является основным средством обучения, тексты для лингвистического анализа берутся самые разные – разных стилей и типов речи, а также разные по своей тематике.

Нам было интересно предложить учащимся старших классов текст религиозно-философского содержания. Текстов такой направленности в школьных учебниках нет. Предполагая, что современным десятиклассникам будет трудно понять философско-религиозный смысл избранного нами текста, мы разработали систему заданий, где в некоторых случаях последующее задание корректировало неверное выполнение предыдущего задания для того, чтобы вести учащегося к более глубокому пониманию смыслового ядра текста.

Избранный для работы со школьниками текст является миниатюрой из книги «Лоскутное одеяло», автор которой – православный священник, ведущий телепередач на российском ТВ, автор многочисленных религиозно-публицистических книг и статей, а также постоянный автор журнала для молодежи протоиерей Андрей Ткачев. Текст небольшого объема, состоит из семи абзацев, объединяющих 29 предложений.

С текстом А. Ткачёва работали 24 десятиклассника гимназии №4 и СШ №7 г. Бреста в ноябре 2016 года. Учащиеся не были знакомы ранее ни с автором, ни с самим текстом. Учащимся было предложено 16 вопросов, из них 10 – с открытым вариантом ответа.

В задании 1 нужно было определить и самостоятельно сформулировать основную тему текста. Лишь один ученик сформулировал основную тему текста тремя ключевыми словами «Время, память, совесть». Каждый четвёртый затруднился в формулировке темы и не дал ответ вообще, остальные ответили

либо неправильно, либо частично правильно, чаще всего темой называли слова «жизнь», «история», «прошлое», «грехи». Трудности возникли, очевидно, потому, что учащиеся поверхностно восприняли текст.

Предполагая, что у учащихся будут трудности с определением и формулировкой основной темы, следующее задание было дано такое, которое помогало учащимся «увидеть» предмет речи в тексте: в **задании 2** нужно было указать, какой темы нет в тексте из данных: время, наказание, прошлое, грехи, жизнь, совесть, память. С этим заданием уверенно справились все 24 ученика, указав верный ответ: наказание.

Несмотря на «подсказку» в задании 2, у учащихся возникли трудности с **заданием 3**. Учащимся предлагалось выписать 5–7 ключевых (опорных) слов текста, отражающих его основную тему. Лишь три ученика написали 4–5 слов правильно, остальные 87% написали по 2–3 правильных слова. Чаще всего ученики выписывали слова «грехи», «жизнь», «Бог», «история», «память», тогда как нужно было заметить слова-проводники тем «время» (*время, секунда и др.*), «память» (*настоящее, прошлое и др.*), «совесть» (*совесть, стыд, обличение и др.*).

То, что подсказка не была замечена, можно объяснить тем, что учащиеся, привыкнув к выполнению тестовых заданий, часто не видят связи между ними, считают каждое задание автономным.

В выборе заголовка текста, отражающего основную тему текста (**задание 4**), из ряда данных («Время»; «Наше прошлое»; «Время, память, совесть»; «Творения великого художника») трудностей у учащихся не возникло, правильно ответили 83% учеников: «Время, память, совесть». Это задание носило корректирующий характер: если ученики самостоятельно не определили тему, то это задание её уточнило.

Мы не давали учащимся задание самостоятельно сформулировать основную мысль текста, поскольку предположили, что религиозно-публицистический текст непривычен для современных школьников, поэтому неподготовленные читатели вряд ли сами смогли бы сформулировать, что автор хотел донести до них. Поэтому **задание 5** предполагало выбор ответа: учащимся нужно было выбрать высказывание, которое отразило бы основную мысль текста, то, что они восприняли в тексте наиболее близко для себя. 17 учеников (74%) выбрали такие варианты: а) память водит совесть по прожитому человеком времени; б) если человек анализирует свою жизнь и кается в содеянных грехах, то Бог прощает грехи; в) человек не знает, сколько отведено ему времени на земную жизнь, поэтому покаяние откладывать нельзя. Мы посчитали, что эти три варианта из 5 предложенных могут быть верными в зависимости от того, что читатель может «вычитать» из текста.

Как и предполагалось, больше всего затруднений у учащихся возникло с определением подтем текста, их границ (**задание 6**). Никто не дал правильного

ответа, лишь три человека приблизились к нему, остальные 20 (87%) либо не дали ответа, либо выделили больше подтем или обозначили их границы неверно. Основная ошибка учеников заключалась в неспособности обозначить границы подтем, т. е. отделить одну мысль автора от другой и сформулировать их основную мысль.

Между тем в тексте 3 подтемы. Они совпадают с абзацами: ПТ1 время – это история (1–2 абз.), ПТ2 жизнь – это целая история (3–4 абз.), ПТ3 Бог – это вечное «сегодня», который дает шанс на покаяние и искупление грехов (5–7 абз.). Вероятно, вместо открытого задания определить подтемы в тексте следовало обратить внимание учащихся на абзацное членение текста таким заданием: *Сформулируйте темы каждого абзаца и попытайтесь объединить их. Сколько подтем у вас получится? Назовите их.*

Проблема возникла и с формулировкой заглавия, которое бы отражало основную мысль текста (**задание 7**). Все ученики дали ответ, но чаще всего писали «Музей прожитой жизни», т. е., во-первых, больше обращали внимание на метафору автора, а не на его идею. Это значит, что условие задания было частично проигнорировано. Во-вторых, учащиеся опять-таки не связали это задание с вариантами ответов в задании 5, которые могли бы подсказать правильный ответ. Правильный ответ мог бы быть таким: Покаяние уничтожает грехи.

В **задании 8** нужно было найти в тексте ответ на вопрос «Для чего человеку служит совесть?». Ответ в тексте содержится в двух предложениях (**21** *совесть тревожит душу, заставляет ее молиться*; и **24** *стыд и молитва расплавляют грехи*). 20 человек (87%) увидели только предложение 21, остальные ответили неверно. Результат выполнения и этого задания говорит, вероятно, о том, что текст не был прочитан учащимися достаточно внимательно.

В **задании 9** нужно было установить соответствия между словами и их лексическими значениями: бражник – пьяница, гуляка; пиршественная зала – помещение для роскошных обедов; гримаса – намеренное или невольное искажение черт лица; экспонат – предмет, выставленный на выставке, в музее; обличать – делать явной чью-либо виновность, преступность. С этим заданием успешно справилось 22 ученика (96%), лишь один не дал ответа. Это побуждает сделать вывод о том, что ученики, ориентируясь в значениях не только современных слов, но и устаревших, не должны были испытывать трудности в понимании текста.

В **задании 10** нужно было дать определение слову «Суд» из текста (**25** *Грехи не станут перед твоим лицом с обличением, и Бог на Суде их вспоминать не будет*). С этим заданием справилось 18 учеников (78%). Те, кто дал ответ, верно указали, что это «Божий суд», «суд, который ждет человека после смерти», остальные не ответили вообще. Ответы некоторых учащихся

были пояснены («я знаю это из Библии», «все знают это»), два ученика добавили, что они не верят в такой Суд. Очевидно, это задание вызвало у школьников особый интерес.

В задании 11 нужно было определить доминирующий тип речи в тексте и доказать свою точку зрения.

На текст-рассуждение указало 15 учеников (65%), остальные обозначили его как текст-повествование. Ошибка учащихся заключалась не только в неверном ответе, но и ошибочных доказательствах. Три ученика (13%) называли текст текстом-повествованием, но доказывали его как текст-рассуждение или наоборот. Свою точку зрения доказывали не все ученики, некоторые же использовали недостаточное количество доводов.

Между тем тип речи анализируемого текста – рассуждение с элементами описания. Доказательство принадлежности текста к типу речи «рассуждение с элементами описания» должно быть развёрнуто по трём признакам, о которых идёт речь в школьной программе, – содержание, композиция и языковые средства. Определение типа речи – важный момент в понимании смысла текста, поскольку определение текста как рассуждения ведёт к тому, что читатель задумывается над причинно-следственными связями в тексте (вопрос почему?). Вероятно, следовало бы дать задание, требующее от учащихся ответить на вопросы к тексту, чтобы они поняли, что это не повествование. Например, такие вопросы: Есть ли в тексте речь о последовательно развивающихся во времени событиях? Какое значение – основное или второстепенное – имеет абзац о картинках застывших людей?

С определением стиля текста (задание 12) тоже возникли трудности. Надо было выбрать стиль из предлагаемых: а) разговорный; б) публицистический; в) публицистический с элементами разговорного; г) художественный. Правильно ответили лишь 5 (22%) человек, назвав текст публицистическим с элементами разговорного, остальные посчитали его художественным: «Это однозначно художественный стиль». В целом учеников сбивало то, что автор использует художественные образы и обороты: «он сравнивает образы, использует художественные обороты», «использует разговорные слова», «присутствуют олицетворения», «в тексте присутствует метафора». При этом доказательства не соответствовали выбранному варианту ответа.

На вопрос о выразительных средствах (задание 13) правильно ответили только 8 человек (35%), 4 ученика (17%) не дали ответ вообще, остальные увидели в тексте лишь метафоры. Два ученика (9%) неверно поняли задание и стали искать в тексте причастия, деепричастия и наречия.

Между тем в тексте много сравнений (*12–13 жизнь ... широка, как поле, 17 совесть ... идет, как по залам музея* и др.), олицетворений (*17 совесть идет по жизни, 18 память служит экскурсоводом*, и др.), эпитетов (*24 грехи, расплавленные стыдом и молитвой* и др.)

В задании 14 нужно было найти в тексте разговорные слова и другие выражения-доказательства непринужденной, свободной беседы. С этим заданием справилось 8 человек (35%), три ученика (13%) не дали ответ, остальные ответили неверно.

На употребление разговорной лексики в тексте с определенной целью обращается внимание на уроках русского языка, поэтому ожидалось, что учащиеся заметят, что в тексте есть разговорная лексика (*7 шут состроил гримасу, 15 перебрать всё, что наполняет жизнь* и др.), повторяющиеся сложноподчинённые предложения с придаточными изъяснительными (*4 Все, кто ее наполняет, были живы,* и др.), парцелляция (*27 Пока продаются билеты. 28 Пока не устал экскурсовод.*), повторы (*13 трудно – 14 трудно. 13 перебрать, пересмотреть* и др.).

Это задание – найти в тексте разговорные слова и другие выражения-доказательства непринужденной, свободной беседы – могло бы подсказать учащимся тип и стиль речи текста, но, как мы уже сказали, учащиеся при выполнении тестовых заданий привыкли к автономии каждого задания и поэтому не воспользовались нашими своеобразными подсказками.

Отвечая на вопрос о жанре текста (**задание 15**), лишь один человек попытался связать религиозно-нравственное содержание с жанром церковно-богословской сферы, определив его жанр как проповедь, хотя это, конечно же, не проповедь. 4 ученика (17%) вообще не дали ответ, а остальные называли известные им жанры и виды речи: 5 (22%) – рассказ, 5 (22%) – монолог, 3 (13%) – статья, остальные, видимо, не знали значение понятия «жанр» и давали ответы: «повествование», «художественный», «рассуждение». Логично назвать данный отрывок поучением, или эссе на богословские темы, или даже художественно-публицистической миниатюрой.

Это задание было заведомо «проигрышное», мы и не ожидали от учащихся точного ответа.

В задании 16 нужно было выразить свое мнение по данному тексту. 4 человека (17%) не дали ответ, остальные достаточно полно и развернуто выразили свое мнение. По ответам было видно, что текст ребятам понравился. Для некоторых мысли священника стали открытием: «Этот текст заставляет задуматься о многом, о жизни, о Боге», «Я думаю, это очень познавательный текст. Ведь прочитав его, начинаешь задумываться, хорошо ли ты живешь», «Текст интересно читать. Этот текст заставляет меня задуматься о своей жизни», «Данный текст особенно полезен взрослым людям, которые, как правило, не задумываются о совершенных поступках». Один ученик не согласился с мнением автора: «В тексте говорится о «теплой молитве», а разве молитва бывает «холодной»? Автор пытается запутать нас, что уже неправильно. Я считаю, что никто не должен осуждать человека за его выбор».

По результатам выполнения тестовых заданий по тексту Андрея Ткачёва можно сделать вывод, что детям сложно ориентироваться в тексте непривычного для них жанра, они испытывают трудности с определением темы, основной мысли. Гораздо легче дают ответы на вопросы с имеющимися вариантами. У учеников недостаточно знаний и умений для правильного определения и аргументации стиля и типа речи текста.

Что же касается системы пошаговых заданий, направленных на более глубокое понимание учащимися непривычного для них текста философско-религиозного содержания, то её необходимо совершенствовать:

- в заданиях по определению смыслового ядра текста следует делать ссылки на предыдущие задания – обращать внимание учащихся на «подсказки»;
- поскольку текст сложного типа речи – рассуждения, задание на определение подтем должно быть со ссылкой на абзацы, так как учащиеся в публицистическом тексте затрудняются выделить смысловые блоки.
- не следует давать учащимся задание на определение жанра текста, а если давать такое задание, то с выбором ответа.

В целом же следует отметить, что ученики с интересом работали с непривычным для них религиозно-публицистическим текстом и открыли для себя новые истины.

ДЖУМАЕВ М.

ПРОБЛЕМА БУДУЩЕГО ПУТИ РОССИИ В ЛИРИКЕ А. БЛОКА

Александр Блок – один из самых известных русских поэтов. Патриотическая тема в его лирике занимает значительное место. Она не является единственной. Уже с 1904 по 1911 г. Блок издал пять стихотворных сборников – «Стихи о Прекрасной Даме», (1905), «Нечаянная Радость» (1907); «Снежная Маска» (1907), «Земля в снегу» (1908) и «Ночные часы» (1911).

Тема родины, России занимает главенствующее место в лирике А. Блока с 1908 года. Здесь значимо письмо К.С. Станиславскому, который заинтересовался в то время драмой «Песня Судьбы». В своем письме А. Блок говорит о возникшей перед ним «темы о России»: «Этой теме я сознательно и бесповоротно посвящаю жизнь. Все ярче сознаю, что это первейший вопрос, самый жизненный, самый реальный. К нему-то я подхожу давно, с начала своей сознательной жизни, и знаю, что путь мой в основном своем устремлении – как стрела – прямой, как стрела – действенный. Может быть, только не отточена моя стрела. Несмотря на все мои уклонения, падения, сомнения, покаяния, – я иду. И вот теперь уже (еще нет тридцати лет) забрезжили мне, хоть смутно,

очертания целого. Недаром, может быть, только внешне наивно, внешне бессвязно произношу я имя: Россия. Ведь здесь – жизнь или смерть, счастье или погибель» [1, с. 430].

Патриотические мотивы в лирике поэта создают основу для передачи авторского понимания времени, выраженного в сопоставлении реалий различных исторических эпох как способа мистического проникновения в загадки будущего в стихотворении А. Блока «Новая Америка» (1913):

Иль опять это – стан половецкий
И татарская буйная крепь?
Не пожаром ли фески турецкой
Забуянила дикая степь? [2, с. 136]

В «Новой Америке» сопоставляются две эпохи – эпоха индустриализации (фабричные трубы, многоярусный корпус завода, заводские гудки, черный уголь, железная руда) и начало эпохи феодальной раздробленности (стан половецкий, дикая степь, бунчуки и др.). Знаменитая воинская метафора из «Слова о полку Игореве» «испити шеломом Дону» включена А. Блоком в отрицательный параллелизм, в символическую картину их противостояния:

Нет, не видно там княжьего стяга,
Не шеломами черпают Дон
И прекрасная внучка варяга
Не клянет половецкий полон [2, с. 137].

...

Там чернеют фабричные трубы,
Там заводские стонут гудки [2, с. 137].

Однако это противостояние – только видимость. «Новая Америка» лишь один из ликов «роковой, родной страны». Прошлое хотя и стало уделом истории, тем не менее, не перестало представлять для поэта предмет поэтизации. В контексте текущей действительности его реалии существовать не должны, так как, по мнению А. Блока, будущее за промышленным развитием страны:

На пустынном просторе, на диком
Ты все та, что была, и не та,
Новым ты обернулась мне ликом,
И другая волнует мечта... [2, с. 137]

Проблематика стихотворения А. Блока достаточно широка. Ее предмет – место России в историческом процессе. Через все творчество А. Блока проходит мысль об обратимости событий. Общий тон стихотворения «Новая Америка», его насыщенность символами доказывают обратное. В данном контексте у А. Блока соотнесение со «Словом» приобретает не абстрактный символический характер, а является обобщенным воплощением реалий русского средневековья, которые противопоставлены современным.

Высказанные размышления о перспективах развития Руси-России были повторены после революции для передачи тревожного ощущения времени в «Скифах» (1918). Это стихотворение говорит о том, что Россия находится не только на границе времен (между прошлым и настоящим), но и на границе цивилизаций (Востока и Запада). А. Блок утверждает, что Россия в любом случае представляет собой огромную силу, которая способна выковать для себя лучшее будущее.

Несмотря на то, что поэт ощущает на себе всю сложность послереволюционной жизни в стране, он стремится верить, что впереди ее ждут светлые времена, когда Россия обретет уверенность в завтрашнем дне и будет существовать в благополучии и мире.

Литература:

1. Минц, З. Г. Поэтика русского символизма / З. Г. Минц. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2004. – 476 с.
2. Блок, А. Стихотворения и поэмы / А. Блок. – Минск : Нар. асвета, 1980. – 191 с.

ЕГОРОВ К.

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИЕРАРХИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. АНДРЕЕВА

Вопрос о формировании литературных иерархий в творчестве Л. Андреева остается одним из наиболее дискуссионных при анализе наследия писателя. Как оценка произведений Л. Андреева критиками, так и рассуждения современников о его личности вносят в литературоведческое осмысление творчества этого автора неопределенность.

Одной из ключевых особенностей Леонида Андреева как писателя является проблематичность выбора приоритетных жанров его творчества. В поиске собственного пути автор прибегал к различным литературным жанрам и, по заявлениям своих современников (А. Блока, Л.Н. Толстого, А. Белого, В. Брюсова), сам порой не мог определиться с конкретной принадлежностью написанного к тому или иному жанру.

Однако такая зыбкость была свойственна не только этой стороне литературной формы. Л. Андреев беспощадно правил свои черновики: зачастую переписывал заключение или же ключевым образом менял характер персонажей. Ввиду этого, текст произведений и его образная система могли претерпевать значительные изменения. Не оставалась прежним и содержательное наполнение. Переплетения различных тем и подтем, явных и

скрытых смыслов создавало ребус для нескольких поколений литературоведов и тайну для многих современников.

Андрееву, как и многим сторонникам декадентства, было присуще желание творить искусство ради искусства. Даже мысль о каком-либо контроле «сверху» вызывала у автора непреодолимое желание бороться с несправедливостью. Правда, бунтом ради бунта деятельность Леонида Николаевича не была. Несмотря на довольно активную социальную позицию и относительно четко выраженные взгляды, политических мотивов Андреев старался избегать, все более склоняясь к изображению внутренних противоречий и конфликтов человека, вынужденного владеть безденежное существование под давлением социума. Так же, как и многие декаденты, Л. Андреев предпочитал в своей прозе заострять внимание на различных проявлениях упадничества в человеческой жизни. Моральная распущенность некоторых его персонажей отражает абсурдность окружающей действительности конца 19 – начала 20 века. С другой стороны, своего рода противовесом распущенности зачастую оказывается «сверхнравственность» и идеализированность персонажей. Это усиливает ощущение полярности содержательной стороны произведений писателя.

Подобное противопоставление и противоборство различных аксиологических моделей может проявляться и через тему самоконтроля и самоограничения. Примеры ее актуализации можно найти в рассказах «Иуда Искариот», «Рассказ о семи повешенных», пьесах «Тот, кто получает пощечины», «Океан» и других. Особенно ярко противоречивость внутреннего мира героя заметна в душевных терзаниях одного из арестантов в «Рассказе о семи повешенных». С восходом и заходом солнца у некоторых персонажей и вовсе в корне меняется мировоззрение.

Л. Андреев обращается к сущности самого человека, которая, по его мнению, не поддается однозначному определению. Эта сущность часто непостижима, противоречива и загадочна. А. Блок определял ее как «хаос». Именно его разглядел он в самом Л. Андрееве. Написав рецензию на андреевский рассказ «Вор», А. Блок понимал, что та понравится автору. Поэт объясняет причину так: «не потому, что она была хвалебная, а потому, что в ней я перекликнулся с ним, – вернее, не с ним, а с тем хаосом, который он в себе носил; не носил, а таскал, как-то волочил за собой, дразнился им, способен был иногда демонстрировать этот подлинный хаос, как попугая или комнатную собачку, так что все чопорные люди, окружающие его (а интеллигенция была очень чопорная, потому что дров она тогда еще не рубила и ведер с водой на седьмые этажи не таскала), окончательно переставали верить в этот подлинный хаос» [1].

Такую же подлинную внутреннюю неустроенность ощущал А. Блок в себе, однако это не помогало ему в полной мере разгадать Л. Андреева. Загадка писателя остается загадкой для совершенно различных областей знаний, в том

числе психологии и, возможно, психиатрии. Но важно осознать связь между художественным миром, который создавал Леонид Николаевич, и его попыткой понять себя и суть человеческой жизни вообще. Будучи человеком мнительным, он зачастую страшился сам быть поставленным перед серьезным выбором. Его неуверенность в себе, субъективность в попытке определить границы добра и зла не давали и протагонистам его произведений принимать простые решения.

Персонажи Л. Андреева не были ни в чем до конца уверены потому, что сам автор не был ни в чем твердо уверен. Они метались, меняли решения и разрушали судьбы потому, что сам Леонид Николаевич тайно этого хотел, или, наоборот, опасался. Кроме того, неоднозначность поступков литературных персонажей часто еще более усложнялась детальными подробностями, иногда имеющими бытовую подоплеку, иногда окрашенными в мистические тона. Порой прототипами героев его книг становились реальные люди, когда-то встретившиеся автору и сильно на него повлиявшими. Один из ярких тому примеров – «Рассказ о семи повешенных». С прототипом Вернера, одного из ключевых персонажей, руководителем террористической группы, талантливым ученым-астрономом Всеволодом Лебединцевым Л. Андреев был знаком до его ареста лично.

Отчасти корень сложности, многогранности и неоднозначности писателя, заставляющих и по сей день ценителей слога перечитывать его произведения снова и снова, находится в детстве и юношестве автора. С ранних лет писатель зачастую чувствовал себя будто лишним в этом мире. Обыкновенный процесс взросления, который проходят все люди без исключения, большое количество любовных разочарований оставили неизгладимый след в душе будущего писателя. Несмотря на природную красоту, Л. Андреев успехом у девушек не пользовался. Дамам было с ним попросту скучно. Уже в юные годы, вдохновившись трудами Ницше и Шопенгауэра, он делал то, что впоследствии станет отличительной особенностью его творчества: пускался в долгие рассуждения о Боге, смысле жизни, неизбежности смерти и тщетности попыток маленького человека изменить что-либо в давно установившейся и упорядоченной системе жизни. Каждый полученный отказ был весомой оплеухой для ранимого молодого человека, а юношеские обиды, зависть к более успешным, как сам Андреев считал, неучам, ревность – все эти чувства остались с ним на всю жизнь.

Но по-настоящему сильным жизненным ударом для Леонида Николаевича стала смерть жены. От этого он так никогда впоследствии и не смог оправиться. И без того ранимая психика слабого человека, коим Л. Андреев всегда ощущал себя, стала в тот момент еще более уязвимой. Достаточно было совсем пустяковой ситуации, чтобы писатель вышел из состояния душевного равновесия. Все чаще стали появляться мысли о суициде.

Именно тогда в творчестве Л. Андреева стали появляться наиболее мрачные и тяжелые для восприятия произведения: «Далекие-близкие», «Кусака», «Мои записки», «Из рассказа, который никогда не будет окончен», «Тьма». Стоит отметить, что и до трагедии книги Л. Андреева не отличались ни жизнерадостностью, ни оптимизмом. Теперь же писатель и вовсе не пытался прятать свой ужас и страх перед жизнью за занятыми сюжетами, а писал откровенно пессимистично, словно надеясь, что из омута горя, почти беспробудного алкоголизма и, как он сам считал, вынужденного из-за смерти жены распутства его может вытянуть кто-либо из его читателей. Тем не менее, колоссальное одиночество и страшная тоска стали в итоге визитной карточкой драматурга Л. Андреева на пути к богатству и славе. Его стиль безошибочно узнавали сотни людей, правда, самому писателю это стоило душевного спокойствия и смиренности, коих он так возжелал после трагической смерти супруги Шуры.

Многие литературоведы отмечают социальную неадаптированность и инфантильность автора. А. Блок в посвящении «Памяти Леонида Андреева» сравнивает писателя с ребенком, который задает один из самых важных вопросов: зачем? Взрослые часто не знают, что ответить. Л. Андреев – взрослый, но в нем остается и этот ребенок. А. Блок говорит: «Леонид Андреев задавал этот вопрос от самой глубины своей, неотступно и бессознательно. Сознательно он, чем дальше, тем больше, умствовал и сам способен был ответить на него не раз взрослее взрослого, глупее глупого. Но была в нем эта драгоценная, непочатая, хаотическая, мутная глубь, из которой кто-то, в нем сидящий, спрашивал: “Зачем? Зачем? Зачем?”», и бился головой о стену большой, модно обставленной, постылой хоромины, в которой жил известный писатель Леонид Андреев <...>» [1]. На этот вопрос ответа при жизни автор так и не получил. Наоборот, чем дальше писал Л. Андреев, тем больше вопросов у него накапливалось. Постоянные вложения денежных средств, зачастую неразумные, терзания и самобичевание – ничто из этого отнюдь не сделало для писателя картину мироздания более понятной. Огромное количество дилемм так и осталось неразрешенными. Но, возможно, за это Андреева и любили и, наверное, зачастую жалели, хотя сам писатель этого признавать бы не захотел. Несмотря на внутреннюю гибкость и порой противоречивые убеждения, Л. Андреев сохранил чувство собственного достоинства.

Таким образом, формирование литературных иерархий в творчестве Л. Андреева представляет собой сложный процесс, зависящий как от внелитературных факторов (личностные особенности автора, историческая обстановка, биографический аспект), так и от литературной среды (декадентство и символизм) и субъективно-авторских предпочтений. Поскольку последние не закрепились на четких позициях, это отразилось и в содержательно-формальной организации произведений Л. Андреева.

Внутренний хаос писателя приводил к усложнению и подвижности многоуровневой системы художественного арсенала писателя.

Литература:

1. Блок, А. Памяти Леонида Андреева [Электронный ресурс] / А. Блок. Режим доступа : http://dugward.ru/library/blok/blok_pamyati_leonida_andreeva.html . – Дата доступа : 22.04.2017.

ЗЕЛЕНКО Т.

«ЧЕЛОВЕК РАБОТАЮЩИЙ» В ЗЕРКАЛЕ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ

Рассматривая природу устойчивых сравнений (далее УС), исследователи констатируют, что «формирование их семантики представляет собой преобразование развернутой метафоры (сравнительного оборота) в расчленённую по структуре и обобщённо-целостную по значению метафорическую фразему» [1, с. 117]. Каждое УС включает образы реальной действительности и отражает многовековой опыт народа. Раздельнооформленность структуры при целостности значения, воспроизводимость и устойчивость позволяют отнести УС к фразеологическим единицам (ФЕ).

Однако УС – это специфический вид фразеологизма как в аспекте структуры, так и в содержательном плане. Особенностью структуры компаративных ФЕ является наличие сравнительного союза, подчеркивающего раздельнооформленность ФЕ (*работать как ломовая лошадь, трудиться как муравей*). Специфической чертой смыслового содержания устойчивых сравнений как ФЕ выступает прозрачность внутренней формы, обусловленная указанием на объект сравнения. Именно номинация объекта аккумулирует смыслы, порождающие образное значение фразеологизма. Наконец, для устойчивых сравнений характерны и факультативные характеристики ФЕ: образность, экспрессивность и оценочный характер.

Прозрачность внутренней формы УС позволяет классифицировать их по ряду параметров. Наибольшее признание получила тематическая типология УС, представленная и в кратком словаре устойчивых сравнений Л.А. Лебедевой [2], материал из которого рассматривается в данной статье. Мы ограничимся наблюдениями над сравнениями, образующими семантическую группу «Человек работающий».

Субъектом сравнения в рассматриваемых УС выступает «человек работающий». Основой сравнения является, как правило, трудовая

деятельность (*работать, делать, трудиться*), поведение в трудовой деятельности (*бегать, носиться, вертеться, крутиться, лежать, сидеть*), отношение субъекта к работе (*вкалывать, трудиться*). В наибольшей степени на содержании ФЕ сказывается выбор объекта сравнения, которому уподобляется «человек работающий». В нашем материале выделены 5 групп объектов сопоставления: *человек – насекомое; человек – животное; человек – человек; человек – фантастическое существо; человек – предмет*.

Первая группа объектов – насекомые, выступающие символами трудолюбия. Это *муравей* и *пчела*: *трудиться как муравей* (о человеке, кропотливо, добросовестно выполняющем какую-либо работу) [2, с. 251]; *работать, трудиться как пчела / пчёлка* (о человеке, работающем много и прилежно [2, с. 252]. В обоих случаях УС могут нести позитивную коннотацию, что в первом случае обозначено пометой «одобрит.», а во втором – усилено уменьшительно-ласкательным суффиксом *пчел-к-а*. Позитивное содержание этой небольшой группы сравнений трудящегося человека обусловлено сравнением с объектами-насекомыми, для которых труд является органичной и естественной формой существования.

Вторая группа объектов, отмеченных в структуре УС, обуславливает их негативное оценочное содержание. В качестве объекта сопоставления выступают, прежде всего, домашние животные, специально предназначенные для постоянной тяжелой работы: *вол, (ломовая) лошадь, ишак: работать / трудиться / вкалывать как вол; как <ломовая> лошадь; как ишак*. В последнем случае названо экзотическое для русских животное, однако компаративный фразеологизм закрепился в русском языке, вероятно, не только по причине образности, но и экспрессивности (*ишак* – маленькое животное необычайной выносливости; не случайно в русском языке возник и закрепился дериват от этого слова – *ишачить*).

В УС, характеризующих поведение работающего человека, объектами являются также обозначения собак: *бобик, собака, гончая: вертеться, крутиться как бобик; бегать как собака; носиться как гончая*. Лингвокультурное содержание этих слов тоже связано с негативной оценкой человека, однако интенсивность этой оценки ниже. На первый план выдвигается образная характеристика поведения человека, спешащего все успеть. В большей мере негативный социально-оценочный компонент выражен в содержании УС, где объекты – это лесные животные в необычных условиях. Здесь представлены не просто слова, а сценарии [3, с. 47] – динамические мыслительные образы стереотипных ситуаций: *вертеться, крутиться как белка в колесе; мотаться, бегать как солёный заяц*. Особняком стоит сравнение *работать как зверь*, в котором, помимо компонентов ‘труд, превышающий человеческие возможности’ потенциально присутствует связанный с образом

зверя добавочный смысл 'ожесточенность'. Такой труд, даже будучи продуктивным, оценивается отрицательно.

Образы животных не только организуют значение фразеологизма, но содержат выразительный оценочно-эмотивный компонент с отрицательной оценкой, иногда сниженную стилистическую окраску. Человек не должен уподобляться бессловесным животным; труд должен приносить радость, а не ожесточать своей бессмысленностью или чрезмерным напряжением сил.

Образ «человека работающего» характеризует его как социальную личность, поэтому рассмотрим его сопоставление и с другим человеком. В этой группе объектами сравнения выступают *раб / раба, батрак, каторжник, каторжный, негр, папа Карло, проклятый*. Преобладают сравнения с подневольными лицами (*работать, трудиться, вкалывать как раб / раба; как батрак; как каторжник / каторжный*), для которых работа носит принудительный характер, часто является наказанием, как правило, никак не вознаграждается и никогда не приносит удовлетворения. В сравнении *работать как проклятый* тоже выступает характеристика подневольного труда, причем по принуждению неких злых сил, коннотация слова *проклятый* носит ярко выраженный негативный характер.

Сравнение с негром (*работать как негр*) появилось в русском языке, очевидно, позже и является аналогией к сравнению *работать как раб*, потому что в обыденном представлении русского человека негры долгое время ассоциировались с рабами. Еще более новым является устойчивое сравнение *работать, трудиться, вкалывать как папа Карло*, которое оформилось в XX веке, так как включает прецедентное имя из сказки Алексея Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино». Названный персонаж, папа Карло, тоже непосильно работал ради куска хлеба. Герои А. Толстого стали общеизвестными, потому что его сказка за 50 лет была издана 182 раза общим тиражом в 14, 5 миллиона экземпляров.

Названия объектов сравнения в составе приведенных ФЕ обуславливают их ярко выраженную негативно оценочную коннотацию, потому что УС не только характеризуют человека, вынужденного трудиться непосильно и беспрерывно, но и осуждают его как смирившегося с ситуацией. Здесь имеет место социальная оценка.

Специфическое содержание имеет УС *делать что-л. как сапожник*, которое неодобрительно характеризует человека, делающего что-либо плохо, неумело [2, с. 249]. *Сапожник*, согласно словарным данным, это ремесленник, занимающийся шитьем и починкой кожаной обуви. Однако существует и переносное значение 'неумелый, неискусный человек', которое сопровождается пометами 'разговорное', 'презрительное' [4]. Очевидно, за этим значением стоят определенные ассоциации: слово *сапожник* могло выступать аналогом пьяного человека (*пьян как сапожник*), а в таком состоянии человек работает плохо.

Еще одну группу УС образуют сравнения работающего человека с фантастическими созданиями (*сивка-бурка, черт*): *бегать, носиться как сивка-бурка* ‘быть в постоянных хлопотах, искать возможность заработать деньги’ [2, с. 249]; *работать, трудиться, вкалывать как чёрт* ‘о человеке, работающем с предельным напряжением сил, с энтузиазмом’ [2, с. 252]. Содержание этих УС отмечено негативно-оценочным компонентом, так как имеет значение ‘труд, превышающий человеческие возможности’.

Особо выделим зафиксированный в структуре УС объект со значением неодушевленного предмета: *работать как <заведённая> машина* ‘о человеке, работающем безотказно, без усталости’ [2, с. 250]. Это УС характеризует человека, выполняющего механический, монотонный, однообразный труд, который не требует творчества, участия мысли, не окрашен эмоциями, отупляет и убивает его душу. Сравнение тоже несет исключительно негативные лингвокультурные смыслы.

Таким образом, изучение УС в рамках отдельной семантической группы позволяет выявить образную основу ФЕ и на основе интерпретации содержания исходных образов, обобщения их лингвокультурных смыслов сделать выводы об определенных фрагментах русской языковой картины мира. Эти выводы могут быть неожиданными, как в нашем случае. Ведь принято считать, что труд – это славное и почитаемое занятие, необходимое в жизни каждого человека. Подтверждением этому, например, служат известные пословицы: «Землю солнце красит, а человека – труд»; «Без труда не вынешь и рыбку из пруда», «Труд человека кормит, а лень портит». В наше время труд продолжает быть неотъемлемой частью бытия человека, создаёт и формирует самого человека, способствует его развитию. Однако положительная оценка в УС русского языка встречается крайне редко. Язык чаще фиксирует не норму, а лишь отступления от нее.

Устойчивые сравнения, как показывают наши наблюдения, характеризуют «человека работающего» преимущественно негативно. Это отмечено в тех случаях, если речь идет о труде, лишенном творческого начала, принудительном, непосильном, подневольном. Такой труд ведет к утрате в человеке всего человеческого. Не случайно слово *работа* этимологически было связано со словом *раб*. Очевидно, именно поэтому появились и другие пословичные выражения: «От работы кони дохнут», «Работа не волк – в лес не убежит» и др. В русской языковой картине мира мечта о труде творческом, свободном, органично вплетающемся в жизнь на лоне природы утверждалась через отрицание подневольной, безысходной, рабской, непосильной работы в тяжелых условиях.

Литература:

1. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и паремиология : Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 344 с.

2. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка : краткий тематический словарь [Электронный ресурс] / Л. А. Лебедева – М. : ФЛИНТА, 2011. – 300 с.
3. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика : Учебное пособие / В. А. Маслова. – Минск : Тетра Системс, 2004. – 256 с.
4. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов. 1935–1940. (4 т.) – Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/117_tolkovyj_slovar_russogo_jazyka_pod_red._d.n._ushakova. – Дата доступа : 15.04.2017.

ЗИНОВЕНКО П.

ЭТИКА ПОЗИТИВИЗМА В ДИЛОГИИ Н.Г. ПОМЯЛОВСКОГО

Позитивизм (от лат. *positivus* — положительный), в общем смысле – это направление философии, называющее единственным источником истинного, действительного знания конкретные (эмпирические) науки и отрицающее познавательную ценность философского исследования [1, с. 318–319]. В 30–40-е годы XIX в. во Франции возникла философская школа, которая, в противовес немецкому классическому идеализму Гегеля, тоже претендовала на создание «научной философии» и заявила о решительном разрыве с прежней философской («метафизической») традицией. Этой школой и был позитивизм, основанный О. Контом. Огюст Конт высказывал убеждение в способности науки к бесконечному развитию, придерживался классификации наук, разработанной энциклопедистами. Отличительные признаки позитивизма: натурализм, органицизм, эволюционизм и феноменализм. Согласно натурализму, социальные явления подчиняются универсальным законам, общим для всей действительности, как природной, так и социально-исторической. Натурализм тесно связан с органицизмом, в соответствии с которым общество отождествлялось с биологическим организмом. Общество, как и биологический организм, имеет сложную структуру, каждый элемент выполняет определенную функцию, все элементы и функции взаимодействуют между собой. Эволюционизм означает, что социальная эволюция является продолжением биологической и рассматривается как плавный, постепенный, непрерывный процесс, не допускающий революционного вмешательства извне. Согласно феноменализму (феномен – от греч. – являющееся), наука может объяснять не сущность и причину социальных явлений, а только то, как они протекают, только явления, постигаемые в чувственном опыте [2].

Происходило повсеместное внедрение элементов научного сознания в мышление и мироощущение людей, непричастных науке. Формой популяризации научного знания становятся публичные лекции, открываются специальные курсы для интересующихся наукой. Вместе с изменением представлений о строении материи, пространстве, времени, движении, путях развития флоры и фауны, месте человека в природе, о происхождении жизни на Земле, изменяется и отношение человека к природе и обществу [3]. Только в конце шестидесятых годов XIX века в России всерьёз заговорили о необходимости нового учения, способного внести позитивные изменения в жизнь общества. И в первую очередь это было связано с изменившейся в эти годы социально-политической обстановкой в стране. В.В. Зеньковский в своей работе «История русской философии» пишет об этом времени следующее: «Последние годы царствования Николая I отличались мучительной беспросветностью, – тут уже была перейдена та граница терпения и выносливости, до которой сердце может еще срастаться с жизнью и примиряться с ней. В удушливой атмосфере полицейского режима, когда не только были закрыты кафедры философии в университетах, но само Евангелие возбуждало у цензуры сомнения в возможности его повсеместного допущения, – в атмосфере политической сдавленности и мучительной напряженности окончательно кристаллизовались основные направления русской мысли и жизни. Получивший в последнее десятилетие царствования Николая I свою последнюю закалку русский радикализм (политический и идейный), с переменой режима, выступает на сцену с полной отчетливостью и решительностью» [5]. Изменения в социокультурной обстановке повлияли на выбор художественных идей и выразительных средств, соответствующих новой эпохе. Основным стилем и методом в художественной культуре второй половины XIX в. стал реализм, для которого бытие уже не распадается на противостоящие друг другу категории высокого и низкого, идеального и обыденного, потустороннего, мистического и реального.

Русские художники слова той эпохи, с одной стороны,отреагировали на сложившееся позитивистское мышление большей части русского народа довольно критически, ведь эта философия предлагала жесткий прагматизм во всех сферах жизни, отодвигая нравственные начала на задний план. Ф.М. Достоевский, выше всего ценя разум, науку и реализм, в то же время понимал, что одни разум, наука и реализм могут создать лишь муравейник, а не социальную «гармонию», в которой бы можно было ужиться человеку. С другой стороны, Н.Г. Чернышевский, А.Ф. Писемский, Н.Г. Помяловский, Н.А. Благовещенский и др. «вдохновлялись верой в Идеал, но при этом готовы были свести к элементарной физиологии все человеческие чувства. Им не хватало культуры мышления, однако они презирали его, считая мысль, не связанную с практической пользой, бессмысленной» [6].

Таким образом, философия позитивизма значительно повлияла на воззрения относительно различных сфер современной жизни довольно многих талантливых писателей той эпохи. Не является исключением и Николай Помяловский, чей метод отражения окружающей действительности и результаты писательского труда достаточно самобытны. Николай Герасимович Помяловский в своей дилогии «Мещанское счастье» и «Молотов» довольно ярко осветил реалии России второй половины XIX в. до 60-ых гг., когда в общественном движении основную роль играла дворянская интеллигенция, и непосредственно ближе к 60-ым, когда в России возникает разночинная интеллигенция: выходцы из различных сословий, духовенства, купечества, мещанства, мелкие чиновники и т.п. В своём произведении автор обращался к наиболее важным социальным вопросам: отношения «плебейства и барства», проблема идейного формирования разночинной интеллигенции, женская эмансипация – всё это так или иначе соотносится с трактатами О. Конта, которые несли в себе как положительные, так и отрицательные установки. В дилогии писателя проявляются новый, мало показанный в литературе быт; трезвый взгляд на окружающую действительность и реалистический метод изображения; чуткость к актуальным проблемам времени.

Центральным героем произведения является Егор Иванович Молотов, выходец из простого народа, «плебейства». В первой повести герой проходит свое становление в среде, где господствовало барство, когда на добросовестно выполнявшего свои поручения человека, находящегося на службе у дворян, смотрели свысока ввиду давно устоявшихся предрассудков. Автор развенчивает следующие представления Молотова: «Я тружусь, следовательно, независим, сам себя знаю и ни перед кем не хочу гнуть спины» [4, с. 25]. Он говорит, что «такая истина редко имеет смысл в наших обществах» и метко выводит чисто русский принцип национальной независимости: «Ничего не делаю, значит – я свободен; нанимаю, значит – я независим», «Не труд нас кормит – начальство и место кормит; дающий работу – благодетель, работающий – благодетельствуемый; наши начальники – кормильцы» [4, с. 26]. Из-за подобных предрассудков общество низкого происхождения было как бы скованным морально и физически, прозябало, лишь надеясь на справедливую жизнь.

Во второй повести дилогии герой предстаёт перед читателем зрелой, сформировавшейся личностью, пережившего за свою жизнь множество испытаний и унижений, посредством которых он всё-таки добивается материального достатка и социальной независимости. При этом герой не отступил от своих принципов и жизненной позиции «быть социально независимым, но честно», что, с одной стороны, показало твердость духа и стремление сохранить в своей натуре нравственные начала, с другой – всё-таки смирение с устоявшейся системой и попадание героя в разряд «честной чичиковщины».

Помяловский представляет также петербургское чиновничество, семью Дороговых и их знакомых. Люди, как писал И. Ямпольский, «боровшиеся сначала за элементарные права и сносные условия существования, чем дальше, тем всё больше стали тянуться к привилегированным классам» [7, с. 87]. Автор симпатизирует трудолюбию своих героев, но вместе с тем он так ярко показал узость и бедность их интересов, что наряду с уважением к тяжелому труду и упорству возбуждает в читателе отвращение к их замкнутой и «животной» жизни. Данная критическая оценка автором проблем накопительства, мракобесия и прозаичной жизни общества видна сквозь призму внутренней коллизии талантливого художника Череванина, в образе которого отразился отчасти и тот упадок духа, то разочарование в общественном переустройстве, которое сменило надежды радикально настроенных людей, как только реформы стали осуществляться в изувеченном виде. Череванин – это тип разночинца, который не нашёл путей к общественно полезной деятельности, замкнулся в пределах узко личного мирка и предался безудержному скептицизму, а если говорить его словами, «кладбищенству». Его переживания – это «болезнь роста разночинской идеологии». Он беспощадно критиковал болтунов и лицемеров, поющих, как выразился автор, чужим голосом: «Гегель и прогресс!.. Гегель и прогресс! – кричал длинный господин... Россия на ложной дороге! – кричал какой-то политик... Вы с Англии пример берите, – перебил его другой голос... Нет, в Германию, в страну философии, – начал было гегелист» [4, с. 136–137].

Важно отметить, что в этом фрагменте можно уловить привнесённый позитивизмом механизм мышления, а именно: очевидную отрицательную оценку гегелевской философии. Эти восклицания Череванин саркастически прокомментировал: «Это всё любители просвещения, жрецы, братец ты мой» [4, с. 136]. Разочаровавшись во всём, герой уже не видит смысла в труде и борьбе: «Для кого же я буду работать?.. Уж не для будущего поколения трудиться?» [4, с. 148].

Череванин отрицает понятия труда, чести, таланта, любви, он уже попросту в это не верит. Герой насмехается над выражением «среда заела», говоря о том, что виноватых и невинных нет на свете, а он просто «продукт своей почвы». Это кажется парадоксальным, ведь он превратился в циника по вине той самой среды, в которой находился: с детства жил возле кладбища, каждый день наблюдая, как закапывают мёртвых и уже без всякого отвращения детально прокручивал у себя этот процесс в голове; дважды ему разбивали сердце женщины, отсюда и неверие в любовь. Что уже говорить об искусстве, в современном ему мире таланты героя, очевидно, спросом не пользовались. В полемике с Череваниным Молотов всё-таки убеждает его пересмотреть свой образ жизни, начать хотя бы с обстановки в доме, а также взяться за дело: «Начну работать, как вол. Не будет художественного жара, стану копии писать да за рубль продавать. Заведу чистоту в квартире, насильно заведу; выгоню

квасных либералов, поселюсь среди женщин – пусть смягчат мои нравы: это их дело, и вот тогда посмотрю, что со мной будет» [4, с. 152].

Однако исход и для практичного Молотова, и для мыслителя Череванина один – смирение и скука.

Таким образом, писатель показал, до какой крайности в своих жизненных приоритетах дошли люди «не имевшие ни кола ни двора». Помяловский изобразил отличающиеся тенденции развития разночинца. В своей диалогии автор не выдвигает решения проблемы, а скорее представляет колебания и сомнения, выраженные в противостоящих друг другу образах Молотова и Череванина, остро и верно актуализируя при этом поставленные позитивизмом проблемы.

Литература:

1. Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя – изд-е 3-е : Изд-во политической литературы, М., 1972. – С. 318–319.
2. Каковы характерные черты позитивизма? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://studopedia.org/8-85466.html> . – Дата доступа : 21.04.2017.
3. Эпоха позитивизма. Общая характеристика. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.studfiles.ru/preview/1769897/>. – Дата доступа : 21.04.2017.
4. Помяловский, Н. Г. Избранное / Н. Г. Помяловский : под ред. Н. М. Царева, – Мн. : Наука и техника, 1980. – 414 с.
5. Зеньковский, В. В. / История русской философии. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.magister.msk.ru/library/philos/zenkv001.htm>. – Дата доступа : 21.04.2017.
6. Место позитивизма в общественной русской жизни XIX в. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.kazedu.kz/referat/164170/3>. – Дата доступа: 21.04.2017.
7. Ямпольский, И. / Помяловский. Личность и творчество / И. Ямпольский. – М.–Л., 1968. – 238 с.

КАРПОВИЧ Д.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ БЕРЕЗОВСКОГО РАЙОНА В 2010-2015 ГОДАХ

Социальное развитие Березовского района. Здравоохранение Березовского района представлено центральной районной больницей на 311 коек с поликлиникой на 730 посещений в смену, филиалом № 1 «Белоозерская городская больница» на 180 коек с поликлиникой на 600

посещений, тремя участковыми больницами, Малечской больницей сестринского ухода, 5 врачебными амбулаториями, 19 ФАПами. Всего действует 621 стационарная койка. Прием в амбулаторно-поликлинических учреждениях ведется по 25 врачебным специальностям. В районе функционирует за счет средств промышленных предприятий 7 здравпунктов и санаторий-профилакторий «Брестэнерго». Число работающих в системе здравоохранения района – 1567 человек, в том числе на селе – 255 медработников. Врачей работает 143 (на селе 18) [7].

Березовское здравоохранение традиционно отмечалось высокой организацией работы. Приоритетным направлением работы является обеспечение качества и доступности оказываемой медицинской помощи.

В 2013 г. открыто отделение гемодиализа для оказания помощи пациентам с почечной недостаточностью. Отделение обслуживает население Березовского, Пружанского, Ивацевичского и Дрогичинского районов.

В 2013 году в район прибыло 14 врачей, что значительно снизило кадровый дефицит. В 2014 году планируется прибытие в район еще 16 молодых врачей, что значительно улучшит доступность оказываемой медицинской помощи [4].

С каждым годом улучшаются условия пребывания пациентов в лечебных учреждениях, оборудуются комфортные палаты, обновлен парк санитарных автомобилей, устанавливается новое медицинское оборудование, повышается квалификация персонала.

Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников Березовского района в январе–ноябре 2015 г. составила 5834,0 тыс. рублей и увеличилась по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 6,2% или на 340,6 тыс. рублей.

Реальная заработная плата (заработная плата, рассчитанная с учетом роста потребительских цен на товары и услуги) в январе–ноябре 2015 г. по сравнению с январем–ноябрем 2014 г. уменьшилась на 6,6%.

В отраслях бюджетной сферы средняя заработная плата в ноябре 2015 г. составила 4722,8 тыс. рублей и по сравнению с ноябрем 2014 г. увеличилась на 14,6%, по сравнению с декабрем 2014 г. увеличилась на 10,0%, по сравнению с октябрем 2015 г. увеличилась на 2,0%.

Реальная заработная плата работников бюджетной сферы в ноябре 2015 г. по сравнению с ноябрем 2014 г. увеличилась на 3,0%, по сравнению с декабрем 2014 г. уменьшилась на 0,6%, по сравнению с октябрем 2015 г. увеличилась на 1,5% [3].

Численность населения Березовского района на 1 января 2015 г. составила 64 217 человека.

Рождаемость. Число родившихся в 2015 г. по оперативным данным составило 758 человек, и уменьшилось на 23 чел. или 2,9% по сравнению с

соответствующим периодом прошлого года. Общий коэффициент рождаемости составил 11,75 на 1000 человек населения, за 2014 год – 12,1.

Смертность. Число умерших граждан по району, согласно оперативным данным, увеличилось на 2,2% и составило 882 человек. Коэффициент смертности составил 13,7 на 1000 человек населения, за 2014 года – 13,37 [8].

В структуре смертности основными причинами смерти являются: болезни системы кровообращения – 480 чел. (54,4% от всех умерших), новообразования – 134 чел. (15,2%), симптомы и неточно обозначенные состояния (старость) – 100 чел. (11,3%).

Система государственной адресной социальной помощи, созданная в Республике Беларусь в 2001 году, направлена на оказание временной материальной поддержки малообеспеченным гражданам и семьям, содействие в преодолении трудной жизненной ситуации.

В целях усиления социальной защиты нуждающихся пожилых и нетрудоспособных граждан материальная помощь из средств Фонда социальной защиты населения за 2015 год оказана 889 пенсионерам и инвалидам на сумму 332000,0 тыс. рублей.

Культурное развитие Березовского района. Березовская земля сохранила ряд безмолвных свидетельств исторических событий. Некоторые из них дошли до наших дней почти нетронутыми, от других остались лишь отдельные элементы. Историко-культурное наследие Березовского района имеет свою неповторимость, свои особенные черты и является предметом нашей гордости и заботы.

26 объектов на территории Березовского района включены в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. Среди них 10 памятников архитектуры, 5 памятников археологии, 11 памятников истории. Вторую категорию (памятники национального значения) имеют три историко-культурные ценности: Остатки бывшего кляштера картезианцев в г. Береза (1648–689 гг.), Фрагменты усадебно-паркового комплекса в д. Пески (вторая половина XVIII века – первая половина XIX века) и Костел Святой Девы Марии в д. Сигневичи (1795 г.). Остальным объектам присвоена третья категория ценности (памятники регионального значения) [3].

Всего на Березовщине 114 памятников истории и культуры.

Из них:

- исторических – 90;
- архитектурных – 14;
- археологических – 6;
- памятников природы – 4.

Сеть учреждений культуры района насчитывает 85 единиц: 35 клубных учреждений (из них на селе – 30), 5 школ искусств и 6 филиалов, 36 библиотек

(из них на селе – 34), историко-краеведческий музей, киновидеопредприятие. 285 клубных формирований, из них 158 для детей. 28 коллективов со званием «народный» и «образцовый». В учреждениях культуры трудится 474 работника.

На капитальный ремонт Берёзовского краеведческого музея и оформление экспозицию (2011–2014 гг.) было направлено около 1 миллиарда рублей. Музей за год проводит более 300 экскурсий, которые посещает более 15 тысяч человек.

По инициативе Берёзовского райисполкома, за счёт средства районного бюджета (около 2 миллиардов рублей) произведена реставрация въездной брамы картезианского монастыря.

На капитальный ремонт с элементами модернизации здания кинотеатра «Октябрь» израсходовано около 10 миллиардов рублей [3].

Большой вклад в развитие культуры Берёзовского района вносит и районная газета «Маяк», в которой была открыта рубрика «Победа одна на все 70 лет», где публикуются материалы, касающиеся истории ВОВ на территории края, и воспоминания людей – жителей Березы, прошедших через войну. Так же была открыта рубрика «Літаратурная старонка “Крыніца”».

Главная задача учреждений культуры – эстетическое воспитание и развитие самодеятельного творчества. В результате целенаправленной работы вырос исполнительский уровень коллективов. Увеличилось число коллективов со званием «народный» (теперь в районе их 28 – это лучший показатель в области).

Значимым событием стала победа образцового ансамбля танца «Журавинка» Белоозёрского дома культуры в Кубке мира по народным танцам в Москве. В начале этого года бытовой танец «Спораўская полька» включен в Государственный список историко-культурного наследия Республики Беларусь, а это значит, что в Берёзовском районе еще одним культурным брендом стало больше. Вместе с тем необходимо уделить больше внимания развитию хореографического искусства в г. Березе.

Главной задачей, стоящей перед системой образования района, несомненно, является удовлетворение образовательных запросов учащихся и их родителей, повышение качества знаний. Берёзовский район несколько лет подряд был одним из лидеров области по количеству выпускников одиннадцатых классов, поступающих в высшие учебные заведения (по итогам прошлого года – 57% выпускников поступили в вузы). Вместе с тем в последнее время остро ощущается нехватка специалистов рабочих профессий как в республике, так и в районе. Благодаря целенаправленно организованной отделом образования, спорта и туризма райисполкома профориентационной работе, в нынешнем году 25% выпускников выбрали рабочие специальности, продолжив обучение в учреждениях профтехобразования. Значительные финансовые средства израсходованы на укрепление материально-технической базы учреждений образования (9,5 млрд. рублей).

Литература:

1. Головачев, А. С. Экономика предприятия : учеб. пособие, 1 часть / А. С. Головачев. – Минск : Высшая школа, 2011. – 451 с.
2. Национальная экономика Беларуси : учебное пособие / под ред. В. Н. Шимова. – Минск : БГЭУ, 2009. – 752 с.
3. Официальный Интернет-портал Белорусского национального статистического комитета [электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://belstat.gov.by/>. – Дата доступа : 21.03.2016.
4. Официальный Интернет-портал Березовского районного исполнительного комитета [электронный ресурс]. – Режим доступа : [http:// http://berezza.gov.by/](http://berezza.gov.by/). – Дата доступа : 21.03.2016.
5. Регионы Республики Беларусь, 2015. Статистический сборник. Минск : 2016. – 244–451 с.
6. Финансы предприятий / под общ. ред. Н. Е. Заяц, Т. И. Василевской. – Минск : Высшая школа, 2012. – 528 с.
7. Экономика предприятия : учеб. пособие / Э. В. Крум [и др.]; под общ. ред. Э. В. Крум, Т. В. Елецких. – 2-е изд., дораб. и испр. – Минск : Высшая школа, 2012. – 547 с.
8. Экономика предприятия : учеб. пособие / Л. Н. Нехорошева, Н. Б. Антонова, Л. В. Гринцевич [и др.]; под ред. д-ра экон. наук, проф. Л. Н. Нехорошевой. – Минск : БГЭУ, 2009. – 603 с.

КАРПОВИЧ И.**ФОРМИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЛЕКСИКОНА
ДОШКОЛЬНИКОВ**

Фразеологизмы являются продуктивным средством развития словаря детей. Лингвисты (А.М. Бабкин, Р.А. Будагов, А.Н. Савченко, В.Н. Телия, Н.М. Шанский, Д.Н. Шмелев и др.) отмечают, что фразеологизмы разнообразят речь, делают её выразительной, эмоциональной, живой, образной, придают ей национальные черты. Практика показывает, что целенаправленное обогащение словаря детей фразеологизмами влияет на качество связных высказываний, делает связную речь содержательной, насыщенной, точной; развивает чувство красоты родного слова; приобщает детей к истокам национальной культуры.

Особо актуально качественное обогащение словарного запаса именно в старшем дошкольном возрасте, т.к. к этому возрасту складывается основное ядро словаря (А.В. Захарова), а ребёнку должна быть предоставлена возможность открытия всех речевых богатств. Специалисты в области детской

психологии (О.М. Дьяченко, А.Р. Лурия, Н.Н. Поддъяков, А.М. Шахнарович и др.) отмечают, что в старшем дошкольном возрасте развитие многих психических процессов (мышления, восприятия, воображения), непосредственно связанных с речью, достигает достаточно высокого уровня, что находит отражение в речи ребенка. Детям становится доступно усвоение языковых средств, отличающихся образностью, наличием переносных смыслов.

Исследователи детской речи (В.К. Харченко, С.Н. Цейтлин и др.) отмечают повышенный интерес дошкольников к фразеологизмам. Дети выделяют их из речи взрослых, задают вопросы, требующие объяснения значений. В устойчивых оборотах их привлекает необычное сочетание слов, яркость звучания. На необходимость обогащения речи дошкольников фразеологизмами в детском саду указывали А.М. Бородич, Ю.С. Ляховская. Значимость этой работы показывают исследования, в которых вопросы ознакомления детей с фразеологическими оборотами затрагивались в связи с решением таких проблем, как определение содержания словарной работы, усвоение переносных значений слов, совершенствование качества связных высказываний дошкольников, становление словесного творчества, развитие образной речи детей, понимание содержания текстов художественной литературы (Н.В. Гавриш, В.В. Гербова, А.П. Иваненко, Ю.С. Ляховская, Г.А. Куршева, О.Н. Пищухина, О.С. Ушакова). Вместе с тем, имеющиеся методические рекомендации по работе с фразеологизмами в УДО носят фрагментарный и противоречивый характер; часто отсутствует последовательность усложнения лексического материала, не учитывается степень метафоричности значения фразеологизмов, их принадлежность к частям речи, близость их семантического содержания жизненному опыту детей. Дальнейшего изучения требуют методы и приемы, обеспечивающие понимание и активизацию фразеологизмов в речи дошкольников.

Формирование фразеологического словаря у детей происходит успешно при соблюдении ряда условий:

1. Усвоение фразеологизмов старшими дошкольниками необходимо организовывать на основе ознакомления с различными жанрами детской художественной литературы.

2. Методика обогащения словаря детей старшего дошкольного возраста фразеологизмами должна быть направлена на привлечение их внимания к образным средствам языка, развитие умений выделять фразеологические единицы из речи окружающих; формирование понимания значений незнакомых фразеологических оборотов из контекста, на основе сопоставления прямых и переносных смыслов устойчивых словосочетаний.

3. Необходимо последовательно усложнять словарный материал с учетом структуры, степени семантической сплоченности компонентов фразеологизмов, принадлежности к части речи; формировать элементарные представления о

наличии переносных значений у фразеологических единиц; применять поисковые языковые ситуации; создавать условия для использования фразеологизмов в речевой практике.

4. Фразеологизмы необходимо отбирать с учётом постепенного усложнения их структуры и семантики, детского опыта, необходимости для общения и познания, восприятия и понимания литературных текстов.

5. Необходимо применять методы и приёмы, позволяющие наглядно представить образное содержание фразеологических единиц, обеспечивающие сопоставление прямых и переносных смыслов устойчивых словосочетаний; обращение к личному опыту детей; расширение ассоциативных связей посредством показа возможных границ сочетаемости фразеологизмов.

6. Необходимо проводить работу над элементарным осознанием детьми роли фразеологизмов в своих высказываниях.

7. Необходимо активизировать фразеологические единицы в связной речи и создавать условия для широкого переноса навыков употребления фразеологизмов в речевую практику.

Важным условием усвоения фразеологизмов детьми является накопление содержания фразеологического словаря через ознакомление с художественной литературой разных жанров, содержательное общение со взрослыми; развитие интереса к фразеологическим средствам родного языка на основе произведений народного творчества, дидактических игр и поисковых языковых ситуаций; формирование понимания семантического компонента фразеологизмов на основе элементарного осознания наличия у них переносного значения, умений сопоставлять прямой и переносный смысл устойчивых оборотов, понимать их из контекста; обеспечение активной речевой практики посредством создания коммуникативных ситуаций, стимулирующих использование фразеологизмов.

Процесс обогащения речи детей старшего дошкольного возраста фразеологизмами должен организовываться с учётом их структуры, типов семантической сплоченности компонентов, наличия мотивированного и немотивированного значения. Педагогу важно составить словарь фразеологических оборотов по произведениям детской художественной литературы, подобрать комплекс дидактических игр и упражнений, речевых ситуаций, загадок для формирования фразеологического словаря у старших дошкольников.

В процессе работы по усвоению образных языковых средств детьми важно совершенствование умений актуализации образных средств, вторичной образной номинации. Выявление и описание типологических особенностей усвоения образных языковых средств дошкольниками позволяет охарактеризовать состояние психологических механизмов, лежащих в основе данного вида деятельности: метафоризации, инференции, генерализации,

смысловых замен, языкового контроля и на этой основе провести дифференциацию работы с дошкольниками.

КАРПУК Я.

ЭКСПЕРИМЕНТИРОВАНИЕ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

У всех детей существует врождённая потребность в самостоятельном и активном познании мира, стремление исследовать свойства, качества предметов и материалов, связи и зависимости явлений. Желание новых впечатлений, любознательность, постоянное стремление экспериментировать, самостоятельно искать истину рассматриваются как важнейшие индикаторы детской любознательности. В познавательно-исследовательской деятельности ребёнок получает возможность удовлетворить любознательность, присущую ему, упорядочить свои представления о мире.

В дошкольном возрасте метод эксперимента является ведущим, а в первые три года – практически единственным способом познания мира. Академик Н.Н. Поддъяков сформулировал гипотезу о том, что у детей основным видом деятельности является не игра, как это принято считать, а экспериментирование. Для обоснования данного вывода приводятся многие доказательства:

1. Игровая деятельность требует стимуляции и определенной организации со стороны взрослых; игре надо учить. В экспериментировании ребенок самостоятельно воздействует различными способами на окружающие его предметы, явления и людей с целью более полного их познания. Данная деятельность не задана взрослым ребенку, а строится самими детьми.

2. В экспериментах ребёнок последовательно саморазвивается: преобразования ребёнком объектов раскрывают перед ним новые стороны и свойства, а новые знания об объекте, в свою очередь, позволяют производить новые, более сложные и совершенные преобразования. По мере накопления знаний об исследуемом объекте ребенок получает возможность ставить себе новые, все более сложные цели.

3. Некоторые дети не любят играть – они предпочитают заниматься каким-то делом, но их психическое развитие протекает нормально. При лишении возможности знакомиться с окружающим миром путем экспериментирования психическое развитие ребенка затормаживается.

4. Деятельность экспериментирования пронизывает все сферы детской жизни, в том числе и игровую. Последняя возникает значительно позже деятельности экспериментирования.

Толчком к началу эксперимента может послужить удивление, любопытство, выдвинутая кем-то просьба или проблема. Для поддержания интереса к исследовательской деятельности в уголке экспериментирования «живут» сказочные герои-игрушки, которые знакомят детей с новыми способами исследований. Эти «герои» могут участвовать в опытах и экспериментах, решать возникшие проблемы. Это способствует развитию наблюдательности, любознательности, повышению интереса к экспериментальной деятельности.

Главная задача педагога – поддерживать интерес детей к исследованиям и открытиям, создавать у детей иллюзию того, что они работают самостоятельно. Важно, чтобы ребёнок проводил собственные опыты, а не был в роли наблюдателя. Как бы ни был интересен опыт проводимый педагогом, ребёнок быстро устаёт наблюдать за его действиями. Во время проведения опыта важно привлекать детей к любой посильной им деятельности, если они могут выполнить это действие сами.

В основе экспериментирования лежит совершенствование мыслительных процессов дошкольников, которые учатся наблюдать, сравнивать, спрашивать, высказывать предположения, рассуждать, прогнозировать, анализировать, делать выводы. Дети не должны бояться высказывать свою точку зрения, даже если она окажется неверной. Не надо стараться уберечь дошкольников от ошибок, заведомо неверных действий.

Для исследования свойств художественных материалов детям предоставляют всевозможные цветные карандаши и фломастеры, акварель и гуашь, цветные мелки, пастель и уголь, а также восковые свечи, разнообразные печатки, ватные палочки, разные виды бумаги, ткани, другие всевозможные инструменты. Дети исследуют цвет, его свойства, пробуют новые техники и материалы, открывают для себя неизведанное (процесс создания дополнительных цветов, знакомство с нетрадиционными техниками рисования и материалами: кляксография, набрызги красок, монотипия, разрисовка камешков, ниткография). Например, «Секретное донесение» (написать письмо молоком на белой бумаге и подержать его над паром или прогладить утюгом; написать его лимонным соком, проявив несколькими капельками йода).

Материалом для опытов могут служить лоскутки тканей, бумага разной фактуры и цвета, опавшие листья, камешки, пряжа, пуговицы и т.д. Так, изучая рельефы засушенного листика, окунув его в краску, дошкольник открывает для себя, какие необыкновенные отпечатки он оставляет на листе. И если потрудиться, можно изобразить великолепный пейзаж или узор. А с помощью природного материала (крупы, семена, плоды, ягоды и т.д.), выкладывая его в свободном порядке на пластилиновой форме, можно декорировать поднос, стаканы, создавать рисунки. Дети могут выращивать растения и наблюдать за их ростом, их корневой системой. Экспериментировать можно с воздухом,

водой, песком, глиной, почвой, солнечным светом: «Тесная бутылка», «Двигаем предметы», «В мире стекла», «Чем нюхает червяк», «Сколько лет дереву?»).

В группе может быть оборудован экспериментальный уголок, к которому предъявляется ряд требований: безопасность, мобильность, достаточность, доступность расположения, учёт индивидуальных особенностей детей. Основным оборудованием являются лупы, весы, песочные часы, компас, магниты, сосуды из различных материалов, природный материал, утилизированный материал, технические материалы, разные виды бумаги, красители, медицинские материалы и прочее.

Перед опытом нужно создать проблемную ситуацию, решение которой приводит к открытию каких-либо закономерностей, свойств, явлений. Алгоритм организации детского экспериментирования: ребенок совместно со взрослым выделяет и ставит проблему, которую хочет решить, предлагает различные варианты ее решения, проверяет эти возможные решения, делает выводы. Постепенно дети учатся самостоятельно выдвигать проблему, способ её решения. В результате дети приходят к самостоятельному выбору темы исследования, подбору методов исследования, сбору материала. Полученные результаты важно связывать с повседневной жизнью, наблюдениями дома и на улице.

При сборе сведений на определенную тему дети расспрашивают своих родителей, педагогов об интересующем их вопросе, тем самым обмениваются знаниями и опытом. В процессе экспериментальной деятельности дети совершенствуют диалогическую речь, умение слышать и слушать друг друга, не перебивать. Они с удовольствием работают сообща, уступают друг другу, отстаивают свою правоту или признают правоту других.

Экспериментирование пронизывает все сферы детской деятельности: приём пищи, игру, наблюдения, чтение энциклопедической литературы, занятия, прогулку, сон. Детское экспериментирование связано со всеми видами деятельности, в первую очередь с наблюдением и трудом. Наблюдение является неременной составной частью любого эксперимента, т.к. с его помощью осуществляется восприятие хода работы и ее результатов, однако наблюдение может происходить и без эксперимента. Например, наблюдение за весенним пробуждением природы не связано с экспериментом, поскольку процесс развивается без участия человека. Обслуживающий труд может и не быть связанным с экспериментированием, но экспериментов без выполнения трудовых действий не бывает. Экспериментирование связано и с развитием речи, на этапах формулирования цели, во время обсуждения методики и хода опыта, при подведении итогов и словесном отчете об увиденном. Умение четко выразить свою мысль облегчает проведение опыта, а новые знания в свою очередь способствуют развитию речи. Развитые изобразительные способности способствуют точности регистрации результатов природоведческого

эксперимента, а «обследованность» объектов природы способствует точности передачи деталей в изобразительности.

В опытах постоянно возникает необходимость считать, измерять, сравнивать, определять форму и размеры, поэтому эксперименты способствуют формированию элементарных математических представлений, а владение математическими операциями облегчает экспериментирование.

Таким образом, экспериментирование развивает познавательные потребности, учит самостоятельному поиску, открытию и усвоению нового, способствует интеллектуальному и творческому развитию личности, положительно влияет на эмоциональную сферу ребёнка, на формирование трудовых навыков и укрепление здоровья за счёт повышения общего уровня двигательной активности.

КОВПАНЬКО Н.

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ СОВРЕМЕННОГО ПОРТРЕТНОГО ОЧЕРКА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ)

Портретный очерк – самая популярная разновидность очеркового жанра в современной прессе, региональной в том числе. Образы людей, представленные в художественно-публицистических текстах этого жанра, формируют представление массовой аудитории о герое-современнике.

В создании очеркового текста первостепенную роль играет описание внешних характеристик человека, его духовного мира, взглядов и убеждений. Очеркист не имеет права что-то выдумать в обрисовке внешности человека, но не должен отказываться от типизации как средства выразительности. Именно сочетание документализма и типизации рождает полноценный очерковый образ.

Так, в очерке «Звонок длиною в жизнь» Тамара Глушенко делится с читателем своими впечатлениями о «хорошем учителе», выбирая для этого реального человека – учительницу русского языка и литературы средней школы № 31 г. Бреста Ларису Таркину.

Очеркист не дает подробного описания внешности, а подчеркивает детали, на которые при личной встрече с героиней материала не каждый бы обратил внимание: «И сразу западает в душу то, как Лариса Александровна совершенно домашним голосом и простым языком касается тончайших оттенков педагогических премудростей. В конце концов я никогда не видела, чтобы на полной и не очень юной женщине так гармонично смотрелось дизайнерской модели платьице и так красиво возлегли бы на шее и запястьях мерцающие жемчужные сплетения» [1].

Как правило, от автора очерка не требуется хронологической точности в изложении биографии героя – выбираются те фрагменты его жизни, в которых личность предстает наиболее жизненно достоверной. Автор очерка, изображая жизнь человека, вводит читателя в конкретную ситуацию, которая демонстрирует сущность образа, помогает раскрыть внутренний мир героини, характеризует мотивацию ее поступков. Например: «Совсем по-декабристски уехала с мужем в Амурскую область, укреплять границу с Китаем. <...> Первое профессиональное крещение получала в школе дальневосточного поселка за десять километров от места жительства. 23-летней классной руководительнице дали самых трудных восьмиклассников: “Вы у них 13-я классная. Если одну четверть продержитесь – скажем спасибо”» [8]. Автор описывает те трудности, с которыми пришлось столкнуться героине. Но это нисколько не отразилось на ее отношении к детям и профессии в целом. Наоборот, она смогла стать настоящим мастером своего дела.

Противоречия этого очеркового текста строятся на классическом для художественных произведений конфликте добра, справедливости, закона, с одной стороны, и зла, несправедливости, преступности, с другой стороны, где борцом за справедливость выступает учитель – героиня очерка. Именно благодаря ее стараниям школьники – «отъявленные лоботрясы» – изменились в лучшую сторону.

Повествование в очерке ведется от лица автора, отсюда – включение в структуру текста авторского восприятия героя. В контрасте или вместе с дополнениями наблюдений публициста читатель может открыть для себя новые грани героя: скромность, неуверенность или силу духа и бесстрашие, а также иные черты характера. «Попрощавшись на крыльце, почему-то оглядываюсь. Лариса Александровна стоит со своей внучкой Машей, и обе машут мне вслед. У калитки оглянулась – опять в ответ приветливые жесты. И потом, пока не зашла за поворот, – тоже. Вот что значит – увидеть человека. И сделать так, чтобы по-настоящему увидели тебя» [1].

В качестве фона для портрета героя очерка может быть использован пейзаж. «Вдруг запад озарился зловещей кровавой вспышкой, вязкую тишину разорвал гром, задрожала земля под ногами, и послышался нарастающий гул. Что это? Гроза? Землетрясение?! Разбудить товарищей?! А не будут они смеяться, называть приехавших на границу паникерами?» [2] – эта зарисовка, предваряющая драматическое повествование в очерке «В списках не значились» О. Гребенникова, не просто описание природы, а «подсказка» аудитории. Герой еще не догадывается о том, что происходит, зато читатель знает и проникается доверием и сочувствием к герою. Подобные описания часто выступают ключом к характеристике героя – пейзаж в таком случае становится «картиной» душевного состояния человека.

Для создания достоверности образа героя публицист может «озвучивать» реплики внутреннего монолога: «Это провокация?! Война?! Командиров нет! Связи нет! Распоряжений нет!» [2]. Такие восклицательные предложения служат для передачи эмоционального состояния: короткие предложения с восклицательными знаками воспринимаются как крик, отчаяние и даже призыв к помощи.

Одним из способов проникновения во внутренний мир личности является анализ мотивационной сферы, который коррелируется с идеалами, установками, убеждениями, ценностями, интересами и желаниями личности. Так построено большинство портретных очерков в анализируемых нами газетах.

Часто очеркисты экспериментируют с перемещением героя во времени и пространстве: «Собеседник с большой неохотой рассказывает о событиях того времени, потому что за почти двухлетний период службы в условиях высокогорья, вплоть до 3 августа 1985, Александр Анатольевич повидал многое. А пока на календаре 10 февраля 1984 года. Молодому и смелому Александру 20 лет. Его назначают командиром саперного отдельного батальона ВДВ специального назначения» [3]. Вместе с героем публикации читатель «переносится» в то время и место, о которых идет речь в очерке, переживает трудности, с которыми столкнулся юноша. Такое косвенное участие позволяет читателю почувствовать, что испытал молодой человек, оказавшись в необычных условиях.

Современный портретный очерк существенно отличается от очерка советского времени. Если для публициста XX века первостепенной задачей было показать идеального гражданина, патриота своей страны, то сейчас на газетных страницах можно найти образ обычного человека со своими достоинствами и недостатками. Очеркисты обращают внимание не только на положительные качества человека. В материалах показаны люди, которые совершали ошибки, но обязательно признавали их и делали все возможное для того, чтобы исправить их. Это не идеальный человек, но тот, кто стремится к идеалу, с кого можно брать пример, тот, кто готов работать над собой и хочет стать еще лучше.

Литература:

1. Глушенко, Т. Звонок длиною в жизнь / Т. Глушенко // Вечерний Брест. – № 70. – 2016. – С. 12.
2. Гребенников, А. В списках не значились / О. Гребенников // Заря. – № 69. – 2016. – С. 16.
3. Захарова, А. Афганистан : без права на ошибку / А. Захарова // Брестский вестник. – № 7. – 2016. – С. 24

КУХАРЕНКО О.

**АВТОРСКИЙ БЛОГ ПОРТАЛА «СБ. БЕЛАРУСЬ СЕГОДНЯ»:
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

Эмпирическим материалом для исследования послужили интернет-материалы блог-платформы портала объединенной редакции газеты «Советская Белоруссия» SB.BY по состоянию на 01.03.2017 г. Днем рождения блогерской площадки SB.BY можно считать 24 июля 2004 г., когда появился первый пост автора Татьяны Сулимовой под символическим названием «Смешные человечки. Что-то я в последнее время куда ни гляну – кругом Европа». У поста всего 1813 просмотров, что, конечно же, немного, учитывая, возраст записи.

По состоянию на 1 марта 2017 г. портал SB.BY насчитывал 94 блога, в которых размещено 6057 постов. В среднем один автор за 13 лет разместил 63 поста или 5 постов в год. Это невысокий показатель, однако, данные весьма усреднены, хотя по ним, несомненно, можно составить общую картину функционирования авторского блога портала SB.BY. В результате исследования материалов блог-платформы портала SB.BY мы пришли к следующим выводам:

1. Сегодня из 94 авторов площадки SB.BY активных насчитывается около 50 человек, что составляет примерно 55 %, а если учесть тех, кто имеет менее 10 записей, то их получится еще меньше. К тому же, по нашему мнению, многих авторов, публикующихся на блог-площадке SB.BY, нельзя в полном смысле назвать блогерами, поскольку блогер – это постоянно публикующийся автор, а не тот, кто разместил один текст. К такой категории – «не совсем блогер» – можно отнести чиновников, которые опубликовали по одному посту.

2. Как показал анализ, количество блогеров прибавлялось постепенно из года в год. Однако замечено, что пики появления новых авторов выдались на 2007 и 2014 гг., между этими годами наблюдаются спады. Очередной семилетний цикл достигнет своего пика в 2021 г. Скорее всего и другие динамические процессы в газете так или иначе привязаны к данному циклу, корни которого следует искать в особенностях развития издания, в становлении портала SB.BY и самой блог-площадки, в специфике работы журналистов-блогеров.

3. Самый активный блогер площадки SB.BY – это Инесса Плескачевская, которая написала свой первый пост 13.08.2005 г. К настоящему моменту ее блог насчитывает 668 записей. За ней следует Татьяна Сулимова с 523 записями. Замыкает тройку лидеров блогер и спортивный обозреватель Сергей Канашиц с 400 записями. Менее 10 записей имеют 30 блогеров, или 32 % от общего числа блогеров. По одной записи имеют 16 человек, это 17 % от всех блогеров, из них только 4 человека начали писать в 2017 г.

4. Авторы блогов в своих материалах затрагивают самые разнообразные темы, чаще обывательского характера (62 человека). Политическую сферу описывает 7 человек, такое же количество журналистов работает со сферой образования, на тему искусства пишут 5 человек, по 3 журналиста репрезентируют спорт и экономику, 2 блогера затрагивают вопросы сельского хозяйства, криминальную тематику представляет 1 человек.

5. Гендерное соотношение блогеров на площадке SB.VY примерно одинаково (из 94 блогов 52 ведут мужчины и 42 женщины), однако, если говорить об активности, то перевес оказывается на женской стороне.

6. Композиционно-содержательная организация авторских блогов на портале SB.VY не отличается большим разнообразием. Оформление постов в блогах – стандартное, почти никто из блогеров не пользуется подзаголовками, списками, акцентированием внимания путем выделения жирным шрифтом. Редко в посте можно найти более одной фотографии, а фотоиллюстрации самих авторов не всегда качественные. Заметим, слово «Блог» не употребляется на главной странице портала. Вместо него используется слово «Мнения», что вызывает путаницу, потому что, попадая на страницу «Мнения», мы ниже видим надпись «Блоги».

7. Анализ языковой организации авторских блогов в онлайн-версии газеты «СБ. Беларусь Сегодня» позволил сделать вывод о том, что основная масса представленных блогов (99 %) ведется на русском языке. Лишь один автор на постоянной основе представляет свой блог на белорусском языке – Игорь Савостенко. На начало марта 2017 г. его блог насчитывал четырнадцать публикаций. Изредка некоторые авторы обращаются к белорусскому языку, но это скорее исключение из правил, нежели устоявшаяся норма, например, Ирина Шатырёнок пишет про белорусское искусство и иногда делает вставки в публикации на белорусском языке.

8. Во многих авторских материалах поднимаются насущные вопросы, но нередко это делается с использованием жаргонизмов, просторечной лексики, авторских неологизмов, неуместных сравнений, ярко окрашенных слов, с помощью которых автор блога пытается быть ближе к читателю, говорить с ним на одном языке, но на деле отталкивает как деловых, так и обычных читателей («мы с женой прикинулись валенками», «незнакомец отплывал от агроусадьбы», «однако и там ждал облом», «ходить вокруг да около такой крали», «решила, как выразилась сама, завязать», «постебаться», «с количеством детей тоже ахтунг», «не, ну а как: бахнул пивка», «почесал живот», «расписывать прелести», «влюбишься до одури», «неказистого паренька в трениках», «некая развлекательная новостюшечка» и др. Использование такого типа выражений идет во вред и стилю, и репутации газеты.

Таким образом, организация авторских блогов на портале издания «СБ. Беларусь Сегодня», с одной стороны, является продолжением общественно-

политического нарратива бумажной версии газеты, ориентированной на официальное освещение значимых государственных и общественных событий в Республике Беларусь, с другой стороны, указывает на стандартность функционирования исследуемой блог-площадки.

Литература:

1. Лазутина, Г. В. Жанры журналистского творчества : учеб. пособие для студентов вузов / Г. В. Лазутина, С. С. Распопова. – М. : Эврика, 2011. – 315 с.
2. Лукина, М. М. Интернет-СМИ : теория и практика / М.М. Лукина. – М. : Наука, 2010. – 422 с.

КУЧИНСКАЯ Я.

ПРОБЛЕМА «ЧЕЛОВЕК И ЭПОХА» В РОМАНЕ «МЫ» Е. ЗАМЯТИНА

Людам характерно размышлять о том, что ждёт их впереди. Большое количество писателей в различные эпохи стремились раскрыть завесу, за которой таится будущее, стремились предвидеть его, понять то, что не может понять ни один человек.

Подобным писателем был Евгений Замятин. Недовольство настоящим, советской реальностью вынудило его задуматься о том, каким должно быть государство, чтобы человек был счастливым, чтобы верить в хорошее будущее? Замятин будто бы намеренно повторяет представление одной из традиционных утопий: его герои проживают коммуной в городе из стекла и металла.

В романе «Мы» в необыкновенном и гротесковом виде представляется перед читателем вероятный вид общества завтрашнего дня. Это роман о великом техническом прогрессе, достигнутом на Земле, о счастье, каким его представляют люди, о бездуховном обществе, о любви и предательстве, о тоталитаризме, о свободе и несвободе человека, о его праве на выбор [3, с. 50].

Название романа необычно, но показательно. Главный герой говорит о себе, что он только один из математиков Великого Государства. «Я лишь попытаюсь записать то, что вижу, что думаю – точнее, что мы думаем (именно так – мы, и пусть это «Мы» будет заглавием моих записей)» [1, с. 29].

Мы видим «математически идеальную жизнь» Единого Государства. Символический облик «огнедышащего интеграла» – чуда технической идеи и в то же время орудия жесточайшего порабощения. Бессердечная техника совместно с деспотичной властью перевоплотила человека в дополнение машины, отобрала у него свободу, воспитала в добровольном рабстве. Это общество без любви, без души, без поэзии. Человеку-«нумеру», лишенному имени, внушено, что «наша несвобода» и есть «наше благополучие», что это

самое «счастье» в отказе от «я» и растворении в безличном «мы», что творческий процесс – это «государственная служба».

Начинает Д-503 свои записки цитатой из Единой Государственной Газеты, в которой сообщается, что близится час, когда «Интеграл» отправится в мировое пространство, неся счастье существам, обитающим на других планетах. «Если они не поймут, что мы несем им математически-безошибочное счастье, наш долг – заставить их быть счастливыми». Уже в этом сквозит тема насилия: «заставим»! Речь о счастье, которое будет навязано силой. И само Единое Государство строилось так же. В период Двухсотлетней Войны гнали из деревни в город людей, «чтобы силою спасти их и научить счастью» [1, с. 35].

Миллионы недумаящих счастливых людей! Человек-машина – таков «номер» (не гражданин!) Единого Государства. Автоматизм действий и мышления, никакой работы души. Технический прогресс, оказывается, может не сопровождаться духовным.

Счастье для всех! Но, как окажется, среди миллионов счастливых есть такие, которые не удовлетворены всеобщим счастьем: Д-503, I-330, R-13, доктор из Медицинского Бюро, O-90. Не случайно среди них есть женщины. Женщины скорее мужчин не согласятся с автоматизмом жизни, с полной зависимостью от обстоятельств.

Роман Замятина стал особенно ценен как предупреждение о вероятных искажениях социализма, об опасности давления на личность человека. Следующие события отечественной и мировой истории показали, что беспокойства писателя не были беспочвенными. Советский человек ощутил и горестные уроки коллективизации, и сталинизм, и репрессии, и общий страх, и медленное развитие [3, с. 65].

У Замятина в романе есть идея, не свойственная множеству наших современников. Автор настаивает на том, что не существует безупречного общества. Жизнь – это тяга к идеалу. И если эта тяга отсутствует, мы замечаем разлагающее время застоя.

Имеется в романе ещё одна проблема, созвучная современному дню. Это экология. «Антиобщество», показанное в книге, несет разрушение естеству жизни, отделяя человека от природы. Писатель хотел бы, чтобы «обросшие цифрами» люди учились у птиц, цветков, солнца. Только это, согласно суждению автора, способно восстановить внутреннюю сущность человека [2, с. 154].

Е. Замятин, равно как любой крупный художник, обращался к проблеме «вечных ценностей» даже в условиях массовых исторических сдвигов XX века. Написанная книга не была принята на родине. Идеологи не могли принять идеи и сомнения Замятина. Писатель в своих «запрещенных» страницах создает вероятную событийную цепочку периода, не видя которую, невозможно в полной мере понять ни нынешнего, ни предстоящего. Работы, схожие с

романом «Мы», прорвались к нам из небытия и дали возможность «по-новому» посмотреть на события определённой эпохи, понять значимость человека в ней. «Мы» – предупреждение о том, что может произойти в случае, если человеческое общество кто-то стремится превратить в комплекс «винтиков» или если социум согласен сам себя таковым сделать. Подобные произведения «выдавливают» из человека рабство, делают его личностью.

Литература:

1. Замятин, Е. И. Избранные произведения / Е. И. Замятин : предисл. В. Б. Шкловского, вступ. ст. В. А. Келдыша. – М., 1998. – 352 с.
2. Русская литература XX века : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений : В 2 т. – Т.1: 1920–1930-е годы / Л. П. Кременцов, Л. Ф. Алексеева, Т. М. Колядич и др. ; Под ред. Л. П. Кременцова. – 2-е изд., перер. и доп. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – 496 с.
3. Скалон, Н. Р. Будущее стало настоящим : (Роман Е. Замятина «Мы» в лит.-филос. контексте) : Учеб. пособие / Н. Р. Скалон. – Тюмень : Экспресс, 2004. – 114 с.

ЛАШКОВСКАЯ А.

СПЕЦИФИКА ЗАГОЛОВКО РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

Эмпирической базой для данного исследования послужила газета «Комсомольская правда в Беларуси» за 2012–2017 гг. По нашим подсчётам, рекламные тексты занимают в газете 15% от всех материалов издания за названный период. Это говорит о том, что рекламные тексты в газете распространены и требуют тщательного исследования с разных позиций. Как известно, заголовок – самая важная вербальная часть рекламного медиатекста, которая привлекает внимание, вызывает интерес, идентифицирует товар/услугу, поэтому эффективность опубликованного материала во многом зависит от оформления и характера заголовков. Рекламные заголовки должны отвечать требованиям всевозможных коммуникативных ситуаций. Это определяет и огромное разнообразие коммуникативных приёмов, посредством которых создаются заглавия.

Так, по типу использования коммуникативного приёма в газете «Комсомольская правда в Беларуси» (далее – КП) нами были зафиксированы следующие заголовки:

– заголовок-вопрос (вопросительные заголовки): «*Вы не похудели к лету?*» – реклама таблеток для похудения (КП, 29.08.2016); «*Почему ты еще не с нами?*» – реклама мобильной сети (КП, 03.03.2012); «*Скорость или жизнь?*» –

социальная реклама (КП, 28.03.2014); «*Им не холодно, а вам?*» – реклама кондиционеров (КП, 16.02.2012). Такие заголовки используются с целью вызвать интерес читателя, поскольку, прочитав вопрос, потребитель хочет получить ответ, который можно найти в основном рекламном тексте. Заголовок-вопрос – это одна из часто используемых рекламных стратегий;

– заголовок-команда, т.е. заголовки, содержащие команду: «*Купи! Мы вернем деньги*» – реклама новой акции от магазина «Электросила» (КП, 07.05.2014); «*Экономь правильно*» – реклама новой акции от магазина «Мила» (КП, 19.01.2016); «*Экономь вместе с Fairy*» – реклама моющего средства (КП, 07.09.2016); «*Запоминай зверей и выигрывай*» – новая акция от контактного зоопарка (КП, 21.06.2015); «*Не стой на месте*» – реклама снеков (КП, 11.11.2012). Такие заголовки заинтересовывают и побуждают к действию, а это очень важно для потребителя;

– заголовок-провокация: «*Вы ходите по деньгам*» – реклама курсов саморазвития (КП, 21.05.2013); «*Это магия?*» – реклама кондиционера для белья (КП, 06.02.2012); «*Показать тебе другую реальность?*» – реклама новой модели ноутбука (КП, 24.11.2013). Когда заголовок несёт в себе эффект провокации да ещё в вопросительном тоне, это сбивает потребителя, и он хочет разобраться в ситуации. В итоге адресат прочитывает текст;

– заголовок-суперутверждение: «*Еще больше питательной ценности*» – реклама энергетических батончиков (КП, 28.06.2016); «*Шампунь и кондиционер в одном флаконе*» (КП, 06.04.2017); «*Ваш ребенок будет доволен*» – новые каши от компании «Беллакт» (КП, 18.08.2015); «*Нужна ли реклама совершенству?*» – реклама нового автомобиля «БМВ» (КП, 08.05.2014); «*Завтра ты будешь блистать*» – реклама нового мыла «Дав» (КП, 18.07.2016); «*Лодэ лечит*» – реклама медицинского центра» (КП, 10.05.2015); «*Это ваш престиж*» – реклама новой коллекции часов (КП, 23.10.2012); «*В пять раз больше энергии*» – реклама нового энергетического напитка «Блэк» (КП, 23.11.2014); «*Еще больше знаний в одном курсе*» – реклама образовательных курсов (КП, 14.09.2014). Такой тип коммуникативной стратегии используют только в тех случаях, когда фирма или компания абсолютно уверена в высоком качестве своего товара или услуг. В противном случае эффект от возможного разочарования загубит всю рекламную стратегию данной рекламной кампании [1]. Как правило, такие заголовки обещают потребителю какую-нибудь выгоду;

– заголовок-решение проблемы на личном опыте: «*Мне помог только Турбослим*» – история похудения женщины с помощью препарата «Турбослим» (КП, 12.12.2014); «*Как я погасил кредит без переплаты*» – реклама Приорбанка (КП, 03.11.2012); «*Мой новый Бош такой компактный*» – реклама новой посудомоечной машины (КП, 02.08.2015); «*Все звезды сохраняют молодость именно так*» – реклама крема «Черный жемчуг» (КП, 18.07.2013). Главная функция такого заголовка – вызвать доверие. Когда потребитель читает

«жизненные» истории, он забывает, что читает рекламу. Как правило, в этом типе заголовков рекламная кампания обещает быть с потребителем в трудную, опасную минуту его жизни. Рекламодатели утверждают, что именно их товар сможет помочь человеку в решении его проблемы;

– заголовки, сообщающие о полезных свойствах товара: *«Быстро удалит грязь»* – реклама стирального порошка (КП, 08.04.2013); *«С ним газон станет ровнее»* – реклама газонокосилки (КП, 05.03.2014); *«Скорость. Надежность. Комфорт»* – реклама новой модели машины (КП, 11.06.2014); *«Сэкономит деньги на заправке»* – реклама дисконтной системы компании Лукойл (КП, 21.08.2014); *«Содержит 64 ореха»* – реклама нового шоколадного батончика (КП, 05.06.2012); *«Экономия до 50 %»* – реклама порошка (КП, 25.07.2016); *«33 км на литр топлива»* – реклама новой модели машины (КП, 04.12.2016); *«В 2 раза меньше аммиака»* – реклама краски для волос (КП, 12.04.2012); *«В 5 раз больше фруктов»* – реклама сока (КП, 17.11.2014). Реклама, содержащая полезные советы, часто прочитывается как обычный текст. Только в самом конце читатель понимает, что он прочитал рекламу. За это время информация о продукте уже отложилась в его голове. Нередко в таком виде заголовка используются цифры, которые подтверждают положительные качества товара;

– заголовки с негативной окраской. Специалисты рекламного дела советуют избегать таких заголовков, потому что негативная окраска слова пугает людей. Однако при грамотном использовании таких слов реакция читателя будет настолько велика, что он дочитает текст до конца: *«Тяжело продать свой товар?»* – реклама сайта «Куфар» (КП, 29.01.2016); *«Скандал на работе, скандал в семье? Успокой себя»* – реклама успокоительного средства (КП, 04.12.2012). Когда потребитель видит негативные слова, они вызывают у него страх, а со страхом потребитель хочет справиться, именно поэтому он прочитает материал, чтобы понять, как решить проблему. Чаще всего такой заголовок содержит вопрос, ответ на который находится в тексте. Поэтому данная стратегия в большинстве случаев включает два приёма построения заголовков: вопросительную конструкцию и слова с негативной окраской;

– заголовки со словами, заставляющими действовать мгновенно. Они показывают, что такая выгодная цена или акция продлится совсем недолго: *«Последний шанс купить по прошлогодней цене!»* – реклама сети обувных магазинов (КП, 23.01.2015); *«Цены снижены в два раза только до конца месяца»* – магазин бытовой техники (КП, 09.07. 2015); *«Лучше сейчас, чем никогда»* – реклама нового кредита в Приорбанке (КП, 05.04.2015); *«Предложение действует только до конца весны»* – реклама мебельной фирмы (КП, 21.05.2015); *«Осталось ограниченное количество товара»* – магазин бытовой техники (КП, 12.11.2016); *«Только в это воскресенье большая распродажа»* – реклама «Шубомании» (КП, 26.10.2016). В последнее время

такие заголовки набирают особую популярность, их можно наблюдать чаще, чем остальные виды. Поскольку каждая сеть магазинов, товаров и услуг предлагает большое количество скидок, компании стараются выделиться с помощью указания границ времени.

Таким образом, кроме названных групп рекламных заголовков по виду коммуникативных приёмов, в «Комсомольской правде в Беларуси» используют и другие типы, например, заголовки-отрицания, высказывания, парадоксы, интриги, заголовки, рекламирующие два товара одновременно, заголовки на двух языках одновременно, заголовки с различными способами использования бренда. При выборе типа заголовка, авторы стараются определить характер своей целевой аудитории, её возраст, социальный статус, интересы. Тип заголовка очень важен, особенно для республиканской газеты, потому что здесь аудитория в несколько раз больше и разнообразней, и чтобы привлечь внимание большей части читателей, нужно делать заголовки очень точными, интересными и в некотором смысле вызывающими.

Литература:

1. Кафтанджиев, Х. Тексты печатной рекламы [Электронный ресурс] / Х. Кафтанджиев. – М. : Смысл, 1995. – 134 с. – Режим доступа : <http://www.studfails.ru/preview/5826204/page:2/>. – Дата доступа : 15.03.17.
2. Назайкин, А. Н. Практика рекламного текста / А. Н. Назайкин. – М. : Бератор-Пресс, 2003. – 320 с.
3. Розенталь, Д. Э. Стилистика газетных жанров / Д. Э. Розенталь. – М. : АВ-пресс, 1999. – 376 с.

ЛОГОШ О.

КОЛОРНИМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

От цветового воздействия зачастую напрямую зависит настроение, эмоции и даже физическое самочувствие людей. «Различение цветов является для нас и источником эстетических переживаний; ...общее эмоционально положительное отношение к многообразию цветов нашло себе выражение и в обычном для нас отождествлении в речи «содержательного», «приятного» с «красочным». Мы говорим, например, «красочная» жизнь, противопоставляя ей жизнь «серую» [1, с. 6].

Колоронимы помогают авторам раскрывать идею произведения, создавать определенный эмоциональный настрой, рисовать образы героев.

Согласно Н.Б. Бахилиной, лексико-семантическая группа цветообозначений в памятниках раннего периода (XI–XII вв.) представлена небольшим количеством цветообозначений, но количество колоронимов со временем увеличивается, особенно в деловых памятниках [2]. Вероятно, в древнерусском языке раннего периода было гораздо больше цветообозначений, но они не были зафиксированы в письменных памятниках. В это время уже должны были существовать цветообозначения для названия мастей животных (*бурый, вороной, гнедой* и др.), которых нет в древнейших памятниках.

Система цветообозначений в русском языке представлена следующими номинативными единицами:

- моноксемные имена прилагательные (*красный, синий* и под.);
- сложные имена прилагательные:
  - а) названия равноправных цветов или оттенков (*розовато-лиловый, дымчато-коричневый, буро-желтый* и др.),
  - б) название цвета с уточнением его интенсивности (*темно-зеленый, ярко-фиолетовый, мутно-голубой* и под.);
- сложные цветообозначения со структурой «сущ. *цвет* + имя сущ. в им. падеже» (*цвет хаки, цвет коралл* и под.);
- сложные цветообозначения со структурой «сущ. *цвет* + имя прилаг. + имя сущ. в им. или род. падеже» (*цвет мокрый асфальт, цвет синяя полночь, цвет снежная королева; цвет морской воды, цвет старой розы*).

Судя по данным лексикографических источников, наиболее традиционными цветообозначениями являются моно- и билексемные номинации. Общая тенденция, некоторый лингвистический стимул в истории цветообозначений – это создание обобщённых или абстрактных цветообозначений [2, с. 32]. Эти слова не связаны с производящей основой (не вызывают никаких ассоциаций), имеют неограниченную сочетаемость, стилистически нейтральны. Такого рода абстрактными цветообозначениями являются уже для раннего периода слова *белый, чёрный, жёлтый, зелёный*.

Однако русская литература, специалисты в сфере автомобильной промышленности, красильного производства, текстильной промышленности, ботаники, зоологии и др. наряду с традиционными названиями цвета широко используют и обозначения со сложной структурой.

Закономерным становится употребление в составе цветовых обозначений имен собственных (литературных героев, названий городов, морей, островов, проливов), например, *цвет офелия, цвет балтика, цвет нарва, цвет медео*, а также существительных, обозначающих животных, растения, драгоценные камни, например, *цвет бизон, цвет наutilus, цвет игуана, цвет опал* и другие.

Включение в состав цветообозначения онимов отчасти конкретизирует определенный цветовой оттенок (присущий, например, одежде литературного

героя, оттенку воды Адриатического моря), но важнее то, что это создает рекламное «красивое» наименование. Вероятно, это прием психологического воздействия на покупателя: каждому человеку присуще стремление иметь вещь индивидуально изготовленную, может быть раритетную, отличающуюся от всех остальных в этом ряду не только формой, цветом, но и названием. Например, номинативные единицы *цвет кармен* и *красный* указывают на практически одну окраску предметов, однако тончайшие оттенки окраски и разные названия предполагают некоторое разнообразие.

Таким образом, система цветообозначений русского языка представляет собой не только полисемичное пространство, в котором отражается цветовая гамма реального мира, но и комплекс номинативных единиц, разнообразных с точки зрения структуры и этимологии, уточнение которой, на наш взгляд, в отдельных случаях необходимо.

Литература:

1. Кравков, С. В. Цветовое зрение / С. В. Кравков. – М. : АН СССР, 1951. – 188 с.
2. Бахилина, Н. Б. История цветообозначений в русском языке / Н. Б. Бахилина. – М. : Наука, 1975. – 288 с.

ЛУКАШЕВИЧ Т.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛА В СЛЕНГЕ ГЕЙМЕРОВ

В наше время непрерывность процессов развития языка выразительно иллюстрируется появлением сленга геймеров. В нём находит специфическое отражение внеязыковая ситуация, сложившаяся на рубеже XX и XXI веков, которая, как отмечают исследователи, «усилила реализацию двух основных тенденций, определявших <...> развитие русского литературного языка еще с начала XVIII века. Это тенденции к демократизации литературного языка и его европеизации» [1, с. 296]. На данный момент сленг геймеров является малоизученным социолектом и требует пристального внимания лингвистов. Мы обратились к изучению процессов формирования лексикона названного сленга, избрав в качестве материала глагольную лексику, функционирующую в игре World of Warcraft.

Прежде всего отметим, что глагольная лексика в сленге многообразна, она называет: а) действия персонажей игры (*агрить* (от англ. agro – ‘вызывающее, агрессивное поведение’) – ‘провоцировать на атаку’, *танчить* (от англ. tank) – ‘принимать урон на себя’, *кикнуть* (от англ. kick – ‘пинок’) – ‘выкинуть из группы/рейда/гильдии’, *ливнуть* (от англ. leave – ‘уйти’) – ‘уйти из

группы/рейда/гильдии', *инвайтить* (от англ. invite – 'приглашение') – 'пригласить в группу/гильдию');

б) действия игроков (*читерить* (от англ. cheat – 'мошенничество') – 'мошенничать', *вайнить* (от англ. whine – 'жалобы, нытье') – 'ныть', *флудить* (от англ. flood – 'наводнение') – 'засорять чат', *слакать* (от англ. slack – 'ленится') – 'играть лениво, не прилагая необходимых усилий', *афкашить* (от англ. afk – away from keyboard – 'не у клавиатуры') – 'отойти от компьютера на какое-то время');

в) воздействие на игру и игроков (*нерфить* (англ. nerf) – 'ослабление игрового элемента с целью уравновесить игровой процесс в целом', *банить* (англ. ban) – 'запрещать вход в игру').

Обслуживая специфическую среду общения геймеров, каждый язык, в том числе русский, образует необходимую лексику способами, характерными для языка в целом. Ученые констатируют, что «при всем типологическом разнообразии языков и неповторимости их индивидуальных судеб существует только четыре пути или способа пополнения словаря <...>: 1) морфемная деривация; 2) семантическая деривация; 3) образование несвободных сочетаний; 4) заимствования» [2, с. 273–274]. Оставляя в стороне несвободные сочетания, отметим, что в сленге геймеров семантическая деривация, ведущая к формированию глагольной терминологии на основе существующих слов русского языка, тоже есть, но она непродуктивна (*жарить* 'атаковать на максимуме возможностей'; *танцевать* 'постоянно перемещаться во время боя'). Основную роль в пополнении сленга глаголами играют иноязычные же заимствования, которые необходимо рассматривать в тесной связи с морфологическим словообразованием. Результатом этого взаимодействия является продуцирование новых слов на базе имеющихся словообразовательных ресурсов и производящих основ.

Для морфологической деривации глаголов примечательна одна особенность: в сленге геймеров необычайно активно используются в качестве производящих основ субстантивированные заимствования из английского языка. В пополнении сленга специфической лексикой удельный вес процессов заимствования из английского языка и словообразования на его основе необычайно высок не случайно. Выдвижение на первое место заимствований из английского языка объясняется его особой ролью в сленге геймеров: для массовых онлайн-игр типа World of Warcraft это исходный генетический пласт.

В английском языке, однако, обычна ситуация, когда одно и то же слово может функционировать и как имя, и как глагол. Частеречная принадлежность таких слов, как правило, зависит от контекста и вне его трудно определима. Существенное отличие между английским и русским языком в этом аспекте заключается в том, что в русском языке омонимичные существительные и глаголы единичны: *знать*, *стать*, *печь*. Поэтому англоязычные глаголы,

омонимичные существительным, в русский игровой сленг в исконной форме не заимствуются. Достаточно сравнить несколько предложений из английского и русского игрового сленга:

1. *Nice wipe* (англ.) – *хороший вайп* (рус.); *literally you just need to follow basic tactics and people still can wipe there... how?!* (англ.) – *буквально, вы просто должны следовать основной тактике и люди смогут там вайпнуться... как?!* (рус.). Здесь *вайп* – ‘гибель всего отряда’, а *вайпнуться* ‘погибнуть всем отрядом’.

2. *Do rogue have a stun that you can't trinket* (англ.) – *У роги есть стан, который нельзя усилить* (рус.); *So... I go for arenas and when I play with rogues they will stun me for like 1-2 times and will instantly KILL ME!* (англ.) – *Итак... Сейчас я иду на арену, и когда я буду играть с разбойниками, они застанят меня всего раз или два и тут же УБЬЮТ МЕНЯ!*» (рус.). Здесь *стан* имеет значение ‘обездвиживание’, а *застанят* – ‘обездвижат’.

3. *Is simply to put the dispel back as it originally was* (англ.) – *Просто вернуть диспел, как он был первоначально* (рус.); *Does anyone know what option it is to show only buffs you can dispel on an enemy?* (англ.) – *Кто-нибудь знает опцию, которая покажет только те баффы на враге, которые можно сдиспелить?* (рус.). Слово *диспел* реализует значение ‘снятие ослабляющего заклинания’, а *сдиспелить* ‘снять ослабляющее заклинание’.

Нетрудно заметить, что слова английского языка, имеющие в языке-доноре возможность выступать как разные части речи, при заимствовании в русскоязычный сленг геймеров в своём первоначальном виде обычно субстантивируются и функционируют в качестве имен существительных. Они становятся частью деривационных ресурсов языка-реципиента и могут выступать в сленге базой для образования новых частей речи, главным образом глаголов, которые оформляются по аналогии с существующими лексемами по законам русского словообразования.

В сленге геймеров наиболее активно глаголы образуются суффиксальным способом. Продуктивны суффиксы, образующие название действия, относящегося к тому, что названо мотивирующим именем: 1) **-и-**: *дамажить* (‘наносить урон’), *станить* (‘обездвиживать’), *банить* (‘запрещать вход в игру’), *сейвить* (‘сохранить что-либо’), *суммонить* (‘телепортировать кого-либо к себе’); 2) **-а-**: *ресать* (‘воскрешать’), *ливать* (‘покидать группу’), *скипать* (‘пропускать’), *слакать* (‘плохо играть’), *вайпать* (‘допускать гибель отряда’); 3) **-ну-**, с помощью которого от глаголов образуются новые глаголы со значением однократности: *реснуть* (‘воскресить’), *ливнуть* (‘покинуть группу’), *скипнуть* (‘пропустить’), *кикнуть* (‘выкинуть из группы’). Производным от этого суффикса является суффикс **-ану-**, придающий значение однократного интенсивного или неожиданного действия: *портануть* (‘телепортировать’), *линкануть* (‘кинуть ссылку на предмет или способность’);

4) *-ова-*, например, *танковать* ('принимать урон на себя'), *кастовать* ('произносить заклинание').

Достаточно широко заявлен и префиксальный способ. Чаще всего так образуется видовая пара, однако привносится и некоторое дополнительное лексическое значение. Наиболее продуктивны приставки: 1) *за-*, в значении довести действие до результата: *задамажить* ('нанести урон'), *застанить* ('обездвижить'), *забанить* ('запретить вход в игру'), *захилить* ('вылечить'); 2) *по-*, в значениях доведения действия до результата *понерфить* ('ослабить'), *похилить* ('вылечить'), *поролить* ('выбрать благодаря жребию'), *посейвить* ('сохранить') или совершения действия в течение некоторого времени: *подамажить* ('наносить урон какое-то время'), *потанковать* ('принимать урон на себя какое-то время'), *пофармить* ('собрать что-либо'), *поафкашить* ('отойти от клавиатуры на время'). Менее продуктивны приставки *с-* в значении однократного действия: *сдиспелить* ('сбросить ослабляющее заклинание'), *скастовать* ('произнести заклинание'), *сагрить* ('спровоцировать на атаку'); *от-* в значении интенсивное, окончательное совершение действия: *отфармить* ('набрать достаточное количество'); *пере-* в значении нежелательной интенсивности: *перехилить* ('вылечить больше нужного, впустую потратив силы и ресурс'); *при-* и *на-* в значении доведения действия до результата: *присуммонить* ('телепортировать к себе') и *нафармить* ('насобирать').

Имеет место и постфиксация. Мы зафиксировали около 15 глаголов, являющихся постфиксальными дериватами от глаголов, образованных на основе имен существительных: *вайпаться*, *агриться*, *свитчиться*, *сейвиться*, *фармиться* и др.

В ходе процессов морфологической деривации на основе иноязычных имён в сленге геймеров формируются комплексные словообразовательные единицы разного порядка, начиная от пары до гнезда. Например, словообразовательная пара: *линк* → *линк-ану-ть*, *порт* → *порт-ану-ть*, *слак* → *слак-а-ть*; словообразовательная цепочка: *бурст* → *бурст-и-ть* → *за-бурст-и-ть*, *свитч* → *свитч-и-ть* → *свитч-и-ть-ся*, *бан* → *бан-и-ть* → *за-бан-и-ть*; словообразовательная парадигма: *танк* → *танч-и-ть*, *танк* → *танк-ова-ть*.

Словообразовательное гнездо с верхушкой *хил-*:

	→ <i>хил-и-ть</i>	→ <i>хилить-ся</i> ;
	→ <i>вы-хилить</i>	
<i>хил</i>	→ <i>пере-хилить</i>	
	→ <i>по-хилить</i>	→ <i>по-хилиться</i>
	→ <i>за-хилить</i>	→ <i>захилить-ся</i> ;
	→ <i>от-хилить</i>	→ <i>отхилить-ся</i>

Кроме того, в сленге практикуется морфологическое словопроизводство на базе аббревиатур и усечений, которые заимствуются из английского языка в

готовом виде. Иначе говоря, англоязычные аббревиатуры не расшифровываются и не переводятся, а просто переносятся в сленг в своём первоначальном виде. Это такие аббревиатуры, как *дпс* (от англ. DPS – damage per second) ‘урон в секунду’, *аое* (от англ. AoE – area of effect) – ‘закливание, наносящее урон по площади’, *пм* (от англ. PM – personal/private message) – ‘личные сообщения’, *фпс* (от англ. FPS – frames per second) – ‘количество кадров в секунду’, *ДоТ* (от англ. DoT – damage over time) – ‘закливание, наносящее периодический урон’. Они тоже становятся словообразовательной базой для суффиксальных и приставочно-суффиксальных глагольных дериватов. Так, аббревиатура *аое* служит базой для слов *аоешить*, *зааоешить*; *бг* → *бгшить*; *пвп* → *пвпшить*; *дпс* → *дпснуть*; *афк* → *афкшить* и т.п.

Как видим, глагольное словообразование в сленге геймеров специфично. В нем, во-первых, необычайно активно используются в качестве производящих основ субстантивированные заимствования из английского языка, а во-вторых, как деривационная база используются аббревиатуры. И то, и другое характеризует особенности складывания лексики сленга геймеров, связанные с его генезисом и функционированием.

Литература:

1. Валгина, Н. С. Активные процессы в лексике русского литературного языка и вопросы культуры речи // Филология в пространстве культуры / Донецк : ООО «Юго-Восток, ЛТД», 2007. – С. 296–307.
2. Общее языкознание : Структура языка. Типология языков и лингвистика универсалий : учеб. пособие / Н. Б. Мечковская, [и др.]; под общ. ред. А. Е. Супруна. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Высш. шк., 1995. – 336 с.

МАРТЫНЮК М.

ЖАНРОВЫЕ СТРАТЕГИИ САЙТА РЕГИОНАЛЬНОГО СМИ

Интернет-пространство характеризуется рядом отличных от привычных для средств массовой информации признаков (интерактивность, гипертекстовость, мультимедийность [2]), что значительно влияет на процесс коммуникации с читателем. По мнению А.А. Градюшко, «ключевую роль в информационном наполнении сайтов традиционных СМИ играет мультимедийность. На сайтах часто размещаются аудио- и видеофайлы. Таким образом, веб-ресурсы начинают превращаться в самостоятельные СМИ, объединяющие в себе возможности классических видов масс-медиа» [1].

Понимание этой специфики и корректировка деятельности в соответствии с современными требованиями позволит журналистам региона

эффективно решать свои профессиональные задачи в новых условиях. В свою очередь, игнорирование и отрицание своеобразия интернета как канала коммуникации ведет к реализации непродуктивных стратегий и в конечном счете значительно затрудняет развитие печатного СМИ с учетом процессов конвергенции.

Нами было проведено исследование жанровых стратегий, используемых региональным изданием «Вечерний Брест» на сайте vb.by. В первой половине 2016 г. основной его контент составили материалы из газеты, размещаемые практически без изменений. Отметим, что в разные периоды редакция «Вечернего Бреста» применяла различные стратегии:

- тексты публикуются на сайте в таком же виде, как они напечатаны в газете, без изменений и сокращений, т.е. представляют собой полные дубликаты;
- тексты на интернет-площадке являются развернутыми анонсами газетных публикаций (на сайте размещается либо часть газетного текста, либо журналистом готовится полностью оригинальный текст, как правило, в жанре анонса либо заметки, с пометкой «Подробности – в печатном номере»).

Обе стратегии имеют преимущества и недостатки. Так, в первом случае читатель имеет возможность познакомиться с контентом газеты на сайте в удобном и оперативном режиме, в то же время не приобретая бумажную версию, что позитивно сказывается на посещаемости сайта и негативно на экономике издания. Во втором случае, чтобы прочитать полные версии материалов, теоретически читатель вынужден купить печатный номер, однако на практике, вероятнее всего, он, скорее, откроет другой сайт, чем отправится в магазин за газетой.

Отметим, что жанровый формат публикаций-дубликатов аналогичен газетным текстам. Модификации подвергаются заголовки, также обогащается иллюстративная часть публикаций, что обуславливает дискретность текстов.

На сайте в исследуемый период публиковались оригинальные материалы в жанрах заметки, колонки, видеоматериалов, онлайн-трансляций.

Заметки (авторские и заимствованные) публикуются оперативно по мере появления новостных поводов. Часть из них затем размещается в печатном номере. На сайте короткие тексты размещаются преимущественно в рубрике «Лента», которая обновляется до 15 раз в будние дни, до 10 раз – в выходные. В среднем новые заметки появляются на сайте раз в 1,5–2,5 часа.

Колонки (блоги) ведут внештатные авторы, известные в городе личности, например, бывший директор Центральной городской библиотеки имени А.С. Пушкина, а ныне глава сектора культуры отдела идеологической работы, культуры и по делам молодежи Брестского городского исполнительного комитета С. Семашко, экоактивист А. Купряков. Контент внештатных авторов позволяет редакции решать проблему постоянного обновления сайта. Кроме того, «журналистика мнений» привлекает аудиторию и активизирует обратную

связь: как правило, под записями блогового характера на сайте и в социальных сетях издания появляется больше комментариев, чем под новостными публикациями, составляющими основной массив обновлений сайта газеты.

На канале «Вечернего Бреста» на youtube.com – почти 600 роликов. Канал зарегистрирован в ноябре 2009 г., насчитывает 158 подписчиков и около 268 тысяч просмотров. Контент можно поделить на видеointервью, видеокomentarии, видеootчеты с мероприятий, которые размещаются как на сайте youtube.com, так и на сайте vb.by. В изучаемый период опубликовано 35 видео. Из них 20 видеointервью, 5 видеокomentarиев, 10 видеootчетов с мероприятий.

Жанр видеointервью составляет основную часть видеоконтента канала редакции. 19 из 20 видео были записаны в редакции, в них известные брестчане отвечали на вопросы журналиста издания. Длина роликов колеблется от 4 до 15 минут.

Последнее видео в подобном формате было опубликовано на канале в августе 2016 г. Можно сделать вывод о том, что редакция отказалась развивать это направление работы. На наш взгляд, проблема состояла в больших трудозатратах при создании видеоконтента и малой популярности продукта (обратим внимание на скудное комментирование и количество просмотров). Эта проблема может быть решена посредством продуманного продвижения видеоконтента с учетом особенностей веб-среды. Ценно, что все видеоматериалы на канале «Вечернего Бреста» являются уникальными. Видеоконтент органично дополняет текстовые публикации на сайте. Данная стратегия при грамотном ее использовании позволяет эффективно привлекать интернет-аудиторию к сайту издания.

Онлайн-трансляции проводятся корреспондентом Д. Шиферштейном с международных спортивных мероприятий. Автор в режиме реального времени в текстовом формате комментирует матчи на портале «Вечернего Бреста». В исследуемый период было проведено четыре текстовых онлайн-трансляции (3 февраля, 5, 19 и 29 марта 2016 г.). Кроме того, в 2016 г. журналист пробовал себя и в роли аудиокомментатора матча СЕНА-Лиги (БГК им. Мешкова (Беларусь) – Вардар (Македония)). Трансляция корреспондента велась в прямом эфире на сайте youtube.com (в потоковом видео присутствовал звук, вместо видеоматериала демонстрировалась заставка с логотипом газеты).

Текстовые онлайн-трансляции с элементами мультимедиа являются востребованным жанром конвергентных редакций. Некоторые журналисты для проведения подобных трансляций используют социальные сети. Так появляется, например, twitter-репортаж, который исследователи определяют как «журналистский текст, состоящий из ряда сообщений для микроблога (длиной не более 140 символов), представляющий собой прямую трансляцию с места событий» [3, с. 43]. Как в твиттер-репортаже, так и в текстовой трансляции на сайте журналист использует телеграфный стиль, короткие емкие предложения, не уходя в детальное описание. В то же время автор – не только фиксатор

событий, но и их очевидец (применяется репортажный метод), потому уместно собственное мнение журналиста.

Прямые текстовые трансляции Д. Шиферштейна соответствуют всем вышеназванным требованиям. В региональном медийном поле проведение подобных жанровых экспериментов можно назвать прорывом в использовании современных возможностей интернет-пространства, а корреспондента Д. Шиферштейна – конвергентным журналистом.

Контент-анализ портала издания показал, что редакция успешно применяет на практике новые жанры веб-журналистики (блоги, видеоинтервью, онлайн-трансляции). Сайт обновляется достаточно часто (раз в 1,5–2,5 часа), что помогает поддерживать интерес аудитории к контенту и одновременно показывает, что журналисты «Вечернего Бреста» вносят изменения в собственную практику в соответствии с конвергентными условиями. Наша рекомендация состоит в дальнейшем освоении редакцией новых форм «упаковки» материала в онлайн-пространстве.

Литература:

1. Градюшко, А. А. Трансформация традиционных СМИ на платформе новейших технологий / А. А. Градюшко // Веснік Віцебскага дзярж. ўн-та. – 2007. – № 1 (43). – С. 97–102.
2. Калмыков А. А. Интерактивная гипертекстовая журналистика в системе отечественных СМИ : Науч. изд-ние. – М. : ИПК работников телевидения и радиовещания, 2009. – 84 с.
3. Уланова, М. А Интернет-журналистика : практическое руководство / М. А. Уланова. – М. : Аспект-Пресс, 2014. – 238 с.

МИКЛИС А.

СПОСОБЫ ПРОДВИЖЕНИЯ БРЕНДОВ АЛКОГОЛЬНЫХ НАПИТКОВ НА РЫНКЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Процесс убеждения потребителя в предпочтении определенных торговых марок, т.е. формирование соответствующих установок, решается прежде всего средствами рекламы. Убеждение начинается с предъявления рекламного образа или экспозиции торговой марки. На втором этапе процесса убеждения необходимо, чтобы обращение привлекло внимание адресата. Далее потребитель должен соответствующим образом интерпретировать рекламный образ, т.е. принять и понять его смысл. В этом, собственно, и состоит важный элемент формирования установки. Заключительными этапами процесса убеждения являются стадии закрепления новой установки и перевод установки

в поведение. При этом необходимо учесть, что если новая установка быстро забывается, рекламное сообщение в целом теряет способность оказывать воздействие на будущее поведение покупателя. Изменение потребительской установки зависит как от силы ранее сформировавшейся установки, так и от вовлеченности потребителя в процесс принятия решения о покупке.

Таким образом, знания о формировании потребительского поведения специалистами по маркетингу позволяют им успешно использовать знаки и символы, выступающие в качестве торговой марки, для роста объемов продаж и продвижения своей продукции на рынок. Водка является специфическим напитком с точки зрения достаточно большого сходства между продуктами разных производителей. К основным показателям водки относятся внешний вид, цвет, вкус и аромат. Объективно различить нюансы этих показателей для водок, произведенных с использованием одного вида спирта, могут лишь опытные эксперты. Рядовые потребители чаще ориентируются на собственный опыт, советы и рекомендации, имидж и популярность бренда.

«С учетом особенностей водки в условиях ограничения продвижения алкоголя для производителей и дистрибуторов канал HoReCa (термин HoReCa обозначает сегмент сферы услуг индустрии гостеприимства и канал сбыта товаров с непосредственным потреблением продукции в месте продажи)» [1, с.1]. Он становится одним из самых эффективных путей донесения информации о продукте, именно там предоставляются максимальные возможности формирования и развития имиджа водочного бренда. «Основные преимущества продвижения бренда и формирования его имиджа в канале HoReCa по сравнению со всеми другими каналами состоят в следующем:

- 1) Возможность выделения сегментов потребителей по возрасту, полу, доходам, интересам и увлечениям.
- 2) Ситуация потребления, в которой находятся потребители. Они уже положительно настроены, в большинстве своем готовы к дегустации и позитивно воспринимают информацию.
- 3) Минимальные нормативные ограничения. Бары, рестораны, банкетные залы и иные заведения имеют лицензию на продажу алкогольной продукции, соответственно, в таких помещениях можно ее рекламировать, при этом часто на достаточно большой площади.
- 4) Возможность проведения интегрированных кампаний продвижения - оперативное размещение информации о событиях с участием бренда в социальных сетях и на других интернет-ресурсах (фотографии с мероприятий, хештеги, репосты для участия в конкурсах и пр.).
- 5) Максимальные возможности для реализации креативных идей и создания самых разных эмоций у потребителей, связанные с многообразием способов и инструментов продвижения» [1, с. 3].

В настоящее время производители и дистрибуторы крепких алкогольных напитков используют самые разные способы заявить о своих продуктах в канале HoReCa, начиная от простейших подарков клиентам и заканчивая масштабными и высокочередными мероприятиями. В результате выделено пять основных способов формирования имиджа в канале HoReCa, каждый из которых может быть реализован с применением достаточно большого количества инструментов (рис.1).

Рисунок 1. Способы формирования имиджа водки в канале HoReCa

Рассмотрим специфику каждого способа формирования имиджа.

Рекламные материалы, продвигающие алкогольные напитки, согласно действующему законодательству, могут размещаться только в местах продаж. «Закон не запрещает рекламу алкогольной продукции путем организации дегустации данной продукции в стационарных торговых объектах, в которых осуществляется розничная продажа алкогольной продукции, в том числе в дегустационных залах таких торговых объектов» [2]. Так, в сентябре 2016 года в г. Гродно в гипермаркете «АЛМИ» была проведена дегустация водочной продукции производителя «Аквадив».

В этой связи одними из самых эффективных носителей рекламы крепких алкогольных напитков являются тейбл-тенты (менюхолдер, держатель меню) и

подложки на столы. Длительность контакта с потребителем позволяет решать не только информирования задачи о марке, но и задачи формирования имиджа. На более высокую психологическую эффективность могут рассчитывать рекламодатели, использующие нетрадиционные носители и/или творчески подходящие к содержанию своей рекламы.

«Брендинг алкогольной продукции предполагает нанесение логотипа продукта, его названия, а в каких-то случаях и слогана на определенные предметы, находящиеся в поле зрения потребителей. Наиболее распространенные объекты брендинга – это посуда, пепельницы, салфетницы, странички меню и фирменные вкладки, одежда персонала, барный инвентарь» [1, с. 4]. Примером такой продукции могут быть сувенирные наборы «Бульбашь» (рюмки с логотипом + подарочная бутылка). Число возможных брендированных носителей не поддается измерению. Сегодня производители стараются найти интересные решения в этой сфере, которые не только обеспечат контакт потребителя с брендом, но и создадут определенные эмоции, соответствующие имиджу бренда.

Стимулирующие акции направлены на привлечение внимания к определенному продукту. Очень часто они используются при выводе нового бренда алкогольной продукции, когда продажи в силу его малоизвестности невелики и у потребителей пока не сформирована мотивация к покупке. В этой ситуации эффективным является предложение подарка при заказе напитка, чаще всего сувенира с фирменной символикой. Безусловно, сувенир должен отражать имидж бренда и способствовать его формированию.

Еще одна особенность стимулирующих акций – возможность обращать их к конкретной целевой аудитории. Например, только к мужчинам, когда в ресторане практикуется, к примеру, так называемый «мужской четверг», в который каждый посетитель-мужчина бесплатно получает порцию определенной марки водки. В качестве стимула может выступать не только подарок или порция напитка, но и некая привилегия при заказе премиального алкоголя – доступ в брендированную зону, с лучшей видимостью шоу-программы, возможность бронирования привлекательных столиков, автограф знаменитости и пр.

«Сегодня возможности событийного маркетинга при продвижении алкогольных напитков крайне ограничены, так как спонсорство алкогольными компаниями мероприятий и любых проектов запрещено законодательством. Но если мероприятие проводится в помещении, которое можно отнести к стационарному торговому объекту (это может быть банкетный зал, бар, ресторан, иная аналогичная площадка), имеющему лицензию на продажу алкогольной продукции, в данном помещении можно рекламировать алкогольную продукцию, включая крепкий алкоголь» [3, с. 135]. Так, во время чемпионата мира по хоккею – 2014 в Минске в спортивных барах проводились подобные акции.

Данный анализ показывает, что, несмотря на все сложности рекламирования алкогольной продукции, сегодня производители находят различные оригинальные способы и приемы продвижения своей торговой марки на рынок, соблюдая все законодательные нормы. Поэтому алкогольный бренд может быть вписан в организуемое пространство мероприятий самыми разными путями. Самое главное, чтобы все используемые инструменты соответствовали позиционированию бренда и решали задачу формирования его имиджа.

Литература:

1. Дмитриева, Н. В. Способы и инструменты формирования имиджа бренда водки в канале NoReCa / Н. В. Дмитриева // Техника и технология пищевых производств. – 2015. – № 4 (39). – С.1–6.
2. Закон Республики Беларусь от 05.01.2016 N 352-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам правовой охраны товарных знаков и знаков обслуживания» [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.pravoby.info/bel/00/723.htm>. – Дата доступа : 14.05.2017.
3. Малькова, И. В. Бренды-сэнсзи в стратегическом маркетинге / И. В. Малькова // Вестник Московского университета. Сер. 21, Управление (государство и общество). – 2013. – № 4. – С.128–148.

НАЗРУК О.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА О СЕМЬЕ

Дошкольное детство – период познания ребёнком человеческих отношений. Именно в этот период закладываются основы представлений о семье, которые будут сохраняться продолжительное время. В конце дошкольного возраста появляется выраженная рефлексивность детей в их привязанности к близким людям, любви к родине. Достаточный уровень самосознания в старшем дошкольном возрасте способствует осознанию ребёнком себя как части семьи. Ребёнок в этом возрасте способен осознать свою роль в семье, свои обязанности, в том числе трудовые. Именно в этом возрасте может наблюдаться пересмотр отношения ребёнка к тому или иному родителю, может измениться возникающее в раннем детстве предпочтительное отношение к матери или отцу.

В русле исследуемой нами темы важно отметить существование и ряда объективных проблем. Последнее время мы наблюдаем изменение семейных ценностей, определённый кризис семьи, увеличение границ отчуждения

родителей и детей. В то же время именно семья, являясь для ребенка первым и наиболее значимым проводником социального влияния, «вводит» его во все многообразие родственных отношений, домашнего быта, вызывая направленные чувства, действия, способы поведения, оказывая влияние на формирование привычек, черт характера, психических свойств, закладывая матрицу отношений с близкими взрослыми, систему семейных ценностей и ориентиров. Всем этим «багажом» ребенок пользуется не только в настоящей жизни: многое из усвоенного в детстве определит его качества будущего семьянина. П.М. Самсонова справедливо отмечает: «Представление о семье влияет на саму семью в будущем. Чтобы предотвратить психологические трудности в семейном союзе, необходимо знать механизмы формирования семейных представлений» [1, с. 254].

Осознавая важность ознакомления детей с таким сложным и многогранным явлением как семья, многие педагоги, психологи, родители, не в полной мере осознают как это сделать, при этом признавая, что данная работа требует строгого научного обоснования, прежде всего, из-за наличия многочисленных, часто противоречивых, а иногда и взаимоисключающих точек зрения определения сущности и функций семьи, ее исторического прошлого и перспектив развития.

Существует и другая проблема. К сожалению, широко распространено мнение о том, что не нужно специально организовывать ознакомление дошкольника с семьей. Когда ребенок живет в семье, он может ознакомиться с этим явлением в повседневной жизни. Однако ведущие специалисты в области ознакомления дошкольников с окружающим миром С.А. Козлова, Э.К. Сулова и др. доказали обратное: необходимость воспитания с раннего детства любви к дому и своей семье, представлений о семье.

Существует множество исследований внутрисемейных отношений ребёнка и взрослого в семье как зарубежных (Р. Бернс, С. Кауфман, Л. Корман), так и отечественных учёных (Т.А. Заeko, А.И. Захаров, Н. Кольцова, В.И. Слепкова и др.). Однако следует заметить, что специальных исследований, посвящённых изучению процесса формирования представлений дошкольников о семье крайне мало. Так, О.В. Агейко в статье «Представления о семье у детей из неполных семей» исследовала влияние разводов на восприятие семьи у разновозрастных детей. Создатели альтернативной «Программы воспитания и обучения в детском саду» М.А. Васильева, Н.Е. Веракса, В.В. Гербова и Г.С. Комарова представление о семье у детей-шестилеток предлагают формировать на основе развития интереса к своей родословной. Известно также диссертационное исследование А.В. Рыжковой «Образ семьи» у детей дошкольного возраста и их родителей (Санкт-Петербург, 2009).

В современных исследованиях раскрываются социальные, репродуктивные, эмоциональные, геденистические, воспитательные, здоровьесберегающие, духовные, сексуальные и другие аспекты семьи. Суммируя взгляды различных ученых, можно определить, что семья – своего рода «стимульный вектор» для взрослых; институт воспитания ребенка, формирования его личности, развития способностей; посредник между ребенком и обществом, способный передать ему социальный опыт, нормы и формы поведения, нравственные ценности, выступать эталоном социализации. Понятие «образ семьи», являясь синонимичным по отношению к понятию «представление о семье» является поликомпонентным, включающим доминанты мотивационного, когнитивного, эмоционального «образотворческого» плана.

Теоретическое и эмпирическое исследование проблемы позволяет утверждать о том, что важным условием развития представлений старших дошкольников о семье является взаимодействие семьи и детского сада, создание доверительной атмосферы в семье, в которой ребёнок получит образец взрослого, будет опираться на личный опыт, в которой будут создаваться ситуации активного сотворчества со взрослым. Повышению уровня знаний детей о семье способствуют такие методы, как беседы, рассматривание иллюстраций, чтение художественных произведений, дидактические игры, составление детьми рассказов, рисование, аппликация, прослушивание песен, рассматривание фотографий, разгадывание загадок, тематические физкультурминутки и пословицы.

Представления ребёнка о семье – это комплексный образ в восприятии ребёнком семейных отношений, осознание семейной иерархии, структуры, обязанностей и т.д. В процессе формирования представлений о семье старшие дошкольники на подсознательном уровне копируют отношения, образцы поведения своих родных, усваивая нормы социального поведения, подражая их действиям, словам, чувствам, отождествляя себя с близкими.

Исследования современных учёных (Н.Я. Варга, О.А. Карабанова, А.Д. Кошелева, Т.В. Кузнецова, Г.Г. Филиппова, О.А. Шаграева и т.д.) позволяют сделать вывод о том, что сегодня семья является незаменимым источником социального наследования ребенка, причем следование образцу отношений собственных родителей первоначально происходит на уровне подсознания, благодаря механизмам идентификации и подражания. В результате происходит запечатление образов родителей, прародителей, братьев, сестер, неосознаваемое усвоение норм социального поведения, обязательных в процессе взаимодействия со значимыми взрослыми, подражание их действиям, словам, чувствам, отождествление себя с близкими людьми, а в целом способствует построению смысловой картины мира.

Семья, являясь для ребенка первым проводником социального влияния, вводит его во все многообразие ролевого поведения, родственных отношений, домашнего быта, вызывая те или иные чувства, действия, способы поведения, воздействуя на формирование привычек, черт характера, психических свойств. Этим «багажом» ребенок пользуется не только в текущий момент; многое из усвоенного в детстве определит его качества будущего семьянина. В связи с этим можно говорить о взаимозависимости «качества» семьи (ее состава, ценностных ориентаций, нравственных устоев, уклада, характера детско-родительских отношений, психологического климата, межпоколенных связей и т.д.) и ее возможностей в решении задачи воспитания ребенка как будущего семьянина. Осознание родителями необходимости решения этой задачи уже на ступени дошкольного детства может быть действенным побудителем для позитивных изменений в собственной семье, гуманизации внутрисемейных взаимодействий, нормализации уклада жизни, обогащения воспитательной деятельности, самовоспитания и самообразования и т.д.

Исследования ряда учёных (О.Г. Кулиш, Е.Ю. Макарова, Н.А. Круглова, А.А. Нестерова, Н.В. Панкова и др.) показывают, что важность представлений детей о семье заключается в том, что в соответствии с образами родителей у ребенка складывается представление о себе, самооценка; через формирование понятия «семья» дошкольник усваивает жизненные ценности. Все это влияет на определенное отношение к людям, к окружающему миру в целом со стороны ребенка. Представление ребёнка о семье влияет на построение определенных детско-родительских отношений и оказывает влияние на родительскую позицию и поведение в семье уже в будущем взрослого человека.

Эмпирическое исследование развития представлений о семье у детей старшего дошкольного возраста, осуществлённое с помощью методики «Кинетический рисунок семьи» Р. Бернса и С. Кауфмана с группой 20 детей в Учреждении дошкольного образования «Ясли-сад № 63 г. Бреста», выявило содержательную картину представлений детей о семье, характеристику взаимоотношений, микроклимата, эмоциональных отношений.

Анализ всех диагностических признаков даёт нам основание для определения преобладающего симптомокомплекса взаимоотношений в семье, который осознаётся и переживается ребёнком. У 19 (95 % от общего количества детей) детей старшего дошкольного возраста преобладает благоприятная семейная ситуация. У 5 (25 % от общего количества детей) детей отмечен симптомокомплекс тревожности в семье, хотя только у 3 детей (15 % от общего количества детей) он является доминирующим. В то же время, следует отметить, что наименее выраженной является враждебность в семейной ситуации: у 12 (60 % от общего количества детей) дошкольников данный симптомокомплекс не выражен. У остальных детей показатели его выраженности являются незначительными. У 8 (40 % от общего количества

детей) дошкольников не выраженным является чувство неполноценности в семейной ситуации. Все дети верно отражают на рисунках существующее количество членов семьи, соответствующее реальным составам своих семей. На всех рисунках отсутствует изолированное изображение какого-нибудь члена семьи, отсутствуют барьеры между членами семьи, отсутствует стирание отдельных фигур, что свидетельствует о преобладании благоприятной семейной ситуации. У 4 (20 %) дошкольников свидетельством наличия определённой степени конфликтности в семье является изображение фигур без части тела – на всех 4 рисунках отсутствуют ноги.

Таким образом, результаты проведённого исследования свидетельствуют о преимущественно благоприятной эмоциональной атмосфере в семьях исследуемых дошкольников, отсутствии депрессивности детей и чувства своей неполноценности в семье. Несмотря на наличие в ряде семей тревожных и конфликтных отношений, в целом можно утверждать об отсутствии явных признаков отрицательного отношения к членам семьи с преобладающим выделением значимости в семье роли мамы, наличии более тесных связей её с ребёнком.

Литература:

1. Самсонова, П. М. Роль родительской семьи в формировании представлений подростков о будущей семье / П. М. Самсонова // Материалы второй всерос. научн. конф. «Психологические проблемы современной российской семьи. Ч. 1-2. – М. : РГПУ, 2005. – 560 с.

ОДЖАРОВА М.

СВОЕОБРАЗИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ЖУРНАЛИСТОВ-ЖЕНЩИН БРЕСТЧИНЫ

Тема любого журналистского материала – общественные проблемы. Все журналисты, невзирая на специфику масс-медиа, на их формат, пишут и снимают о том, что интересует и волнует их аудиторию. Как пишет исследователь гендерных отношений в СМИ И.В. Сидорская, «эта аудитория – не просто «люди», а молодые и пожилые, с различным уровнем образования, работающие в разных секторах экономики и не работающие, разного вероисповедания и принадлежащие к разным культурам. И еще люди делятся на мужчин и женщин. И если все остальные их качества подвижны или даже условны, то свойство быть мужчиной или быть женщиной присуще личности всю жизнь. А это означает, что проблемы мужчин и женщин будут актуальны на протяжении всей человеческой жизни. Содержание этих проблем может

меняться, но как таковые они останутся важными и приоритетными. Поэтому создание материалов на темы, связанные с тем, что мы живем и проявляем себя в обществе не просто как люди, а как мужчины и женщины, будет актуально и востребовано аудиторией всегда» [4, с. 5, 6].

Также исследователь отмечает, что «массмедиа, являясь ведущим агентом социализации, вносят существенный вклад в конструирование гендера. Представляя собой социальный институт, СМИ формируют гендерные установки женщин и мужчин и предписывают им определенные гендерные роли. Именно в массмедийных практиках социальные отношения полов репрезентируются наиболее ярко» [4, с. 5, 6].

Через воспитание, образование и средства массовой информации общество передает от поколения к поколению представления о социальных ролях, общественных ценностях и нормах.

Особая роль в достижении полового равенства отводится как раз средствам массовой информации – наиболее чувствительному индикатору состояния общества. Исследователи гендерной проблематики в поле СМИ делают акцент на избегании использования гендерных стереотипов. По их мнению, это является основной задачей современной журналистики. Необходимо ломать отжившие стереотипы – анахронизмы, осмысливать их источники [4, с. 50].

Новое видение роли женщины в современном мире продемонстрировало отношения половой асимметрии и иерархии в обществе и культуре. Доминирующий на протяжении долгого времени в философской и культурной традиции взгляд на женщину способствовал солидаризации феминистски настроенных мужчин и женщин, уверенных в необходимости развития женского самосознания и представленности женщин в культурной реальности.

Поскольку журналистика является одним из элементов цивилизации и культуры, интересно проследить, как меняется роль женщин в этой профессии. Например, в результате широко распространенного на Западе в 60–70-е годы XX столетия женского движения в круг наук, связанных с гендерными исследованиями, помимо множества социальных наук, стала входить и лингвистика. Со временем гендерные исследования в области языка и коммуникации стали привлекать внимание все большего круга исследователей. В отечественном языкознании сформировалось самостоятельное научное направление – лингвистическая гендерология, называемая также гендерной лингвистикой.

Понятие «женская журналистика» появилось сравнительно недавно. Оно возникло в связи с интересом к роли полов в социальной жизни, а отсюда – в искусстве, лингвистике, философии и литературе. В западных странах уже получили широкое распространение гендерные исследования, которые позволили разграничивать «мужское» и «женское», например, в литературных

произведениях. Творческий опыт обретает новую дифференциацию, когда особенно заманчивыми становятся «женские» подходы к воспроизводимой действительности.

Феминистское движение в обществе позволило выявить и специфику стиля в текстах женщин-авторов. Серьезное влияние на подобные исследования оказали особенно популярные в последние годы психоаналитические и историографические методы. Первое место здесь принадлежит французским теоретикам-психоаналитикам Э. Сиксу и Л. Иригорэй. Они доказывают способность женщин-авторов осуществлять в своем творчестве жанровую свободу. Представители гендерной методологии обращают внимание и на то, что в текстах преобладает сосредоточенность на частной жизни [2].

Также по данным других социологических исследований выявляется, что женщины-журналисты более чувствительны к этическим аспектам СМИ и чаще, чем их коллеги-мужчины, готовы выступить на защиту соблюдения этических норм при публикации рискованных в моральном смысле материалов, которые могут подорвать общественную нравственность и разрушительно повлиять на социум [3].

В становлении женской журналистики определенную роль сыграли различные факторы социально-культурного характера: развитие литературы, культуры, инициация женского движения. Однако именно события политической, экономической, культурной направленности имели определяющее значение в ходе типологической трансформации системных характеристик женских текстов.

В марте 2016 года министр информации Республики Беларусь Лилия Ананич отметила, что «журналистика сегодня в большей степени становится женской, и главным образом не потому, что мужчины охладели к этой профессии, а потому что женщины в силу своей роли в обществе хотят реально участвовать в формировании важнейшего сегмента – общественного мнения» [1].

Среди ученых, в частности исследователей-женщин, возникла идея, что женщины писали и пишут иначе, чем мужчины, поэтому становятся необходимыми теория «женского письма» и понятие «гендерная лингвистика».

Концепция «женского письма» принадлежит французской писательнице и литературному критику Элен Сиксу. Оно возникает как следствие поиска новых форм дискурсивной и философской выразительности. По мнению французского философа и теоретика Жака Дерриды, «речь воплощает собой истину, в то время как для реальной практики письма понятие истины всегда является чем-то незначимым и вторичным, так как главное в письме – это сам опыт писания, производство графических композиций, а не то, насколько графический опыт письма соответствует ментальной истине» [5, с. 68].

Исследователи «женских текстов» отмечают, что тексты авторов-женщин выделяются своей эмоциональностью. Это напрямую связано с вербальными

характеристиками женской личности. Таким образом, содержанием языковой экспрессивности являются эмоции и чувства человека. Передача эмоционального состояния в контексте вербального сообщения возможна за счет использования изобразительно-выразительных средств языка (риторических приемов).

Мы проанализировали тексты нескольких авторов-женщин региональной прессы Брестчины. Например, Т. Глущенко из «Вечернего Бреста» ведет свою авторскую колонку. Бытует расхожее мнение, в основном среди мужчин-колоннистов, о том, что колонка под авторством женщины может органично вписываться только в гляцевые журналы, но никак не в серьёзные общественно-политические газеты. Однако Т. Глущенко является полным опровержением этого мнения. В своей колонке журналист рассуждает о событиях и явлениях современной жизни, делится своими мыслями. Также в этой колонке Т. Глущенко пробует выступать в роли рецензента фильмов и телевизионных программ.

На сайте газеты «Вечерний Брест» за 2016–2017 гг. Т. Глущенко было написано 15 заметок, 2 репортажа, 3 публикации в виде «вопрос-ответ», 4 корреспонденции, 5 очерков.

Тематика публикаций самая разнообразная: культурная, социальная, криминальная, религиозная, экономическая. Это говорит о том, что автор довольно многогранна для своих читателей, и раскрывается перед ними с разных сторон.

Излюбленными темами Г. Шафран из «Драгічынскага весніка» можно считать социальную и культурную. Рассмотрев материалы сайта газеты за 2016–2017 гг., написанные Г. Шафран, мы можем сделать вывод о том, что было опубликовано 20 интервью, 2 статьи, 22 заметки, 11 очерков, 7 отчетов, 5 репортажей, 3 публикации в виде вопроса-ответа.

Таким образом, мы можем утверждать, что наличие жанрового и информационного разнообразия текстов Г. Шафран доказывает многоаспектность деятельности и творчества журналиста.

Доминирующими темами публикаций журналистки Е. Синявской из «Брестского вестника» являются: культура, медицина и общество. Пожалуй, отличительной особенностью всех текстов в жанре интервью являются реплики в разговоре с собеседником самого журналиста.

За 2016–2017 гг. на сайте газеты «Брестский вестник» Е. Синявской было написано 8 репортажей, 2 информационных отчета, 6 очерков, 1 рецензия, 16 интервью, 13 заметок, 1 эксперимент, 1 вопрос-ответ, 2 корреспонденции, 6 материалов в виде рекомендации (совета), 1 опрос, 1 статья.

Таким образом, становится очевидно, что Е. Синявская работает в самых разных жанрах журналистики, чаще всего в центре публикаций автора

выступает человек и его место в жизни и профессии. Разнообразие жанровой палитры журналиста говорит о его мастерстве и таланте.

Проанализировав публикации, мы пришли к выводу, что мастерство отдельного журналиста индивидуально, и его творческий метод отличается от других.

Многие исследователи подтверждают, что оптимальным является гармония рациональных и эмоциональных компонентов в творчестве женщин-журналистов, которые демонстрируют не только способность воспринять чужую боль как свою, но и умение быть аналитиком, кропотливо исследовать сложные социальные проблемы, обращаясь к трудным, а подчас и «шокирующим» темам.

Литература:

1. Министерство информации Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.mininform.gov.by>. – Дата доступа : 03.12.2016.
2. Научная Сеть [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://nature.web.ru>. – Дата доступа : 01.12.2016.
3. Сайт кампании против сексизма в политике и СМИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://povaha.org.ua>. – Дата доступа : 27.11.2016.
4. Сидорская, И. В. Гендер и СМИ / И. В. Сидорская, А. Раду. – М. : РИВШ, 2014. – 133 с.
5. Сиксу Э. Введение в гендерные исследования. Часть II : Хрестоматия / Э. Сиксу. – СПб. : Алетейя, 2001. – 821 с.

ОДЖАРОВА М.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ АВТОРОВ-ЖЕНЩИН БРЕСТЧИНЫ

Исследования гендерных отношений постепенно становятся неотъемлемой частью современной науки о журналистике. Проблемы взаимоотношения полов, гендерный дисбаланс – в освещении этих вопросов большая роль отводится СМИ как главному инструменту отражения реальности.

В конце XX в. вечные философские вопросы – проблема сущности человека, его смысл и предназначение, пространство и время человеческого бытия – получили гендерное измерение, специфика которого нашла отражение в широко разворачивающихся во многих странах гендерных исследованиях. Вся гендерная проблематика исторически связана с постепенным признанием культурой, а затем и наукой множественности индивидуальных различий, которые не укладываются в стандартные схемы. Именно сложнейшее и интереснейшее переплетение культурных, психологических и социальных

аспектов делает «гендер» таким «соблазнительным» объектом исследования для самых разных дисциплин.

В этой связи представляется актуальным научное осмысление путей и условий влияния СМИ на формирование гендерного мышления, тем более что современное общество характеризуется исследователями гендерных отношений как «общество гендерных конфликтов, накопившихся за всю историю человечества, общество, которое находится в процессе поиска гендерного взаимопонимания» [8, с. 36]. Традиционно это касается осознания и разработки нового образа женщины, её роли в современном обществе и семье. Как правило, в исследованиях, посвященных гендерной проблематике в СМИ, главное внимание уделяется положению женского пола и репрезентации образа женщины. Это связано, в первую очередь, с продолжением борьбы женщин за равные права с мужчинами и стремлением занимать те же позиции, что и представители «сильного пола» не только в обществе, но и в журналистике.

При употреблении термина «гендер» речь идет о социальных, культурных, психологических особенностях позиций женщин и мужчин. Следовательно, термин «гендер» призван подчеркнуть не природную, а социокультурную причину межполовых различий.

Тема любого журналистского материала – общественные проблемы. Все журналисты, невзирая на специфику масс-медиа, на их формат, пишут и снимают о том, что интересует и волнует их аудиторию.

Российская исследовательница гендерных вопросов в медиасреде Е. Т. Соколова в своей работе описывает реальную медиасреду России, Беларуси и Украины и указывает на то, что «женщины составляют большую часть редакционных коллективов в региональных печатных изданиях. Они и главные редакторы, и разработчики традиционно «мужских» тем: освещение политических, экономических событий. Журналисты-женщины пишут для женщин и о женщинах. Немногочисленный мужской состав редакций в большинстве своем либо постпенсионного возраста, либо молодые люди до 30 лет. Из-за доминирования женщин в медиасфере возникает опасность пониженного положения мужчин, отсутствует адекватное освещение гендерных отношений, остается консерватизм в понимании и освещении гендерной проблематики» [6].

Также о феминизации как устойчивой тенденции еще в 2011 году говорила О. Смирнова, руководитель Центра гендерных исследований СМИ факультета журналистики МГУ: «Действительно, женскость журналистики проявляется уже на входе в ее мир: на большинстве факультетов достаточно давно соотношение девушек и парней перевалило за пропорцию 80/20. Касается это и самых престижных на просторах СНГ факультетов» [6].

Поскольку журналистика является одним из элементов цивилизации и культуры, интересно проследить, как меняется роль женщин в этой профессии.

Например, в результате широко распространенного на Западе в 60–70-е годы XX столетия женского движения в круг наук, связанных с гендерными исследованиями, помимо множества социальных наук, стала входить и лингвистика. Со временем гендерные исследования в области языка и коммуникации стали привлекать внимание все большего круга исследователей. В отечественном языкознании сформировалось самостоятельное научное направление – лингвистическая гендерология, называемая также гендерной лингвистикой.

Однако в теории гендерных исследований пока слабо представлен гендерный аспект в контексте средств массовой информации. Научные труды о гендерных отношениях в Беларуси посвящали такие исследователи как И. Сидорская, Е. Купа, Л. Волина, О. Бубич и др. [7; 3; 2; 1]. Примечательным также является тот факт, что большинство исследователей по этому вопросу – женщины. Но, несмотря на широкий спектр тем, рассматриваемых в трудах по «женскому вопросу», количество работ, посвященных исследованию нового для культуры типа женского текста как средства личного самоопределения, особенно в региональной прессе, недостаточно.

Понятие «женская журналистика» появилось сравнительно недавно. Оно возникло в связи с интересом к роли полов в социальной жизни, а отсюда – в искусстве, лингвистике, философии и литературе. В западных странах уже получили широкое распространение гендерные исследования, которые позволили разграничивать «мужское» и «женское», например, в литературных произведениях. Творческий опыт обретает новую дифференциацию, когда особенно заманчивыми становятся «женские» подходы к воспроизводимой действительности.

Феминистское движение в обществе позволило выявить и специфику стиля в текстах женщин-авторов. Серьезное влияние на подобные исследования оказали особенно популярные в последние годы психоаналитические и историографические методы. Первое место здесь принадлежит французским теоретикам-психоаналитикам Э. Сиксу и Л. Иригорэй. Они доказывают способность женщин-авторов осуществлять в своем творчестве жанровую свободу. Представители гендерной методологии обращают внимание и на то, что в текстах преобладает сосредоточенность на частной жизни [5].

В становлении женской журналистики определенную роль сыграли различные факторы социально-культурного характера: развитие литературы, культуры, инициация женского движения. Однако именно события политической, экономической, культурной направленности имели определяющее значение в ходе типологической трансформации системных характеристик женских текстов.

В марте 2016 года министр информации Республики Беларусь Лилия Ананич отметила, что «журналистика сегодня в большей степени становится

женской, и главным образом не потому, что мужчины охладели к этой профессии, а потому что женщины в силу своей роли в обществе хотят реально участвовать в формировании важнейшего сегмента – общественного мнения» [4].

Исследователи «женских текстов» отмечают, что тексты авторов-женщин выделяются своей эмоциональностью. Это напрямую связано с вербальными характеристиками женской личности. Таким образом, содержанием языковой экспрессивности являются эмоции и чувства человека. Передача эмоционального состояния в контексте вербального сообщения возможна за счет использования изобразительно-выразительных средств языка (риторических приемов).

Используя средства изобразительности, авторы-женщины достигают следующих целей: повышают степень образного представления в информационно-коммуникативной среде, воздействуют на ассоциативное мышление, привлекают внимание адресатов к определенным темам, идеям, компонентам текста, оказывают воздействие на аудиторию. Специфика языка отражается в многообразии использования приемов экспрессивной стилистики. Эффект эмоциональности и выразительности лингвистического компонента достигается путем образования фигур мысли (тропов), словесных фигур речи, риторической композиции [9, с. 24].

В ходе исследования мы определили публицистические особенности, присущие текстам журналистов-женщин Брестчины. К ним относятся: оценочность, метафоричность, риторичность.

Выявили стилистические маркеры текстов авторов-женщин в брестской печати: лексико-фразеологические, морфологические, синтаксические.

Лексико-фразеологический состав текстов женщин-журналистов весьма разнообразен. В нем присутствуют: литературная лексика, неологизмы, эвфемизмы, устойчивые словосочетания. Но, к сожалению, наряду с использованием лексики литературной, женщины-авторы брестских газет употребляют и просторечную, жаргонную лексику. Это определенно снижает стилистический уровень текстов.

Морфологическая составляющая «женских» текстов наполнена употреблением личных местоимений, конструкций «наречие + наречие», а также использованием качественных прилагательных и междометий.

Синтаксический состав текстов содержит простые, сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, синтаксические обороты с двойным отрицанием; частое использование знаков пунктуации, модальных конструкций, выражающих различную степень неуверенности, предположительности, неопределенности, высокую эмоциональную окраску речи в целом.

Подробно рассмотрели своеобразие творческого метода журналистов-женщин из газет Брестчины (Тамара Глущенко «Вечерний Брест», Галина Шафран «Драгічынскі веснік», Елена Синявская «Брестский вестник»). Подавляющее количество материалов написано в информационных жанрах, а также художественно-публицистических, как правило, в виде очерка (портретный, путевой). В центре большинства публикаций стоит человек, его место в жизни и профессии. Излюбленные темы журналисток Брестчины: культурная, общественная, медицинская, религиозная.

Проанализировав публикации, мы пришли к выводу, что мастерство отдельного журналиста индивидуально, и его творческий метод отличается от других.

Когда-то профессия журналист, как и большинство других, была сугубо мужским занятием, чего не скажешь сейчас. На специальности журналистика в различных университетах сегодня преобладают женщины. Причины этого, возможно, связаны с неким романтизмом профессии, непредсказуемостью, возможностью самовыражения через творчество.

Литература:

1. Бубич, О. А. Способы движения к гендерному равенству в современном медиадискурсе Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.elib.bsu.by>. – Дата доступа : 10.11.2016.
2. Волина, Л. Г. Специфика гендерных исследований в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.elib.bsu.by>. – Дата доступа : 10.12.2016.
3. Купа, Е. А. Женская проблематика в СМИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.elib.bsu.by>. – Дата доступа : 10.12.2016.
4. Министерство информации Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.mininform.gov.by>. – Дата доступа : 03.12.2016.
5. Научная Сеть [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://nature.web.ru>. – Дата доступа : 01.12.2016.
6. Сайт кампании против сексизма в политике и СМИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://povaha.org.ua>. – Дата доступа : 27.11.2016.
7. Сидорская, И. В. Гендер и СМИ / И. В. Сидорская, А. Раду. – М. : РИВШ, 2014. – 133 с.
8. Смирнова, О. В. Гендерная проблематика. Проблематика СМИ / О. В. Смирнова. – М. : Икар, 2008. – 250 с.
9. Смеюха, В. В. Гендерные технологии в СМИ. Учебно-методическое пособие / В. В. Смеюха. – Ростов н/Д. : Феникс, 2011. – 46 с.

ОМЕЛЬЯНЧИК Я.

**ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ В ПОВЕСТИ
“ПРОЩАНИЕ С МАТЕРОЙ” В. РАСПУТИНА**

«Прощание с Матерой» – своеобразная драма народной жизни. В этой философско-нравственной повести затрагиваются проблемы как ставшие актуальными на исходе 20 в. (экологические последствия научно-технического прогресса, наступление цивилизации на немногие оставшиеся уголки патриархальной жизни), так и вечные (отношения поколений, поиск смысла человеческого существования, ожидание смерти). Эту повесть можно назвать повестью–предупреждением. Предупреждением о реальности исчезновения человечества как рода.

В повести «Прощание с Матерой» Распутин пишет о малой родине, без которой не может быть настоящего человека. В. Распутин так объясняет это понятие: «Малая родина дает нам гораздо больше, чем мы в состоянии осознать. Я верю, что и в моем писательском деле она сыграла не последнюю роль» [1. с. 201].

Автором воспроизводится быт жителей Матеры в последние три месяца их пребывания на острове. Сюжет развивается неторопливо, позволяя взглядеться в каждую деталь навсегда уходящей жизни, в подробности привычного пейзажа ставшего особенно дорогим накануне гибели. В черты «родной», «своей» природы вглядывается Дарья Пинигина, патриарх деревни, обладающая строгим и справедливым характером, что притягивает к ней «слабых и страдательных». Она оказывается в центре переплетения сюжетных линий. Конфликт повести имеет в первую очередь социально-исторический смысл. Столкновение старого и нового предстает как попытка «пополам переломить» вековые устои жизни. То, что не смогла сделать шестьдесят лет назад революция, вершат ее наследники, подводящие всех «под одну линейку». У людей отнимают не только с великим трудом нажитое добро, дома, построенные руками их отцов и дедов и являющиеся памятниками искусства, но и внутреннюю опору крестьянского существования – возможность работать на земле.

В основе сюжета лежат реальные события – в годы строительства Братской ГЭС родная деревня писателя Аталинка была затоплена. Показаны самые глубокие эмоциональные переживания и страдания всех героев рассказа. Деревенские очень болезненно воспринимают переселение, ведь здесь могилы их предков, которые они желают забрать с собой на новое мест. Суть данного произведения заключается в демонстрации настоящей любви к Родине. Не только к малой, как в повести, но и к большой Родине, ведь человек вырастает в родную землю корнями. Земля, как источник жизни и рода, предстаёт в образе Матеры. Рисуя землю, на которой проходит жизнь человека «от пелёнок до

старости», Распутин возвращает нас к одухотворённому её восприятию, испокон веков свойственному русскому народу. Проводя антитезу между прошлым и настоящим, автор с нарастающей тревогой показывает процесс утраты такого понимания современным человеком. Земля кормит души людские своей «благодатью, покоем и миром». Разрыв с нею нарушает спасительную связь между предками и потомками, порождает духовную потерянность и пустоту.

Повесть «Прощание с Матерой» – размышления писателя о судьбе русской деревни. Остров Матера для Распутина – это модель крестьянского мира с его патриархальным укладом жизни, со своими нравственными законами.

В повести показан полный упадок и разруха советской деревни, урбанизация. Пояняется термин «неперспективная деревня». Распутин поднимает вопросы антологической проблемы: взаимоотношение поколений, верность традициям, памяти забвения, совести.

Само название деревни Матера и образ старухи Дарьи актуализируют женское материнское начало. Это своеобразный корень жизни, который человек рубит под собой сам.

Если сравнивать жизнь современного деревенского народа, с жизнью народа в произведении, то можно сказать, что раньше жизнь деревенского человека была очень тяжелой. Каждый человек стремился как больше принести, добыть в свою семью. Герои произведения очень переживают за свои дома, за свое хозяйство. И кошки, и собаки, и каждый предмет, и избы, и вся деревня как живые для тех, кто в них всю жизнь от рождения прожил.

В повести Распутин создает образы русских женщин, носительниц нравственных ценностей народа, его философии. Героини повести, Дарья и Настасья, переживают за деревенское кладбище, которое санитарная служба сравнивает с землей. Дарья возмущена этим. Она собирает за собой народ, и пытается выступить против этого. Дарья не только шлет проклятия в сторону обидчиков, но и напрямую вступает в бой, прихватив с собой палку. Это говорит о том, что женщины не забывают своих и чужих предков, свое прошлое, которое лежит в этих могилах. Дарья отнюдь не пассивная старуха, которая будет сидеть тихо и спокойно реагировать на происходящее. Это женщина с очень сильным и боевым характером. Она осуждает других людей, высказывается об их поведении, характерах. Осуждает она не только чужих, но и своих родных – сына и невестку. В «Прощании с Матёрой» торжественный и скорбный ритуал проводов покойника на кладбище становится для Дарьи Пинегиной образом прощания со своей родной избой. «Не обмыв, не обрядив во все лучшее, что только есть у него, покойника в гроб не кладут – так принято. А как можно отдать на смерть родную избу, из которой выносили отца и мать, деда и бабу, в которой сама она прожила всю, без малого, жизнь, отказав ей в том же обряде?» – размышляет Дарья о своей избе, как о

живой. И эта работа для нее – святое, «тут нужны собственные руки, как при похоронах матери облегчение дают собственные, а не заемные слезы». Дарья все делает без остановки, удивляясь, «что двигается, не падает – нет, вышло, значит, к ее собственным слабым силенкам какое-то отдельное и особое дополнение ради этой работы» [1. с. 323]. Дарья является хранительницей вечности. Вся жизнь человека издревле была связана с понятием семьи и рода, в основе взаимоотношений между поколениями лежало уважение к старшим – к родителям, дедам и прадедам. Понимание Дарьей слова «род»- понимание истинно духовное, основанное на чувстве ответственности, совестливости и благодарности. Прощаться с Матерой для неё – значит просить прощения у старших, что не защитила родовые корни, родовую землю. Важными в проблематике повести являются строки о том, что у «материнской рати нет надежды». Оборвалась преемственная связь поколений: у предков нет надежды, что память о них сохранится, а у потомков – что о них вспомнят будущие поколения.

Книга говорит о борьбе старой и новой жизни, традиций и современной техники. Все пожилые герои повести – сама Дарья, Богодул, Екатерина, дед Егор, Настасья, Сима – это люди прошлого поколения. Люди прожившие на этой земле всю свою жизнь, для которых разрыв с этой землей, смертелен. Они выросли на этой земле, она пропитана их духом.

Молодое поколение, т. е будущее Матеры, – Андрей, Петруха, Клавка Стригунова оставило свою деревню на произвол судьбы, в беде, в безразличии, деревню с огромной историей, равной в триста лет. Взгляды на жизнь стариков и молодежи очень разные. Молодежь не всегда желает следовать старым традициям.

Писатель очень искусно изображает сцены расставания героев с деревней. Дарья формулирует главную мысль произведения, которую хочет донести до читателей и сам автор: «Правда в памяти. У кого нет памяти, у того нет жизни» » [1. с. 332]. Если мы не будем забывать о нашем прошлом, о предках, о людях, которые создавали нашу землю, наш дом, то и у обычной маленькой деревушке будет будущее. Все это лишний раз доказывает то, что отрывать народ от земли, от его корней нельзя, что такие действия можно приравнять к жестокому убийству. Матера – символ жизни. Ее затопило, но память о ней осталась, она будет жить вечно. Писателю самому близки мысли этой милой старушки. Распутин наделяет ее лишь положительными чертами, простой и незатейливой речью. Надо сказать, что все старожилы Матеры описаны автором с теплотой.

В повести в действие вводится природа, играющая огромную роль с первой главы (обещание весны) по заключительную (туман, прячущий остров). Природа и символично–фантастический ряд позволяют воспринимать Матеру как самостоятельную часть Вселенной, которая хочет жить, но которая приговорена к уничтожению.

Повесть «Прощание с Матёрой» заканчивается символической картиной густого непроглядного тумана, в котором герои блуждают в поисках затопляемого острова. Туман – образ-символ бездуховного мира, в котором каждый из героев потерял свой истинный путь. В финале повести заявляют о себе апокалипсические мотивы. Неоднократно повторяющееся в финале слово «тишина» таит в себе некое предостережение. Последние страницы повести символичны: запутались люди то ли в тумане, то ли в жизни, не знают, что им надо и где верный путь.

Повесть «Прощание с Матерой» – этакий град Кутеж, уносящий с собой целый мир. Уходит под воду Матера, а с ней уходит прошлое, уходят кресты на могилах предков, уходит память, уходит таинственный домовой – Хозяин острова, а с ними обрывается нить, связующая предков и потомков. «Ежли мы кинули, нас с тобой не задумаются кинуть», – говорит о покинутых на Матере могилах Дарья своему сыну. «Да как же без родных то могилки?!» [1. с. 336].

В. Распутин показывает несколько поколений жителей деревни. Чем дальше, тем слабее становятся связи. Старуха Дарья свято чтит память об ушедших. Сын ее, Павел, понимает мать, но то, что ее волнует, для него не самое главное. А внук Андрей и вовсе не понимает о чем речь. Он, не задумываясь, принимает решение устроиться работать на строительстве плотины, из-за которой и будет затоплен остров. Да и он уверен, что память это плохо, без нее лучше. Нет в Павле той духовной твёрдости, что есть в старом поколении материнцев, но нет в нём и равнодушия молодых: «Мать живёт в одной уверенности, молодые в другой, а тут и уверенности никакой нету. Ни туда, ни сюда, меж теми и другими» [1. с. 352]. Такие, как Андрей, будут созидать, разрушая, и, когда задумаются, чего же в этом процессе больше, будет уже поздно: надорванные сердца не излечиваются. Своеобразным символом предупреждения становится новый поселок, куда должны перебраться жители деревни. Поселок хоть и сработан красиво, домик к домику, да поставлен как-то несуразно, не по-людски. Наверное, прощаться в случае надобности с этим поселком будет куда проще, чем с Матерой. Духовные искания Павла – это искания «потерянного поколения», опалённого войной, чья жизнь разделилась на «до» и «после», поколения, увидевшего смерть раньше, чем вступило во взрослую, осознанную жизнь, поколения, которое не успев осознать всю красоту мира и жизни, вынуждено было стрелять по ним: «Точно оправдывая в чём себя, Павел подумал, что ему вообще нередко приходится вспоминать, что он живёт, и подталкивать себя к жизни: после войны за долгие годы он так и не пришёл в себя, и мало кто из воевавших, казалось ему, пришёл. Всё, что требуется, они делают, но всё как бы после своей смерти или, напротив, во второй раз, всё с натугой, привычностью и терпеливой покорностью. Он не находит места в жизни, места не материального, но духовного, и душа его мечется и страдает от этой

неприкаянности. Но есть среди этого поколения «детей» те, кто не страдает от обрыва связей с прошлым, от утраты духовного пути.

В финальной сцене оставшиеся последними на острове герои ощущают себя «неживыми», брошенными в «разверстой пустоте» перед концом света. Трагическая развязка проявляет авторскую позицию. Но разрешение конфликта неоднозначно: несмотря на значительность иносказательного смысла образов, герои остаются ощутимо конкретными. Индивидуальность каждого из них обрисована с помощью портрета, предыстории, изображения особенного характера, обуславливающих участие в основном конфликте.

Распутин не против перемен, он не пытается в своей повести протестовать против всего нового, прогрессивного, а заставляет задуматься о таких преобразованиях в жизни, которые не уничтожили бы человеческого в человеке.

Матеру можно сравнить с легендарной Атлантидой, ушедшей на дно моря, только море это является рукотворным. Вместе с Матерой под воду уходит святость патриархальных отношений, национальных традиций. Но будет ли человек чувствовать себя хозяином этой земли, сколько поколений должно смениться, прежде чем возродится утерянная связь человека с почвой. Да и возродится ли она вообще, если новое поколение начнет свою жизнь с прощания с Матерой. Повесть В. Распутина – это напоминание о том, что истоки нравственности русского человека всегда находились в привязанности к земле и человеческой памяти, в связях между прошлым и будущим.

Литература:

1. Распутин, В. Г. Последний срок ; Прощание с Матерой ; Пожар : повести / В. Г. Распутин. – М. : Современник, 1991. – 397 с.
2. Курбатов, В. Валентин Распутин : личность и творчество / В. Курбатов. – М., 1992. – 456 с.
3. Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература 1950–1980 годов : том 2 / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – М., 2003. – 556 с.
4. Буслакова, Т. П. Русская литература 20 века. Учебное пособие / Т. П. Буслакова. – М., 2003. – 565 с.

ОМЕЛЬЯНИУК Н.

ЭРГОУРБОНИМЫ Г. БРЕСТА: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Эргоурбонимия, представляющая «портрет» многих свойственных современным языку, коммуникации тенденций, предполагает обширное поле для анализа ее компонентов в лингвокультурологическом аспекте.

Внутригородские наименования, как отмечает А.М. Мезенко, один из фрагментов **ономастической** и, шире, **языковой картины мира**, которая «отражает национальное мирозерцание и мироощущение окружающей действительности... это специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов, участвующих в структурировании и оценке материального мира» [6, с. 59].

Код культуры (лингвокультурный код, культурный код; КК) – одно из центральных понятий лингвокультурологии, инструмент, «позволяющий считывать культурную информацию с языковых знаков» [7, с. 7]. Дефиниции данного феномена различны. В.Н. Телия определяет КК как «таксономический субстрат» текстов культуры. Он являет «собой ту или иную совокупность окультуренных представлений о картине мира некоторого социума – о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерений» [11, с. 21].

В.В. Красных видит КК «сеткой», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его [5, с. 297]. Очевидна взаимосвязь КК с архетипами, которые, как считает исследователь, «эти представления и “кодируют”» [5, с. 298]. Например, эргоурбоним *сеть магазинов детской одежды «Буслік»* содержит сему «дитя» и представляет собой не только национальный КК, но и культурно-символический архетип «ребенок» – ‘праздник жизни’, ‘новые возможности’. КК раскрывается на двух уровнях: непосредственно морфологическом (деминутивное значение суффикса *-ик*) и семантическом (посредством выстраивания ассоциативного ряда к слову «бусел»; в славянской мифологии «бусел» (белый аист) – ‘птица, приносящая детей’, служит образцом семейной верности ([2, с. 20]). Кроме того, аист у белорусов «отвечает» за урожай и достаток в доме. Этот полисемантический образ органично вписывается в анализируемый эргоурбоним. (Отметим, что для белорусского языка нормативной будет форма «бусляня», однако сема «дитя», как уже отмечалось, усиливается лингвокультурной семантикой суффикса *-ик*.)

Анализ научной литературы позволяет утверждать, что КК в эргоурбонимах характеризуется: 1) **интерпретативной устойчивостью в пространственно-временном континууме** [9, с. 75]. Например, наименование *магазин одежды «ZIMALETTO»* возможно трактовать в контексте телесериала «*Не родись красивой*» (главная героиня работает в одноименном доме модной одежды). Однако, поскольку элементы массовой культуры недолговечны, для более молодого поколения данный оним, видимо, не обладает обозначенной культурной составляющей; 2) коммуникативным потенциалом **на уровне личностного восприятия и социально-культурных практик** [9, с. 75].

В современном обществе прочтение, интерпретация КК достаточно субъективны и зависят во многом от личностного восприятия. **Информативная** значимость КК в эргоурбонимах дополняется **эмоционально-оценочной** коннотацией (номинаторы обращаются в том числе к образным именам собственным). Например, онимы *магазин «Мода от комода»* и *магазин одежды «Тренды-бренды»* несут самые разные настроения, ассоциации. С одной стороны, имя «*Мода от комода*» связано с выражением «доставать из бабушкиного шкафа, комода», которое обычно используется в ироническом ключе и именуется старинные, вышедшие из моды вещи. И таким значением данное выражение обладает в сознании многих на постсоветском пространстве. С другой стороны, на Западе культивируется винтажность, традиция, потому дизайнеры рекомендуют заглядывать в бабушкин «сундучок». И тогда эргоурбоним может стать обещанием чего-то особенного, эксклюзивного... Лексемы, мотивирующие второе название («*Тренды-бренды*»), имеют в русском языке положительную коннотацию, но написание онима через дефис, рифмовка его компонентов иллюстрируют ироническое отношение именуемого субъекта.

Вербализация в эргоурбонимах КК обеспечивает **культурную универсальность** этих наименований: *книжный магазин «Дружба»* и *павильон (мясных изделий) «Дружба»*. На наш взгляд, в обоих случаях используется возвышенное содержание мотивирующей лексемы ('благо, счастье, необходимое условие полноценной человеческой жизни, доверие, правдивость, прочность, защита, равенство') для описания содержимого именуемых торговых объектов в культурном пространстве и для установления доверительных отношений с покупателем. Это еще раз подтверждает, что функционально КК – «способ описания материального и духовного мира в культурном пространстве носителями данного языка, а также способ концептуализации окружающего мира» [8, с. 34].

КК формируются на основе системы **прецедентных феноменов**. Речь идет о феноменах (текстах, визуальных образах, представлениях), которые уже «укоренились» в определенном культурном пространстве. Главной характеристикой прецедентных феноменов является их способность: 1) выполнять роль эталона культуры. Например, «вечность» относится к эталонной сфере, являясь выражением неограниченного, длительного периода времени [4, с. 170–171]: *бюро ритуальных услуг «Камень вечен»* (здесь явно чувствуется отсылка к перифразу *вечный камень* – о граните); 2) функционировать как свернутая метафора: *павильон «Tet-a-tet»* и др.; 3) выступать как символ какого-либо феномена или ситуации: *магазин национальной одежды и сувениров «Князь Витаут»* и др.

КК вырабатывается, по мнению Г.А. Аванесова и И.А. Купцова, в пределах определенной эпохи и открыт к изменению, самопорождению новых

и появлению **вторичных** КК [1, с. 34]. Например, имя торгового объекта может быть идентично названию бренда, в основе которого, в свою очередь, лежит фамилия его основателя: *магазин сумок «Mattioli»* (иностранное предприятие «Маттиоли» было создано в 1998 г. господином Куинто Маттиоли), *магазин обуви «Rieker»* (одноименная компания была основана в середине XIX в. немцем Генрихом Рикером / **Heinrich Rieker**).

В целом «система кодов не гомогенна, а представляет собой ряды перекрывающих друг друга знаковых систем “текстоморфной” традиционной культуры, что делает неоднозначной сегментацию и классификацию кодов» [12, с. 102]. Например, в названии *магазин (сантехники) «Водолей»* прослеживается вербализация «видимых и/или чувственно воспринимаемых элементов мироздания» [12, с. 102], в частности небесных тел: «водолей» – ‘1) созвездие’ и ‘2) знак зодиака’ (космографический КК). Общеизвестное знание накладывается на менее известное значение данного слова – это ‘древний сосуд для умывания в форме зверя, птицы, всадника, из глины или металла. Распространен в средние века во многих странах, в том числе на Руси’ (домашняя утварь, предметы быта репрезентуют субстантивный КК). Кроме того, «водолей» – ‘работник, наливающий и отливающий воду’ [10] (персональный КК). В результате имя локализованного коммерческого объекта эксплицирует целый комплекс КК.

Таким образом, эргоурбонимы вербально и невербально воплощают различные КК, характеризуя в обобщенной форме жизнь социума и отдельных его представителей. Внутренняя форма эргоурбонима как репрезентанта КК раскрывается в широком культурно-историческом контексте. А эргоурбонимия любого города – большого, среднего или малого – становится отражением в миниатюре истории, духовной и материальной культуры страны в целом и отдельного региона в частности.

Литература:

1. Аванесова, Г. А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике / Г. А. Аванесова, И. А. Купцова // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : сб. статей по материалам XLVII Междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск : СибАК, 2015. – № 4 (47). – С. 28–37.
2. Беларуская міфалогія : энцыклапед. слоўн. / С. Санько [і інш.] ; склад. Ш. Клімковіч. – 2-е выд., дап. – Мінск : Беларусь, 2006. – 599 с.
3. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М. : Гнозис, 2003. – 288 с.
4. Красных, В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / Отв. ред. : В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2001. – Вып. 19. – С. 5–19.

5. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.
6. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
7. Носова, О. Е. Лингвокультурный код как инструмент лингвокультурологических исследований / О. Е. Носова // Язык и культура. – № 12. – 2014. – С. 16–17.
8. Сарач, Х. Природно-ландшафтный код культуры на материале русского и турецкого языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Х. Сарач. – М., 2016. – 211 с.
9. Симбирцева, Н. А. Тексты культуры: специфика интерпретации: дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / Н. А. Симбирцева. – Екатеринбург, 2016. – 361 с.
10. Словари // Академик [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dic.academic.ru>. – Дата доступа : 15.05.2017.
11. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 288 с.
12. Швед, И. А. Классификация кодов культуры: к постановке проблемы / И. А. Швед // Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы искусства: история, теория, методика», г. Минск, 10–11 апр. 2014 г. / Бел. гос. пед. ун-т имени М. Танка ; редкол. : М. Р. Баразна [и др.]. – Минск : БДПУ, 2014. – С. 100–104.

ОМЕЛЬЯНИК Н.

ЭКСПЛИКАЦИЯ КОДОВ КУЛЬТУРЫ В ЭРГОУРБОНИМАХ Г. БРЕСТА

Номинации магазинов и предприятий сферы услуг, как и другие онимы, «обладают яркой национально-культурной семантикой, поскольку их групповое и индивидуальное значение прямо производно от истории и культуры народа – носителя языка» [4, с. 56]. Имена собственные эксплицируют многообразные **коды культуры** (культурные коды; КК) – совокупности знаков (символов), смыслов (их комбинаций), которые заключены в любом предмете материальной и духовной деятельности человека [2], в том числе в языковой единице.

Эргоурбонимы как репрезентанты КК несут культурно-историческую информацию; образуют «городской текст», обладающий собственной мифологией, т. е. «новый городской миф», закрепленный средствами языка [6]. Совокупность КК или их отдельные компоненты в структуре имен локализованных коммерческих объектов создают языковую картину мира с мифологической точки зрения, ведь архетипичность заложена в самой

природе КК. Поэтому в своей работе мы – вслед за И. А. Швед – будем говорить «о мифопоэтической картине мира» [9, с. 100], вербализованной в исследуемых номинациях. В качестве основной классификации нами использована типология данного филолога [9], как наиболее национально обоснованная для анализа эргоурбонимов г. Бреста, объективации в них КК (их 12).

1) **КК атрибутивов** связан с семиотизацией «свойств и признаков человека и животных, чисел и порядка, цвета иных признаков, составляющих бинарные оппозиции: пространственные, временные и другие» [9, с. 101].

Информация о **признаках** человека, предметов имеет место в наименованиях салонов красоты, парикмахерских и магазинов женской одежды: *салон красоты «Бьюти баланс», магазин товаров для беременных «Beauty mama»* (англ. ‘красота, прелесть, краса’), *магазин одежды «Красавчик», павильон женской одежды «Belladonna»* (итал. ‘красивая’), *магазин мужской молодежной одежды «Good»* (англ. ‘хороший’), *парикмахерская «Милада»*. Однако классическая презентация атрибутивного КК осложняется его идеологизацией, вызванной рекламной агрессией. «Красивый» – это современный, стильный (нередко выдержанный в эстетике гламура и элитарности), концептуальный, т. е. модный: *галерея бутиков «Модный молл», магазин «Модная беременность», павильон мужской одежды «Вотонд»* (‘высшее общество’; аристократизм выступает как синоним стиля), *магазин для будущих мам «Модная лавка», магазин одежды «Concept club», second hand «Style euro», «Евромода»* (также объективируется пространственный КК, выраженный компонентом *-евро*). Западноевропейская мифологема красоты находит выражение и в признаке эгоцентричности: *салон красоты «Эго», магазин одежды «Эгоист»*.

Вербализация **цвета** прослеживается в номинациях *магазин «Красный Мозырянин», магазин товаров для новорожденных «Розовый слон»*. Последний оним связан с текстом популярной одноименной детской песни Г. Грбовского (она стала знаковым выражением не только детского мировосприятия, но и в целом философии позитивного отношения к реальности). Оним «Красный Мозырянин» отличается полисемантической, потому что прилагательное в его составе: 1) выступает синонимом к слову «красивый» и несет положительную коннотацию; 2) обозначает (данный смысл уже нивелировался, хотя раньше был единственным) ‘относящийся к коммунизму, символ борьбы и жизнестойкости’ [7].

Семиотизация **чисел и порядка** актуализирует отношения очередности, следования: *магазин «Пятое колесо», торговый центр «Миллионный»*.

Признак «семиотизации **пространства**» [9, с. 102] в атрибутивном КК представляется как организованная сущность, где прослеживается центр (*магазин мебели «Центр мебели», турагентство «Центр Курорт»*) и периферия.

2) **Пространственный КК** формируется комбинациями элементов направления, расположения сторон света: *торговый центр «Восток», сеть магазинов «Асстор-Вест»* (англ. ‘западный’).

3) **Ландшафтный КК** репрезентует названия, которые связаны с семиотизацией культурно- и природно-ландшафтных реалий [8, с. 17]. К последним в нашей выборке относятся: 1) **гидрообъекты**: *торговый дом «Керамин-Буг», магазин «ПридВинье»* (ОАО «Витебский ликеро-водочный завод “Придвинье”»); оним-графодериват отсылает и к месторасположению номинатора – на реке *Двина*, и к предлагаемому товару – *вино*), *магазин «На болоте»*; 2) **остров**: *магазин «Остров чистоты», магазин автозапчастей «Остров Сокровищ»*; 3) **камень**: *бюро ритуальных услуг «Камень вечен», «Империя камня», «КарелСтоун», «Гравестоун»* (англ. ‘камень’), *«Мрамур»* (бел. ‘мрамор’), *«Экспокамень», «ГранТэкс», «Граникар», «Гранитный двор»* (обыгрывается наименование камня и процесс огранки). Эти примеры демонстрируют и взаимосвязь между ландшафтным и космографическим КК, т. к. камень, согласно славянской мифологии, является первоэлементом, обладает сакральным значением и служит границей между мирами (потому применяется в ритуальных действиях). В последнем имени также присутствует семиотизация двора как части пространства дома.

В эргоурбонимах представлены следующие элементы культурного ландшафта: 1) **дом**: *магазин мебели «Никко дом», турагентство «Туристический дом», магазин «Строительный дом Павловских», «Дом Натуральной Косметики» / «ДНК»*. Сюда же отнесли оним *магазин бытовой химии «Домашний очаг»* (в целом наименование тавтологично по своей природе, т. к. «очаг» в сознании представителей русской / белорусской лингвокультуры – это «сердце» жилища, синоним дома); 2) **сад, огород**: *магазин «Сад-Огород»*; 3) **город, страна, регион**: *строительный комплекс «Город мастеров», турагентство «Страна туризма и гостеприимства», сеть магазинов «Родная сторона», магазин «Наш край»* (в последних двух именах прослеживается разделение «свое-чужое», свойственное как атрибутивному, так и космографическому КК [9, с. 104]).

Названия коммерческих объектов демонстрируют вербализацию топонимических реалий, относительно которых происходит именование: *магазин автозапчастей «Брестзапчасть», магазин одежды «LC Waikiki», магазин спортивной одежды «Columbia»* (оба эргоурбонима восходят к именам брендов, связанных с названиями местностей – *Waikiki* в Турции и *Columbia* в США), *зоомагазин «ЗооБрестСервис», строительный рынок «Задворцы»* (район расположения и район в г. Бресте), *торговый центр «Москва»* (располагается в здании бывшего ресторана «Москва»), *«Европа», «Речицкий»* (расположен в одноименном районе города), *магазин «Брест»,*

«**Берестье**», торговый павильон «**Асобіна**» (РУП «Белоруснефть-Особино»; *Особино* – деревня в Гомельской области) и др.

4) **Космографический КК** представлен онимами типа: *салон красоты «Солнечный бриз»*, *турагентство «6 звезд» / «Шесть звезд»* (дополняется атрибутивным КК: звезда как оценка качества), *магазин «Велозвезда»*, «**Планета**», «**Планета здоровья**» (и ряд подобных эргоурбонимов), «**Сатурн**» (комбинируется с персонажным КК через имя римского бога земледелия) и др.

В именах *магазин спецодежды «Ветер странствий»*, *фотостудия «Облако»*, «**Радуга**» семиотизируется метеорологическая сфера.

В эргоурбонимах объективируются **мифические места**: *магазин «Домашний рай»*, *стройрынок «Будаўнічы Рай»*; *автосервис «Под мостом»* (в славянской мифологии мост – символ перехода, сакральное место, связывающее «свое» и «чужое»).

5) **КК действий** репрезентует образы той или иной деятельности (событий): *магазин мебели «Сделай сам»*, *магазин спецодежды «Ветер странствий»*, *швейная мастерская «Строчная помощь»*.

6) **КК времени** выражен в эргоурбонимах *магазин одежды «ZIMALETTO»*, *парикмахерская-солярий «4 сезона»* (семиотизация сезонов).

7) Эргоурбонимы – репрезентанты **субстантивного КК** – достаточно разнообразны: *павильон «Молоток»*, «**МолоТок**» (разница в графическом оформлении не влияет на семантику; оба имени семиотизируют **орудие труда**); *магазин «Мода от комода»* («вид мебели, предназначенный для хранения белья и иных вещей в больших выдвигаемых ящиках» [1]).

Ряд номинаций содержит информацию об одежде, обуви и ткани: *магазин обуви «Наши боты»*, «**Туфелька**», «**Чабаток**», «**ОбувьГрад**»; *магазин тканей «Виссон»* (тончайшая ткань, белая, реже золотистая), *магазин одежды «Беларускі лён»*, *магазин «Лянок»*. Остановимся на последнем эргоурбониме. «**Лянок**» (здесь имеет место омонимия – ‘ткань’ и ‘растение, из которого ее изготавливают’) символизирует одну из важнейших областей народного промысла, отрасль реального сектора экономики – выращивание (также наблюдается добавочная семиотизация растительного КК) и обработку льна, что находит отражение на всех уровнях белорусской культуры. По словам президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, «лен – культура политическая»..

Примерами вербализации **пищи** в субстантивном коде являются эргоурбонимы: *павильон «КумпячОк»*, *магазин «Хлеб»*, «**Горячий хлеб**», *торговый павильон «Хлебная лавка»*, «**Хлебны куток**». К еде и напиткам белорусы относятся с уважением, а названия любимых, традиционных продуктов нередко находят реализацию в именах торговой сферы.

В «гастрономическом» на первый взгляд эргоурбониме *магазин «Хлебосолье»* доминирует КК действий, напоминающий об обычаях,

ценностях, нормах поведения народа. *Хлеб и соль* (преподношение хлеба и соли) в традиционном быту белорусских крестьян занимали по своему сакральному статусу первое место и часто рассматривались как одно целое. Клише «*хлеб-соль*» вообще использовалось для обозначения еды и угощения [3, с. 477]. Подтверждение важности этого продукта, любовь к нему нашли отражение и в названии *магазин «Хлебушко»*. Хлеб олицетворяет благополучие, богатство в доме; хлебопечение представляет собой целый ритуал. Не случайно в наименовании объектов, торгующих хлебобулочными изделиями, особое место занимают имена с компонентом «домашний»: *магазин «Домашняя выпечка»*.

Семиотизацию **культурного, ритуального предмета** демонстрирует эргоурбоним *магазин-пекарня «Багач»*. Имя вызывает воспоминания о празднике белорусов, который заканчивал цикл выращивания урожая: «Багач – лубок з жытам, у сярэдзіну якога ўстаўлялася свечка... Відавочная магічная скіраванасць абраду на захаванне дабрабыту, ураджайнасці, плоднасці жывёлы, сямейнага ладу» [3, с. 38].

8) **Персонажный КК** в основном семиотизирует: 1) лица и имена (люди в их биологическом статусе, в их семейных, родственных отношениях): *магазины для будущих мам «Матуля»* и «*Лаки мам*», *магазин детской одежды «Детки-конфетки»*, *second hand «Евродетки»*; 2) людей в других социальных ролях: *гостиница «Строитель»*, *магазин «Мечта хозяйки»*, «*Хозяйка»*, «*Берестейский пекарь»*, «*Винарь»*.

В качестве эргоурбонимов г. Бреста также выступают: 1) имена исторических личностей: *фирменный магазин «Спартак»* (СП ОАО «Спартак» – в честь гладиатора, возглавившего восстание рабов), «*Радамир»* (ОАО «Гомельский ликеро-водочный завод “Радамир”»); легендарный основатель славянского племени радимичей, населявших территорию Беларуси в древние времена; с данным антропонимом ассоциируются такие качества, как смелость, благородство, народность) и др.; 2) имена персонажей мифологии: *торговая сеть «Дионис»* (в греч. мифологии – бог растительности, виноградарства, производительных сил природы; упомянут в «Одиссее»; символизирует не только процветание виноделия, но и урожайность вообще; номинаторы расположили на вывесках изображение яблока), *магазин тканей «Селена»* (в греч. мифологии – богиня Луны), *салон красоты «Афина стиль»* (в греч. мифологии – богиня стратегии и мудрости), *бюро ритуальных услуг «Харон»* (в греч. мифологии – перевозчик душ умерших), *парикмахерская «Орфей»* (в греч. мифологии – легендарный певец и музыкант, исполнитель на лире, чье имя олицетворяет могущество искусств).

9) **Растительный КК** объективирует дикие и культурные растения, их части, растительные по происхождению хозяйственные реалии: *магазин «Верас»* (бел. ‘вереск’; дикорастущий кустарник, обладающее полезными

свойствами), магазин «**Чабарок**» (бел. ‘чабрец’), салон штор «**ТюльПан**», магазин косметики «**Магнолия**», магазин «**Маргаритка**» (пример интересен тем, что так зовут и владелицу; см. персонажный КК), магазин одежды «**Камелия**»; магазин «**Чай&Кофе**», «**Репка**», «**Фасоль**», «**Бульбачка**», «**Ягодка**» (онимы, которые восходят к апеллятивам, обозначающим и растение, и его съедобный плод, также репрезентуют субстантивный КК). Интересен тот факт, что многие подобные номинации имеют уменьшительно-ласкательные суффиксы, что формирует у покупателя доверие, позитивное отношение.

10) **Зооморфный КК** представляет собой семиотизацию: 1) зверей: магазин джинсовой одежды «**Mustang**» (‘одичавшая домашняя лошадь’; мустангов усаживали ковбои, одним из неизменных атрибутов которых являются джинсы), магазин одежды «**Панда**», магазин эксклюзивной одежды из кожи и меха «**Зебра**», магазин верхней одежды «**Ирбис**» и др.; 2) птиц: гостиница «**Чайка**», турагентство «**Киви тур**» и др.

11) **Соматический (телесный) КК** (В. В. Красных считает его самым важным среди КК [6, с. 5]) вербализует информацию о частях тела, органах: парикмахерская «**Локон**», комиссионный магазин «**Из рук в руки**». К данному КК отнесли и имена, включающие в свой состав названия частей тела животных: зоомагазин «**ЛанУшки**» (лапы и ушки), «**Dr. Hвostoff**».

12) Обращают на себя внимание эргоурбонимы, которые можно рассматривать как объективацию эмоционально-характерологического КК: универсам «**100 PUDOFF**» (разг. ‘без обмана’, ‘даю гарантию’), дискаунтер «**Наш магазин**», магазин «**Tet-a-tet**» (в подобных номинациях подчеркивается контакт с покупателем), «**Перфект**» (лат. *perfectus* ‘совершенный’), «**Десяточка**» (порядковый номер магазина ОАО «Желдорсервис» и ассоциация с точным попаданием в цель – в десяточку), «**Добрый**», «**Все нипочем**» и др. Наименования такого типа экспонируют «абстрактные наименования, выражающие отношение номинатора к объекту или его впечатления от последнего» [5, с. 146]. Следует отметить, что «отношение» – а оно, разумеется, позитивное – может выражаться прямо (магазин обуви «**I love Italian shoes**» ‘Мне нравится итальянская обувь’) или косвенно: магазин обуви «**Наши боты**», «**SuccesS**» (англ. ‘успех’), «**Легко**».

Таким образом, эргоурбонимы относятся к «культурноносным» языковым единицам, представляют экстралингвистическую информацию о мифологии, истории, традициях, вкусах, ценностях жителей населенного пункта; о человеке, окружающих его географических объектах, предметах, животных, растениях и т.д. Наименования локализованных коммерческих предприятий г. Бреста объективируют целый комплекс кодов культуры. Нередко информационный потенциал имени собственного увеличивается за счет вторичных смысловых оттенков; за счет наложения в одном ониме кодов друг на друга.

Литература:

1. Беларуская міфалогія : Энцыклапед. слоўн. / С. Санько [і інш.] ; склад. Ш. Клімковіч. – 2-е выд., дап. – Мінск : Беларусь, 2006. – 599 с.
2. Большой толковый словарь по культурологии / Б. И. Кононенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/ – Дата доступа: 10.05.2017.
3. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
4. Верещагин, Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Русский язык, 1990. – 246 с.
5. Дорофеев, М. Л. Виконимия Беларуси: номинативный, лингво-географический, лингвокультурологический аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / М. Л. Дорофеев. – Витебск, 2015. – 273 с.
6. Красных, В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / Отв. ред. : В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2001. – Вып. 19. – С. 5–19.
7. Словари // Академик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru>. – Дата доступа: 15.05.2017.
8. Сьянова, Е. И. Ономастический код в ментальном пространстве диалектоносителей: на материале говоров Воронежского Прихоперья : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. И. Сьянова. – Санкт-Петербург, 2007. – 24 с.
9. Швед, И. А. Классификация кодов культуры: к постановке проблемы / И. А. Швед // Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы искусства: история, теория, методика», г. Минск, 10–11 апр. 2014 г. / Бел. гос. пед. ун-т имени М. Танка ; редкол. : М. Р. Баразна [и др.]. – Минск : БДПУ, 2014. – С. 100–104.

ПОПОВ А.

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ
АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ
ТЕКСТОВ ВАСИЛИЯ САРЫЧЕВА)**

Известный журналист Василий Сарычев в своих публицистических текстах часто использует разнообразные лексические средства выражения авторской позиции, например, окказиональную, просторечную, заимствованную, эмоционально окрашенную лексику и др. Это объясняется

функциями медиапроизведения и тем, что публицист обладает широким знанием лексики русского языка и всех ее возможностей.

Типичным примером использования В. Сарычевым лексических средств с целью выражения авторского «я» можно считать некоторые единицы в следующей цитате: *Два года его ждала, к турецким Наташам не ревновала, сама даже не смотрела в сторону Руденка. Вернулся милок – и снова заговоренная* (В. Сарычев. Дома и ветер помогает. «Динамо» (Брест) – ФК «Минск» – 1:0 // Вечерний Брест, 22.04.2015). В данном примере содержатся сразу два лексических средства выражения авторской позиции: просторечное слово *милок* служит для показа иронии журналиста по отношению к неудачливому игроку команды, а также для сближения автора с аудиторией. Вторая выразительная единица *и снова заговоренная* представляет определенный интерес, поскольку является трансформированным фразеологизированным сравнением *как заговоренный*, которому придана разговорная окраска. Эта конструкция применена с той же целью, что и первая: она добавляет ироничности в авторский комментарий и сближает публицистическую речь с разговорной речью, которой пользуется большинство читателей.

Как показал анализ медиатекстов В. Сарычева, ирония занимает значимое место в публицистических материалах журналиста. Многие тексты в исследованной нами рубрике «Футбол от Сарычева» имеют ироничную окраску, местами используется такой прием, как стеб. Нередко ирония выражается опосредованно, как мы это наблюдали в предыдущем примере, однако в описании каких-либо особенных ситуаций либо при стремлении явно показать свое отношение к персонажу или его действиям ирония может проявляться открыто, например: *В игру вступает истинно народный депутат Жора Дорбуашвили, давно научившийся жить без зарплаты* (В. Сарычев. Кубковый старт брестского «Динамо» предварила встреча с болельщиками // Вечерний Брест, 03.04.2015). В данной цитате автор также представляет свою позицию, однако делает это более открыто, чем в рассмотренном выше примере. В. Сарычев откровенно иронизирует над статусом *истинно народного депутата* и называет персонажа неофициальной (бытовой) формой имени, что добавляет некоторый оттенок пренебрежения к описываемому герою. Также в качестве примеров авторской иронии могут служить следующие цитаты из материалов В. Сарычева: *Делу воспротивились поднятые со скамейки члены клуба Хромая Лошадь* (В. Сарычев. Не верь глазам своим. «Динамо» (Брест) – «Слуцк» – 2:1 // Вечерний Брест, 14.07.2014); *Товарищеские матчи, в которых уже не нужны очки, порой оказываются веселее, чем деловитые колупания с угрюмой думой о премиальных* (В. Сарычев. Матч закрытия сезона. «Динамо» (Брест) – «Неман» (Гродно) – 0:1 // Вечерний Брест, 25.11.2014); *Три поражения, с которых брестчане начали второй этап чемпионата, поставили*

под сомнение мерное завершение дел наших скорбных (В. Сарычев. Первый пенальти // Вечерний Брест, 06.10.2014). Иногда автор использует прием, распространенный в непрофессиональной интернет-журналистике, – введение в текст просторечия, описывающего эмоциональное состояние, например: *Первый свой гол в межсезонье забил Роман Василюк, про которого поляки сказали: «Продайте!» Щас* (В. Сарычев. Предсезонка брестского «Динамо» идет прахом, констатирует тренерский штаб // Вечерний Брест, 24.02.2015).

Особое место в выражении авторского «я» в публицистических текстах В. Сарычева занимают творчески переработанные цитаты из различных книг, фильмов, песен и других известных произведений искусства. Этим публицист показывает свой широкий кругозор и достигает большей популярности у читателей, поскольку метафизически сближается с ними, коммуницирует с аудиторией на понятном языке: *Из карманов да в паруса – попутного ветра, бело-синяя птица!* (В. Сарычев. Дома и ветер помогает. «Динамо» (Брест) – ФК «Минск» – 1:0 // Вечерний Брест, 22.04.2015) (интертекстуальная единица (трансформированная цитата) – аллюзия на советский фильм «Попутного ветра, синяя птица!»); *Словом, будет вам и белка, дайте только срок* (В. Сарычев. Леонид Цуприк встретился с игроками ФК «Динамо» // Вечерний Брест, 18.03.2015) (трансформированная цитата из стихотворения Н.А. Некрасова «Дайте только срок: будет вам и белка, будет и свисток»); *Пока оборону трясет лихорадка Эбола, брестский Ганнибал Лектер продолжает сидеть в клетке* (В. Сарычев. Шестидесятники // Вечерний Брест, 18.08.2014) (образное выражение, отсылка к известному мировому событию).

Еще одним редким способом выражения авторской позиции на лексическом уровне является смешение лексики разных стилей, например: *Речь не о «Слуцке», ему респект: не дебютант по игре сохранил энтузиазм новичка, подпитываемого прущей из тренера харизмой* (В. Сарычев. [«Динамо» \(Брест\) – ФК «Слуцк» – 0:2. Ни себе ни людям](#) // Вечерний Брест, 27.10.2014); *Отнюдь не рвя жилы на искусственном поле гомельской СДЮШОР, динамовцы еще на стартовом отрезке создали голевой запас, позволивший курить бамбук в оставшийся час* (В. Сарычев. Желдор в транссе // Вечерний Брест, 25.08.2014). Чаще всего смешиваются публицистический и разговорный стили. Это можно объяснить двумя причинами: оба стиля обладают большим воздействием на аудиторию, разговорный стиль позволяет публицисту создать доверительный тон в своем произведении, способствует эффективной коммуникации.

Используются публицистом и метафорические переносы, однако их применение ограничено рамками жанра, например, спортивного аналитического репортажа, и самой темой, выбранной автором: *На 85-й минуте у брестчан прошла быстрая оборотка, и именно Василюк оказался на завершении, имея все шансы перецелкнуть рекорд на 202, но у вратаря Котенко четыре ноги и длинный-предлинный хвост...* (В. Сарычев.

Молодильные яблоки // Вечерний Брест, 09.06.2014) (метафорический перенос, соотнесение фамилии и качеств человека с животным).

В медиатекстах публициста зафиксировано немалое количество авторских неологизмов (окказионализмов), образованных узуальными и незузальными способами, например: *Равномонотонная игра, в которой Ковальчук проверил связи и попробовал Сергея Ковалюка* (В. Сарычев. Предсезонка брестского «Динамо» идет прахом, констатирует тренерский штаб // Вечерний Брест, 24.02.2015); *Следующими подписантами стали не окротевиший за три шахтерских года старожил брестской команды 27-летний полузащитник Андрей Цеван...* (В. Сарычев. [Снято вето на подписание контрактов с игроками брестского «Динамо»](#) // Вечерний Брест, 18.02.2015); *После чего в остаток первого тайма и половину второго на поле шла обоюдонудная игра с удовлетворяющей брестчан цифрой на табло* (В. Сарычев. [«Белшина» \(Бобруйск\) – «Динамо» \(Брест\) – 2:1. Всюду клин](#) // Вечерний Брест, 10.11.2014). Словотворчество В. Сарычева подтверждает превосходное знание особенностей языка, высокий уровень мастерства автора.

Таким образом, на основе проведенного нами исследования мы можем сделать следующие выводы:

1) публицистические произведения В. Сарычева отличаются наличием большого количества различных приемов выражения авторской позиции, среди которых наиболее важными являются лексические средства;

2) важной составляющей образа автора в публицистике В. Сарычева является ирония. С целью ее создания журналист применяет весь спектр лексических средств: окказиональную, просторечную, заимствованную, эмоционально окрашенную лексику;

3) с помощью авторских неологизмов В. Сарычев показывает свое отношение к рассматриваемому в тексте предмету. Создание и применение окказионализмов служит показателем высокого уровня профессионализма автора.

Литература:

1. Алещанова, И. В. Цитация в газетном тексте (на материале современной английской и российской прессы) : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.01 / И. В. Алещанова. – Волгоград, 2000. – 49 с.
2. Макеев, Г. А. Роль изобразительно выразительных средств [Электронный ресурс] / Г. А. Макеев // Подготовка к урокам литературы – 2011. – Режим доступа: <https://sites.google.com/site/literaklub/home/materialy-k-urokam-literatury/rol-izobrazitelno-vyrazitelnyh-sredstv-v-tekste>. – Дата доступа : 11.09.2017.

ПОПОВ А.

**СВОЕОБРАЗИЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА
ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ «Я ИЗ ОГНЕННОЙ ДЕРЕВНИ»)**

Художественно-публицистическое произведение современные ученые осмысливают как единый коммуникативный механизм, главной целью которого является оказание максимального воздействия на аудиторию, формирование особого взгляда на те или иные события, явления, факты.

По мнению известного филолога и переводчика В.Н. Комиссарова, содержательная структура текста рассматривается в трех измерениях: вертикальном, горизонтальном и глубинном [2]. Под вертикальной структурой понимается формально-тематическое содержание (т.е. общий замысел, тема, подтема, субтемы, микротемы, а также отдельные суждения). Изучение горизонтального измерения предполагает акцентацию в структуре художественно-публицистического произведения формальных и смысловых связей между высказываниями, которые скрепляют собой текст в единое целое. И, наконец, глубинный уровень включает в себя процесс построения речевых высказываний, материализующих в своей совокупности повествовательное полотно художественно-публицистического произведения.

В книге «Я из огненной деревни» А. Адамовича, Янки Брыля, В. Колесника указанные выше измерения содержательной структуры выделяются особенно отчетливо. Это можно объяснить общей направленностью книги, а именно – ее заостренной публицистичностью и реализмом, которые позволяют проявиться всем трем уровням понимания содержательной структуры художественно-публицистического произведения. Анализ каждого уровня содержательной структуры в этом произведении иллюстрирует специфику воздействия художественно-публицистического текста на аудиторию.

Первым компонентом содержательной структуры художественно-публицистического произведения является его вертикальное измерение. При этом используется схема разворачивания «сверху – вниз»: ведущим в связке «публицист – читатель» является первый компонент, т.е. создатель произведения. Он транслирует свои мысли, проецируя их в произведении. Читатель является в этой «паре» ведомым, поскольку смотрит на ситуацию глазами публициста. Например: «Люди из огненных деревень собрались тут, чтобы свидетельствовать, спрашивать, судить, чтобы рассказать о том, что знать – страшно, а забыть опасно» [2, с. 7]. Из приведенного фрагмента видно, что автор имеет свою четко выверенную позицию и подает ее соответственно с уже упомянутой схемой «сверху – вниз». Аудитория воспринимает данное

утверждение как истинное: этому способствует апелляция автора к фактам, которые будут приведены в следующей части произведения, и эмоциональность изложения, показывающая заинтересованность автора в нужном ему понимании темы текста.

Однако для вертикальной структуры может быть характерна также и недосказанность: некоторые микротемы могут быть опущены, либо на них может быть сделано неразвитое указание. Например: «В мире назревают новые опасности, идет борьба за то, чтобы они отступили» [2, с. 10]. В общем контексте произведения эта цитата воспринимается как указание на угрозу возрождения национал-социализма и фашизма, а также растущую мощь НАТО. Подобная тезисность изложения компенсируется историко-культурным опытом коммуникантов, поскольку апеллирует к тем сведениям, которые широко распространяются через средства массовой информации. Вдобавок к этому некоторые фрагменты текста на вертикальном уровне содержательной структуры могут выполнять функцию предвидения, т.е. давать читателю возможность прогнозировать дальнейшие изменения в содержании. Например: «А внизу в глубинах народной жизни, в животворящей простоте ее точатся раны памяти, которые ничем не заживишь...» [2, с. 11]. Это высказывание, выделенное автором в тексте в отдельный абзац, позволяет читателю спрогнозировать следующий компонент содержания, а именно – рассказ участника описываемых событий.

Важную роль в создании целостной содержательной структуры текста играет горизонтальное измерение. Оно предполагает наличие формальных и смысловых связей между высказываниями, которые в конечном итоге и создают художественно-публицистическое произведение. Формальная связь в структуре текста может создаваться с помощью различных средств, в том числе и языковых: повторы, слова-заместители, союзы и т.д. Например: «Он был один в хате, однако по рисункам, наклеенным на стенке, здесь ощущалось присутствие детей. Впрочем, он и сказал нам после, что это дочка так хорошо рисует» [2, с. 36]. В данном фрагменте использовано вводное слово *впрочем* и союз *тоже*, которые позволяют связать отдельные высказывания с помощью смысловых связей в связный отрывок, имеющий смысл (в доме есть ребенок).

Еще одним необходимым элементом содержательной структуры художественно-публицистического произведения является соотношение темы и ремы. Под темой в этом случае понимается исходный пункт сообщения, уже известный аудитории хотя бы в общих чертах, а под ремой – главный смысловой центр сообщения, некая новая информация. В книге «Я из огненной деревни» темой выступают общеизвестная информация о сожжении деревень на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Рема же в данном случае предполагает конкретизирование в жанре «устной истории»

живых впечатлений людей, переживших атаки немецких карательных подразделений.

Глубинный элемент содержательной структуры важен для понимания в первую очередь того, как именно автор строит свой текст. Языковые средства в этом случае служат в качестве своеобразных «кирпичиков смысла», объединяющих высказывания в тексте. Например: «Полежал я так немного – идет немец сзади. Подошел, кругом меня обошел, согнулся – слышу, – сопит надо мною» [2, с. 201]. В данном отрывке видно, что автор полностью передает на письме разговорную речь персонажа, чтобы с помощью таких изобразительных средств, как умолчание и просторечия, подчеркнуть нужные ему элементы в повествовании и придать эмоциональность произведению.

Текст книги отличается выверенной содержательной структурой. Все ее уровни подчинены одной цели – достижению максимального воздействия на разум и чувства аудитории. Вертикальное измерение помогает автору-публицисту высказать свой взгляд на проблему, горизонтальное – подобрать правильное соотношение темы и ремы, а глубинное – отобрать нужные средства для того, чтобы актуализировать эмоциональную сторону восприятия текста читателем. Публицистический дискурс, организующий содержательную структуру данного текста, принадлежит коллективному автору (в ее создании участвовали три писателя), который консолидирует «голоса» реальных участников трагедии и одновременно является квинтэссенцией рецепции читателей.

Литература:

1. Адамович, А. Я из огненной деревни / А. Адамович, Я. Брыль, В. Колесник. – М. : Известия, 1979. – 528 с.
2. Комиссаров, В. Теория перевода / В. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.

ПРОТОСОВИЦКАЯ К.

СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИМИДЖА ЖУРНАЛИСТА (НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРА ПОЗНЕРА)

Понятие «имидж» восходит своими корнями к латинскому *imago*, связываемому со словом *imitari* – «имитировать». В соответствии с дефиницией, приводимой в толковом словаре Вебстера, под имиджем понимается искусственная имитация или преподнесение внешней формы того или иного объекта и лица, в частности. Имидж является «внутренним, мысленным представлением о том или ином человеке, товаре или общественном институте, который целенаправленно формируется в массовом сознании при помощи публицити, рекламы или пропаганды» [1, с. 103].

Приход английского многозначного понятия *image* (образ, картина, роль, облик, мода, фасад, лицедейство, мотив, амплуа, типаж, установка, репутация, прогнозируемое ожидание) в русскоязычный научный тезаурус придает импульс не только в сфере различных изысканий, но и приводит к пересмотру ряда закрепившихся в социологии представлений [2, с. 34].

В научной литературе по имиджелогии можно часто найти утверждение о том, что имидж является стилем и формой поведения человека, причем под имиджем понимается преимущественно внешняя сторона поведения индивида в социуме. Имиджем также называют набор тех данных и впечатлений, руководствуясь которыми люди описывают тот или иной объект, запоминая его и относясь к нему определенным образом, другими словами, благодаря которым данный объект получается узнаваемость или известность. При этом, как правило, специалисты уточняют, что объектом имиджа являются как человек, так и группа людей или компания, организация, политическая партия. Значительно реже – имидж возникает у неодушевленных предметов (товаров, продуктов, услуг), в отношении которых в литературе чаще употребляется понятие образа [3, с. 78].

Данное понятие включает в себя не только естественные, природные свойства личности, но и специально выработанные, целенаправленно сформированные. В определениях ставится акцент на том, что имидж во множестве случаев предопределяется некими реальными характеристиками объекта, в частности, его психотипом и особенностью личности, ее соответствием интересам и запросам времени и социума.

Часть специалистов по имиджу включает в данное понятие и внешность человека, которая определяется его индивидуальными анатомическими особенностями и выбираемым им стилем одежды, а также практически все характеристики, доступные для восприятия.

В рамках масс-медиа принято считать, что образ публициста – журналиста, шоумена, интервьюера, ведущего – сам по себе выступает фактором, привлекающим внимание аудитории. И имидж является неотъемлемой частью медийного продукта. Сегодня важно определить составляющие имиджа журналиста для того, чтобы правильно позиционировать создаваемый им продукт – текст или телепередачу.

Для подтверждения своих слов мы использовали деятельность и имиджевую эволюцию такого известного советского и российского журналиста, как Владимир Познер. Анализ был проведен на основании следующих критериев:

- 1) формат и содержание медийного продукта;
- 2) речевое поведение В. Познера;
- 3) невербальное и паравербальное поведение В. Познера;
- 4) общая характеристика имиджа и позиционирования.

Мы проследили развитие и специфику имиджа В. Познера и собрали основные характеристики в единую таблицу, представленную ниже:

Передача/ этап	Речевое поведение	Невербальное поведение и внешний вид	Стиль изложения и ведения	Общая характерис- тика имиджа
Телемосты, ранний этап деятельности	Быстрый темп речи, активность, диалогический характер коммуникации	Официальный стиль одежды, активная жестикуляция и мимика	«Партнер по коммуника- ции», «собеседник»	Становление авторского стиля публициста
Времена	Замедленный темп речи, монологич- ность, диалогичность, более сложные фразовые конструкции, терминология	Полуофициаль- ный стиль одежды. Сдержанная жестикуляция и мимика.	«Наставник» / «собеседник»	Отчетливо прослеживается «фирменный» стиль» подачи. Сформирован узнаваемый, специфичес- кий образ публициста
Познер	Медленный темп речи, предоставление коммуникатив- ного преимущества собеседнику, ведущий задает вопросы и изредка дает комментарии и наводящие ремарки	Полуофициаль- ный стиль одежды. Сдержанная жестикуляция и мимика.	«Наставник» / «собеседник»	Стабильный имидж «наставника»
Одноэтажная Америка	Средний темп речи, активное поддержание беседы в форме интервью	Полуофициаль- ный или неофициаль- ный стиль одежды. Активная	«Собеседник»	Новый имидж путешествен- ника, новый этап в позициониро- вании

Англия в общем и в частности		жестикуляция и мимика. В отличие от прошлых передач в данной и последующих передачах ведущий не сидит, а двигается, перемещается, голос громче, чем обычно		публициста
------------------------------	--	--	--	------------

Имидж В. Познера за весь период его деятельности претерпел незначительные трансформации, обусловленные форматами передач. Тем не менее, остаются неизменными ключевые константы его имиджа как ведущего: флегматичность, рассудительность, интеллект, строгость, склонность к критической оценке событий, консерватизм во внешнем облике. Имидж отличается проявлением высочайшего профессионализма и огромного опыта журналиста. В. Познер соблюдает коммуникативно-этические нормы в общении. Он тактичен, корректен, доброжелателен по отношению к собеседнику, контролирует ситуацию в разговоре, не позволяя собеседнику отклониться от темы вопроса или темы разговора.

Мы можем сделать вывод, что высокие рейтинги и востребованность у телезрителей Владимира Познера обусловлены особенностями имиджа и его неизменности в ключевых категориях.

Литература:

1. Зверинцев, А. Б. Коммуникационный менеджмент: рабочая книга для менеджера / А. Б. Зверинцев. – Санкт-Петербург : Союз, 1997. – 288 с.
2. Почепцов, Г.Г. Имиджелогия / Г. Г. Почепцов. – 2-е изд. – Москва : Рефл-бук, 2001. – 698 с.
3. Федоров, И.А. Индивидуальный имидж как сторона духовной жизни общества : дис. д-ра социол. наук : 22.00.06 / И. А. Федоров. – Тамбов, 1998. – 205 с.
4. Видеоматериалы [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа : <http://pozneronline.ru>. – Дата доступа : 27.04.2017.

РАХМАНИЯЗОВ Б.

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА СТРАДАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Исследуя проблему перевода пассивных конструкций с английского языка на русский, И.А. Заржевская и Л.М. Беляева предлагают следующие способы перевода английских пассивных конструкций на русский язык:

- 1) вместо пассивного залога использовать активный залог;
- 2) английские личные предложения следует переводить на русский язык неопределенно-личными предложениями;
- 3) в русском предложении употреблять неличную форму глагола вместо личной формы английского глагола;
- 4) пассивную форму передавать с помощью дополнительных лексических средств [1].

А.М. Апполова указывает на случаи, в которых русскому неопределенно-личному предложению соответствует английский пассивный оборот, который невозможен в русском языке, потому что в русском языке семантика некоторых глаголов не разрешает употреблять их в пассивном залоге [2]. Это глаголы: англ. *to give* – рус. *давать*, англ. *to offer* – рус. *предлагать*, англ. *to grant* – рус. *предоставлять*, англ. *to promise* – рус. *обещать*, англ. *to pay* – рус. *платить*, англ. *to show* – рус. *показывать*, англ. *to teach* – рус. *преподавать*, англ. *to tell* – рус. *рассказывать* и др. Например: англ. *She was given a cup of tea.* – рус. *Ей дали чашку чая.*

Также А.М. Апполова пишет о тех случаях, когда в английском языке строится личная форма, при которой подлежащее, по сути, должно было бы быть дополнением. Вследствие чего возникают непривычные для русского языка формы выражения. Такие ситуации возникают в случаях, когда сказуемое выражается сочетанием глагола-связки *to be* прилагательным, за которым следует глагол в инфинитиве, например: англ. *Such thoughts are hard to live with.* – рус. *С такими мыслями трудно жить.*

Решая проблему перевода пассива, С.А. Дубинко и А.Г. Торжок полагают, что существуют следующие возможности перевода английских пассивных конструкций на русский язык.

1. В том случае, если английская пассивная конструкция содержит в себе глаголы *to allow, to grant, to permit, to ask, to award, to teach, to deny, to give, to forgive, to invite, to offer, to command, to pay, to promise, to refuse, to show, to tell, to order*, т. е. глаголы, которые обозначают действие, направленное на подлежащее и на прямое дополнение, и употребляются в пассивном залоге в функции сказуемого с примыкающим к ним прямым дополнением, то в

русском языке таким предложениям будут соответствовать неопределенно-личные или личные предложения с глаголом-сказуемым в активном залоге.

2. В том случае, если в пассивном предложении английского языка используется местоимение *it* как формальное подлежащее с глаголом-сказуемым, то на русский язык оно может переводиться неопределенно-личным предложением.

3. В том случае, если предложение английского языка с пассивным залогом содержит в себе фразеологические сочетания (например, *to make use of, to take notice of, to pay attention to*), то на русский язык они будут переводиться предложениями с активным залогом, например: англ. *Close attention is being paid to the pending negotiations.* – рус. *Продолжающиеся переговоры привлекают пристальное внимание* [3].

Таким образом, при переводе английских пассивных конструкций необходимо учитывать, как минимум, два обстоятельства. Во-первых, для русского языка характерно употребление пассивного залога, выраженного посредством не только залоговых форм, но и падежных флексий существительных в сочетании с определенным порядком слов. Также область применения пассивных конструкций в английском языке гораздо шире, чем в русском языке, поскольку гораздо большее количество английских глаголов способны выражать категорию пассивности. Это приводит к тому, что любой вид английского дополнения может выступать в качестве подлежащего пассивной конструкции, однако в русском языке эта функция присуща лишь прямому дополнению. Вследствие этого открывается многообразие возможностей передачи на русском языке английской пассивной конструкции.

Литература:

1. Зражевская, Т. А. Трудности перевода с английского языка на русский / Т. А. Зражевская, Л. М. Беляева. – М. : «Международные отношения», 1972. – 140 с.
2. Апполова, М. А. Грамматические трудности перевода / М. А. Апполова. – М. : «Международные отношения», 1977. – 136 с.
3. Дубинко, С. А. Теория и практика перевода / С. А. Дубинко, А. Г. Торжок. – Минск : БГУ, 2003. – 79 с.

САБУРОВ А.

НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ ТОПОНИМЫ Г. БРЕСТА

Неофициальные названия географических объектов города (некодифицированные номинации) часто называют регионимами или неофициальными топонимами [1, с.108]. В каждом городе наблюдаются

регионимы, которые отражают языковую картину данного города и его речевые особенности. Следует отметить, что регионимы – это не просто лексика и фразеология, характеризующая городские объекты, а лексика особого рода, изучение которой предполагает разные аспекты.

Неофициальным топонимам как подсистеме языка города свойственна семантическая вторичность, то есть связанность с семантикой официального топонима. Жители г. Бреста, формируя пласт неофициальной топонимики, подчеркивают достоинства или недостатки городского объекта, внося дополнительную коннотацию в название, например: *Юбилейка, Политех, Универ* – остановки, названные по расположенным рядом объектам (метонимия). В немотивированных регионимах эксплицируется история городских районов, улиц, отдельных зданий города. Например, *Героевка* – название улицы *Героев Оборона Брестской Крепости, Завод* – название *Заводского района*.

Как показывает собранный и проанализированный топонимический материал, мотивированные регионимы чаще всего образуются способом речевой компрессии – универбацией: *Дзержинка* – ул. *Ф. Дзержинского*, *Ленинградка* – ул. *Ленинградская*, *Волгоградка* – улица *Волгоградская*, *Партизанка* – *Партизанский проспект*, *Конечка* – конечная остановка транспорта (ул. *Орджоникидзе*), *Юбилейка* – *Юбилейный рынок*).

Немотивированные топонимы возникают посредством метафорического и метонимического переноса значений, создавая неповторимый, особый образ города Бреста. Они имеют различную мотивировку номинации, например, пространство (*Конечка* – конечная остановка), *Ковры* – *Ковры Бреста*, *Чулочка* – *Чулочный комбинат* включают в себе оценочные характеристики.

По характеру обозначаемого объекта можно выделить планарные, линейные и точечные регионимы. К планарным регионимам относятся названия микрорайонов и условно вычленяемых участков городской территории. Они весьма многочисленны, принципы их номинации очень разнообразны. Например: *Голубой район* – название района, в котором дома голубого цвета; *Криминальный район* – район на Речице, где происходит много происшествий. К данной группе можно отнести названия условно вычленяемых районов г. Бреста. Например, *Старый город* – историческая часть города.

Линейные регионимы – это названия улиц, площадей, проездов, переулков и т. п., имеющих линейную протяженность. Значительную часть неофициальных топонимов, относящихся к данной группе, составляют лексемы, употребляющиеся в речи молодежи. В большинстве случаев они образованы на основе уже существующих официальных наименований: *Львуха* – улица *Льва Толстого*, *Дзержинка* – улица *Ф. Дзержинского*.

В данном случае мы наблюдаем упрощение официальных названий. Отмечаются и шутливые, каламбурные номинации: *Совок – ул. Советская, Сало – улица Сальникова, Ямки Купалы – улица Янки Купалы*.

Точечные регионимы включают наименования построек различного функционального профиля: домов, магазинов, парков, рынков, учреждений, фирм, театров, спорткомплексов и т. д. В основу номинации могут быть положены различные признаки называемых объектов (в большей степени метафорический перенос значения), поэтому регионимы этой группы весьма разнообразны, например: *Развалюха* (плохая благоустроенность района); *Корчи* (отдаленный район, улица); *Стена* (по большому количеству подъездов) и др. Грамматическое оформление неофициальных топонимов способствует порождению наиболее экономного и удобного в речи названия.

Таким образом, выявление структурно-семантических, словообразовательных и функциональных особенностей регионимов свидетельствует о системности этих единиц, их взаимосвязи и особом месте в языковой системе в целом. В частности, у подобного рода регионимов еще трудно определить языковой статус, но они существуют как узувальные территориальные единицы в рамках топонимической коммуникации и, безусловно, представляют научный лингвистический интерес.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что для неофициальных регионимов г. Бреста характерны следующие особенности: по сфере употребления доминируют разговорно-просторечные и молодежные регионимы; по характеру обозначаемого объекта можно выделить планарные, линейные и точечные регионимы; отмечаются регионимы, мотивированные и немотивированные официальными названиями; мотивированные регионимы именуют внутригородской объект, уже имеющий официальное название, а немотивированные регионимы не имеют внутренней формы, при их образовании ярко проявляется народное языковое творчество; образование неофициальных названий городских объектов-регионимов не подчиняется какому-то единому принципу номинации; большая часть регионимов является однословными единицами; неофициальные топонимы характеризуются системностью.

Литература:

1. Мурзаев, Э. М. Очерки топонимики / Э. М. Мурзаев. – М.: Мысль, 1974. – 382 с.

САВИНЧУК А.

СПОРТИВНЫЙ РЕПОРТАЖ В БЕЛОРУССКИХ СМИ

В период интенсивного развития коммуникаций, когда скорость передачи информации превалирует над другими ее качественными показателями, репортаж как самый оперативный жанр журналистики становится ведущим. Его специфику и выразительные средства исследовано и представлено в многочисленных учебниках по журналистике, научных трудах по теории журналистских жанров, отдельных исследованиях, где определены особенности и методологию создания. Однако неустанное совершенствование творческого телевизионного процесса, ускорения темпов обмена информацией, возникновения новых жанрововидовых модификаций и совершенствование технических средств, требует соответствующих обобщений и выделения репортажей среди других жанров, увеличение количества жанровых признаков и средств выразительности.

Именно оперативность репортажа определяет его уникальность и возрастающее значение. Стремительное ускорение темпа жизни требует от современных медиа быстрого и точного информирования широких масс населения о происходящих событиях. Именно данным фактом продиктована актуальность данного исследования.

Спортивный репортаж занимает одно из ведущих мест в жанровой системе современных спортивных средств массовой информации как печатных, так и электронных. Этот жанр спортивной журналистики зачастую направлен на массовую аудиторию и предназначен для удовлетворения запросов читателей, активно интересующихся тематикой спорта, досуга, развлечения. Функционально-стилистический аспект газетного спортивного репортажа раскрывается в уточнении его функциональных характеристик в сфере СМИ. Этот жанр, кроме информации о соревнованиях, предоставляет к ним комментарий, анализ события, который, в свою очередь, подразумевает реализацию точки зрения автора, его оценку события, что также влияет на формирование мнения читателя и осуществляет эмоциональное воздействие на него. Этими особенностями обусловлена, как правило, развлекательная форма подачи информации, которая служит дополнительным стимулом для привлечения читателей к информации о спортивных событиях; выбор данного подхода продиктован, прежде всего, потребностями современного общества и влиянием жанрового своеобразия современной массовой коммуникации, которая ориентирована в своей основе именно на развлечение потребителя с целью привлечения его внимания. В этих условиях журналистам приходится ориентироваться на современные жанровые требования массовой коммуникации, работа которых должна обеспечивать постоянное внимание

аудитории и, соответственно, держать высокую планку тиража для обеспечения коммерческой состоятельности издания [2, с. 27–28].

Спортивный репортаж имеет свои особенности, в особенности необходимо акцентировать внимание на стилистических особенностях. Спортивный комментатор при передаче информации использует очень много узкоспециализированных терминов, которые либо присущи только спортивной сфере, либо имеют иносказательное толкование. Речь спортивного комментатора ориентирована на определенный круг реципиентов. Спортивный репортаж, в отличие от других, может включать в себя использование таких речевых оборотов, как жаргонизмы. Очень распространенным остается использование метафор и гипербол. Некоторые исследователи указывают, что спортивные репортеры используют некий “лингвистический код”.

В зависимости от способа передачи информации можно выделить газетный (журнальный) репортаж, радиорепортаж, телерепортаж. Они в значительной степени разнятся по скорости передачи информации: если телерепортажи имеют возможность мгновенной передачи информации, то репортаж в газете на это не способен.

Сегодня можно с уверенностью утверждать о существовании спортивной журналистики. Тем не менее, не может нестораживать тенденция превращения многих изданий, как общественно-политических, так и специализированных, в продукт желтой прессы. Новые тенденции обращения к бытовой стороне спорта и к жизни спортсменов бывают порой некорректны. Происходит иногда и сужение интересов общеполитических изданий до одного вида спорта (футбола), что заметно обедняет кругозор читателя и отрицательно сказывается на популяризации спорта вообще [1, с. 57–58].

В современном обществе спорт обладает огромной значимостью, являясь не только популярным видом зрелищ, но и мощным фактором социальной интеграции. Восприятие спортивных состязаний во многом опосредовано деятельностью масс-медиа, информирующих об актуальных событиях и способствующих внедрению в социальную практику определенной системы ценностей, установок и образцов поведения. Важная роль отводится развлечению аудитории, что выражается в передаче зрелищности и эмоционального накала соревнований, особенно характерных для освещения спортивных игр.

Положительным можно признать и тот факт, что журналисты стали больше обращаться не к массе спортсменов-физкультурников, а к отдельным личностям.

Хочется отметить, что и жанровое своеобразие современной прессы свидетельствует о том, что построение материалов имеет итог обратной связи с читателем, наблюдается тенденция выбора читателем своего любимого спортивного издания.

Поднятие престижа страны требуют внимания к проблеме по обновлению и повышению качества подготовки и переподготовки спортивных журналистов. Развитие олимпийского движения и спортивного движения во всём мире, интерес людей к здоровому образу жизни, общенациональные программы, нацеленные на пропаганду физкультуры и спорта, делают спортивную журналистику одним из перспективных направлений СМИ.

Литература

1. Спорт в зеркале журналистики; сост. : Г. Солганик – М. : Мысль, 1989. – 220 с.
2. Михайлов, С. Спортивная журналистика / С. Михайлов, А. Мостов. – СПб, 2005. – 220 с.

СИНКЕВИЧ Д.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ КОРПОРАТИВНЫХ ИЗДАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «BELALCO TIMES»)

Любое, в том числе и корпоративное, издание имеет свою оптимальную типологическую модель. За весь период существования периодических изданий в Беларуси газеты и журналы приобрели свою типологическую специфику. По мнению Е.А. Корнилова, история журналистики представляет собой путь беспрестанных типологических эволюций и исканий. Развитие системы журналистики непосредственно связано с осмыслением типологических характеристик каждого периодического издания, поиском собственной аудитории, моделированием назначения, содержания, структуры, внешней и внутренней формы, стилистического единства и оформления [3, с. 56].

Определяя значение типологии, исследователи утверждают, что «типология помогает понять место изданий в системе СМИ, способствует их взаимодействию, развитию здоровой, нормальной конкуренции, высвечивает место СМИ в рамках географического, информационного, экономического, социального пространства; типология определяет особенности деятельности, взаимоотношений с политическими структурами, экономическими институтами, с потребителями информации, читателями, слушателями, зрителями; типология обеспечивает наиболее эффективную реализацию информационной политики в данных условиях, помогает выработать методы общения с аудиторией» [4, с. 63].

Перечислим критерии, позволяющие относить то или иное СМИ к разряду корпоративных (по Ю.В. Чемякину):

- учредителем выступает компания или организация, для которой данный (издательский) вид деятельности является непрофильным;

- ключевая функция издания состоит в том, чтобы быть инструментом управления;
- имеется открытая, явная зависимость от конкретной компании (или организации), открытое служение ее интересам, содействие ее развитию;
- существует самопозиционирование в качестве корпоративного медиа;
- задачи издания относятся не к сфере журналистики (или литературы, науки, искусства), а к сфере интегрированных корпоративных коммуникаций (включающей PR, рекламу, маркетинг); одной из важных задач издания является формирование позитивного имиджа компании-учредителя;
- используются, наряду с журналистскими жанрами и методами подачи информации, жанры и методы PR;
- СМИ является (исключительно или преимущественно) одним из инструментов ведения бизнеса компании-учредителя, а не самостоятельным бизнесом (медиабизнесом);
- издание существует вне ситуации прямой рыночной конкуренции;
- является специализированным (по аудитории и/или тематике) [6, с. 102].

Типология – это теория типов, включающая анализ периодических изданий по типоформирующим признакам и типологическим характеристикам, объединение изданий в типы и создание их формализованных моделей, классификацию типов и установление их взаимоотношений в системе.

Ростовские исследователи Е.А. Корнилов и А.И. Акопов особое внимание уделяют типоформирующим признакам:

Первичные типологические признаки:

1. Издающий орган – учредитель, издатель.
2. Целевое (функциональное) назначение канала СМИ – определяются целями, задачами издающего органа.
3. Читательская аудитория – контингент читателей.

Вторичные типологические признаки:

1. Авторский состав.
2. Внутренняя структура – система разделов и рубрик, рубрикация внутри издания или ее отсутствие.
3. Жанры.
4. Оформление.

Формальные типологические признаки:

1. Периодичность выхода.
2. Объем.
3. Тираж – количество экземпляров.

А.И. Акопов выделяет десять типоформирующих признаков: издающий орган, цели и задачи, читательская аудитория, авторский состав, внутренняя структура издания, жанры, оформление, периодичность, объем, тираж. Автор

считает, что тип периодического издания и структуру этого типа могут полностью описать только все признаки в совокупности.

Проведем типологический анализ изучаемых корпоративных изданий Брестчины.

Корпоративный журнал «Belalco Times».

Первый выпуск журнала «Belalco Times» увидел свет 1 апреля 2010 г.

Первичные типологические признаки:

1. Издающий орган – ОАО «Брестский ликеро-водочный завод «Белалко», генеральный директор Романовский Александр Владимирович.

2. Целевое (функциональное) назначение канала СМИ:

- усилить позиционирование компании, ее имидж;
- доставить до аудитории сформулированное послание бренда;
- повысить лояльность потребителей и сформировать их эмоциональную привязанность;

- повысить деловую репутацию компании «Белалко».

Задачи:

1) Создать позитивный информационный фон. Большинство статей журнала направлено на реализацию этой задачи. Журнал информирует внешнюю общественность о своей активной инновационной деятельности в сфере алкогольной продукции.

2) Создать информационную площадку для читателей.

3) Доказать внешней аудитории, что компания может гармонично сочетать рентабельный рост, устойчивое экологическое развитие и корпоративную социальную ответственность.

3. Читательская аудитория – и внутрикорпоративное, и клиентское издание, следовательно, направлено на внутреннюю и внешнюю аудиторию. Покупатели, фирменные магазины, менеджеры продовольственных компаний, заводы-изготовители, партнеры и экспертное общество.

Вторичные типологические признаки:

1. Авторский состав – отдел маркетинга: Татьяна Василюк, Татьяна Ковалева.

2. Внутренняя структура – содержание большинства рубрик корпоративного журнала «Belalco Times» напрямую связано с инновационной деятельностью компании и ориентировано на внешнюю аудиторию. Журнал содержит аналитические, обзорные статьи, интервью и заметки, что вносит разнообразие в жанровую систему журнала.

3. Жанры – преобладание информационного жанра: информационное интервью, информационный отчет, имиджевые статьи. Также присутствие аналитического жанра: комментарий, статья, аналитический отчет; аналитическое интервью.

Постоянные рубрики: «Новинка года», «Письмо редакторов», «Новости», «Коктейль номера». Помимо этого, издание содержит несколько рубрику, посвященных событиям, происходящим внутри компании, не связанным с производством.

4. Оформление – журнал оформлен ярко и красочно, преобладание инфографики и фотографий. Формат журнала А3, шрифт Calibri 11,5.

Формальные типологические признаки:

1. Периодичность выхода – ежемесячно.

2. Тираж – 299 экземпляров. Корпоративный журнал «Belalco Times» содержит статьи об успешной деятельности компании. Авторы затрагивают в основном тематику алкогольной индустрии, т.е. на чем специализируется сама компания, а также о достижениях, инновациях в технологии.

Корпоративные издания сегодня есть практически у каждой компании, чье название на слуху, независимо от сферы деятельности. Однако, несмотря на широкое распространение корпоративных изданий, отношение к ним со стороны исследователей журналистики остается неоднозначным. Так, пока нет единой трактовки, что такое корпоративная пресса.

Издание корпоративной газеты или журнала, по мнению Б. А. Играева, есть «наивысшее проявление клиентоориентированности стратегии компании, поэтому его содержание должно определяться в первую очередь запросами клиентов на информацию о самой компании, ее товарах и услугах, ее умении решать задачи клиента, осведомленности в вопросах связанных и с бизнесом компании, и с бизнесом клиентов» [5].

Литература:

1. Акопов, А. И. Некоторые вопросы журналистики: история, теория и практика (публикации разных лет) / А. И. Акопов. – Ростов н/Д, 2012. – 223 с.
2. Бабкин, А. Ю. Корпоративные издания в структуре печатных СМИ : типологические и профильные характеристики (на примере прессы ФГУП «Почта России») : автореф. дисс. канд. филол. наук по спец. 10.01.10 «Журналистика» / А. Ю. Бабкин. – М. : ФГУО Институт повышения квалификации работников радио и телевидения, 2010. – 29 с.
3. Беспалова, А. Г. История мировой журналистики / А. Г. Беспалова, Е. А. Корнилов. – Ростов-на-Дону : МарТ, 2013. – 389 с.
4. Горчева, А. Ю. Корпоративная журналистика / А. Ю. Горчева. – М. : Академия, 2008. – 365 с.
5. Играев, Б. А. Современная периодическая печать в системе экономических коммуникаций : автореф. дисс. канд. филол. наук по спец. 10.01.10 «Журналистика» / Б. А. Играев. – М. : ФГБОУ «Академия медиаиндустрии». – 2013. – 30 с.

6. Чемякин, Ю. В. Проблемы типологического анализа современной корпоративной прессы / Ю. В. Чемякин // Известия Уральского федерального университета. – Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2012. – Т. 107. – № 4. – С. 100–106.

СИНКЕВИЧ Д.

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОРПОРАТИВНЫХ ИЗДАНИЙ (НА МАТЕРИАЛАХ ГАЗЕТ «СТРОИТЕЛЬ», «BELALCO TIMES», «НАШИ ДОРОГИ»)

Тематику исследуемых корпоративных изданий можно назвать смешанной, так как статьи в них имеют и деловую, и отраслевую, и информационную направленность. Так, на страницах газеты «Belalco Times» освещаются следующие темы: итоги года, корпоративные путешествия, презентация новинок компании, стимулирование продаж, развитие отрасли, корпоративная культура и т.д. В интересах своей целевой аудитории газета освещает корпоративные, технические и технологические новации, распространяет передовой опыт, служит трибуной для внутренних дискуссий по направлениям корпоративной политики.

Газета «Строитель» информирует своих читателей о положении дел на строительных площадках, рассказывает о лучших работниках, знакомит с достижениями в спортивной жизни треста.

Тематическая направленность газеты «Наши дороги» гораздо уже: в основном рассказывается о персоналиях – работниках предприятия, их заслугах, стаже работы на предприятии и т.д.

Выпуски анализируемых изданий за 2016–2017 гг. имеют как постоянные рубрики, так и новые.

Количество рубрик и их именование в изданиях непостоянно. Некоторые из них меняют только заглавие, а в текстах освещаются одни и те же события из года в год. Например, постоянно действующая рубрика в газете «Belalco Times», связанная с новинками завода, представлена такими именованями, как «Новинка года» (2016 г.), «Новинка» (2017 г.); в газете «Строитель» – «Наши новостройки» (2016 г.) и «Реконструкция и строительство» (2017 г.), «Благо твори» (2016 г.) и «Благо творить» (2017 г.); в газете «Наши дороги» – «Юбилей» (2016 г.) и «Наши юбиляры» (2017 г.).

В целом всю информацию, подаваемую в данных изданиях, можно разделить на три больших контент-блока:

1. «Новости»: сюда включена оперативная информация – статьи «В сердце Беловежской пуши прошла ежегодная спартакиада “Царская

поляна –2016”», «Итоги 2013 года Ивацевичского спиртзавода», «Продэкспо 2017 в Москве. Результаты поездки», «Белалко меняет логотип», «Высшие награды конкурса “Продукт года”», «”Белалко” лучший в отрасли. Это подтвердил ГОСТ!» («Belalco Times»); «Очередная победа», «Наши достижения на республиканском уровне», «Новый статус погранперехода “Песчатка”», «Лучшим строителям – заслуженные награды!» («Строитель»); «Итоги работы за 9 месяцев 2016 года по КУП “Брестоблдорстрой”», «Командный дух, борьба за результат», «Итоги работы КУП “Брестоблдорстрой” в 2016 году», «Лучшие объекты 2016 года» («Наши дороги»).

2. «Экономика и производство»: информация непосредственно по профилю издания – статьи «6 фактов о “Белалко” за 2016 год», «Секреты Брестской водки», «Гайст – что это такое», «Дегустация – а есть ли правила?», «Первый виноградник Беларуси – этим нужно гордиться!», «Царская поляна», «Бродницкий спиртзавод – свой непростой путь развития» («Belalco Times»); «Новоселье в канун Рождества», «Главная новостройка страны», «В разгаре третий трудовой семестр», «Преображение города над Бугом» («Строитель»); «В перспективе – выгодное сотрудничество» («Наши дороги»).

3. «Люди»: информация о персоналиях – «Соколова Светлана Ивановна», «Жидко Федор Сергеевич» («Belalco Times»); «В центре внимания человек труда», «Зигзаги судьбы», «Неразлучные подруги», («Строитель»); «И в книге трудовой – единственная запись», «Людям милая», «Наш бухгалтер – самый лучший!», «Душа коллектива» («Наши дороги»).

Из названий рубрик очевидно их содержание: например, в рубрике «Самые спортивные» газеты «Строитель» освещаются последние спортивные достижения работников компании: *«Второй этап областной отраслевой спартакиады Белорусского профсоюза работников строительства и промстройматериалов, который проходил в Барановичах, принес нам массу эмоций и впечатлений»* (статья «Не бойся проиграть, бойся не попробовать!»); в рубрике «Новинка года» журнала «Belalco Times» рассказывается о новинке – линейке водок под ТМ «Царская поляна», создание которой приурочено к юбилею Беловежской пуши (статья «Царская поляна»).

Интересно, что в журнале «Belalco Times» формированию позитивного имиджа способствуют статьи, которые условно можно разделить на несколько групп:

1) статьи, посвященные описанию алкогольной продукции, их высокому качеству, в том числе новинок: «Трава, ниспосланная богами: зубровка», «Брестский бальзам с европейским вкусом – бальзам “Мастер трав”», «Дикая утка – водка особая», «Яблочный рай называется кальвадос»;

2) статьи, посвященные описанию корпоративных мероприятий компании и корпоративной культуры в целом: «Активисты, Белалковцы, умники и просто красавцы!», «Как Белалковцы ездили к Деду Морозу», «Воспоминания о зиме: катание на горных лыжах в Якутских горах», «Пуща собирает друзей»;

3) статьи, описывающие общественную деятельность компании: «Социальная ответственность. Быть лучше», «Наши дети – это наша радость и гордость».

Особенности тематики были выявлены и в двух других изданиях: было замечено, что текстовые материалы газет «Строитель» и «Наши дороги» отличаются довольно большим объемом цитирования авторитетных лиц, например:

- *«Главным направлением в работе профсоюзного комитета является защита трудовых прав и социально-экономических интересов наемных работников, обеспечение справедливого вознаграждения за труд, – подчеркнул в своем выступлении О. Е. Толкачев»* («Строитель»);

- *«Генеральный директор ОАО “Строительный трест № 8” М.В. Водчиц, обращаясь к присутствующим в зале, сказал: “Я тронут тем, что люди, находясь в непростых жизненных ситуациях, умеют улыбаться, радоваться, наделены мужеством, терпением и выдержкой”»* («Строитель»);

- *«Сегодня мы стараемся строить объект на высоком качественном уровне, – продолжает свой рассказ руководитель управления»* («Строитель»);

- *«В следующем году хочется стабильности и обеспеченности, так что надеемся на достаточность предложений от наших заказчиков, – отметил А.С. Боболович»* («Наши дороги»).

В ходе изучения вышеуказанных изданий определены наиболее популярные темы материалов (указаны в порядке уменьшения частоты встречаемости): жизнь компании – 38,2%; достижения – 21,2%; сотрудники – 17,5%; праздники и досуг сотрудников – 11,6%; технологии – 6,2%; спорт – 4%; благотворительность – 1,3%.

Информационным поводом для материалов преимущественно становится жизнь компании: микротематика (61,8% всех текстов) преобладает над макротематикой (38,2%). Согласно представлениям И.П. Яковлева о структуре печатного материала корпоративного издания, «газета организации не должна копировать массовые газеты» и 50% ее контента должны характеризовать ситуацию в организации [9, с. 18]. В этом отношении исследуемые издания Брестчины «не выполняют план».

Таким образом, тематика корпоративной прессы также подтверждает корпоративный характер данных изданий: их материалы отражают преимущественно жизнь самой компании.

Можно сделать вывод, что контент-анализ корпоративных изданий является наиболее показательным методом в поиске ответа на вопрос о том, каково их жанрово-тематическое своеобразие. Корпоративные издания сегодня спланируют внутреннюю аудиторию, побуждают каждого работника приложить свои силы к созданию общей истории и, как следствие, стать достойным внесением в ее летопись – корпоративную газету. Таким образом,

печатное издание становится средством формирования внутрикорпоративной культуры. Это составляющая престижа компании как для внутренней, так и для внешней аудитории.

Литература:

1. Акопов, А. И. Некоторые вопросы журналистики: история, теория и практика (публикации разных лет) / А. И. Акопов. – Ростов н/Д, 2012. – 223 с.
2. Бабкин, А. Ю. Корпоративные издания в структуре печатных СМИ : типологические и профильные характеристики (на примере прессы ФГУП «Почта России») : автореф. дисс. канд. филол. наук по спец. 10.01.10 «Журналистика» / А. Ю. Бабкин. – М. : ФГУО Институт повышения квалификации работников радио и телевидения, 2010. – 29 с.
3. Беспалова, А. Г. История мировой журналистики / А. Г. Беспалова, Е. А. Корнилов. – Ростов-на-Дону : МарТ, 2013. – 389 с.
4. Горчева, А. Ю. Корпоративная журналистика / А. Ю. Горчева. – М. : Академия, 2008. – 365 с.
5. Играев, Б. А. Современная периодическая печать в системе экономических коммуникаций : автореф. дисс. канд. филол. наук по спец. 10.01.10 «Журналистика» / Б.А. Играев. – М. : ФГБОУ «Академия медиаиндустрии». – 2013. – 30 с.
6. Мурзин, Д. А. Идеальное СМИ : Типология корпоративных изданий / Д. А. Мурзин // PR в России. – 2014. – № 11. – С. 4–5.
7. Олтаржевский, Д. О. Методика оценки эффективности корпоративного издания как средства массовой информации / Д. О. Олтаржевский // Веснік БДУ. – Серія 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2013. – № 3. – С. 76–79.
8. Чемякин, Ю. В. Проблемы типологического анализа современной корпоративной прессы / Ю. В. Чемякин // Известия Уральского федерального университета. – Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2012. – Т. 107. – № 4. – С. 100–106.
9. Широкова, И. С. Форварды фармрынка. Корпоративная пресса – атрибут имиджа и формирования лояльности к брэнду / И. С. Широкова // Ремедиум. – 2011. – № 1. – С. 16–22.

СМОЛЯК И.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ТЕКСТОВ ДЕТСКО-МОЛОДЁЖНЫХ ИЗДАНИЙ БЕЛАРУСИ

Материалом для изучения особенностей языка текстов детско-молодёжных изданий Беларуси послужили публикации газеты «Переходный

возраст» за 2016–2017 гг. (далее – ПВ), газеты «Знамя юности» за 2016–2017 гг. (далее – ЗЮ), журнала «Юный спасатель» за 2015–2016 гг. (далее – ЮС), журнала «Бярозка» за 2015–2016 гг.

Анализ языка печатных изданий для детей и молодежи подтверждает очевидное обилие в текстах СМИ элементов молодёжного сленга. Молодежный сленг обладает экспрессивностью, отнесенностью к сфере непринужденного устного общения, при котором говорящий может достаточно свободно и наиболее полно выразить переживаемые чувства и эмоции.

Как известно, экспрессивность – одна из особенностей публицистического стиля, поэтому в детских и молодёжных изданиях активно используются эмоциональные единицы сленга. Так, положительная оценка происходящего передается с помощью распространенных лексем *классно*, *клёво*, *кайфово*, *в тему*, *прикольнo*, *улётно*, *офигенно*, *крута* и др., например: *А гурт Ресха (Рэха) – гэта суразмернасць і дэмакратычнасць: каб на канцэрце было кайфова і дзеду, і ўнуку* (Бярозка, 2016, № 9, с. 6); *Адзіны канцэрт, калі мы выступалі з «хэндмэйд мэйкапам» – размаляваныя фарбай, цікавыя самі для сябе і з перакананнем, што гэта крута... Гэта было класна, цікава, смешна* (Бярозка, 2016, № 4, с. 4); *В «тему» он будет и на уроке, и на дружеской вечеринке* (ЮС, 2015, № 9, с. 7). Как правило, такие единицы маркируются как наречия. Некоторые из них являются семантическими неологизмами.

Для положительной оценки действительности журналистами применяются и прилагательные: *Эти ребята знают толк в развлечениях и с радостью поделятся секретом улётного досуга в рубрике* (ПВ, 05.08.2016); *Мечтаешь об улётных каникулах?* (ПВ, 22.07.2016); *Сегодня за селфи на фоне тающего снега можно получить классный приз и прославиться на всю страну* (ПВ, 05.08.2016); *Я сябе ведаю, але мае негатыўныя якасці перакрываюцца якасцямі сяброў, з якімі мне паішчасціла мець зносіны – таленавітых, прыгожых і крутых музыкаў* (Бярозка, 2016, № 9, с. 6); *А Каральчук, дарэчы, мой сусед. Вучыцца ў паралельным класе. З характарам хлопец. Як кажучь, круты перац* (Бярозка, 2015, № 2, с. 27).

В детско-молодежных изданиях Беларуси употребляются также единицы, выражающие отрицательные эмоции, например, лексемы, обозначающие равнодушие – *да лямпачкі*, неудачу – *облом/аблом*, нечто «плохое», «недостойное» – *отстой*, сомнение в способностях – *слабо* и др.: *«Вэшкам», канешне, да лямпачкі, але ёй зусім не хочацца да «вэшак»* (Бярозка, 2016, № 1, с. 10). Очевидна попытка авторов статей говорить на языке интернет-сообщества, располагая таким образом молодёжь к диалогу. В то же время некоторые единицы указывают на наличие проблемы интернет-зависимости молодых людей. Об этом говорят такие активно используемые оценочные сленгизмы-синонимы, как *залипать*, *«зависать» в сети*, *«втыкать» в монитор*: *Если бы твой график был забит под завязку, на залипание*

«ВКонтакте» просто не оставалось бы сил. Прочитать интересную книгу, сплести фенечку или погонять мяч во дворе куда приятнее аморфного **зависания** в соцсетях. А если втянешься и превратишь тренировки в привычку, сутками **«втыкать»** в монитор вряд ли захочется. ...Нужно заниматься самореализацией, а не **залипать** на второсортных сайтах (ПВ, 21.10.2016). Данные сленгизмы приобретают негативно окрашенную оценку, которую в отдельных случаях подчёркивают сопутствующие им прилагательные – **аморфный**, **второсортный** и др. К тому же все названные выше единицы использованы в одном журналистском материале (статья «Ловитесь, дети, в социальные сети»), что усиливает эффект негативности.

Поскольку исследуемые издания адресованы среднему и старшему школьному возрасту, то в них широко представлены лексические единицы так называемого школьного сленга: **домашка/дамышка** (домашнее задание), **гельки** (гелевые ручки), **съехать** (ухудшить успеваемость в учёбе), **читалка** (читальный зал), **тонуть/таніцца** (не справляться с заданием), **плавать** (не владеть материалом), **художка** (художественная школа) и др.: *Сжимаемая во вспотевших ладошках чёрные «гельки», сегодня тысячи ребят чертят крестики, от которых завтра зависит их будущее...* (ПВ, 01.07.2016); *Буду с тобой дружить, если дашь списать «домашку»* (ПВ, 16.09.2016); *Утром не можешь оторвать голову от подушки, днём «отрубаетесь» прямо за партой, а вечером дремлешь над «домашкой»?* (ПВ, 21.10.2016); *Я мяркую, што перш за ўсё трэба не **дамышку** адмяняць, а выпраўляць падручнікі* (Бярозка, 2016, № 4, с. 11); *Как добиться успеха в шоу-бизнесе и не «съехать» в учёбе?* (ПВ, 12.08.2016); *Лізу ўспрымалі ў групе прыкрым непаразуменем: нядаўна дзяўчынка з цяжкасцю рашала элементарныя задачы, а на лабараторных «**танілася**» яшчэ на запісе ўмовы работы* (Бярозка, 2016, № 6, с. 8); *Я належу да ліку тых самых закасячальных кансерватараў, якія лічаць, што лепшы падарунак – гэтая кніга, а замест электроннай «**чыталкі**» выбіраюць папяровы асобнік* (Бярозка, 2016, № 2, с. 10); *Я не дала **заваліць**. Але чаго мне гэтая каштавала! Ён жа з першых слоў **паплыў*** (Бярозка, 2015, № 2, с. 27).

Как показало исследование, белорусскоязычные сленгизмы практически аналогичны русскоязычным вариантам и адаптированы согласно нормам орфографии и грамматики белорусского языка: *Можга і «васьмёрачка» якая **выгарыць*** (Бярозка, 2016, № 4, с. 9). Слово «**выгорит**» – типично жаргонное, означает «успешное завершение дела». Особенно распространены параллельно функционирующие в двух языках лексемы для обозначения учителя/ученика с оценочным значением: *вучылка, зубрылка (зубрыла), батанік, завучка: Думаеш, такія суперздольнасці на вывучэнні гісторыі пад сілу толькі **батанікам і завучкам**?* (Бярозка, 2016, № 3, с. 11); *Выдатнікаў называюць **завучкамі і акульярыкамі**, таму што яны шмат чытаюць* (Бярозка, 2016, № 2, с. 22). Встречаются различные по звучанию, но аналогичные по содержанию лексемы:

продвинутый тинейджер (ПВ, 08.04.2016) – *прасунути старшакласнік* (Бярозка, 2016, № 1, с. 10), *очкарик* (ПВ, 21.10.2016) – *акулярык* (Бярозка, 2016, № 2, с. 22).

Заметим, что жаргонизмы, особенно лексемы с грубым оценочным значением, как правило, используются журналистами цитатно, т.е. в кавычках: «*отрубаться*», «*втыкать*», «*тупить*» и т.д.: *Осень нас... «тупила»* (ПВ, 21.10.2016); *Мне падабаеца тэхблог – відэанавучанне з аўтарскімі элементамі, ездзіць на фестывалі, у тым ліку і за мяжу, удзельнічаць у спаборніцтвах, знаходзіцца ў фаерскай «тусе»* (Бярозка, 2016, № 1, с. 3); «*ПВ» предлагает отвлечься – познакомиться с актуальными для абитуриентов «фишками» в рубрике «ОК-НО»* (ПВ, 01.07.2016).

Часто сленгизмы применяются журналистами в заголовках текстов СМИ. Для быстрого привлечения внимания молодёжной аудитории авторы используют:

– приём иронии, например, употребляя сленгизмы в кавычках: «*Лайкі не дапамогуць пісьменніку*» (Бярозка, 2016, № 2, с. 3);

– приём намеренной тавтологии, усиливающий эффект сленгизма: *Прокатит – не прокатит!* (ПВ, 21.10.2016);

– приём совмещения омонимичных лексем литературного языка и сленга в различных грамматических формах (существительного и наречия): *Едем с классом – это классно!* (ЮС, 2015, № 2, с. 8).

Нередко сленговые слова употребляются в названиях рубрик. Так, в газете «Переходный возраст» среди рубрик находим следующие: «*Читалка*», «*Облом*», «*Молодёжь, лайкни ЗОЖ!*». Очевидно, что задача заголовка рубрики также состоит в возбуждении заинтересованности читателя к рассматриваемым в публикациях проблемам.

Таким образом, жаргонная лексика распространена на страницах детско-молодежных изданий Беларуси, что не всегда оправдано целью публикации. Однако, по нашему мнению, использование жаргонизмов в таких газетах и журналах связано со стремлением яснее, ярче, эмоциональнее выразить свои чувства и эмоции, свое отношение к предмету, явлению, поскольку молодёжная сленговая лексика практически вся эмоционально и экспрессивно окрашена.

Літаратура:

1. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка : учеб. пособие / И. Б. Голуб. – М. : Айрис-пресс, 2010. – 448 с.
2. Никитина, Т. Г. Словарь молодежного сленга 1980–2000 гг. / Т. Г. Никитина. – Санкт-Петербург : «Фолио-Пресс», 2003. – 590 с.
3. Рацибурская, Л. В. Язык современных СМИ. Средства речевой агрессии : учеб. пособие / Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 160 с.

СТЕПАНЕНКО Ю.

ПРОДУКТИВНОСТЬ УМЕНЬШИТЕЛЬНО-ЛАСКАТЕЛЬНЫХ СУФФИКСОВ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И НАРЕЧИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

Проблема диминутивности вызывает интерес у отечественных и зарубежных исследователей и рассматривается в различных аспектах: коммуникативном, структурном, семантическом, этикетно-стилистическом, прагматическом. Тем не менее, категория диминутивности остается одной из сложных и недостаточно изученных тем современного языкознания. В большинстве исследований акцент ставится на изучение словообразовательной диминутивности у имен существительных, а диминутивы-прилагательные и наречия менее изучены. И совсем нет исследований по частотности использования тех или иных уменьшительно-ласкательных суффиксов. Это и определяет актуальность нашей работы, основанной на материалах Национального корпуса русского языка.

В русском языке используется несколько диминутивных суффиксов прилагательных, различающихся оттенками уменьшительного значения, употребительностью и способностью сочетаться с различными типами адъективных основ.

Прилагательные с суффиксом *-оньк-* (орфографически обычно *-еньк-*) наиболее многочисленны (78,5 %): *бледенький, молоденький, глупенький* и др. Тип продуктивен в разговорной и художественной речи.

Прилагательные с основой на заднеязычный имеют вариантные образования без смягчения: *пегенький* и *пегонький, жалкенький* и *жалконький, плохенький* и *плохонький*; то же в *крепкий – крепенький* и *крепонький* (разг.). Вариант *-оньк-* встречается редко, всего в 3 % случаев.

По сути тот же суффикс *-енек-/онек-* в прилагательных, употребляющийся только в краткой форме, обозначает умеренно высокую степень качества: *Ты, бесёнок, еще молоденок, Со мною тягаться слабенок* (Пушкин); *Солоненька, брат, колбаса-то! – говорит он* (Салтыков-Щедрин).

Слова этого типа принадлежат к устарелой разговорной лексике. Продуктивность типа ограничена образованиями от исконно русских качественных прилагательных, характерных для литературы, ориентированной на старую народную речь и фольклор.

Прилагательные с суффиксом *-оват-* (орфографически также *-еват-*) имеют значение «обладающий в смягченной, уменьшенной степени качеством, названным мотивирующим словом»: *слабоватый, грубоватый, дороговатый* и т. д. Таких прилагательных более 18 %. Тип продуктивен в разговорной и

художественной речи: *курносаватый* (Николаев), *прохладноватый* (Нагибин); *ехидноватая улыбка* (газеты). «Образования с этим суффиксом иногда очень сильно отличаются своим значением от производящего прилагательного (ср.: *дубовый* и *дубоватый*; *прыщавый* и *прыщеватый*; *илистый* и *иловатый*; *глухой* и *глуховатый*, не совпадающие по кругу значений; ср. невозможность сказать: “сытое брюхо к учению *глуховато*” или: “ходила *глуховатая* молва”, “испытывать *глуховатое* недовольство” и т. п.; ср. образования типа *плутоватый*, *вороватый*, *мещановатый* и т. п.; ср. также: *одутловатый*)» [1, с. 490]. То есть от диминутивного суффикса *-оват-* образовался новый суффикс со значением «склонный к занятию, названному производящим существительным».

Прилагательные с суффиксом, представленным вариантами *-охоньк-/ошеньк-* (орфографически обычно *-ёхоньк-/ёшеньк-*) обозначают усиленную степень качества в сочетании с ласкательностью: *Снег ложится на поля, Вся белешенька земля* (Пушкин); – *Мы еще на машине хлебушка поели, – ответила Марфа. – Сытехоньки* (Мамин-Сибиряк).

Продуктивность данного типа уже в позапрошлом веке была низкой – не достигала и половины процента, а в XX–XXI веках снизилась еще в десять раз.

Обратная ситуация с усилительно-ласкательным экспрессивным суффиксом *-усеньк-* (*малюсенький, тонюсенький*). Тип непродуктивен, но в литературе XX–XXI веков он увеличил свою частотность в 10 раз (с 0,02 до 0,2 %).

В наречиях проявляется множественность словообразовательной структуры: они производятся или суффиксальным способом (чаще с суффиксом *-о*) от основ имен прилагательных-диминутивов, содержащих суффикс *-еньк-/оньк-*, или от наречий же вставочным способом при помощи этого же суффикса, а также *-к-, -ечк-, -ышк-*: *ранехонько, голодненько, скоренько, потихоньку, утречком, рядышком* и др.

Наречия, заканчивающиеся на *-енько/-онько*, составляют подавляющее большинство диминутивов данной части речи: 84,5 % и 9,7 % соответственно. Морф *-онько* выступает после заднеязычных согласных, морф *-енько* – в остальных случаях: *трудненько, частенько – тихонько, высоконько*. Однако на современном этапе вариант *-онько* воспринимается как устаревший, и даже после заднеязычных согласных выбирается морф *-енько*: *Добрый и вежливый, в жизни никого не обидевший старик проживал в коммунальной квартире, ... плохенько играл в шахматы, а летом выезжал на дачу в Нахабино* (Варламов).

Наречия, заканчивающиеся на *-овато*, обозначают ослабленную степень признака, названного мотивирующим словом (*рановато, грязновато, поздновато* и др.). Тип продуктивный, но гораздо менее, чем соответствующие прилагательные (ср. 5,7 и 18,2 %).

Наречия, заканчивающиеся на *-охонько*, как и соответствующие прилагательные, были малопродуктивны уже в позапрошлом веке и почти в 10 раз снизили частотность в XX–XXI веках (с 0,7 до 0,08 %). Наречий на *-ошенько* в нашем материале не встретилось.

Таким образом, подавляющее большинство диминутивов-прилагательных составляют слова с суффиксом *-еньк-*, соответствующие им наречия занимают среди диминутивов своей части речи еще более значительное место. Вариант *-онько* гораздо частотнее у наречий, чем *-оньк-* у прилагательных. Суффикс *-охоньк-* у прилагательных используется в два раза реже, чем суффикс *-охонько* у наречий. Напротив, суффикс *-оват-* у прилагательных гораздо частотнее, чем *-овато* у наречий, но именно у наречий в XX веке частотность данного суффикса возросла в 3 раза, хотя у прилагательных осталась почти неизменной. Выходят из употребления суффиксы *-охоньк-*, *-ошеньк-*, зато становится более популярным суффикс *-усеньк-*. При употреблении слов экспрессивность со временем ослабевает или даже утрачивается, но, как видно из приведенной нами статистики, суффиксы могут достаточно долго сохранять экспрессивные свойства, частотность самых употребительных из них (*-еньк-*, *-енько*) почти не изменилась.

Литература:

1. Аксаков, К. С. Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева / К. С. Аксаков // Полн. собр. соч., т. 2, ч. 1: Сочинения филологические. – М., 1875. – С. 67–72.

СТРОК И.

СОВРЕМЕННЫЙ ГАЗЕТНЫЙ ЗАГОЛОВОК В ПРОЕКЦИИ НА ЧИТАТЕЛЯ

В наши дни публицистика развивается в новых социальных условиях, но, как и во все времена, ее основными функциями остаются информационная и воздействующая. Правда, вследствие перемен в общественном строе (рыночная экономика), в статусе газеты (субъект информационного рынка) главные усилия журналистов направляются прежде всего на реализацию воздействующей функции. Средства массовой коммуникации признаны сейчас одним из «важнейших общественных институтов, оказывающих решающее влияние на формирование не только взглядов, представлений общества, но и норм поведения его членов, в том числе и речевого поведения. Это мощный инструмент воздействия на аудиторию и средство манипуляции общественным сознанием» [1, с. 13].

Доминантной концепцией в работе над газетным текстом стала «борьба за читателя». Это обстоятельство, по мнению исследователей современного публицистического стиля, явилось причиной демократизации, а порой и вульгаризации медиадискурса, который в стремлении заполучить своего читателя обретает откровенно агрессивный характер [3, с. 4]. Речевая агрессия проявляется в жестком, подчёркнутом средствами языка выражении негативно оценочного отношения к фактам, событиям, лицам. Вместе с тем сегодня наблюдается стремление к социальному диалогу, к сотрудничеству с читателем.

В газете нашего времени функция эмоционального воздействия на аудиторию выдвигается на первый план и выступает уже в тексте газетного заголовка. Главным назначением заголовка является задача не просто обратить внимание читательской аудитории на газетную публикацию. Читателю, как правило, навязываются готовые авторские оценки событий, причём эти оценки, субъективные по сути, журналисты стремятся выразить как итог общих с читателем рассуждений.

Действенным средством обеспечения такой стратегии является языковая игра (ЯИ), которую в проекции на читателя можно рассматривать как рекламный приём, как способ самовыражения автора публикации и одновременного вуалирования его субъективности, как лингвистический способ создания скрытой оценки и манипулирования читателем. Помогает «выиграть» борьбу за внимание читателя ЯИ с использованием любых единиц языка, но, как правило, авторы газетных публикаций обыгрывают в первую очередь разного рода интертекстуальные включения и фразеологические единицы (ФЕ), которые обладают смысловой ёмкостью и экспрессивностью. В этом следует видеть развитие и продолжение в современной публицистике тенденции к использованию клишированных форм, «готовых к употреблению» блоков, оборотов и речевых стереотипов.

Избрав в данной статье в качестве материала исследования заголовки публикаций в газетах «Комсомольская правда», «Аргументы и факты» за 2014–2017 гг., мы задались целью выяснить, как языковая игра с названными включениями воздействует на современную читательскую аудиторию, как характеризует читателей и как учитывает их предпочтения.

Эмпирический материал, собранный нами, иллюстрирует использование в газетных заголовках разных приёмов ЯИ, описанных в научной литературе [2, с. 799–802]. В ЯИ аллюзивного типа отмечено балагурство с использованием приёмов рифмовки: «*Отцы и дети завоюют все медали на свете*» (КП 11.02.2016), фонетических деформаций слов: «*Я "ВАЗ" люблю...*» (КП 07.08.2014); «*Гламуррррная киса*» (КП № 38, 2014); графические контаминации «*LED и пламя Копенгагена*» (КП № 19, 2014); приём речевой маски: «*Базар фильтруют?*» (АиФ № 3, 2016) и др. В качестве приёмов остроловия в обоих типах можно назвать стилистический контраст: «*Гонима спасет мир?*

(КП № 31, 2014); «*Кравчук: Украина с ядерным оружием была бы “обезьяной с гранатой”*» (АиФ 10.10.2016); «*Кадастр по осени считают. Как изменилась схема оплаты налога на имущество?*» (АиФ 27.09.2016); словообразовательную игру в сочетании с графонами: «*ВеСОМый улов*» (КП № 40, 2014), «*Какие-то вы заСТЕНчивые...*» (КП № 37, 2014); каламбурь: «*Почему тоска “серая”, а горе “черно”*» (КП 02.09.2016), «*Холод не тётка – он вреднее*» (АиФ № 3, 2016); паронимическую аттракцию: «*Почему люди не летают так, как пиццы?*» (КП № 29, 2014). Фразеологическая игра находит выражение в разного рода структурно-смысловых трансформациях ФЕ. Это лексическая трансформация фразеологизма («*Восток раздора*» (АиФ № 2, 2016) – сравним: *яблоко раздора*; «*И рыбку съесть, и джедаем стать: как новые “Звёздные войны” угодили всем*» (АиФ 16.12.2015) – сравним: *И рыбку съесть, и косточкой не подавиться*); редукция («*Не всё то золото... Почему золотые украшения меняют цвет?*» (АиФ № 29, 2015) – сравним: *Не всё то золото, что блестит*; «*Любишь кататься... Как защитить себя от кражи велосипеда*» (АиФ № 27, 2015) – сравним: *Любишь кататься, люби и саночки возить*); фразеологическая паронимазия («*Тайна, покрытая маком*» (КП 07.07.2015 – сравним: «*Тайна, покрытая мраком*»), контаминация и др.

Интересен прием буквализации ФЕ. Например, прямое значение устойчивого выражения актуализируется в заголовке «*Проще пареной репы. Интересные рецепты из забытого овоща*», где речь идет об использовании названного овоща в качестве основы для приготовления блюд.

Языковая игра каждого вида выступает своего рода рекламой текста, является свидетельством сознательного воздействия на эмоции и чувства читателей, служит актуализации дополнительных смыслов, содержащихся в статье, на которые следует обратить внимание читателя.

В газетных заголовках проявляется также свойственное языку современной публицистики заигрывание с адресатом на основе аллюзий и фразеологизмов, представляющее собой стёб, ёрничество, разделить которое автор призывает читателя: «*Шоколада, Кощя, зрелищ! Да хоть чего-нибудь...*» (КП 06.11.2014); «*Не животипись, а живопузь!*» (КП № 24, 2014); «*ОберЕГЭющий от...знаний*» (АиФ № 7, 2016) и др. Фразеологическая игра, кроме того, может побуждать читателя и к серьёзным размышлениям. Например, новое интонационное оформление устойчивого выражения придает ему иной смысл и не только стимулирует интерес читателя к публикации, но и призывает его порассуждать: «*Работа не волк? Как правильно продлить трудовой договор*» (АиФ № 13, 2015). Постановка вопросительного знака после первой части предложения заставляет по-иному осмыслить привычное значение ФЕ: можно и лишиться работы, если проигнорировать правила продления трудового договора. Аналогичное изменение смысла выступает в заголовке, содержащем трансформированную ФЕ «молодо-зелено!», «*Молодо.*

Зелено? Вправе ли несовершеннолетний заниматься бизнесом» (АиФ № 30, 2015).

Анализ содержания газетных заголовков позволяет видеть явное усиление авторского начала, заметное давление на адресата. Заголовки не столько информируют читателей, сколько адресуют им собственную интерпретацию происходящих в обществе событий. Об этом свидетельствует использование оценочных выражений как в аллюзивной языковой игре (например, *«Ложка дегтя в бочке меда»* (АиФ № 3, 2016); *«Самоуправство, Константин!»* (КП 18.10.2014); *«Увязли по уши. Как США проиграли войну в Афганистане»* (АиФ 07.10.2016); *«Какая гадость эта ваша импортная сёмга...»* (КП 13.10.2014) и др.), так и во фразеологической (*«Собачье дело»* (АиФ 18.04.2016); *«С ума сойти – шелуху продают»* (КП 23.04.2015); *«Психиатр Роман Евсегнеев: Почему этот бред сивой кобылы люди смотрят из года в год?»* (КП 06.05.2015); *«Дмитрий Кохно подарил супруге рай в шалаше»* (КП 15.09.2016); *«Конец света в голове»* (АиФ 18.10.2016) и др.).

И фразеологизмы, и разного рода аллюзии, используемые в заголовках, своеобразно выявляют актуальные фоновые знания адресата газеты. Преобладает в нашем материале языковая игра аллюзивного типа, которая опосредованно характеризует интеллектуальный уровень читателя как продукта массовой культуры. Показательно, что в заголовках редки аллюзии на прецедентные высказывания исторических или культурных деятелей (*«Волна волной, а обед по расписанию»* – прецедентное высказывание «Война войной, а обед по расписанию» приписывается Фридриху Вильгельму Первому, прусскому королю-«солдату», который жил с 1688 по 1740 год; *«Ай да Трамп! Ай да сукин сын! Почему он победил назло всем прогнозам»* (КП 09.11.2016) – прецедентный текст *«Ай да Пушкин, ай да сукин сын!»* (Из письма А.С. Пушкина к своему другу поэту Петру Вяземскому). Чаще используются интертекстуальные включения, отсылающие к прецедентным хрестоматийным текстам русской и зарубежной классики (*«“Квартет И”: над собой смеётся?»* – отсылка к тексту Н.В. Гоголя «Ревизор»; *«Бить или не бить. Можно ли физически наказывать детей?»* – аллюзия на известный монолог Гамлета из одноименной трагедии В. Шекспира); к произведениям фольклора (*«Готовь карьеру летом»; «Чубайс встал в очередь. Не простую, а золотую»*). Но наиболее явно выступают интермедийные аллюзии, отсылающие к текстам массовой культуры – к эстрадным песням (*«Уходи, дверь закрой, у меня билет в Ханой»; «Кондуктор, не жми на тормоза»*); к названиям фильмов, сериалов (*«В бой идут одни двойники»; «Моя ипотечная няня»*); к высказываниям их персонажей (*«А Вас, Мюллер, мы просим остаться!»*).

Отбор прецедентных текстов и широко известных фразеологизмов характеризует аудиторию газет как массового читателя, культурная эрудиция которого довольно ограничена. Форма включения интертекстуальных фигур

тоже показательна для характеристики общего фонда фоновых знаний современной читательской аудитории: они фрагментарны и неточны. Это цитирование («*Андрей Дементьев: “Не смейте забывать”...»*), реминисценции («*В России “Раскольниковы” опять убивают старух-процентщиц*»); аллюзии («*Деньги, которые уМММыкнули*»); парафразы («*Голливуд по ней плачет*») и др.

В целом же наш анализ показывает, что современные журналисты чётко представляют запросы читающей публики, что языковая игра в газетном заголовке в значительной мере направлена на привлечение потенциальных читателей, что любая авторская стилистическая манипуляция с интертекстом или фразеологизмом прежде всего побуждает к покупке газеты, а значит, способствует повышению рейтинга издания.

Литература:

1. Коновалова, О. Ю. Языковая игра в современной русской разговорной речи : монография / О. Ю. Коновалова – Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2008. – 196 с.
2. Культура русской речи : Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – 2-е изд., испр. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 840 с.
3. Петрова, Н. Е. Язык современных СМИ : средства речевой агрессии : учебное пособие / Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 160 с.

ТОВПИК А.

СВОЕОБРАЗИЕ МИРА САТИРЫ М. ЗОЩЕНКО

Родился Михаил Михайлович Зощенко в Петербурге 28 июля 1894 года в семье художника. Окончив учебу в гимназии, в 1913 году поступил на юридический факультет Петербургского университета.

Имел четыре боевых ордена и чин штабс-капитана. В 1915–1917 годах находился в должностях полкового адъютанта, командира роты и батальона 16-го гренадерского Мингрельского полка Кавказской дивизии. После Февральской революции служил в Петрограде. В апреле 1919 года был демобилизован по болезни сердца и снят с военного учета. В 1920 году поступил в Петроградский порт делопроизводителем. И в этом же году занялся литературой [1, с. 4].

Тогда же Зощенко становится членом литературной группы «Серрапионовы братья», а вскоре начинается его многолетнее сотрудничество в качестве фельетониста и автора сатирических рассказов в периодике. С этих пор будущий сатирик печатается практически в каждом номере различных

журналов: «Дрезина», «Красный ворон», «Чудак», «Ревизор». Обычно он выступает под своим именем или псевдонимами Гаврила, Семен Курочкин, Назар Синебрюхов.

К середине двадцатых годов Зоценко стал одним из популярных писателей. Его юмористика пришлась по душе всем читателям, книги раскупались моментально. Казалось, что не было человека, который бы не читал «Баню», «Аристократку» и «Историю болезни». Не было издательства, которое не хотело бы выпустить хоть одну книгу Михаила Михайловича. И все это несмотря на то, что многие его произведения, особенно в двадцатые, писались на скорую руку журнальной и газетной работы, а сюжеты брались из тех же изданий. Этим можно объяснить повторяемость персонажей, отдельных тем и сюжетов в рассказах сатирика.

На 20-е годы приходится расцвет основных жанровых разновидностей в творчестве Зоценко: комическая новелла, сатирические рассказы, сатирико-юмористические повести [2, с. 127]. Произведения, написанные в 20-е годы, были построены на конкретных злободневных фактах, которые автор заимствовал из читательских писем или непосредственно личных наблюдений. Тематика весьма разнообразна: дебоши и беспорядки в транспорте, общежитиях, быт и нэп, мещанство и обывательщина, многое другое.

В цикле сатирических новелл М. Зоценко зло высмеивал цинично-расчетливых или сентиментально-задумчивых добытчиков индивидуального счастья, интеллигентных подлецов и хамов, показывал в истинном свете пошлых и никчемных людей, готовых на пути к устроению личного благополучия растоптать все подлинно человеческое («Гримаса нэпа», «Няня», «Брак по расчету») [1, с. 5].

В рассказах Зоценко отсутствуют приемы заострения авторской мысли. Они, по обычаю своему, лишены и интриги. Автор представал перед читателями в роли обличителя духовной окурочки. Он выбрал для анализа мещанина-собственника, который из политического противника стал противником в области морали.

Круг действующих лиц Зоценко предельно сужен, нет образа толпы и массы, темп развития сюжета замедлен. Герои рассказов менее грубы, чем в юмористических новеллах. Зоценко, прежде всего, привлекает система мышления и духовный мир мещанина. В рассказах отсутствуют гротескные ситуации, меньше комического и совсем нет веселого.

Новаторство Зоценко началось с открытия комического героя, который почти не фигурировал в русской литературе, а также с приемов маски, посредством которой он раскрывал такие стороны жизни, которые нередко оставались в тени, не попадали в поле зрения сатириков.

Разрабатывая шаблонные сюжеты, рассказывая истории, случившиеся с ничем не примечательной особой, автор возвышал эти случаи до уровня

значительного обобщения. Комического эффекта Зощенко часто достигал обыгрыванием слов и выражений, почерпнутых из речи малограмотного мещанина, с характерными для нее вульгаризмами, неправильными грамматическими формами и синтаксическими конструкциями («плитуар», «окромя», «в ём» и т.д.).

По существу, Зощенко-сатирик заявил о себе в 1922 году «Рассказами Синебрюхова». «Это первая попытка писателя оторваться от ранних лирико-психологических рассказов. Монологическая форма изложения событий в «Рассказах Синебрюхова» выступает уже как средство автохарактеристики героя, бывалого военного мужичка» [1, с. 4].

Жизненная позиция героя столь пассивна, что он не стремится осмыслить происходящее, он способен лишь недоумевать по поводу изменений в своей жизни, стиснув зубы принимать удар за ударом.

Господин Синебрюхов пытается показать себя широко образованным, прозорливым и отважным. Эффект смешного в том, что все эти качества опровергаются его же речью.

Для последующего творчества М. Зощенко очень важно, что герой уже этих первых его рассказов – сатирический персонаж, чаще всего разоблачающий сам себя.

Назар Ильич – первый сатирический герой Михаила Зощенко. Сатира социальная еще не уступает место сатире характера. Портрет несет черты реального прототипа, возможно, встреченного во время скитаний по стране, возможно, увиденного в армии. Назар Ильич стал родоначальником целой галереи зощенковских персонажей.

Популярность Зощенко как автора сатирических рассказов к середине двадцатых была огромна. Гораздо меньше он был известен как автор повестей. Только в 1927 году, когда все семь повестей соединились вместе («Сентиментальные повести»), читателям открылся новый Зощенко. Своеобразие «Сентиментальных повестей» заключается в том, что от произведения к произведению нарастает ощущение чего-то недоброго, заложенного, кажется, в самом механизме жизни, мешающего оптимистическому ее восприятию.

Ненормальность героев «Сентиментальных повестей» в том, что они прозевали целую историческую полосу в жизни России и потому, подобно Аполлону Перепенчуку («Аполлон и Тамара»), Ивану Ивановичу Белокопытову («Люди») или Мишелю Синягину («М.П. Синягин»), не имеют будущего. Они мечутся в страхе на протяжении всей жизни, и каждый новый случай, даже самый малый, готов сыграть роковую роль в их судьбе. Все эти случаи приобретают форму закономерности и неизбежности, определяя многое в сокрушенном душевном настрое героев повестей.

Автор открывает перед читателем мелкие, обывательские натуры, занятые бессмысленным круговоротом вокруг тусклых радостей и привычных печалей.

Зощенко жалеет своих героев, но сущность у этих людей не трагическая, а фарсовая. Иногда и на их улицу забредает счастье, как произошло, например, с героем рассказа «Счастье» стекольщиком Тестовым Иваном Фомичом, схватившим яркого павлина удачи. Но это тоскливое счастье. Повествование ведется от имени писателя Коленкорова и этим Зощенко как будто воскрешает традиции русской классической литературы. На самом деле у Коленкорова вместо следования гуманистическим идеалам XIX века получается подражание. Зощенко пародирует, иронически преодолевает эту сентиментальную манеру.

Зощенко стесняется жалости. Отсюда и ироническое название «Сентиментальные повести», и то пародирование определенных черт старой литературы, а возможно, и черт внутреннего состояния самого автора. Революция и чувства, «маленький человек» и революция, революция и быт – это огромный комплекс тем и представлений.

М. Зощенко подходит к художественному решению этих проблем уже с первого цикла «Рассказов Назара Ильича, господина Синебрюхова». И если в маленьких рассказах этот персонаж уничтожался сатирой сразу, без жалости и грусти, то в повестях все было сложнее.

Как и первые рассказы М. Зощенко, его повести связаны с типом «маленького человека». Он унижающийся и унижающий, оскорбляющий и оскорбляемый. Такова диалектика образа.

Тяжело оценить значение повестей Михаила Михайловича. Критика персонажей «Сентиментальных повестей» ведется писателем с таких позиций, с которых судили их В. Маяковский, и И. Ильф, и Е. Петров, – с позиций формирующейся новой морали. Рушатся, падают идеалы всех этих «маленьких людей и мнимых «интеллигентов».

Литература:

1. Ершов, Л. Михаил Зощенко. Избранное / Л. Ершов, И. Исакович // Михаил Зощенко. – Л., 1978. – с. 3–27.
2. Чудакова, М. О. Поэтика Михаила Зощенко / М.О. Чудакова. – М., 1979. – 204 с.

ХОТЫНЮК С.

**СВОЕОБРАЗИЕ ОСВЕЩЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
СОВРЕМЕННОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ И ГАЗЕТНО-
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТАХ**

В рамках проведенного исследования в 2016 г. мы попытались определить особенности освещения социальной проблематики в художественных и художественно-публицистических текстах. В качестве эмпирической базы выбрали произведения современных драматургов и публикации в газете «СБ. Беларусь сегодня».

Средства массовой информации являются сегодня «территорией» для обсуждения и отображения общественно значимых проблем. В проблемном поле журналистики социальные вопросы занимают одно из важнейших мест, поскольку сфера журналистики – социальная жизнь во всех ее проявлениях. В то же время в системе современной журналистики определилась такая специализация, как «социальная журналистика», предметом которой должны выступать именно социальные явления и факторы, их обуславливающие. Социальная журналистика предоставляет возможность журналисту участвовать в разрешении противоречивых ситуаций, возникающих в отношениях индивида и общества, населения и власти и т.д., а также в расширении поля социальности.

В художественной литературе, предметом которой выступает человек и его повседневное бытие, социальный блок проблем также нашел отражение во всех его проявлениях. Писатели и поэты на всем протяжении существования литературы постоянно пытались идти в ногу с быстро меняющейся действительностью, отражая важные общественные конфликты. Но в художественной литературе конкретный факт отходит на второй план, уступая место авторским впечатлениям, оценке, мысли.

Каждый из родов литературы способен отражать в художественном образе проблемы личности и общества. Однако выразительнее природу конфликтности подчеркивает драматургия, функционирование которой невозможно без острых противоречий, лежащих в основе драматических произведений. Драма, черпая сюжеты из жизни обычных людей, подразумевает наличие конфликта, и не просто демонстрирует его, а стремится показать пути его решения. Поэтому некоторые авторы в поисках формы для отражения повседневности выбирают именно драму, что свидетельствует о специфике их творческих исканий и перспективности современной драматургии.

Л. Разумовская и Н. Коляда доказали, с одной стороны, продуктивность и актуальность жанра драмы в литературе, а с другой – отразили сложные процессы рубежа XX–XXI вв. Драматурги находятся в постоянном творческом поиске новых форм для своих произведений, но при этом не отказываются и от

традиций предшествующей литературы. Жанровая система творчества Л. Разумовской многообразна, но именно через жанр драмы ей удалось передать конфликт своего времени. Все драматургическое творчество Н. Коляды характеризуется органичным соединением традиционного и новаторского; углубление в табуированные локусы социальной действительности позволило драматургу освоить целый социальный пласт действительности, ранее не попадавший в поле зрения художественной литературы.

Повседневность как значимая часть социальной жизни, как знаковая система выразительное воплощение получила в жанре монодрамы, который в отечественной литературе представляет К. Стешик. Монодрамы этого драматурга представляют собой произведения, построенные по принципу монолога, где представлен, как правило, случай из жизни, отражающий внутренние переживания героя и типичные процессы, происходящие в современном обществе. Лишь при детальном анализе раскрывается целостная картина окружающего мира: автор стремится к познанию сути человека, осмыслению цели его жизни.

Обращение авторов к драматургии позволяет показать повседневность человека, вписанную в социальную реальность. А благодаря тенденции сближения разных областей гуманитарного знания такую литературу следует рассматривать как крупное социальное явление.

Журналисты, стремясь показать острые конфликты современности и разобраться в возникающих проблемах социума, используют разные средства для достижения поставленной цели.

При изучении и решении социальных проблем СМИ определяют разные способы установления коммуникации с аудиторией – коммуникативные стратегии, эффективность которых зависит от множества факторов: сущность и значимость проблемы, историко-культурная ситуация и ее отражение в методологии журналистики, политика редакции, творческий потенциал журналиста в освоении фактов и явлений повседневности.

Лидирующую позицию в освещении социальных проблем среди коммуникативных стратегий сегодня, как и в начале 1990-х годов, занимает информационный монолог, посредством которого создается иллюзия полной погруженности в социальные проблемы, однако глубокого анализа этих проблем не предлагается. О приоритете данной стратегии свидетельствует количественное преобладание в газете «СБ. Беларусь сегодня» жанров информационного рода, преимущественно – заметок.

Авторы проанализированного издания при подаче материала также прибегают к использованию сенсационности, которая оперативно позволяет охватить основную массу аудитории, однако не всегда приводит к социально значимым результатам. Отметим при этом, что журналисты «СБ» при использовании стратегии сенсационности все же стремятся к выявлению

причин и следствий того или иного явления. Отсюда – возвращение к напечатанному ранее и сообщение аудитории новых сведений в уже известном материале.

Начинает набирать популярность такая коммуникативная стратегия, как новость «с человеческим лицом», предполагающая погружение в социальную проблему на примере истории реального человека. Реализуется данная стратегия в жанрах художественно-публицистического рода, чаще всего житейской истории.

Аналитические жанры (корреспонденция, статья, беседа, комментарий) репрезентируют такую коммуникативную стратегию, как ситуативный анализ с выходом на практические рекомендации. Она направлена на детальное исследование ситуации, содержит прогностические элементы.

Использование журналистами указанных коммуникативных стратегий при создании материалов на социальную проблематику свидетельствует о многогранности их публицистического таланта, а также заинтересованности в решении этих проблем. К сожалению, полное решение социальных проблем невозможно. Однако журналисты ежедневно пытаются хотя бы уменьшить их негативное проявление, чтобы выполнить одну из важнейших функций журналистики – способствовать поддержанию стабильности в социуме в моменты кризисных изменений.

Как феномены духовной жизни общества, журналистика и литература взаимно дополняют друг друга. Современные СМИ расширяют социальное пространство художественной литературы, а художественная словесность сообщает историческую перспективу проблемам социальной журналистики, включая их в бытийные процессы человеческой жизни.

ЦЕЛЮК Е.

СПЕЦИФИКА МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОГРАММ FM-РАДИОСТАНЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ «РАДИО ГРОДНО» И «МFM 105.0»)

Невозможно представить себе нашу жизнь без музыкальных программ. Тематические передачи о событиях, явлениях, стилях, жанрах музыки, мировые музыкальные тенденции, хит-парады, песни, завоевавшие любовь слушателей, – все это делает радио близким и интересным для людей.

Нужно отметить, что у слушательской аудитории максимальный интерес вызывают именно музыкальные программы, а также музыка, звучащая по радио. Подтверждением тому являются результаты социологического опроса, проведенного в Республике Беларусь в 2015 году. Граждане, слушающие радио,

чаще всего отдают предпочтение музыкально-развлекательным проектам (57,0%), а просто слушать музыку предпочитает 39,1%, радиойной аудитории [4, с. 150].

Нами были проанализированы музыкальные программы двух гродненских радиостанций, вещающих в FM диапазоне: «Радио Гродно» и «MFМ 105.0».

Общая характеристика радиостанции «Радио Гродно»

«Радио Гродно» – русскоязычная радиостанция, вещающая на частоте 101.2 FM / 67.76 УКВ. В своём вещании транслирует популярную музыку и оригинальные интерактивные передачи. FM-радиостанция входит в состав телерадиокомпании «Гродно», которая, в свою очередь, является региональным структурным подразделением крупнейшего телерадиовещателя в Республике Беларусь – Национальной государственной телерадиокомпании.

Слоганы радиостанции – «Будь собой!», «Слушай своё!», «Любимая музыка на Радио Гродно».

История «Радио Гродно» началась 1 декабря 1999 года. С 2003 г., постепенно вытесняя из эфира радио «Юность», гродненское радио перешло на 15-часовой ежедневный эфир, а с начала 2004-го – на круглосуточное вещание.

На сегодняшний день эфир «Радио Гродно» можно услышать в Гродненской (Слоним 102.5 FM / 68.12 УКВ, Лида 107.8 FM / 71.54 УКВ, Сморгонь 102.8 FM / 67.19 УКВ, Свислочь 104.4 FM, Трокеники 72.8 FM), Брестской, Минской областях, а также в соседних регионах Литвы и Польши. К тому же, благодаря интернет-вещанию «Радио Гродно» доступно по всему миру [3].

Форма собственности: государственная радиостанция.

Музыкальный формат радиостанции – Hot & Soft AC (Adult Contemporary music) – современная музыка для взрослых. Его основная **целевая аудитория** – люди в возрасте 20–45 лет. Эта возрастная группа наиболее привлекательна для рекламодателей, т. к. нацелена на зарабатывание и трату денег.

У этого формата есть субформаты:

- Soft AC – мягкий AC с преобладанием спокойных, лирических песен и малым количеством текущих хитов, с целевой аудиторией 30–45 лет,
- Hot AC – горячий AC с преобладанием более ритмичной музыки и чуть большим количеством текущих хитов, с целевой аудиторией 20–35 лет.

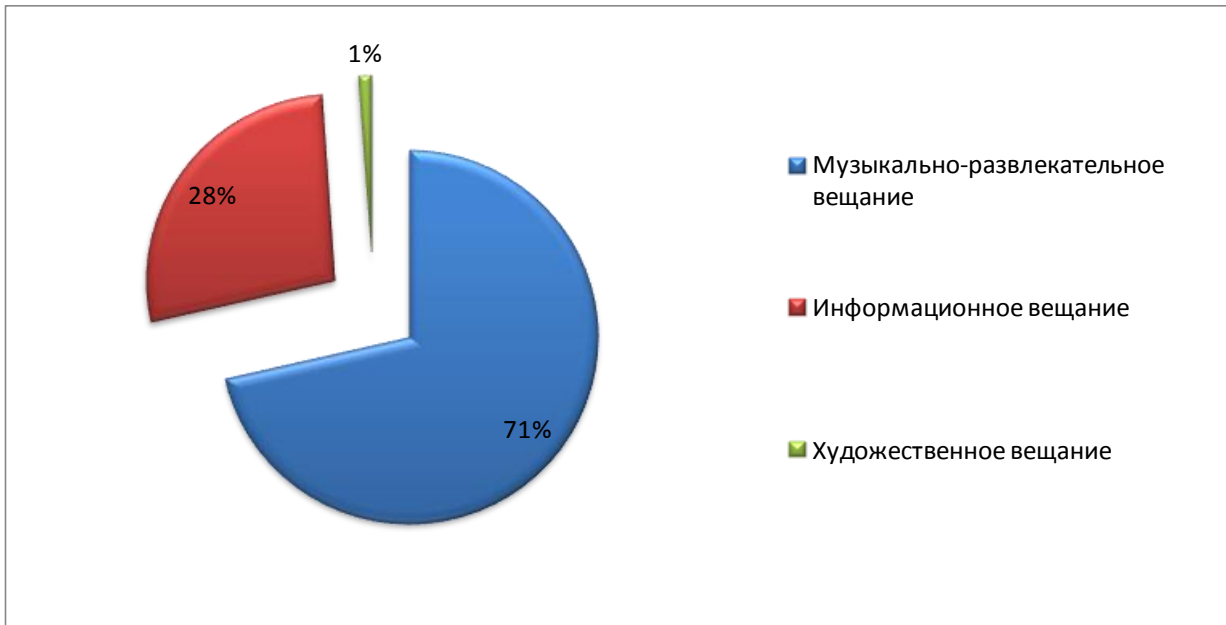
«Проповедуя» в музыкальной форматной политике Adult Contemporary music, станция шаг за шагом шла к нынешнему типу вещания: музыкально-информационному и развлекательно-познавательному при соотношении музыкальных и информационно-познавательных программ 70 % к 30 %.

Но, несмотря на то, что музыкально-информационные FM-радиостанции основное внимание уделяют музыке, тем не менее, программная сетка на день либо на час составляется на основе авторских программ, выпусков новостей и рекламы.

В качестве дополнительной иллюстрации музыкально-информационного типа вещания «Радио Гродно» на рисунке 1. представлено соотношение типов вещания радиостанции.

Рис. 1. – Соотношение типов вещания в эфире «Радио Гродно» (за неделю)

Источник: собственная разработка автора

Успех и индивидуальность радиостанции во многом определяет её музыкальный формат – популярность, а значит, и востребованность аудиторией и рекламодателями заведомо выше у радиоконпании с т. н. широким форматом, в котором представлены направления поп-музыки. Музыкальное вещание «Радио Гродно» разнообразно и предлагает слушателям популярную музыку различных направлений, как отечественных, российских, так и зарубежных исполнителей. «Радио Гродно» не является узкоформатной радиостанцией, однако имеет некоторые ограничения в выборе музыки для трансляции (отвергается музыка агрессивного характера).

Итак, радиостанция существует уже 17-ый год. Её основной плюс: региональность – широкое и всестороннее освещение политической и социально-экономической жизни г. Гродно и Гродненской области. Отличительная характеристика «Радио Гродно» – прямой эфир, интерактивное общение со слушателями посредством смс-сервиса, прямых телефонных звонков в студию. «Радио Гродно» имеет свой сайт и онлайн вещание. Слушать радиостанцию можно из разных точек планеты. Таким образом, радиостанция «Радио Гродно» представляет конвергенционный продукт, объединяя на одной общей платформе такие типы электронных СМИ как радиостанцию и Интернет-сайт.

Программная сетка вещания «Радио Гродно»

Программная сетка вещания необходима для четкого структурирования эфира: она показывает соотношение и временные доли программ, дает возможность соотносить время выхода с активностью различных сегментов аудитории, показывает соотношение разовых и серийных программ.

В сетке указывается почасовое время размещения программ, однако существуют и более детальные сетки, учитывающие рекламные блоки и небольшие программы. Программы размещаются в сетке соответственно времени и дня недели, что позволяет видеть недельное размещение программ в эфире.

Гродненская радиостанция при построении музыкального эфира придерживается блоков. Каждый будний день в эфире звучит четыре блока, которые делятся по временным промежуткам: «Утро на Радио Гродно», «День на Радио Гродно», «Вечер на Радио Гродно», «Ночь на Радио Гродно».

Используя расписание программ с официального сайта «Радио Гродно» и проведя анализ эфира за период с 30 января 2017 года по 05 мая 2017 года, нами была разработана недельная сетка вещания «Радио Гродно» и «МFM 105.0».

Проанализировав музыкальные программы «Радио Гродно», нам удалось классифицировать их по нескольким признакам.

Музыкальное вещание «Радио Гродно» представлено следующими типами программ (всего 20 программ):

1. **Музыкальные программы (6 программ).** Для них характерен режим нон-стоп (без перерывов), отсутствие ведущего, определенная тематика, связывающая композиции во едино (романтическая, танцевальная музыка): «*Время романтики*», «*Зона комфорта*», «*Главный танцпол*», «*Тихий час*», «*Ночь на РГ*», рубрика «*Золотой хит*».

2. **Музыкально-познавательные/информационные программы (8 программ).** Во время программы ведущий комментирует звучащие музыкальные композиции, альбомы, рассказывает об истории группы или музыканта, даёт свою субъективную оценку. Композиции, звучащие в эфире, могут быть как недавно вышедшими, так и уже проверенные временем. Например, «*Пластинка*», «*Музыкальная колонка*», «*Полдень с незнакомцем*», «*Shakermaker*», «*Меломан*», «*Jazz & Blues*», «*Beautiful vision*», «*Это Hip-Hop, детка*».

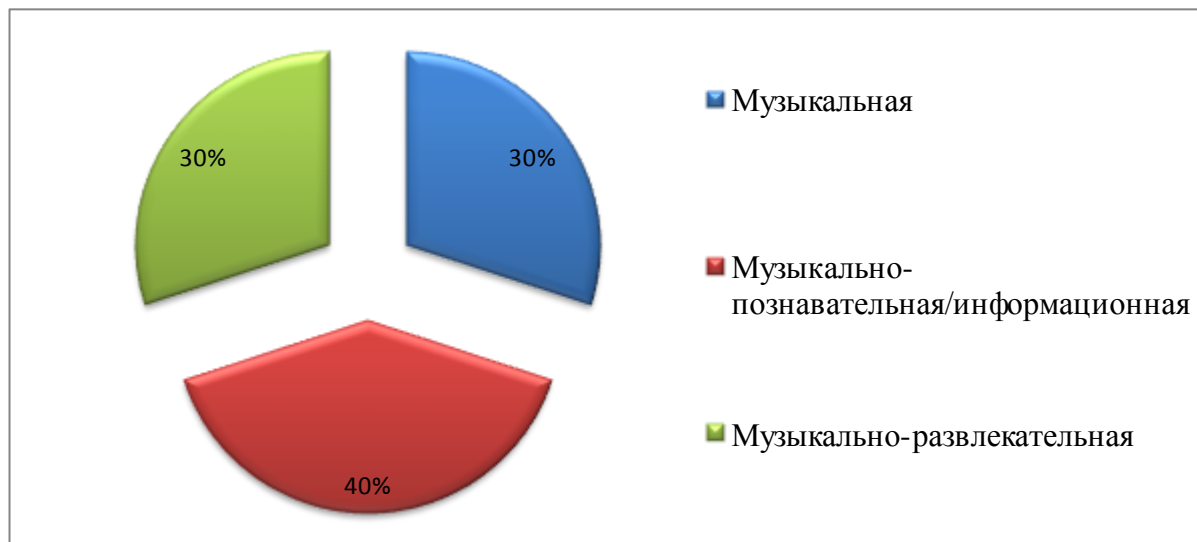
3. **Музыкально-развлекательные программы (6 программ):** утреннее шоу «*Утро с Фаберже*» с крепким Чеканом и горячим Драниковым, «*Этикурейский гедонистический радиожурнал Бонвиван*» Дмитрия Лютомского и Ярослава Чичина, «*Будни твоего города*» Надежды Кемежук, «*Прачачная*» Сергея Годяева, *суббота с З. Крыловой и воскресенье с Н. Кемежук*.

Из данной классификации следует, что «Радио Гродно» в первую очередь реализует познавательную функцию (40% программ) и направлено на просвещение аудитории. На втором месте, в равном процентном соотношении,

стоят музыкально-развлекательные и музыкальные программы, что, по нашему мнению, обусловлено предпочтением радиослушателей.

Рис. 2. – Типы музыкальных программ «Радио Гродно»

Источник: собственная разработка автора

«МФМ 105.0» – это уверенно спокойное, лиричное, при этом информативное и современное радио для взрослых, вещающее на частоте 105.0. FM-радиостанция является подразделением «Телерадиовещательного канала “Гродно Плюс”».

Слоганы радиостанции – «Мой город, моё радио!», «Музыка, проверенная временем».

Городское радио ТВРК «Гродно плюс» зазвучало 15 октября 2012 г. С тех пор у всех поклонников проверенной временем музыки, любимых gold-hits появилась волна, которую многие ждали.

Еще до его появления первый директор телеканала «Гродно плюс» Александр Иосифович Лосминский в интервью говорил о появлении радиостанции на площадке телевещательного канала. *«В недалеком будущем под этим брендом (имеется в виду ТВРК «Гродно плюс») появится новое гродненское городское радио, которое будет вещать 24 часа в сутки на белорусском и русском языках. Для этого уже сделаны важные шаги и найдены средства»* [2].

В официальном пресс-релизе сказано, что *«новая радиостанция нацелена на своевременное информирование обо всех значимых новостях и событиях города Гродно, удовлетворение музыкальных вкусов слушателей, пропаганду общечеловеческих ценностей, поддержание жизненного тонуса горожан»*.

Уже через год после своего появления радиостанции пришлось провести ребрендинг. *«В 2013 году, по независящим от нас причинам, пришлось*

поменять название радио. Вместо радио “Гродно плюс” теперь звучит “МФМ 105.0”» [2].

Радио «МФМ 105.0» – актуальные новости службы информации, интересные авторские проекты и развлекательные шоу-программы, неслучайные, неординарные личности в эфире, которые передают свои знания и жизненный опыт, свое настроение радиослушателям, а также выслушивают мнение.

С марта 2016 года директором КУП «Телерадиовещательный канал “Гродно Плюс”» стал Мазайло Сергей Геннадьевич.

На сегодняшний день эфир «МФМ 105.0» слушают жители города Гродно, Гродненского района, города Волковыск, а также всего мира в сети Internet на сайте www.105fm.by

Форма собственности: государственная радиостанция.

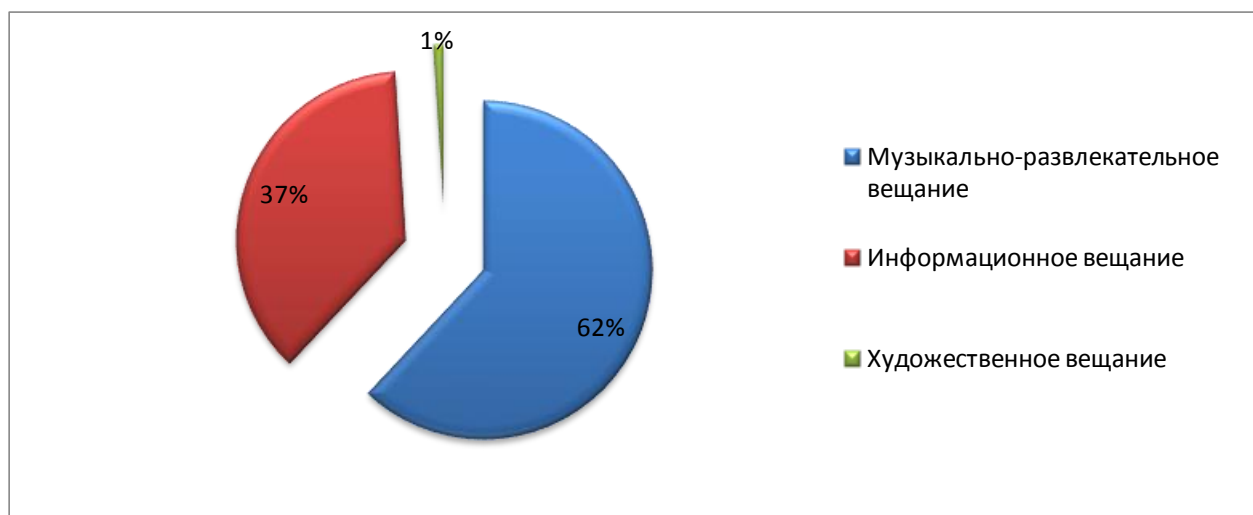
Музыкальный формат – Soft AC (Soft Adult Contemporary) – мягкая музыка для взрослых с преобладанием спокойных, лирических песен и малым количеством текущих хитов. Помогает удовлетворить вкусы всех, кто воспитан на наследии «правильной» музыки, а также допускает знакомство с лучшими музыкальными творениями современного мира. Это отборные и любимые иностранные и отечественные песни, которые помогают без «попсового» надрыва и с удовольствием проводить время в компании Радио «МФМ 105.0».

Музыкальная основа станций, работающих в данном формате – самые модные и старые хиты, отсутствие любой "тяжелой" музыки. В их эфир иногда включаются и элементы "софт-рока", которые хорошо сочетаются с лирическими балладами и мелодичной музыкой [1].

По типу вещания городская радиостанция является музыкально-информационной, при соотношении музыкальных и информационно-познавательных программ – 60 % к 40 %.

Рис. 3. – Соотношение типов вещания в эфире «МФМ 105.0» (за неделю)

Источник: собственная разработка автора

Основная целевая аудитория: взрослые люди в возрасте 30–45 лет, заинтересованные в жизни социально активные личности, способные делать самостоятельный выбор. Эта возрастная группа наиболее привлекательна для рекламодателей, так как нацелена на зарабатывание и трату денег.

Итак, радиостанция существует уже 4 года. Её основной плюс: нацеленность на информирование обо всех значимых новостях и событиях города Гродно. Отличительная характеристика «МФМ 105.0» – прямой эфир, интерактивное общение со слушателями посредством смс-сервиса, прямых телефонных звонков в студию. У «МФМ 105.0» есть свой сайт, онлайн вещание, некоторые программы имеют телевизионную версию, которая транслируется на телеканале «Гродно Плюс»: музыкальная программа Владимира Хомича «*Тяжёлый понедельник*» и шоу Егора Чупракова «*По-мужски*». Таким образом, радиостанция «МФМ 105.0» представляет продукт, который объединяет на своей платформе такие типы электронных СМИ, как радиостанцию, телеэфир и Интернет-сайт.

Программная сетка вещания «МФМ 105.0»

Гродненская городская радиостанция «МФМ 105.0» при построении эфира придерживается нестандартного подхода. Каждый будний день в эфире звучит два пятнадцатичасовых блока (шоу «*Ах, Астахова!*», «*По-мужски*», *линейные эфиры С. Мишиной или У. Шубко*), вечерний и ночной эфиры.

Проанализировав сетку вещания и послушав эфир «МФМ 105.0», мы выделили 13 музыкальных проектов: 4 музыкальных радишоу, 4 музыкальные программы и 5 музыкальных рубрик.

Музыкальное вещание «МФМ 105.0» представлено следующими типами программ (всего 13 программ):

1. Музыкальные программы (6 программ). Для них характерен режим нон-стоп (без перерывов), отсутствие ведущего, определенная тематика, связывающая композиции во едино (танцевальная музыка): «*Нечто особенное*», «*Ночь на МФМ*», рубрики: «*Без перевода*», «*Легенды ФМ*», «*По горячим хитам*» и «*Музыка, проверенная временем*».

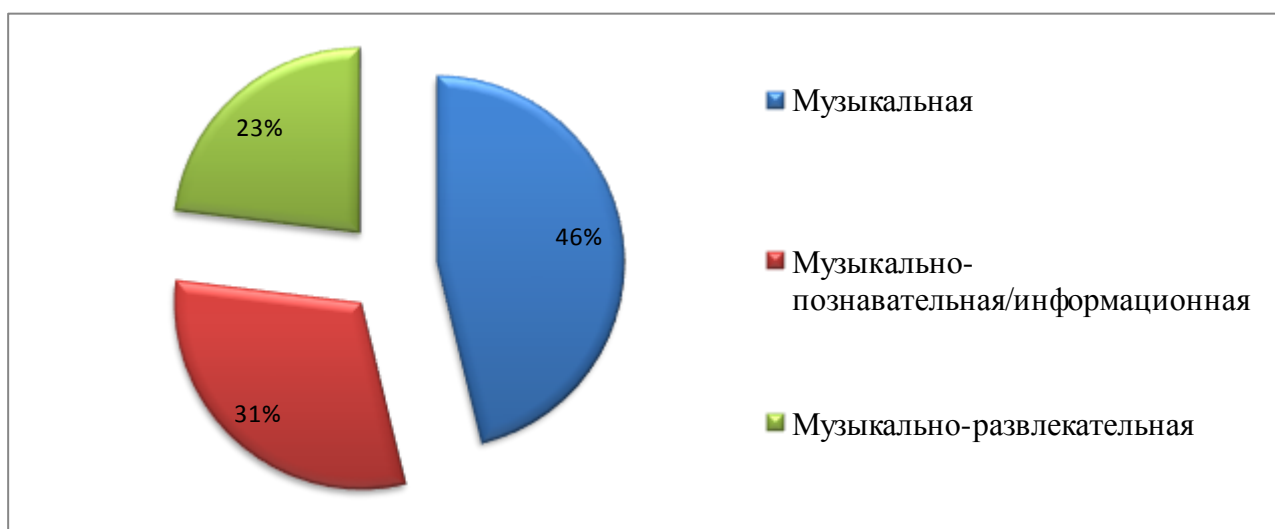
2. Музыкально-познавательные/информационные программы (4 программы). Во время программы ведущий комментирует звучащие музыкальные композиции, альбомы, рассказывает об истории группы или музыканта, дает свою субъективную оценку. Композиции, звучащие в эфире, могут быть как недавно вышедшими, так и уже проверенные временем. Например, рубрики «*Барабан для взрослых*», «*Тяжёлый понедельник*», «*Смачная музыка*», шоу «*По-мужски*» Егора Чупракова.

3. Музыкально-развлекательные программы (3 программы): утреннее шоу «*Ах, Астахова!*», линейный эфир *С. Мишиной* и линейный эфир *У. Шубко*.

Из данной классификации следует, что «МФМ 105.0» в первую очередь ориентируется на потребности своей аудитории и первое место отводит музыкальным программам, т.к. многие (39,1% исходя из социологического исследования, проведенного в Республике Беларусь в 2015 году) поклонники радио предпочитают просто слушать музыку, не нагружая мозг лишней информацией (46% программ) [4, с. 154]. Второе место занимают музыкально-познавательные программы, которые направлены на просвещение слушателей. На третьем месте разместились музыкально-развлекательные программы, главная функция которых, рекреативная (функция развлечения).

Рис. 4. – Типы музыкальных программ «МФМ 105.0»

Источник: собственная разработка автора

Проанализировав сетки вещания «Радио Гродно» и «МФМ 105.0», мы выявили определенные различия.

«Радио Гродно» при построении эфира придерживается блоков. Каждый будний день в эфире звучит четыре блока, которые делятся по временным промежуткам: «Утро на Радио Гродно» (с 07:00 до 11:00), «День на Радио Гродно» (с 11:00 до 15:00), «Вечер на Радио Гродно» (с 17:00 до 20:00, с 20:00 до 00:00 авторские музыкальные программы), «Ночь на Радио Гродно». Такая «расчасовка» является более динамичной.

Радио «МФМ 105.0» при построении эфира придерживается не совсем стандартного подхода. Каждый будний день в эфире звучит только два пятнадцатичасовых блока, вечерний и ночной эфиры.

Обе радиостанции по типу вещания являются музыкально-информационными. Формат «Радио Гродно» и «МФМ 105.0» является одинаковым, отличие лишь в подформатах. Так, для «Радио Гродно» характерно сочетание спокойных, лирических песен с более ритмичной музыкой и чуть большим количеством текущих хитов (Hot & Soft AC). Радио

«МФМ 105.0» придерживается именно Soft AC, т.е. в эфире преобладает музыка, проверенная временем. Следует также подчеркнуть, что в эфирной практике «чистого формата» не существует, т.е. каждая направленность может иметь те или иные отклонения, продиктованные разными условиями.

Ещё одна особенность проявляется в ночной музыкальной подборке. Основную массу «МФМ 105.0» составляют композиции отечественных исполнителей: 26 песен (72% от общего числа). Музыкальный материал российских артистов в двухчасовом эфире представлен шестью треками (17%), а зарубежных исполнителей – четырьмя композициями (11%). Данная особенность не присуща ночному эфиру «Радио Гродно».

Следующие различия заключаются в количестве музыкальных проектов: 20 музыкальных проектов (10 музыкальных программ, 6 музыкальных радишоу, 4 музыкальные рубрики) на «Радио Гродно» и 13 музыкальных проектов (4 музыкальных радишоу, 4 музыкальные программы, 5 музыкальных рубрик) в эфире «МФМ 105.0».

Литература:

1. Бысько, М. В. Эфирные тайны : десять лет спустя / М. В. Бысько // ЭНЖ «Медиамузыка» [Электронный ресурс]. – 2013. – №2. – Режим доступа : http://mediamusic-journal.com/Issues/2_4.html. – Дата доступа : 05.04.2017.
2. Официальный сайт радиостанции «МФМ 105.0». [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://105fm.by>. – Дата доступа : 05.05.2017.
3. Официальный сайт радиостанции «Радио Гродно». [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://radiogrodno.by>. – Дата доступа : 05.05.2017.
4. Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. м-лов социолог. исслед. за 2015 год / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь / редкол.: А. П. Дербин [и др.]. – Минск : Юнипак. – 2016. – 212 с.

ЧАРЫЕВ В.

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ НЕСТАНДАРТНЫХ УРОКОВ В СРЕДНЕМ ЗВЕНЕ

Стремительное развитие информационных технологий, наблюдающееся в последние десятилетия, открывает огромные возможности для получения самой разнообразной информации в самых отдаленных уголках нашей планеты. Однако это явление породило негативную тенденцию: люди, особенно молодежь, перестают читать, предпочитая проводить свободное время в интернете. Это вызывает тревогу учителей, методистов, они ищут новые пути

повышения интереса школьников к изучению литературы. Одной из таких форм являются нестандартные формы уроков как альтернатива традиционным, предполагающим ведущую роль учителя. Применение нетрадиционных форм обучения позволяет значительно расширить поле деятельности учителя, отойти от строгих рамок урока с его неизменной структурой: опрос, объяснение, закрепление, домашнее задание. Нетрадиционные формы работы позволяют разнообразить учебную деятельность, они способствуют повышению интеллектуальной активности учащихся, а следовательно, и эффективности урока. Одним из самых эффективных видов таких уроков, с нашей точки зрения, является урок-игра. Ценность методики заключается в том, что эти уроки делают занятия более запоминающимися, эмоциональными; способствуют глубокому и последовательному усвоению материала; благоприятно воздействуют на развитие творческих способностей; развивают логическое мышление; творческие способности учащихся; пробуждают интерес к предмету, любознательность. Во время педагогической практики один из уроков в школе по изучению рассказа А.П. Чехова «Хамелеон» я провел в форме урока-игры. Урок прошел успешно, достиг цели.

СЦЕНАРИЙ ИГРЫ «УМНИКИ И УМНИЦЫ».

Перед игрой класс делится на три команды, из каждой команды выходит тот, кто будет отвечать на вопросы разной степени сложности. Сначала игроки выступают устно. Учащимся предлагается пофантазировать и придумать те ситуации, которых не было в рассказе. Кто лучше всех вступает, тот может выбрать себе любую дорожку из трех. Есть три дорожки: зелёная, желтая и красная, по которым можно передвигаться. На зеленой дорожке четыре шага и можно ошибиться два раза, на желтой три шага и можно ошибиться один раз. На красной дорожке два шага и у игрока нет возможности на ошибку. Ученики играют три тура, из каждого определяется один победитель, поэтому в финале будут соревноваться три победителя. Кто не может ответить, тот исключается из игры. Жюри во время игры оценивает команду.

Цель игры: проверить, кто лучше и внимательнее в классе прочел рассказ А.П. Чехова «Хамелеон».

Ход урока:

1. Организационный момент (выбор участников игры, членов жюри)
2. Игра «Умники и умницы»

ПЕРВАЯ ТРОЙКА

1. Устное выступление. Т е м а: *Если бы вы были писателем нашего времени, о чем писали бы?* (Подготовка 2 мин.).

2. Выбор игроками дорожек.
3. Игра первой тройки.

Зеленая дорожка

1. Почему рассказ назван «Хамелеон»?

2. Назовите всех, кто действует на страницах рассказа?
3. Какие детали в описании Очумелова и городского бросаются в глаза?
4. Сколько раз и в связи с чем Очумелов меняет «окраску»?

Желтая дорожка

1. М. Горький писал А.П. Чехову: «Огромное вы делаете дело вашими маленькими рассказиками – возбуждая в людях отвращение к этой сонной, полумертвой жизни». Можно ли эти слова отнести к рассказу «Хамелеон» и почему?

2. Как изображена толпа? Кому она сочувствует? Над кем смеется?
3. Что показалось вам смешным в рассказе?

Красная дорожка

1. Что составляет комедийную основу рассказа?
2. Почему толпа смеется над Хрюкиным?

ВТОРАЯ ТРОЙКА

1. Устное выступление. Т е м а: *Какое впечатление произвел на вас рассказ А.П. Чехова «ХАМЕЛЕОН»?* (Подготовка 2 мин.).

2. Выбор игроками дорожек.
3. Игра второй тройки.

Зеленая дорожка

1. Какие художественные средства использует автор для создания комического текста?

2. Как построен рассказ?
3. В чем заключается особенность творчества А.П. Чехова?
4. Какие художественные детали в рассказе обращают на себя внимание, помогают создать комический эффект?

Желтая дорожка

1. Почему на площади никого нет, даже нищих?

2. Какая деталь в рассказе подчеркивает превращения Очумелова?

3. Что такое композиция? Назовите элементы композиции. Чем интересен рассказ Чехова «Хамелеон» с точки зрения композиции?

Красная дорожка

1. Из персонажей рассказа только ли Очумелов принадлежит к разряду хамелеонов?

2. Каков характер смешного в «Хамелеоне»? Что мы здесь видим: безобидную насмешку или безжалостную сатиру?

ТРЕТЬЯ ТРОЙКА

1. Устное выступление. Т е м а: *Вы – классный руководитель и собираетесь идти с детьми на выставку «Наш Чехов». Что вы должны сказать детям, прежде чем идти на выставку?* (Подготовка – 2 мин.)

2. Выбор дорожек.
3. Игра третьей тройки.

Зеленая дорожка

1. Сопоставьте название рассказа с характерами Очумелова и Хрюкина. Как характеры связаны с идеей рассказа?
2. Что показалось вам смешным в рассказе?
3. Кто-то в рассказе предположил, что это генеральская собака. Как это отражается на поведении Очумелова?

Желтая дорожка

1. Почему Очумелову вдруг стало жарко, что он попросил Елдырина снять с него шинель?
2. Когда снова надевает шинель?
3. Как ведет себя Хрюкин после того, как Очумелов изменил свое решение?

Красная дорожка

1. Как вы понимаете слово конфискованный?
2. Узелок и конфискованный крыжовник, что означают эти детали?

ФИНАЛ

1. Устное выступление. Т е м а: *Вы, читатель 21 века, находитесь на встрече с талантливыми писателями, что бы вы могли пожелать им, о чем попросили бы?* (Подготовка 2 мин.).

2. Выбор дорожек .
3. Игра финалистов.

Зеленая дорожка

1. Большинство произведений Чехова сатирические. Что же такое сатира?
2. Слова "хамелеон" нет в рассказе. Почему же возник такой заголовок, оправдан ли он? Кто такой хамелеон?
3. Какое значение этого слова раскрывается в рассказе?
4. Как Очумелов обращается к Хрюкину?

Желтая дорожка

1. Сколько раз и почему меняет своё решение Очумелов и как это проявлялось внешне?
2. Как меняется тон его высказываний?
3. Есть ли в рассказе герои, которых автор упоминает, но они не появляются перед читателями? Их роль в повествовании.

Красная дорожка

1. Какова же идея рассказа?
2. Что такое художественная деталь? Найдите в тексте «Хамелеона» художественные детали. Охарактеризуйте их.

По итогам педагогической практики я пришел к выводу, что для того, чтобы уроки по литературе были нестандартными и заставляли учащихся с интересом читать художественные произведения, нужно использовать самые

разные формы урока. И с моей точки зрения, одной из самых эффективных форм является урок-игра.

ЧУВЕРИНА К.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА»

Люди с давних пор считали, что на земле существуют духовные существа, которые могут вредить или помогать человеку. Эти представления ярко отразились в фольклоре, а затем перешли и в литературу. Одним из писателей, использовавших в своих произведениях фольклорные и мифологические мотивы, был Николай Васильевич Гоголь.

В повести «Пропавшая грамота» Гоголь изображает мир реальный и мир фантастический, которые тесно связаны между собой. Дед рассказчика в поиске таинственно пропавшей грамоты попадает в пекло к ведьмам и чертям, играет с ними в дурака. Дед проигрывал ведьмам, но лишь в последней игре из трех, замечая, что ведьмы хитрят, перекрестил карты и выиграл: «Дед карты потихоньку под стол – и перекрестил; глядь – у него на руках туз, король, валет козырей... Гром пошел по пеклу; на ведьму напали корчи, и откуда ни возьмись шапка – бух деду прямехонько в лицо» [1, с. 71]. Считалось, что черти боятся крестного знамения и святой воды. Так, в тексте дед, увидев, что ведьмы и черти боятся креста, стал требовать от них большего: «Нет, этого мало! – закричал дед, прихрабрившись и надев шапку. – Если сейчас не станет передо мною молодецкий конь мой, то вот, убей меня гром на этом самом нечистом месте, когда я не перекрещу святым крестом всех вас! – и уже было руку поднял, как вдруг загрели перед ним конские кости... Дайте ж мне какого-нибудь коня, выбратся из гнезда вашего!..» [1, с. 71].

Впервые Фома Григорьевич встречается со своим новым знакомым на ярмарке. Как и в повести «Сорочинская ярмарка», ярмарка является местом, где происходят необычные события, после которых герои меняются. Так, деду «вспало на ум, что у него нет ни огнива, ни табаку наготове» [1, с. 68], поэтому и пошел на ярмарку, где увидел запорожца. Примечательно, что запорожец был в «красных, как жар, шароварах» [1, с. 68], что может служить своеобразным знаком, указывающим на принадлежность к «нечистому» миру.

Все необычные события в повести происходят ночью, так как, по народным представлениям, нечистая сила наиболее активно проявляет себя вечером после захода солнца: ночью запорожец сказал, что его душа продана нечистому, ночью казаки добрались до ночлега, ночью у деда были видения,

ночью украли запорожца, коня и шапку с грамотой, ночью дед играл в дурака с ведьмами, ночью летел верхом на черте.

В повести «Пропавшая грамота» ведьмы играют с дедом в дурака в лесу, который является местом обитания «нечистой силы», обладающей способностью перевоплощаться в животных. Перед тем, как попасть к ведьмам, дед прошел через терновник и орешник: «станет тебя терновник царапать, густой орешник заслонять дорогу – ты все иди...». Орешник символизирует своеобразный оберег от нечистой силы, поэтому, когда дед пришел в лес, орешник и «не пускал» в глубь леса, так как далее можно было увидеть место обитания «нечистой» силы. Терновник представляет собой колючий кустарник, который также не пускал деда дальше – к «нечистой» силе.

В народной мифологии существовало мнение, что ведьмы просят о помощи чертей. Так, в повести ведьмы и черти находятся в одном пекле: «Батюшки мои... что за чудища! Рожи на роже, как говорится, не видно. Ведьм такая гибель, как случается иногда на рождество выпадет снегу: разряжены, размазаны, словно панночки на ярмарке... высоко скакало бесовское племя... черти с собачьими мордами, на немецких ножках, вертя хвостами, увивались около ведьм, будто парни возле красных девушек...» [1, с. 69].

Гоголь изображает чертей и ведьм в комическом свете: они играют в азартные игры, «лезут целоваться», отплясывают «какого-то чертовского тропака» [1, с. 69].

Черти, как и ведьмы, в соответствии с мифологией, могут превращаться в различных животных, приобретать облик человека, даже иметь крылья. Так, деда рассказчика в повести вез на себе черт: «черт хлопнул арапником – конь, как огонь, взвился под ним, и дед, что птица, вынесся наверх», «страх, однако же, напал на него посреди дороги, когда конь, не слушаясь ни крику, ни поводов, скакал через провалы и болота... Глянул как-то себе под ноги – и пуще перепугался: пропасть! Крутизна страшная! А сатанинскому животному нужды нет: прямо через нее...» [1, с. 71]. Ведьм в повести Гоголь изображает со «свиными, собачьими, козлиными... лошадиными рылами» [1, с. 69]. Подобный зооморфизм характерен и для других произведений.

Неоднократно в «Пропавшей грамоте» упоминается конь, которого можно как отнести к представителям «нечистого» мира, так и рассматривать в качестве помощника человека. Впервые конь появляется, когда дед получает задание отвезти грамоту к царице. Затем кони исчезают в тот момент, когда «нечистая сила» украдет шапку деда. Отметим, что домой дед возвращается также на коне, но уже на том, которого он получил у ведьм.

В мифологии число «3» имеет особый смысл, часто встречаясь в рамках различных мотивов (три попытки отгадать загадку, три брата, три испытания героя и т.д.). В повести это число также используется: дед три раза играл с

ведьмами в дурака, черти выполнили три желания деда. Здесь проявляется тесная связь с фольклорной традицией.

Жене Фомы Григорьевича снятся сны. В народной мифологии люди верили вещим снам и пытались их растолковать, почувствовать приближающуюся беду или несчастья, или, наоборот, увидеть добрые предзнаменования, предостережения.

В тексте говорится, что Фома Григорьевич по приезду домой хотел освятить свой дом, однако не стал этого делать. В наказание с его женой каждый год в одно и то же время «делалось такое диво, что танцуется, бывало, да и только. За что ни примется, ноги затевают свое, вот так и дергает пуститься вприсядку» [1, с. 72]. Проявляется идея взаимосвязанности всех действий и решений человека с последствиями в рамках духовного мира.

Писатель относит повесть «Пропавшая грамота» к такому жанру, как быль. Рассказчик говорит о том, что данную повесть следует относить к сказке. Последняя является традиционным жанром фольклора, однако Гоголь подчеркивает важность и практическую значимость того ценностного наполнения, что присутствует в произведении.

Таким образом, «Пропавшая грамота» комически изображает таких представителей нечистой силы, как черт и ведьмы, однако иллюстрирует и народные представления о зооморфических чертах мифологических существ темного мира, отражает традиционное понимание некоторых числовых (цифра «три») и христианских, переосмысленных через фольклорные (крестное знамение, которое действует подобно магическому амулету) мотивов.

Литература:

1. Гоголь, Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород : [Для сред. и ст. школ. возраста / авт. послеслов. Л. Савик]. – Минск : Нар. асвета, 1980. – 351 с.

ЧУМЕРИНА Э.

СЛОВО И ОБРАЗ «КНИГИ КНИГ» В НОВЫХ РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Неотъемлемой частью общечеловеческой культуры являются тексты Священного Писания – самые знаменитые книги человечества, представленные в Библии, которую называют Книгой Книг. Тексты Библии тиражируются в миллионах экземпляров, переводятся на многие языки. На восточнославянские земли Священное Писание пришло в славянском переводе, который оставался в употреблении в Русском государстве до появления в 1876 году русского перевода, изданного под руководством церковного Синода. Со временем язык Синодального перевода Библии (далее СП) стал сложен для восприятия

читателей XXI века, и назрела необходимость создания новых русских переводов Библии. Их появление оказалось возможным вследствие кардинальных изменений в общественном строе России и других государств бывшего Советского Союза, а также снятия атеистических запретов. Важным фактором явился и процесс секуляризации религии (от лат. *saecularis* 'мирской', 'светский'), что значит видоизменение социального способа выражения религии, следствием которого может быть даже усиление ее влияния в обновленных образцах [2, с. 228].

Особенно ощутима секуляризация в протестантской церкви, для нужд которой и были созданы новые переводы Библии. В их числе «Радостная весть» 2011 г. (далее РВ) [3] и Новый русский перевод 2015 года (далее НРП) [4], из которых мы выбрали в качестве материала изучения новозаветные тексты Евангелия от Матфея.

Чтение Библии – необходимая составляющая повседневного христианского бытия протестантов, поэтому её текст должен быть доступным и понятным. Между тем в современном переводе главным требованием к переводу является адекватность не только содержания, но и формы. Тем более, что библейский дискурс, в котором функционирует текст Евангелия от Матфея (материал нашего исследования), – это специфический тип институционального дискурса, предполагающий особое отношение к библейскому тексту и требующий создания современных переводов Библии, адекватных как по содержанию, так и по выразительности, поскольку Священное Писание призвано осуществлять информативную и эмотивную функции. Поэтому в русской культуре традиционно считается, что и смысл Священного Писания, и форма его выражения должны оставаться неприкосновенными.

Однако каждый из сравниваемых переводов отражает общее состояние русского языка и его стилистических ресурсов на конкретном этапе его эволюции, и между ними выступают значимые различия. Сопоставительный анализ параллельных текстов Евангелия от Матфея в русском Синодальном переводе и в новых переводах XXI века позволяет сделать вывод о том, что около 400 слов и выражений, отмеченных в языке Синодального перевода, в наше время функционируют на периферии языковой системы, стали принадлежностью пассивного запаса и подлежат дезархаизации. Это обозначения библейских понятий (*саддукеи, фарисеи, смирна, куца, опресночный день, хлебы предложения, плевел* и др.), реалии-историзмы (*плащаница, воскресия, ассарий, акриды* и др.), славянизмы (*чрево, прелюбодеяние, поругание, низвергнуть, предел, воссиять* и мн. др.), слова с пометой «устар.» (*житница, хула, очи, наречь, прозреть, заушать, заседание*). Устаревшие языковые единицы в Синодальном переводе образуют два архаичных языковых пласта. Первый из них представлен историзмами, передающими реалии мира, изображенного в Библии, и во время

создания Синодального перевода уже принадлежащими к пассивному словарю (*мытарь, кодрант, йота, сотник, статир, багряница, претория* и др.). Второй, преобладающий пласт образует устаревшая лексика, представляющая стилистические ресурсы русского языка и речевые обычаи XIX века – времени создания Синодального перевода. Это архаизмы лексические (*секира, стези, глаголющий, алчущий, узрят, темница* и др.), семантические (*гробы* ‘гробницы’, *седалище* ‘место для сидения’, *прах* ‘пыль’, *противный* ‘встречный’, *обратиться* ‘уверовать’ и др.), лексико-словообразовательные (*вскричали, преткнуться, избить, погубить, убоился*), грамматические (*от Духа Святаго, человек (Р.п.), дерев (Р.п.), одежды (мн. ч.)*), фонетические (*лице, диавол, пред, врата, дочь*) и др.

Устаревшая лексика в русском Синодальном переводе выступает в кругу всех частей речи (*кущи* ‘шалаш’, *подъяремная* (ослица) ‘вьючная’, *заушать* ‘бить по щеке’, *расслабленный* ‘парализованный’, *одесную* ‘справа’, *наипаче* ‘прежде всего’, *ибо* ‘потому что’ и др.; образует обширные лексико-семантические группы, которые эксплицируют важнейшие характеристики библейской картины мира, так как включают названия духовных существ (*Ангел Господень, Христос; лукавый, сатана* и др.); человека (*волхвы, пророк, мытари, сотник* и др.), реалий земного мира, представленного словами, отражающими социокультурные характеристики времени (*синедрион, воскрилия, предвозлежание* и др.) и пространства (*пределы, поприще, претория* и др.). Библейская картина мира воплощена преимущественно в устаревших именах существительных. Речевой облик эпохи написания Библии в СП тоже передан с помощью языковых ресурсов XIX века, и устаревшие лексемы, особенно славянизмы, предстают здесь как стилистически сакральные черты. Репрезентантом общественных и речевых обычаев в библейском дискурсе выступает преимущественно устаревшая глагольная лексика.

К книжным ресурсам пассивного запаса принадлежит и фразеология Синодального перевода. Архаизация фразеологизмов, как правило, связана с наличием в их структуре устаревших лексем: *ни одна йота... не пройдет из закона* ‘ни насколько, ничуть’; *порождения ехиднины!* – ‘злой, безбожный человек’; *око за око и зуб за зуб; глас вопиющего в пустыне* и др. Как видим, архаизация текста русского Синодального перевода имеет регулярное, системное и явное проявление, поэтому в новых переводах необходимы замены устаревших слов и выражений.

Осуществляя дезархаизацию лексики и фразеологии евангельского текста, создатели переводов XXI века использовали многообразные способы и приёмы, которые известны в современной переводческой практике [1, с. 99–105]. Мы установили, что в случае передачи средствами современного русского языка историзмов-реалий, которые принадлежат к безэквивалентной лексике, используются такие приёмы их передачи:

- гиперонимический перевод (генерализация значения): **кондрант** – грош (РВ, НРП); **ассарий** – грош (РВ) – мелкая медная монета (НРП);
- дескриптивный (описательный) перевод: **багряница** (СП) – красный плащ (РВ) – алая мантия (НРП); **плащаница** (СП) – льняное полотно (РВ, НРП); **мытарь** (СП) – сборщик податей (РВ) – сборщик налогов (НРП);
- прием уподобления (подбор аналогов): **Синедрион** (СП) – Высший Совет (РВ); **поприще** (СП) – верста (РВ) – миля (НРП);
- приём калькирования: **четверовластник** (СП) – тетрарх (РВ); **сотник** (СП) – центурион (РВ) и др.

При передаче архаико-стилистических черт Евангелия от Матфея в текстах XXI века преобладает прием стилистической трансформации: высокие и торжественные славянизмы заменяются нейтральными лексемами: **благоволение** – отрада (РВ), радость (НРП); **втайне** – незримо (РВ), невидимо (НРП); **житница** (СП) – закрома (РВ) – хранилище (НРП); **извержены** (СП) – изгнаны (РВ), выброшены (НРП); **кущи** (СП) – шалаш (РВ, НРП); **любодеяние** (СП) – измена (РВ, НРП); **милостыня** (СП) – помощь (РВ, НРП); **наипаче** (СП) – прежде всего РВ, НРП); **немоць** (СП) – недуг (РВ, НРП); **нерадеть** (СП) – пренебрегать (РВ, НРП); **плевелы** (СП) – сорные травы (РВ) – сорняки (НРП); **поносить** (СП) – оскорблять (РВ, НРП); **пределы** (СП) – окрестности (РВ, НРП); **вертеп** (разбойников) (СП) – притон (РВ) – логово (НРП) и др.

Вместе с тем широко используется дескриптивный способ (**распутия** (СП) – **перекрестки дорог** (РВ, НРП); **благовествуют** (СП) – возвещают Радостную весть (РВ, НРП); **взалкали** (СП) – проголодались (РВ) – были голодны (НРП); **возлягут** – усядутся за пиршественный стол (РВ); (будут) **злословить** (СП) – клеветают на вас, обливая вас грязью (РВ) – говорят о вас всякую ложь (НРП); **искуситель** (СП) – дьявол, испытывавший Его (РВ); **пакибытие** (СП) – Новый век (РВ) – когда весь мир обновится (НРП). Отмечен, особенно для глаголов, приём калькирования, при котором в структуре архаичного слова заменяется устаревшая морфема и возникают словообразовательные параллели, допускающие условное их обозначение термином «полукальки»: **пастырь** (СП) – пастух (РВ, НРП); **убоялся** – побоялся (РВ, НРП); **воззвать** (СП) – призвать (РВ, НРП) и др.

Оценивая степень адекватности новых переводов на лексико-фразеологическом уровне по отношению к Синодальному переводу, отметим, что в текстах Библии XXI века последовательно сохраняется содержательная сторона, основные значения устаревших лексем и фразеологизмов Синодального перевода. Однако компоненты культурно-исторического смысла историзмов-реалий библейского мира в текстах новых переводов Библии выпадают. Вследствие отсутствия в русском языке современной высокой

лексики в новых переводах происходит и стилистическая нейтрализация устаревших славянизмов.

Фразеологические образы Библии из-за модернизации их компонентов тоже могут разрушаться или утрачивать полноту образа, стоящего за словом, потому что две тысячи лет назад иным был мир, иными – связи между людьми и предметами. Приведем лишь один пример: *Не можете служить Богу и маммоне* (СП) – *Вы не можете служить и Богу, и деньгам* (РВ) – *Вы не можете одновременно служить и Богу, и богатству* (НПП). Но маммона – это не просто деньги или богатство. В Новом Завете (Мф. 6:24) это слово выступает олицетворением демона, от служения которому предостерегаются верующие. Бог алчности Мамун был известен в древнем мире, у сирийских народов. В Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова это слово представлено в историческом и религиозном значении ‘бог богатства, денег’ (у некоторых древних народов); в книжном устарелом переносном ‘алчность, корыстолюбие’; разговорном устарелом переносном ‘утроба, желудок; грубые чувственные наслаждения’ [5]. Анализ дезархаизации таких единиц, как фразеологизмы, в которых есть устаревшая лексика, последовательно свидетельствует, что переводчики современных библейских текстов старались уделить больше внимания передаче внутренней формы устойчивых единиц, чем воспроизведению их внешней формы

Как видим, в новых русских переводах утрачены и историко-культурные коннотации, и коннотации книжности, образности и экспрессии. Оба современных русских перевода ставили главной целью своего труда сделать библейский текст более понятным для широкого читателя. Это протестантский приоритет в восприятии Священного Писания. Библия – настольная книга каждого новообращенного верующего, и она должна не вызывать благоговейный трепет, а быть близкой и понятной по содержанию. Именно поэтому переводчики стремятся истолковать каждое неясное слово, каждый стершийся за тысячелетия образ, выражая его средствами современного языка предельно просто и доступно.

Литература:

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М. : Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
2. Гараджа, В. И. Социология религии / В. И. Гараджа. Учеб. пос. для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА–М, 2005. – 348 с.
3. Новый русский перевод 2015 г. // Библия в современном русском переводе. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.biblia.ru/books/modern_bible/main.html

4. Радостная Весть // Библия в современном русском переводе. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.biblia.ru/books/modern_bible/main.html.
5. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов. 1935–1940. (4 т.) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/117_tolkovyj_slovar_russkogo_jazyka_pod_red._d.n._ushakova.

ШЕРЕЛЬ А.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В РАССКАЗЕ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ «СЧАСТЛИВЫЕ»

Важным для развития науки о языке признается функциональный аспект изучения языковых единиц. Глагол играет важную роль в художественном тексте, занимает центральное место в лексической системе русского языка и второе место после имени существительного по частоте своего употребления, поэтому исследование глагольного слова и его роли в художественном нарративе является одной из актуальных тем в современной лингвистике. При этом лингвисты отмечают огромный потенциал глагола в выражении действий и его высокую эстетическую ценность. Основным аспектом рассмотрения глаголов является их функциональная сторона, которая помогает раскрыть семантические закономерности и способы употребления глаголов в тексте и речи.

Изучением и анализом глаголов в свое время занимались разные ученые: А.А. Потебня, В.А. Богородицкий, А.А. Шахматов, А.Х. Востоков, И.Г. Милославский, В.М. Павлов, Н.С. Авилова, И.С. Маслов, Л.М. Васильев, Е. Курилович и др.

«Глагол обладает большим набором категорий, форм и значений и является основным средством придания тексту динамичности, средством повествования, единицей представления действия или события» [1, с. 16]. Глагольное слово помогает понять произведение и проанализировать авторский стиль письма.

Цель статьи – рассмотреть глаголы с точки зрения их семантики и определить функции глагольных лексем на материале произведения Людмилы Улицкой «Счастливые».

Объектом данного исследования являются глаголы: в рассказе Людмилы Улицкой «Счастливые» было выявлено 139 лексем и 156 их словоупотреблений. Людмила Улицкая повествует о жизни двух людей, прошедших через общее горе, но сумевших сохранить теплые воспоминания в своем сердце. Предмет исследования – функции глагольной лексики в художественном тексте.

В результате анализа было выявлено 7 лексико-семантических групп [2] с разной частотой употребления: глаголы деятельности (59 лексем и 64 словоупотреблений), глаголы движения (22 лексем и 24 словоупотребления), глаголы бытия (23 лексем и 29 словоупотреблений), глаголы мышления (12 лексем и 13 словоупотреблений), глаголы речи (9 лексем и 13 словоупотреблений), глаголы чувств и ощущений (7 лексем и 9 словоупотреблений), глаголы зрительного восприятия (5 лексем и 5 словоупотреблений).

Стоит отметить, что глаголов со значением деятельности наблюдается 44 % от всего числа употребленных глаголов. Это говорит об особом внимании автора к поступкам, совершаемым героями. 15,8 % составляют глаголы движения, характеризующие события и персонажей с точки зрения их перемещения, что помогает лучше представить читателю место и скорость передвижения. Людмила Улицкая раскрывает чувства, переживания и ощущения действующих лиц, чтобы читатель мог представить и понять ту или иную натуру, восприятие определенной ситуации персонажем, описываемой в рассказе (5%). Использование глаголов со значением оценки, эмоционального отношения и процесса говорения, выражаемого посредством речи, составляет всего 6,47%. Лексем, обозначающих восприятие органами зрения, насчитывается 3,6 %. Глаголов со значением мыслительного действия – 8,6%. Лексико-семантическая группа бытия представлена в рассказе в достаточно большом количестве (16,55 %). Ставится акцент на действие, что обусловлено спецификой жанра рассказа.

124 лексем употребляются единично, что говорит о богатстве слова Людмилы Улицкой, выражается индивидуальный стиль писателя. Лексико-семантическое разнообразие обусловлено желанием автора более точно передать деятельность персонажей. Автора в большей мере волнуют происходящие события в произведении, сюжетная линия разворачивается в основном благодаря глаголам со значением деятельности и движения. Основной замысел рассказа помогают раскрыть так же и глаголы мышления, которые обращают наше внимание на внутреннюю сторону событий, то есть то, как то или иное событие интерпретируется в сознании действующего лица.

Глагол в этом произведении помогает передать эмоциональное состояние героя, создать психологический портрет при помощи описания действий, как внешних, так и внутренних. Он особым образом воздействует на читателя, помогает увидеть мир, явления, события через призму восприятия героя. Благодаря авторским комментариям выражается отношение писателя к тому или иному моменту повествования, что в то же время направлено на эмоции читателя. Многообразие значений этой части речи делает ее универсальной.

Литература:

1. Маклаков, А. Г. Общая психология / А. Г. Маклаков. – СПб. : Питер, 2001. – 475 с.
2. Филин, Ф. П. О лексико-семантических группах слов [Электронный ресурс] / Ф. П. Филин. – 2015. – Режим доступа : <http://scicenter.online/frazeologiya-leksikografiya-leksikologiya/filin-leksiko-semanticheskikh-gruppah-126116.html>. – Дата доступа : 6.04.2017.

ЯЦУРА О.

**ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ
УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ
НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ЧТЕНИЯ**

Школьное обучение – это не только усвоение опыта и его воспроизведение. Одной из основных задач современной образовательной школы является развитие у детей познавательных сил и творческих способностей, являющихся важнейшими условиями всестороннего развития личности. Данные задачи реализуются в разных видах деятельности, на различных уроках, в том числе на уроках литературного чтения.

Творческие способности учащихся всегда были предметом повышенного внимания педагогов и психологов (Д.Б. Богоявленская, А.П. Болтунова, М.А. Данилов, А.А. Люблинская, И.Г. Оршанский, Э.Д. Телегина и др.). Инновации современной системы образования диктуют необходимость обобщения существующего теоретического материала и поиска новых методов и приёмов творческого развития личности учащегося. Однако практика показывает на существование ряда объективных противоречий между высокими требованиями к качественному развитию творческих способностей и недостаточным использованием возможностей школьного курса литературного чтения; между потенциалом уроков литературного чтения и недостаточной разработанностью технологий процесса развития творческих способностей; между возрастной потребностью учащихся начальных классов в творческой деятельности и её ограниченностью в условиях традиционного обучения. Ряд известных методов развития творческих способностей (литературные суды, литературные собрания, составление киносценария и др.) сегодня использовать не актуально.

Проблема развития творческих способностей интересовала античных учёных Платона и Сократа, которые стремились развивать в своих учениках творческое мышление, предпринимали попытки осмыслить отличие творческого начала человеческого поведения от нетворческого. На рубеже

XIX–XX веков в среде учёных особенно активизировался поиск форм и методов развития творческих способностей как процесса создания нового и как совокупность свойств личности, обеспечивающих включение в этот процесс. Большинство считало творчество «бессознательным актом». Популярны были далеко не бесспорные сегодня идеи Ф. Гальтона о генетической наследственности творческих способностей. В исследованиях Л.С. Выготского, Г.В. Пичугиной, С.Н. Чистяковой и др. была обоснована важность проблемы активизации творчества в процессе перехода воображения в действительность.

Необходимость в личностно-ориентированных образовательных технологиях, активизирующих творческие способности, была доказана в работах Г.С. Альтшуллера, Т.Н. Железняковой, М.М. Зиновкиной, Е.В. Леоновой, В.С. Ротенберга, О.К. Тихомирова и др. Учёные отмечали, что творческие способности ребёнка напрямую зависят от его интеллектуальной активности, от активации творчества (т.е. «мозгового штурма»), развития у детей чувственного опыта, развития самостоятельности. Всё это важно учитывать в работе с младшими школьниками.

Учёные творческие способности называли по-разному: «потребностью» (А. Маслоу, К. Роджерс и др.), (О.Н. Комова, А.И. Лука), «любопытностью» (А.В. Кислов, П. Торренс), «резервными качествами личности» (Э. Фромм, Дж. Гилфорд и др.). Понятие способности детально разработано А.В. Петровским: «Способности – это такие психологические особенности человека, от которых зависит успешность приобретения знаний, умений, навыков, но которые сами к наличию этих знаний, навыков, умений не сводятся» [1, с. 468]. Мы придерживаемся взглядов авторитетного методиста И.Я. Лернера, который детское творчество рассматривал как способность к дальнейшему развитию уже известного.

Суммируя взгляды ведущих исследователей творческих способностей человека (И.Б. Михайлова, А.М. Матюшкина, Ю.С. Столярова, Д.Б. Богоявленской и др.), мы считаем, что развитие творческих способностей учащихся младших классов заключается в создании условий для активизации ребёнка на основе его задатков, а также в накоплении знаний, жизненного опыта, в проявлении наследственных задатков, которые в дальнейшем могут реализоваться в поведении ребёнка, в его деятельности, в познавательных процессах (внимании, памяти, мышлении, воображении, восприятии).

Подчёркнём, что успешность в формировании творческих способностей зависит от влияния среды и собственно задатков человека (богатое воображение, хорошая память, быстрота мышления, гибкость интеллекта, способность ассоциировать отдалённые идеи, умение выделять специфический аспект проблемы и др.). Творческие способности, таким образом, – поликомпонентная категория, а значит, и формировать её невозможно посредством одного метода – нужен комплекс методов и приёмов.

С целью развития творческой активности на уроках русского языка и литературного чтения необходимо использовать систему творческих заданий, которая отвечает следующим требованиям:

1. Познавательные творческие задания должны строиться на междисциплинарной интегративной основе, и содействовать развитию памяти, внимания, воображения детей;

2. Творческие задания должны подбираться с учётом рациональной последовательности их предъявления: от репродуктивных, направленных на актуализацию имеющихся знаний, к частично-поисковым, а затем и к собственно творческим.

3. Система заданий должна вести к развитию гибкости ума, любознательности, умения выдвигать и проверять гипотезы.

Придерживаясь позиции ученых, определяющих творческие способности как самостоятельный фактор, развитие которых является «результатом обучения творческой деятельности школьников» [1, с. 88], мы выделяем компоненты творческих (креативных) способностей младших школьников: 1) творческое мышление; 2) творческое воображение; 3) применение методов организации творческой деятельности.

В своей деятельности мы исходим из того, что на уроках литературного чтения важно развивать не только чувства, ум, волю, но и пробуждать желание творчества, решать проблемы творческого и поискового характера. Вместе с тем важно формировать у детей «умственный аппетит», положительную мотивацию учебной деятельности, развивать учебную самостоятельность школьников. Формирование и освоение указанных способов и приемов действий основывается на разработанной в учебниках системе заданий творческого и поискового характера, направленных на развитие у учащихся познавательных универсальных учебных действий и творческих способностей.

С первого класса мы используем традиционные приёмы развития творческих способностей – игры, беседы, сочинительства, драматизацию, ответы на проблемные и неожиданные вопросы, решение исследовательских задач. При этом руководствуемся интересами учеников, учитываем их способности и склонности, ориентируем их на создание оригинального, неповторимого, на совместное творчество.

Положительный результат даёт в этом использование методов уже известных детям с детского сада – коллективное придумывание, совместное сочинение с педагогом, придумывание несколько вариантов на одну и ту же тему, вспомогательные вопросы, вопросный план, указания, исправление ошибок, подсказка нужных слов, оценка сочинений и их совершенствование, мнемотаблицы, театральная-игровая деятельность и др.

В 1 классе активно используем методы сочинения ТРИЗ (теория решения изобретательских задач):

1. Эмпатия – отождествление себя с рассматриваемым предметом, вхождение в роль кого-нибудь или чего-нибудь. Дети могут представить себя на месте пчелы, облака, утёнка, котёнка, кустика, цветка, рассказать, о чём думают, мечтают, кого боятся и с кем дружат. Например, «Давайте оживим дерево: кто его мама? Кто его друзья? О чём оно спорит с ветром? Что может нам рассказать дерево?».

2. Приём «каталог» – объединение в одну сюжетную линию наугад выбранных героев, предметов, действий и т.д. Объекты выбираются из незнакомых детям книг.

3. Приём фокальных объектов – перенесение свойств одного объекта или нескольких на другой. Можно придумать фантастическое животное, его родителей, где оно будет жить и чем питаться, или предложить картинки «забавные животные» (тигрожираф, зуброобезьян, зайцебык и др.). Например: «Жил был в Африке Левообезьян. Его родителями были лев и обезьянка. Левообезьян очень быстро убежал от своих врагов и ловко мог достать с высокого дерева фрукты. Но вот однажды...»

4. Приём типового фантазирования – фантастическое преобразование как самого объекта, его свойств, составляющих, так и места функционирования, обитания с помощью приёмов, заданных педагогом (при наблюдении за «живыми» облаками, детям предлагается задуматься над тем, куда они плывут? Какие вести несут? Почему тают? О чём мечтают? О чём расскажут?). За основу можно брать известные сказки, преобразовывая образы в противоположные («Выросла репка маленькая-премаленькая...»), «Жил был добрый волк и злая Красная Шапочка...»)

5. Приём спасательных историй – придумывание различного рода ситуаций спасения героев. Например, «В обычном зелёном лесу родился необычный зайчик – чёрного цвета. Его хорошо видно на снегу. Теперь ему только под землёй надо жить... А гулять только ночью... Ему надо жить с людьми, которые заботились бы о нём, охраняли его. Как помочь ему выжить? С кем ему надо подружиться?»

6. Приём мозгового штурма (разработан американским учёным А. Осборном в 1953 г.) – совместное обсуждение выдвинутых вопросов и заданий группой детей, поощрение ответов и их анализ со стороны учителя. Например, дети обсуждают версии как колобку спастись от каждого из героев сказки.

7. Приём «живых клякс» – сочинение сказок на основе описания капель и клякс, сделанных детьми. Ученики дорисовывают их и рассказывают, что напоминает им рисунок.

Для обучения дошкольников творческому сочинению используются также приём оживления неодушевленных предметов, «волшебный экран»,

методом «волшебного треугольника», метод «морфологического анализа», метод «Робинзона».

Нетрадиционные методы обучения творческому рассказыванию позволяют увлечь, выразить свои мысли в наилучшей языковой форме, т.к. дают возможность оперировать большим количеством вариантов, модификаций тем, сюжетов и образов, которые придумывают сами дети и разрабатывает учитель в совместной деятельности с детьми. Развитие умений сочинять сказки способствует активизации творческого и самостоятельного мышления, рефлексии.

Творческие способности у разных детей выражены в разной степени, а значит, работа с ними требует индивидуального подхода, создания разноуровневых (дифференцированных) заданий. Подобные задания помогали активизировать учебную деятельность всех учеников, независимо от их различий в развитии познавательных и творческих способностей, создавали условия для усиленного обучения каждого. На практике учеников обычно дифференцируют по их интеллектуальному развитию, обучаемости на 3 уровня: сильных, средних и слабых. Такие задания требуют групповой формы работы. Формируются группы в зависимости от межличностных отношений, склонностей учеников, степени сформированности их речевых навыков. Состав таких групп устойчив, в них есть свои лидеры. При необходимости состав может меняться. Такая дифференциация позволяет на уроке активизировать самостоятельность учащихся, привлечь больше материала, школьникам полнее самореализоваться.

В работе с литературным произведением мы идём от фронтальных заданий для всего класса, которые в основном воспроизводящего характера. Это задания типа вспомнить эпизоды из текста, ответить на репродуктивный вопрос, составить план, перечитать, систематизировать материал, выписать характеристику героя.

Постепенно в заданиях усиливается их творческий характер. В равной степени сочетаются индивидуальные и групповые формы обучения. На заключительном этапе изучения темы преобладают фронтальные задания, обобщающие материал, выводящие учеников за пределы изученного. Ученик получает возможность реализовать свои творческие способности в новой ситуации.

Опытное обучение имело поэтапный характер. Все уроки носили проблемный характер. Реализовывался дидактический принцип наглядности. Класс был разделен на 3 группы. Работа в каждой группе выполнялась в соответствии со следующими принципами:

- задания выполнялись каждым членом группы;
- все члены группы обсуждали план работы;
- группа корректировала ответ товарища на уроке.

В ходе работы была прослежена закономерность – обилие творческих работ без специальной к ним подготовки не даёт развивающего эффекта,

угнетает интерес учеников. Поэтому работа строилась с постепенным подведением учеников через серию подготовительных работ воспроизводящего характера и работ по образцу. Воспроизводящие задания преобладали в начале изучения материала, а творческие на заключительном этапе.

Виды практических заданий эвристического характера, используемые в 3 классе: самостоятельный поиск ответов на вопросы на основе прочитанного текста; составления плана рассказа; графическое или словесное рисование, а именно, анализ иллюстраций; чтение и анализ отрывка рассказа, который будет иллюстрироваться музыкальным произведением; прослушивание музыкальных отрывков; осуществление детьми выбора музыкального отрывка, аргументация.

Активно используются творческие пересказы (с изменением последовательности событий, с дополнением содержания текста), которые отражают эмоции ученика, его желание заинтересовать других, «вхождение в образ», сопереживание герою. Одним из любимых у детей является пересказ содержания от лица одного из действующих лиц, например при пересказе сказки «Серая Шейка» Д.Н. Мамина-Сибиряка от лица лисицы.

Во 2-м классе продолжается работа с рассказами и пересказами, активно используются задания, в которых детям предлагается связать прочитанное с жизненным опытом. Развитию гибкости мышления, самостоятельности, формирования коллективизма способствуют групповые задания на домысливание произведения. Детям задаются наводящие, поисковые вопросы. Устойчивый интерес у детей вызывают инсценировки.

В 3-м классе детей интересуют различными соревновательными заданиями (конкурс загадок, стихотворных пожеланий к праздникам), оформлением литературного журнала, предлагаем детям вести литературные дневники и делиться своим опытом с одноклассниками. Совершая примитивный самоанализ, дети учатся «погружаться в литературное произведение» (В.Г. Маранцман). В процессе устного словесного рисования ученики обращаются к различного рода сопоставлениям, воссоздают историческую ситуацию, послужившую написанию произведения, высказывают свои эмоции.

На заключительном этапе, в 4-м классе, активно используются «несистемные» методы и приёмы: написание и обсуждение рефератов, сочинения на творческие темы, самостоятельный анализ текста, домысливание текста путём его стилизации, составление литературных альбомов, литературно-творческие вечера, самоанализ учеников, анализ от детали, неожиданный вопрос и др.

Для определения динамики развития творческих способностей учащихся мы обратились к методике «шкала “Фантазия”», разработанной Г.С. Альтшуллером и адаптированной к младшему школьному возрасту

М.С. Гафитулиным и Т.А. Сидорчук. Шкала «Фантазия» включает пять показателей:

- *новизна* (оценивается по 4-х уровневой шкале: копирование объекта (ситуации, явления), незначительные изменения в исходном объекте (ситуации, явлении), качественное изменение прототипа, получение принципиально нового объекта (ситуации, явления));

- *убедительность* (убедительной считается обоснованная идея, описанная ребенком с достаточной достоверностью);

- *художественную ценность* (оценивается по степени использования выразительных средств при представлении идеи);

- *самостоятельность*;

- *оригинальность мышления*.

Диагностику мы проводили в ГУО «УПК ясли сад-начальная школа № 6 г. Бреста» в двух (контрольный (24 ученика) и экспериментальный (24 ученика)) параллельных классах: в 1 четверти 1 класса и в 4 четверти 2–4 классов, т.е. нами было получено 4 результата в контрольном и 4 результата в экспериментальном классе. Для оценки полученных результатов было выделено три уровня развития творческих способностей: I – низкий, II – средний, III – высокий. Оценка уровня каждого ученика осуществляется по трем критериям: творческое мышление, творческое воображение, уровень творчества, каждому из которых сопоставлено определенное количество баллов. Количество детей в экспериментальном классе с высоким уровнем развития творческих способностей увеличилось с 20% до 41%, т.е. на 21%, детей со средним уровнем развития творческих способностей увеличилось с 30% до 31%, т.е. на 1%, а детей с низким уровнем уменьшилось на 18%. В контрольном классе количество детей с высоким уровнем развития творческих способностей увеличилось с 23% до 32%, т.е. на 9%, а детей со средним уровнем развития творческих способностей увеличилось с 34% до 38%, т.е. на 4%, а детей с низким уровнем уменьшилось на 13%.

Таким образом, результаты диагностики свидетельствуют, что в экспериментальном классе (в период с 1-го по 4-й класс) была показана заметная положительная динамика развития творческих способностей учеников в сравнении с контрольным классом: высокий уровень – примерно на 11%, низкий уровень – примерно 5%. Результаты подтвердили основную идею педагогического опыта о том, что целенаправленное, систематическое использование комплекса традиционных и нетрадиционных методов и приёмов способствует эффективному развитию творческих способностей учеников младших классов.

Таким образом, оптимальным условием, обеспечивающим интенсивное развитие творческих способностей школьников, выступает планомерное,

целенаправленное предъявление их в системе, отвечающей следующим требованиям:

- построение познавательных задач на основе междисциплинарности, интегративности, развития психических свойств учеников – памяти, внимания, мышления, воображения;

- подбор задач с учетом рациональной последовательности их предъявления: от репродуктивных, направленных на актуализацию имеющихся знаний, к частично-поисковым, ориентированным на овладение обобщенными приемами познавательной деятельности, затем к собственно творческим, позволяющим рассматривать изучаемые явления с разных сторон;

- формирование беглости мышления, гибкости ума, любознательности, умения выдвигать и разрабатывать гипотезы в процессе выполнения учениками системы познавательных творческих заданий;

- системное использование методов творчества, обеспечивающих продвижение учащихся в развитии креативных способностей путем накопления опыта творческой деятельности при выполнении постепенно усложняющихся творческих заданий;

- промежуточное и итоговое диагностирование креативных способностей младших школьников;

- постоянная текущая (учащиеся самостоятельно фиксируют эмоции, новую информации, личное продвижение) и итоговая (периодическое выполнение тематических контрольных работ) рефлексия.

Литература:

1. Ильин, Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2008. – 210 с.

ЯЦУРА О.

МОДЕЛИРОВАНИЕ В РАЗВИТИИ СВЯЗНОЙ РЕЧИ ДЕТЕЙ

Формирование связной речи – основа полноценной подготовки ребёнка в учреждении дошкольного образования. Практика показывает, что даже в старшем дошкольном возрасте у многих детей недостаточно сформирован навык построения связного высказывания, даже с опорой на картинки. Чаще всего связные высказывания короткие, непоследовательные, даже если ребёнок передаёт содержание знакомого текста, речевые фрагменты бывают логически не связанными между собой. Дети активно делятся своими впечатлениями от пережитых событий, но с неохотой берутся за составление рассказов по заданной теме. На шестом году жизни ребенок способен довольно

последовательно и чётко составить описательный или сюжетный рассказы на предложенную ему тему. Однако дети все еще чаще нуждаются в предшествующем образце воспитателя. Умение передавать в рассказе свое эмоциональное отношение к описываемым предметам или явлениям у них развито недостаточно. В старшем дошкольном возрасте дети активно осваивают творческое рассказывание, или сочинение.

Старшие дошкольники активно осваивают разные типы связных высказываний (описание, повествование, отчасти рассуждение) с опорой на наглядный материал и без опоры. Совершенствуется рассказывание из личного опыта. Дети способны указать на место и время действия, последовательно раскрыть сюжет, соблюдая композицию изложения, могут составить сюжетный рассказ об одной или нескольких игрушках, показать рассказ-инсценировку по набору игрушек.

Моделирование (метод графических аналогий, мнемотехника, наглядное моделирование) – приём замещения конкретных, предметных образов условными (изображением, схемой, чертежом, графиком, планом). Моделирование является своеобразным игровым приёмом, развивающим связную речь, воображение, память, мышление (абстрактное и наглядно-образное).

Методика рекомендует первоначально развивать у дошкольников умение моделировать на основе повторения, воспроизведения готовой ситуации. Чаще всего это воспроизведение художественного слова (сказки, рассказа, сюжетного стихотворения) в виде наглядной модели, т.е. заместителя условных художественных образов реальными предметами, например, персонажей произведения различными геометрическими фигурами, отличающимися формой, размером, цветом. Таким образом дети учатся выделять существенные признаки предметов и явлений, устанавливают отношения между объектами. У дошкольников старшего возраста формируют более сложное умение творческого моделирования. Приём моделирования используется в сочетании с такими словесными методами, как беседа, чтение, рассказ, пересказ.

В дошкольной педагогике моделирование используют при ознакомлении детей с природой, в процессе развития речи, усвоения элементарных математических представлений, развития музыкальности детей, экспериментирования, театрализованной деятельности и др.

Моделирование – наглядно-практический метод обучения. Он разработан психологами Д.Б. Элькониным, Л.А. Венгером, Н.А. Ветлугиной, Н.Н. Подьяковым и заключается в том, что мышление ребёнка развивают с помощью специальных схем, моделей, которые в наглядной и доступной форме воспроизводят скрытые свойства и связи того или иного объекта. В основе метода моделирования лежит принцип замещения: реальный предмет ребёнок

замещает другим предметом, его изображением, каким-либо условным значком. Ребенок-дошкольник очень пластичен и легко обучаем, но для него так же характерна быстрая утомляемость и потеря интереса к занятию. Использование наглядного моделирования вызывает интерес и помогает решить эту проблему. Модели облегчают и ускоряют процесс запоминания и усвоения материала, формируют приемы работы с памятью. Дети учатся видеть главное, систематизировать полученные знания.

Занятия с использованием моделей дают возможность сочетать наглядность, изобразительную деятельность, художественную литературу и т.д. Благодаря этим средствам воспитатель создает у детей эмоциональный настрой, вызывает желание быть активными, предоставляет алгоритм высказываний.

Дошкольник лишен возможности записать, сделать таблицу, отметить что-либо. В детском саду в основном задействован только один вид памяти – вербальный. Опорные схемы – это попытка задействовать зрительную, ассоциативную память. Метод наглядного моделирования помогает ребёнку зрительно представить абстрактные понятия (звук, слово, предложение, текст), научиться работать с ними.

Эффективно применяются модели и схемы для обучения пересказу сюжетных текстов; обучения детей составлению рассказов (сюжетных и описательных); заучивания стихов; обогащения словарного запаса (в процессе работы с загадками). Использование метода моделирования обеспечивает эффективное формирование связности и последовательности высказываний детей, направляет процесс связного высказывания и помогает детям выстраивать: строение рассказа, последовательность рассказа, лексико-грамматическую наполняемость рассказа. В дидактике выделяют 3 вида моделей:

1. Предметная модель в виде физической конструкции предмета или предметов, закономерно связанных (плоскостная модель фигуры, воспроизводящая его главные части, конструктивные особенности, пропорции, соотношения частей в пространстве).

2. Схематическая модель (рисунки, схемы).

3. Предметно-схематическая модель. Здесь выделенные в объекте познания существенные компоненты и связи между ними обозначаются с помощью предметов-заместителей и графических знаков.

В практике детских садов широко используется два первых вида моделирования. Чтобы модель, как наглядно-практическое средство познания выполнило свою функцию, она должна соответствовать ряду требований: быть простой для восприятия и доступной для действий с ней; ярко и отчетливо передавать с её помощью те свойства и отношения, которые должны быть освоены; облегчать познание. В психолого-педагогической литературе выделен ряд закономерностей формирования умений моделирования у дошкольников:

1) моделирование выполняется на знакомом детям материале, с опорой на знания, полученные на занятиях или в обыденной жизни (целесообразно начать с составления описательных рассказов об игрушках, овощах, птицах, животных, посуде, одежде, времени года, транспорте и т.д.);

2) целесообразно начинать с моделирования единичных конкретных ситуаций, а позднее – с построения моделей, имеющих обобщённый характер;

3) следует начинать с моделей, сохраняющих известное сходство с моделируемым объектом, постепенно переходя к условно-символическим изображениям отношений;

4) начинать лучше с моделирования пространственных отношений, а затем переходить к моделированию временных, логических и т. д.;

5) обучение моделированию осуществляется легче, если начинается с применения готовых моделей, а затем их построения;

б) процесс обучения моделированию заканчивается переводом планирования во внутренний план.

Модели служат своеобразным зрительным планом для создания монологов, направляют процесс связного высказывания и помогают детям выстраивать: строение рассказа, последовательность рассказа, лексико-грамматическую наполняемость рассказа. Составные части схем отражают основные свойства объектов (цвет, форма, величина, материал, действия с объектами, части объекта).

В работе с трехлетками удобнее всего использовать сказки. Работу рекомендуется проводить в два этапа. На первом этапе целесообразно вводить наглядные модели только в процессе пересказа народных сказок. Такую работу можно начинать уже с трёх лет. На втором этапе составляются истории, сказки, рассказы самими детьми, используя модели, схемы в качестве наглядных планов. Применяются разные наглядные модели: сериационные (постепенно увеличивающиеся полоски разной величины), обобщающие (круги одинакового размера, но разных цветов), сериационно-обобщающие.

Таким образом, наглядное моделирование помогает запомнить материал через зрительный образ; закрепить последовательность, т.к. моделирование – это план рассказа; помогает выделить главное, систематизировать полученные знания, понять причинно-следственные связи и отношения между вещами, познать закономерности явлений; помогает выделить существенные основные свойства объектов (цвет, форма, величина, материал, действия с объектами, части объекта), признаки предметов и явлений.

ЗМЕСТ

БЕЛАРУСКАЕ МОВАЗНАЎСТВА І ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

БАЛІЕВІЧ Г. Мянущкі ў творах Зінаіды Дудзюк.....	3
БАЛЦЭВІЧ А. Лексема “смех” у моўным кантэксце: сэнсава-спалучальныя сувязі.....	5
БАРЫСЕВІЧ М. Стылістычнае выкарыстанне фразеалагізмаў у рамане Б. Сачанкі “Вялікі лес”.....	8
БЯСПАЛЬКА В. Фарміраванне выразнасці маўлення старэйшых дашкольнікаў сродкамі вуснай народнай творчасці.....	10
БЯСПАЛЬКА В. Спецыфіка развіцця выразнасці маўлення дзяцей.....	12
ГАЙДУК В. Размоўная лексіка ў мемаратах пра вайну.....	16
ГАРДЗІЕНКА В. Фарміраванне норм беларускай арфаэпіі ў дзяцей старэйшага дашкольнага ўзросту.....	18
ГЕГЕНЯ Г. Ацэначныя фразеалагізмы ў творах Яраслава Пархуты.....	21
ГРОНСКАЯ В. Да пытання фальклорнай арнітасімволікі ў творчасці Раісы Баравіковай.....	24
ГРОНСКАЯ В. Да пытання фальклорнай арнітасімволікі ў творчасці Яўгеніі Янішчыц.....	27
ГУГНЮК С. Назвы кветкавых агародных і пакаёвых раслін у паэтычным кантэксце Л. Дранько-Майсюка.....	30
ДАРОШКА Л. Аўтарская пазіцыя і спосабы яе выяўлення ў сучаснай гістарычнай драматургіі.....	35
ДЫДЫШКА Т. Анамастычная метафара ў прозе берасцейскіх пісьменнікаў.....	38
ДЫДЫШКА Т. Прагматычная значнасць уласных асабовых імёнаў у прозе Мікалая Сянкевіча.....	40
ЖОГАЛ Л. Фразеалагізмы як рэпрэзентанты нацыянальнага характару беларусаў у творах Уладзіміра Гніламедава.....	42
ЖЫГАР С. Міфасемантыка і функцыянальнасць печы як элемента хатняй прасторы ў традыцыйнай культуры беларусаў.....	45
ЖЫШКО В. Творчасць Янкі Сіпакова: жанрава-стылёвы і праблемна-тэматычны дыяпазон.....	49
ЗАЙМІСТ І. Запазычанні з балцкіх і польскай моў у гаворках БПП.....	51
ІВАНЮК В. Асаблівасці найменняў раслін у гаворках Кобрыншчыны... ..	54
ІВАНЮК В. Фітонімы-паланізмы ў гаворках Кобрыншчыны.....	56
КАВАЛЬЧУК А. Экалагічная праблематыка ў матэрыялах газеты “Гродзенская праўда”.....	58
КАНДРАЦЮК В. Фразеалагізмы як рэпрэзентанты нацыянальнай карціны свету беларусаў у творах Георгія Марчука.....	61

КАТАНОС А. Адметнасць дыялектнага слова гаворкі вёскі Дзівін Кобрынскага раёна.....	65
КІРПІЧЭНКА В. Айконімы Жабінкаўскага раёна, матываваныя апелятывамі.....	70
КІРПІЧЭНКА В. Айканімія Жабінкаўшчыны: структурна-словаўтваральны аспект.....	73
КЛІМОВІЧ Т. Дэндронімы ў кантэксце рамана В. Адамчыка “Чужая бацькаўшчына”.....	75
КЛЯЎЦЭВІЧ І. Жанрава-стылёвыя адметнасці аповесці М. Гарэцкага “Ціхая плынь”.....	79
ЛПСКАЯ К. Слова з памяншальна-ласкальным значэннем у аповесці Васіля Жушмы “Гарэза”.....	82
ЛЯЎЧУК Т. Структурна-семантычнае поле кінемы “вочы”.....	84
МАЦКЕВІЧ Н. Прынцып намінацыі ўнутрыгарадскога аб’екта па яго сувязі з чалавекам як сацыясуб’ектам.....	86
МАЦЮК С. Назвы лясных і паркавых дрэў у гаворцы вёскі Доўбізна Камянецкага раёна.....	90
НІКОНЧЫК Ю. Устойлівыя адзінкі з кампанентам- <i>гарох</i> у рускай і беларускай мовах.....	92
ПАНАСЮК Ю. Экспрэсіўныя сінтаксічныя канструкцыі ў творах А. Крэйдзіча.....	94
ПАПОЎ А. Лексіка-фразеалагічная разнастайнасць медыятэкстаў Брэстчыны.....	96
ПАПОЎ А. Прэцэдэнтныя феномены ў друкаваных СМІ Берасцейшчыны.....	98
ПАЧУЙКА Г. “Малыя” жанравыя формы ў беларускай літаратуры: генезіс, паэтыка, аксіялагічны змест.....	101
ПОКАЛО Д. Мележаўскае разуменне калектывізацыі ў “Палескай хроніцы”.....	105
ПУКАЛА А. Фразеалагізмы як носьбіты канатацый у творах Віктара Супрунчука.....	108
ПУКАЛА В. Маральна-філасофскія аспекты аповесці У. Караткевіча “Чазенія”.....	112
ПУКАЛА В. Уласнае асабовае імя ў кантэксце твора (на прыкладзе аповесці У. Караткевіча “Дзікае паляванне караля Стаха”).....	117
САГАНОВІЧ Г. Нацыянальна-культурная адметнасць анамастыкону дзіцячай прозы Клаўдзіі Каліны і Ніла Гілевіча.....	121
СЕРАДА М. Лінгвакультуралагічны патэнцыял намінацыйнай адзінкі (на прыкладзе гаворак Брэсцка-Пінскага Палесся).....	125
СТРУГ В. Нацыянальна-культурная адметнасць онімаў у гістарычнай прозе і навукова-папулярнай літаратуры Зінаіды Дудзюк.....	128

СЯРКО М. Галоўная кніга М. Гарэцкага як твор хранікальнага жанру.....	131
ФІЛІМОНАВА Н. Прагматонімы як частка анамастычнай прасторы горада.....	135
ЧОЛЫК В. Фальклонна-міфалагічны кампанент у эстэтычна-гнасеалагічнай сістэме літаратуры рамантыкаў XIX ст.....	139

РУССКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

АНТОНЮК Д. Ориентиры «настоящей правды» в творчестве А.П. Чехова.....	144
БАЙЛЫЕВА О. Старославянизмы в учебных текстах.....	148
БАРАТОВА С. Образ ребенка как одна из ипостасей лирической героини М. Цветаевой.....	150
БАТУРА В. Лингвокультурное содержание компаративных фразеологизмов: образ женщины.....	152
БЕЛЬТЮКОВ В. Русскоязычные литературно-художественные журналы в медиапространстве Республики Беларусь.....	156
БОРАНОВ А. Изучение темы «глагол» через призму формирования культуры речи учащихся.....	159
БОСАК Н. Жанр репортажа в белорусских интернет-СМИ.....	162
БОТВИНА И. Арт-журналистика в современной белорусской периодической печати.....	165
БРЕЗИНА В. Мотив дома в повести «Последний поклон» В.П. Астафьева.....	167
ВАЛЮК Е. Частотность употребления ветхозаветных фразеологизмов в языке русской художественной литературы XIX–XXI веков.....	170
ГРЕБЕНКО А. Словообразовательная компрессия в современных СМИ (субстантивация).....	173
ДЕМИДЮК Г. Текст религиозно-философского содержания в восприятии современных школьников.....	178
ДЖУМАЕВ М. Проблема будущего пути России в лирике А. Блока.....	183
ЕГОРОВ К. Формирование литературных иерархий в творчестве Л. Андреева.....	185
ЗЕЛЕНКО Т. «Человек работающий» в зеркале устойчивых сравнений....	189
ЗИНОВЕНКО П. Этика позитивизма в диалогии Н.Г. Помяловского.....	193
КАРПОВИЧ Д. Социально-культурное развитие Березовского района в 2010-2015 годах.....	197
КАРПОВИЧ И. Формирование фразеологического лексикона дошкольников.....	201
КАРПУК Я. Экспериментирование детей дошкольного возраста.....	204

КОВПАНЬКО Н. Особенности поэтики современного портретного очерка (на материале региональных СМИ).....	207
КУХАРЕНКО О. Авторский блог портала «СБ. Беларусь сегодня»: особенности функционирования.....	210
КУЧИНСКАЯ Я. Проблема «Человек и эпоха» в романе «Мы» Е. Замятина.....	212
ЛАШКОВСКАЯ А. Специфика заголовко рекламного текста.....	214
ЛОГОШ О. Колоронимы в современной русскоязычной поэзии (на материале национального корпуса русского языка).....	218
ЛУКАШЕВИЧ Т. Словообразование глагола в сленге геймеров.....	219
МАРТЫНЮК М. Жанровые стратегии сайта регионального СМИ.....	223
МИКЛИС А. Способы продвижения брендов алкогольных напитков на рынке Республики Беларусь.....	226
НАЗРУК О. Формирование представлений детей старшего дошкольного возраста о семье.....	230
ОДЖАРОВА М. Своеобразие творческой индивидуальности журналистов-женщин Брестчины.....	234
ОДЖАРОВА М. Публицистические и стилистические особенности текстов авторов-женщин Брестчины.....	238
ОМЕЛЬЯНЧИК Я. Прошлое и будущее в повести “Прощание с матерой” В. Распутина.....	243
ОМЕЛЬЯНЮК Н. Эргоурбонимы г. Бреста: лингвокультурологический аспект.....	247
ОМЕЛЬЯНЮК Н. Экспликация кодов культуры в эргоурбонимах г. Бреста.....	251
ПОПОВ А. Лексические средства выражения авторской позиции (на материале публицистических текстов Василия Сарычева).....	257
ПОПОВ А. Своеобразие содержательной структуры текста художественно-публицистических произведений (на материале книги «Я из огненной деревни»).....	261
ПРОТОСОВИЦКАЯ К. Составляющие имиджа журналиста (на примере Владимира Познера).....	263
РАХМАНИЯЗОВ Б. Способы перевода страдательных конструкций с английского языка на русский.....	267
САБУРОВ А. Неофициальные топонимы г. Бреста.....	268
САВИНЧУК А. Спортивный репортаж в белорусских СМИ.....	271
СИНКЕВИЧ Д. Типологические признаки корпоративных изданий (на примере газеты «Belalco Times»).....	273
СИНКЕВИЧ Д. Тематические особенности корпоративных изданий (на материалах газет «Строитель», «Belalco Times», «Наши дороги»).....	277

СМОЛЯК И. Некоторые особенности языка текстов детско-молодёжных изданий Беларуси.....	280
СТЕПАНЕНКО Ю. Продуктивность уменьшительно-ласкательных суффиксов прилагательных и наречий в русском языке (на материале национального корпуса русского языка).....	284
СТРОК И. Современный газетный заголовок в проекции на читателя.....	286
ТОВПИК А. Своеобразие мира сатиры М. Зощенко.....	290
ХОТЫНЮК С. Своеобразие освещения социальных проблем современности в художественном и газетно-публицистическом текстах....	294
ЦЕЛЮК Е. Специфика музыкальных программ FM-радиостанций (на примере «Радио Гродно» и «МФМ 105.0»).....	296
ЧАРЫЕВ В. особенности проведения нестандартных уроков в среднем звене.....	304
ЧУВЕРИНА К. Фольклорные и мифологические мотивы в повести Н.В. Гоголя «Пропавшая грамота».....	308
ЧУМЕРИНА Э. Слово и образ «Книги книг» в новых русских переводах..	310
ШЕРЕЛЬ А. Функционирование глагольной лексики в рассказе Людмилы Улицкой «Счастливые».....	315
ЯЦУРА О. Технологии развития творческих способностей учащихся начальных классов на уроках литературного чтения.....	317
ЯЦУРА О. Моделирование в развитии связной речи детей.....	324